Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

А. П. Мякшев

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1945–1991)

Под редакцией профессора *В. Н. Данилова*

JN
6520
.M5
M45
2004

Издательство Саратовского университета
2004

ПОДАРОК
ШКОЛЬНИКОВ

УДК [9 : 323. 1] (47 + 57) "1945/1991"
ББК 63.3 (2) 63
М99

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
Саратовского государственного социально-экономического университета *А. Н. Николаев*
Доктор исторических наук, профессор
Саратовского государственного университета *Ю. Г. Голуб*

Мякшев А. П.

М99 Власть и национальный вопрос: Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991) / Под ред. проф. В. Н. Данилова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 364 с.
ISBN 5-292-03251-4

В монографии раскрывается механизм взаимодействия власти и этносов в современный период советской истории. Анализу подвергнута национальная политика советского государства и основные этапы ее реализации в 1945–1991 гг., история эволюции национальных движений в СССР, этноязыковые и этнокультурные аспекты, роль представительной власти, в частности Совета Национальностей, в решении национальных проблем. В качестве главной причины межнациональной напряженности в стране, в конечном итоге – распада единого многонационального государства, рассматривается характер национально-государственного устройства Советского Союза. Подготовленная на основе новейших исследований и архивных материалов монография предлагает новую трактовку ряда известных проблем.

Для преподавателей и студентов, изучающих современную историю России, всех, кто любит свое Отечество.

Табл. 3. Библиогр.: 267 назв.

УДК [9 : 323. 1] (47 + 57) "1945/1991"
ББК 63. 3 (2) 63

ISBN 5-292-03251-4

© Мякшев А. П., 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема взаимодействия власти и этносов включает в себя не только разработку политической элитой тактики и стратегии поведения государства по отношению к населяющим его народам, но и вопросы сотрудничества этносов и национально-государственных образований внутри многонационального государства. Определение вектора национальной политики и анализ ее реализации составляет одну из наиболее увлекательных задач историка потому, что данная проблема вызывает необходимость обратиться к всестороннему анализу государства и общества, их социальному, экономическому, политическому, культурному развитию. Модель взаимодействия власти и народов в данном случае напрямую может быть не связана с общественно-экономической природой того государства, в рамках которого эта модель реализуется. На систему взаимодействия большее влияние могут оказывать не материальные факторы эволюции общества, а идеологические и социальные процессы либо политический темперамент национальной элиты, или убежденность лидера государства в благотворном влиянии на общество проповедуемой им концепции национальной политики, а зачастую и национальная психология или национальная обида.

В любом многонациональном государстве власть пытается выстраивать свои взаимоотношения с этносами в рамках определенной теории. Но строители-идеологи советского государства последовательной системы взглядов на решение национального вопроса в полиэтничной стране создать не сумели, направив свои усилия на прагматическое приспособление национальных концепций к нуждам и потребностям социалистического и коммунистического строительства. Иначе трудно объяснить эволюцию взглядов классиков от национального нигилизма, выразившегося в стремлении представить социализм обществом, в котором будут исчезать нации, откровенного космополитизма, отвергающего сами понятия «отечество» и «патриотизм», к витиевато уживавшимся, широко рекламируемым и декларируемым лозунгам о праве наций на самоопределение и создание своего собственного государства.

Национальная политика, осуществлявшаяся советским государством, вплоть до середины 1950-х гг. именовалась ленинско-сталинской. Тем самым подчеркивалось, кем именно определялись основы политики. В 1940-е и начале 1950-х гг. нередко национальная политика именовалась сталинской, и это было справедливо, поскольку именно И. В. Сталин после Ленина практически направлял ее курс. После смерти Сталина в определении персональной принадлежности проводимого курса возобладало словосочетание «ленинская национальная политика», и малейшее отклонение от исповедуемой партией

линии в национальной сфере общественных отношений характеризовалось как отступление от ее принципов. Несмотря на многочисленные ссылки на творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, практическое значение для формирования и реализации национальной политики в СССР не только в 1930–1940-е, но и 1950–1980-е гг. имела интерпретация взглядов основоположников марксизма на теорию национального вопроса именно И. В. Сталиным.

Стратегия В. И. Ленина и его единомышленников определялась целью слить все нации. «Целью социализма, – писал Ленин, – является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[1]. Другие горячо поддерживали и утверждали, что «наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев»[2].

Большевики верили в победу мировой революции, а возникшую Советскую республику рассматривали как «отряд всемирной армии социализма»[3]. Национальные признаки считались не главными при определении «соотечественников», которыми было предложено считать пролетариев всего мира, а лучшими из них – рабочих Германии: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими..., они придут на помощь к нам!»[4]. Вера в мировую революцию была столь огромной, что Г. Е. Зиновьев в 1924 г. писал, что большевики в Москве находятся «лишь временно», высказывал пожелание, «чтобы это время было как можно более коротким»[5].

Таким образом нации и отечество становились явлениями, излишними при социализме, а традиционное национальное самосознание и патриотизм переводились в разряд предрассудков. Естественной в связи с этим представляется и откровенная русофобия, воцарившаяся в идеологической жизни 1920-х гг. в СССР, поскольку русский национальный фактор, собственно приверженность национальным традициям, культурным и духовным ценностям самой многочисленной нации, которая к тому же «одна... оказалась более развитой»[6], мог стать решающим тормозом к коммунистическому переустройству России, да и всего мира. Для большевиков, называвших себя интернационалистами, «в известном смысле нет национального вопроса»[7].

Спор сталинистов и троцкистов в 1920-е гг. по большому счету имел национальную подоплеку. Сталин уверовал в возможность построения социализма в одной стране[8], а Троцкий и его соратники упорно отстаивали возможность разрешения национального вопроса путем победы революции в мировом масштабе и не преминули обвинить стали-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.
[2] Там же. Т. 38. С. 181.
[3] Там же. Т. 49. С. 14.
[4] Там же.
[5] *Зиновьев Г. Е.* Соч. Л., 1924. Т. 15. С. 115.
[6] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 36.
[7] Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1923. С. 602.
[8] *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 395.

нистов в национал-большевизме и националистическом ограничении социализма рамками одной страны.

Интерпретация Сталиным марксистских представлений о судьбах наций вполне можно рассматривать как их корректировку. Прежде всего он внес успокоение в национальную среду уже тем, что утверждал о невозможности исчезновения наций «за период социалистического строительства в нашей стране». Более того, согласно сталинской установке период победы социализма в одной стране будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций, их культур и языков, этапом утверждения равноправия наций, ликвидации взаимного национального недоверия, налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями[9].

Это положение не было новым. И Ленин, и его ученик Сталин исходили из принципа суверенности нации и наличия у нее прав: «Нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны»[10]. Да и классическое определение нации, связывавшееся с именем Сталина, исходило из права нации на территорию, экономику, язык...

Правда, нации бывают «большие» («великодержавные») и «малые», «отсталые» и «цивилизованные», нации-«угнетатели» и нации «угнетенные». В 1930-е годы в процесс развития целого ряда «живых и развивающихся наций» наконец-то был включен и русский народ, ставший «первым среди равных», но как раз в силу своего старшинства обязанный помогать развиваться тем народам, которых угнетало царское правительство. Процесс этот, по мнению Сталина, не исключал и ассимиляцию иных национальностей. По всей видимости, «вождь народов» к моменту принятия Конституции СССР в 1936 г. уже решил, сколько этносов в стране должно остаться после завершения этого процесса, поскольку объявил, что в Советский Союз входило около 60 наций, народностей и национальных групп[11], в то время как перепись населения 1926 г. фиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране.

Реабилитация слов «родина», «отечество», «патриотизм» способствовала политике утверждения общенационального советского патриотизма, незавершенность формирования которой, представляется, явилась одной из причин поражений СССР на начальном этапе войны с Германией в 1941–1942 гг., что, в свою очередь, повлияло на решительность перехода Сталина и советского руководства на национально-патриотические позиции.

Великая победа позволила Сталину «превратить» русскую нацию в «наиболее выдающуюся нацию из всех наций, входящих в состав Советского Союза» и главную движущую

---

[9] *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 133–152; Т. 10. С. 68–70; Т. 11. С. 333–355; Т. 12. С. 362–373; Т. 13. С. 3–7.

[10] *Он же.* Марксизм и национальный вопрос. М., 1950. С. 51.

[11] *Он же.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 551.

силу всемирного прогресса. Главными врагами советского государства после войны стали «буржуазный национализм», который в большей мере означал недостаточное преклонение перед русской историей и русской нацией, а также «безродный космополитизм». Несмотря на депортацию ряда народов, упразднение некоторых национально-территориальных образований, «чистки» в национальных республиках Сталин подтвердил после войны свое убеждение в том, что этничность универсальна, нерушима и по определению моральна. Летом 1950 г., когда Сталин «изгонял дух» Н. Я. Марра из советской науки, вождь признал, что языки живут «несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»[12]. Сталин тем самым опроверг один из главных марксистских постулатов о вторичности национального: получалось, что классы и их «идеологии» приходят и уходят, а национальности остаются!

Наследники Сталина от его наследства не только не отказались, но и даже упрочили его. Правда, Н. С. Хрущев, когда-то разделявший взгляды Троцкого, попытался возродить доктрину слияния наций, но тут же, высказавшись, что это произойдет при коммунизме, успокоил национальные элиты (реалистами они были, в конце концов, и верили, что коммунизм наступит не скоро). К тому же, ученые-обществоведы подсказали новому лидеру страны мысль о существовании и «коммунистических наций»[13].

«Развитой социализм» (может быть, лучше и точнее – «цивилизованный сталинизм») закрепил и упрочил этнотерриториальную структуру государства и дал возможность национальным элитам полностью «национализировать» союзные республики. К середине 1980-х гг. «руководство страны забыло, в чем должно состоять "социалистическое содержание", и когда Горбачев избавился от марксистской шелухи, единственным осмысленным средством общения был всем хорошо знакомый язык национализма»[14].

Несомненно одно: Ленин, Сталин и их последователи разделяли веру в особые национальные права, в том числе и право наций на самоопределение и собственную государственность. Это позволило советскому государству узаконить этнотерриториальный федерализм, классифицировать всех граждан в соответствии с их национальностью и проводить политику учета и предпочтения по этническому признаку. С точки зрения западной нациелогии, квалифицирующей национализм как культ культурной и политической автономии этносов, вполне резонным было бы утверждение о том, что советская национальная политика формулировалась и осуществлялась националистами. Несомненно и другое: вся советская историография национальных отношений развивалась под

---

[12] *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 6.

[13] Наиболее развернутое представление о «коммунистических нациях» см., напр.: *Цамерян И. П.* Развитие национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма // Вопр. филос. 1959. № 7. С. 35–48.

[14] *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 363.

воздействием прежде всего взглядов Сталина и его последователей. История межнациональных отношений в СССР в 1945–1991 гг. не стала исключением.

Межнациональные отношения в Советском Союзе в послевоенный период стали предметом пристального научного изучения сравнительно недавно – в 90-е годы XX века. Советская историография не может похвастаться крупными успехами в исследовании реальных процессов, протекавших в межэтнической сфере отношений в нашей стране со второй половины 1940-х гг. В силу закрытости и запретности самой темы межнациональных противоречий и конфликтов при социализме ученым оставалось лишь рассуждать о «торжестве ленинской национальной политики». В 1950-е гг. советские историки, занимавшиеся изучением национальных процессов, доказывали «непреложную истину» о «полном и окончательном решении национального вопроса в СССР», а затем поставляли аргументы для доказательства возрастающего и укрепляющегося единства «советского народа как новой исторической общности людей». Работы, в которых делалась попытка осветить послевоенную историю межнациональных отношений, отличались декларативностью, изображением лишь тех сюжетов, которые могли служить доказательством «окончательного и полного решения национального вопроса в СССР»[15].

Власть строго следила за тем, чтобы в СМИ и научных изданиях межнациональные отношения в советском обществе представали как беспроблемные. Попытки ученых обратить внимание советского руководства на накопившиеся проблемы в национальной сфере и необходимости их научного анализа были малоэффективны.

Отсутствие научной истории межнациональных отношений в СССР советские ученые пытались компенсировать теоретическими дискуссиями о сущности нации и новой исторической общности, о соотношении процессов расцвета и сближения наций при социализме и перспективах развития наций, об интернационализации общественной жизни и буржуазном национализме. Справедливости ради следует отметить, что вывод КПСС о полном, окончательном и бесповоротном решении национального вопроса в СССР обществоведы сопровождали оговоркой: в тех его аспектах, в каких он достался от дореволюционного прошлого. Поэтому, утверждалось, «главным в современных условиях является выяснение уже имеющихся достижений в разрешении национального вопроса по сравнению с прошлыми этапами истории нашей страны и с современной жизнью народов в условиях капитализма, показ коренных преимуществ социализма перед капитализмом»[16].

---

[15] Для доказательства данного тезиса могут служить работы историков: *Шурыгин Е. И.* Осуществление КПСС ленинской национальной политики в послевоенный период (1945–1958). Ростов н/Д, 1971; *Грошев И. И.* Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967; *Матюшкин Н. И.* СССР – страна великого содружества народов. М., 1953; и др.

[16] *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР: проблемы теории и методологии. М., 1981. С. 14. Подобный взгляд в 1960–1980-е гг. был свойственен многим авторам работ по национальной тематике: *Калтахчян С. Т.* Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983; *Холмогоров А. И.* Национальные отношения в социалистическом обществе: проблемы научного управления. Киев, 1982; *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР: Историко-социологический

Впрочем, в 1970-е гг. споры по теоретическим проблемам национальных отношений постепенно стали затихать и после того, как положение о новой исторической общности определили в качестве неизменной черты «развитого социализма» и декретировали его путем внесения в 1977 г. в преамбулу новой Конституции, вообще прекратились.

В первые годы «перестройки» не только обнаружились реальные противоречия в межнациональной сфере, стремительно переросшие в глобальный этнополитический кризис и обрушившие в конце концов многонациональное советское государство, но и стало ясно, что наука не смогла вовремя предупредить общество о грядущей опасности и не дала ясных представлений об истории ее возникновения и развития. Методологический кризис, охвативший всю историческую науку во второй половине 1980-х гг., в мгновение ока «пожрал» все теоретические «приобретения» в этой области. Без достаточной научной аргументации была отброшена концепция новой исторической общности.

Только в конце 1980-х гг. явственно обозначились новые подходы в изучении национального вопроса в СССР, превратившиеся в 90-е годы в отчетливые направления реалистической истории межнациональных отношений. Конечно, следует согласиться с мнением известного ученого-историка А. Каппелера, утверждающего, что «полной современной истории России как многонационального государства до сих пор не существует»[17]. Однако в начале XXI в. стало возможным говорить не только о новых концепциях наций и национальных отношениях, но и о заметных сдвигах в исследовании конкретной истории взаимоотношений этносов и их взаимодействия с советским государством, позволяющей с большей достоверностью и убедительностью отображать в целом социалистическую послевоенную действительность.

В то же время нельзя не заметить, что на постсоветских просторах активно развивается процесс «национализации истории», судя по всему, достигший в республиках СНГ и Балтии, да и в «суверенных субъектах Российской федерации», в 1990-е гг. своей кульминации. Очевидно, что в этих государствах «разом освободившееся» место «советской догматической официальной истории» заняли не менее «официальные» истории, числом совпадающие с количеством «постсоветских независимых государств». Авторы коллективной монографии «Национальные истории в советском и постсоветском государствах» практически единодушны в признании того, что история используется в этих регионах как фундамент этнонационализма в интересах правящих элит и этноэлит. Казахстанский историк М. Сембинов пишет о том, что история переписывается в ключе «ультрапатриотизма, замешанного на нетерпеливости, сиюминутности ..., поиске в прошлом исторического величия». На примере республик Северного Кавказа Т. Гузенкова констатирует, что «история, как область исторического знания и как учебный предмет, все больше становится

очерк межнациональных отношений. М., 1981; Актуальные проблемы национальных отношений в свете новой Конституции СССР. М., 1979; *Абдулатипов Р. Г., Бурмистрова Т. Ю.* Конституция СССР и национальные отношения на современном этапе. М., 1978; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972; и др.

[17] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 13.

историей этносов и этнических государств». В. Васильев на украинском материале отмечает, что политэлита пытается «приспособить» украинскую историографию к своим целям, используя необходимые ей идеи и мифы. Л. Гатагова, анализируя ситуацию на Северном Кавказе, полагает, что национальная историография, переписывая историю и непомерно идеализируя те или иные этносы, сосредоточивается на экспансионизме России, колониальном гнете, русификации, ассимиляции, христианизации и геноциде[18]. Авторы предисловия К. Аймермахер и Г. Бордюгов выделяют одно из преимущественных направлений переписывания истории – «удревление», «героизация», завышение уровня развития, этновеличие[19].

И все же сегодняшний этап «национализации истории» с «концепциями» мифических «укров», давших несколько тысяч лет назад название Украине, с «положениями» о балкарцах и карачаевцах – «наследниках» шумерской цивилизации, с «открытием» того, что шумеры «отколовшаяся часть древних башкирских племен»[20], по степени мифологизации и идеологизации превосходит все предшествующие периоды развития советской историографии. Даже в период 1940 – начале 1950-х гг., когда одной из основ государственной идеологии являлось положение о русском народе как «старшем брате», идеи о том, что «русское государство ведет свое начало... с древнейшего царства Амазонок» и существовало 8–10 тысяч лет назад, а греческий эпос «Илиада» – эпос русского народа, объявлялись научно несостоятельными и к широкому кругу читателей не допускались[21].

Неудачный опыт сталинской идеологизации истории и истории национальных отношений в частности (как справедливо полагают, это высшая степень идеологизации истории) должен послужить уроком нынешним постсоветским этноцентристам.

Российская историография в 1990-е гг. не избежала еще одного искушения – поменять уходящие из трудов ученых-обществоведов указания на «классиков марксизма-ленинизма о национальном вопросе» на ссылки на вышедшие в обилии на русском языке монографии и статьи западных ученых. Следует согласиться с О. Г. Буховцом, который полагает, что уже к середине 1990-х гг. западные авторы «становятся для постсоветской науки не просто авторитетными и часто цитируемыми коллегами-специалистами, а по существу, нормативной теоретико-методологической референтной группой»[22]. Обострившаяся в эти годы дискуссия о сущности понятия «нация», вероятно, вызвана влиянием «ставшей доступной» западной нациелогии.

---

[18] См.: Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 139, 180, 228, 269–271.

[19] Там же. С. 13–14.

[20] Там же. С. 395, 220, 267, 282.

[21] См. оценку работы А. Ф. Масанова «Предантичная Русь» в докладной записке заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданова секретарю ЦК М. А. Суслову 18.04.1952 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 133, д. 220, л. 153).

[22] *Буховец О. Г.* Клио на пороге XXI века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 149.

Очевидно заимствование из западной историографии широко и активно обсуждаемой концепции бывшего руководителя Госкомнаца, директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, который понимает нацию как согражданство и утверждает, что «государственная общность как более жестко оформленная территориальными границами и фиксированным гражданством коалиция имеет больше оснований называть себя нацией, чем коалиция, основанная на этнической идентификации»[23]. В. Ф. Шаповалов прямо указывает, что такое понятие нации имеет «западноевропейское происхождение, поэтому его можно условно назвать «европейским»[24]. Собственно, Тишков не скрывает, что ему «симпатична» «конструктивистская интерпретация национализма» Б. Андерсона, согласно которой нации трактуются как «воображаемые общности», что делает его приверженцем постмодернистского понимания истории[25].

Против одностороннего определения нации как совокупности граждан государства, независимо от наличия языковых, психологических и прочих особенностей компактно проживающих групп, входящих в нее, выступает ряд известных ученых страны[26]. Дискуссия по двум основным трактовкам нации («этнонация» или «нация-государство») вызвала к жизни еще один подход, основанный на попытке принимать обе трактовки и пользоваться каждой из них «по случаю» (такой подход В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова М. Н. Руткевич называет «мультитеоретическим» или эклектическим[27]).

Высказанный в 1999 г. В. А. Тишковым «нулевой вариант» (предлагался выход «из смыслового тупика» в рекомендации «или все этнические общности могут себя называть нациями... или никто»[28]) был схож с мыслью, приводимой в опубликованной на русском языке в 1998 г. работе Э. Хобсбаума, о том, что «нация» и «национализм» больше не являются терминами, в которых можно адекватно описать, а тем более глубоко проанализировать политические образования и даже чувства и настроения[29].

В связи с вышеизложенным наиболее перспективным путем развития российской историографии национальных отношений в СССР является не механическое проецирование и интерпретация «западного взгляда» на «незападные» регионы, а выстраивание теории на основе изучения исторического опыта и действительности нашей страны.

Одним из факторов, обеспечивших историографический сдвиг, безусловно, является ввод в научный оборот некогда секретных фондов ряда центральных архивов, которые содержат информацию по истории послевоенных национальных отношений. В фондах

---

[23] *Тишков В. А.* Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 6.

[24] См.: *Шаповалов В. Ф.* Россиеведение. М., 2001. С. 118.

[25] См.: *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 8.

[26] Аргументацию данной позиции см.: *Руткевич М. Н.* Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 26.

[27] См.: *Руткевич М. Н.* Плоды одностороннего подхода // Независимая газета. 1998. 25 сент. С. 7.

[28] См.: *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 26.

[29] См.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 304.

центральных и местных архивов имеются интереснейшие материалы о депортации народов и их последующей реабилитации в 1940–1980-е гг., борьбе с космополитизмом и буржуазным национализмом во второй половине 1940 – начале 1950-х гг., развитии национальных движений в 1950–1980-е гг., этнических конфликтах и этноязыковых аспектах советских народов и т. д. Несмотря на сохраняющиеся ограничения в использовании архивных документов, вряд ли можно оспорить вывод о произошедшей в 1990-е годы «источниковедческой революции» в изучении национальных проблем послевоенного СССР.

Отрадным является и тот факт, что в последнее десятилетие XX в. осуществлена, а в начале XXI в. продолжена публикация документального материала по национальным проблемам, благодаря чему можно утверждать о существовании опубликованных источников по проблеме депортации народов, где главная роль принадлежит известному историку Н. Ф. Бугаю[30]. Тематические подборки документов по истории советских немцев, крымских татар, карачаевцев, калмыков, корейцев, прибалтийских народов делают эту базу более широкой и разнообразной[31]. А тезис о «революционнообразном» накоплении источникового фонда в последнее десятилетие подтверждает публикация материалов о националистическом движении в Прибалтике в 1940–1950-е гг.[32], деятельности Еврейского антифашистского комитета[33], передаче Крыма из РСФСР в состав Украины[34] и т. д.

Большую роль в исследовании национальных проблем в СССР 1945–1991 гг. в последнее время стали играть мемуарные произведения бывших руководителей союзных республик и известных политических деятелей[35]. Следует выделить мемуары П. Е. Шелеста,

---

[30] См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. Документы. М., 2000; *Бугай Н. Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии. М., 1992; Депортация народов СССР (1930–1950-е годы): Документальные источники ЦГАОР СССР. М., 1992; и др.

[31] См.: *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. М., 2002; *Он же.* Прибалтика: депортация народов (документы, факты, комментарии). М., 2002; *Он же.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов. М., 2000; *Ауман В. А., Чеботарева В. Г.* История российских немцев в документах. М.,1999; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Черкесск, 1997; Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М., 1997; *Бугай Н. Ф.* Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1993; Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Документы и материалы. Черкесск,1993; Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Элиста, 1993; и др.

[32] См.: Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40–50-е годы // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 166–177; Под маской ненависти (Документы о вооруженном националистическом подполье в Латвии в 40–50-е гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 112–123; и др.

[33] См.: Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948: Документированная история. М., 1996; Неправедный суд: Последний сталинский расстрел: Стеногр. судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994; и др.

[34] См., напр.: Документы и материалы о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР // Исторический архив. 1992. № 1.

[35] См.: *Шепилов Д.* Непримкнувший. М., 2001; *Усубалиев Т. У.* Эпоха. Созидание. Судьбы. Бишкек, 1995; *Кунаев Д.* От Сталина к Горбачеву. Алматы, 1994; *Мухитдинов Н. А.* Река времени.

признавшего, что во время его пребывания в качестве главы республики Украины «проводилась украинизация»[36]. Свою лепту вносят и произведения нового мемуарного жанра расширяющие наше представление об эпохе[37] – воспоминания детей видных общественных деятелей, – несмотря на их очевидное стремление к идеализации отцов.

Наиболее информативны и оригинальны мемуары бывших деятелей КГБ[38], среди которых выделяется книга бывшего начальника 5-го управления КГБ Ф. Д. Бобкова, который дал обзор национальных движений в СССР в 1960–1970-е гг.[39]. Нет недостатка в мемуарных свидетельствах тех, кто руководил советским государством в период «перестройки», однако их научную ценность снижает излишняя политическая ангажированность авторов[40].

А вот переписи населения, дающие возможность анализа этнодемографических, этноязыковых и других аспектов развития национальных отношений в СССР, являются крайне сложными и противоречивыми документами эпохи. Дело в том, что организаторы переписей в СССР с помощью определенных инструментов (списков, классификаций, карт) пытались не только исследовать сложную и изменчивую реальность, но и упорядочить ее, придать ей жесткую форму, которая воплотилась в иерархии советских народов и территорий[41].

Если в царской России графа «национальность» отсутствовала в переписных листах переписей (исключение – Кавказ, где помимо языка спрашивали еще и о национальности), то в СССР уже в перепись 1926 г. были включены два вопроса: один – о национальности (графа «народность»), другой – о языке. Составленный еще до начала обработки данных переписи закрытый список народностей должен был позволить «классифицировать множество наименований этнографического происхождения, ко-

---

От Сталина до Горбачева. Воспоминания. М., 1995; *Егорычев Н. Г.* Направлен послом... // От оттепели до застоя. М., 1995. С. 153–179; и др.

[36] *Шелест П. Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994.

[37] См., напр.: *Берия С.* Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002; *Вовси-Михоэлс Н.* Мой отец Соломон Михоэлс: Воспоминания о жизни и гибели. М., 1997; и др.

[38] См.: *Семичастный В. Е.* Беспокойное сердце. М., 2002; *Шебаршин Л.* Рука Москвы. М., 2002; *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; и др.

[39] См.: *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 284–324. В 2003 г. вышло второе, дополненное и исправленное издание книги.

[40] Анализ межнациональных отношений в период «перестройки» представлен в следующих трудах: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы: В 2 кн. М., 1995. Кн. I; *Воротников В. И.* А было это так: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

[41] См.: *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань, 2002. № 4. С. 178–179.

торые, как предполагалось, будут встречаться в ответах на вопрос переписи (всего около 600 наименований)»[42].

Так статистики сделали первый шаг к институциолизации этнических общностей, вскоре превратившейся в систему. Политические потребности стали критерием при включении или невключении того или иного этноса в закрытый список, что, безусловно, позволяло повышать или понижать значимость тех или иных народов при территориальном делении страны, т. е. выстраивать иерархию национальностей страны. В условиях полного подчинения ЦСУ указаниям партии и Сталина, заявившего в 1936 г. о наличии в СССР около 60 наций, национальных групп и народностей, во время переписи 1939 г. список национальностей был сокращен со 150 до 120, что и было утверждено в июле 1938 г. Президиумом АН СССР и представлено в Совет Национальностей и в ЦСУ. Так впоследствии при проведении переписей 1959, 1970, 1979 гг. стали возникать «татарская проблема», «немецкая проблема» и т. д.

Главным достижением историографии последних лет, безусловно, является изучение истории депортации народов в СССР в 30-е – начале 50-х годов. Вывод Н. Ф. Бугая о том, что в СССР «не было не репрессированных народов» (депортации со времен после Октябрьской революции и до начала 60-х годов подверглось более 8 млн граждан, принадлежавших к различным национальностям, включая и русских) требует, безусловно, соответствующей аргументации. В целом исследователи проблемы депортации народов, сыгравшей видную роль в создании негативного образа социализма, при анализе этого сложного, противоречивого, неоднозначного исторического явления не избежали элементов драматизации и сосредоточили свое внимание исключительно на показе трагических сторон процесса.

Однако целесообразность выделения в сфере межнациональных отношений такого феномена, как «народы, подвергшиеся полностью депортированию», вряд ли стоит оспаривать. Депортация трактуется в данном случае как особая мера репрессий, «сопровождавшаяся насильственным выселением», «проводившаяся в жесткой форме», имевшая основой «приказ, указ, постановление ведомств, на основе которых и осуществлялись названные акции»[43]. Достаточно серьезному анализу подвергнута конкретно-историческая картина депортации отдельных народов[44].

---

[42] *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие... С. 189.

[43] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 22.

[44] О депортации калмыков см.: *Максимов К. И.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управлении России (XVII–XX вв.). М., 2002; *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991; *Убушаев Р. В.* Калмыки: Выселение и возвращение. Элиста, 1991. О депортации корейцев см.: *Бугай Н. Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002. О депортации поляков см.: Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. О депортации чеченцев и ингушей см.: *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998; *Шахбиев Д. В.* Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996. О депортации греков см.: *Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н.* «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М.,1999. О депортации месхетинцев см.: *Юнусов А.* Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку, 2000; *Бугай Н. Ф.* Турки из Месхетии: долгий путь к реабилита-

Однако до сих пор рассмотреть проблему депортации в ее полном объеме не удается. В частности, недостаточно интенсивно исследуются предпосылки насильственного переселения народов, тем более что в разные периоды советской истории депортация вызывалась разными причинами. В каждом конкретном случае, связанном с депортацией того или иного народа, действовал комплекс причин, в том числе и идеологических, и экономических, и внутриполитических, и внешнеполитических. При этом огромную роль, как представляется, играли военно-стратегические планы советского руководства, недооценка которых при анализе причин, вызвавших депортацию того или иного народа в 1940-е годы, характерна для современного периода развития историографии данной проблемы.

Безусловно, что депортация рассматривалась как средство реализации государственной национальной политики, к которому прибегали в кризисные моменты. Тем интереснее попытки исследования «нереализованных планов депортации», к примеру, в отношении проектов насильственного выселения карелов, финнов, вепсов и ликвидации Карело-Финской ССР в 1944 г.[45]

Историки из-за пока еще достаточно ограниченного информационного поля не могут в целом оценить тот огромный ущерб межнациональным отношениям, взаимоотношениям между национально-государственными образованиями, а также между этносами и государством, который был нанесен депортацией. Кстати, в литературе проблема перемещения больших масс населения, прежде всего славянского, на освободившиеся после депортации территории и влияние этого процесса на этнополитическую ситуацию в период возвращения депортированных в родные места и последующие периоды изучена крайне недостаточно[46]. Хранящиеся в РГАЭ документы показывают, насколько сложным было взаимодействие в период переселения, свидетельствуют не только о возникавших на этнической почве конфликтах, но и о предложениях продолжить депортацию, только теперь в отношении переселенных на освободившиеся территории, и о непрекращающемся оттоке бывших переселенцев с казалось уже обжитых мест.

Сложный и противоречивый процесс реабилитации депортированных народов изучен гораздо хуже, хотя началу исследования этого процесса в 1990-е гг. положили работы

ции. М., 1994; и т.д. См. также: *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Хунагов А. С.* «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998; *Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М.,1995; *Некрич А. М.* Наказанные народы // Родина. 1990. № 6; и др.

[45] Изучением вопросов ликвидации Карело-Финской ССР занимается историк С. Г. Веригин (Петрозаводск) (см.: *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С.18–19).

[46] Исключение составляет ценное исследование П. М. Поляна. (См.: *Полян П. М.* Указ. соч.), правда, недостаточно затрагивающее вопросы межэтнического взаимодействия в момент и после переселения народов.

В. Н. Земскова[47]. В 2003 г. им была издана обобщающая монография по истории насильственных переселений в 1930–1950-е гг. и созданию системы спецпоселений в СССР. В. Н. Земсков, изучив социально-демографическую характеристику практически всех контингентов, поступивших на спецпоселение, особое внимание обратил на процесс освобождения из спецпоселения в 1954–1960 гг.

Однако проблема влияния данного контингента советского населения на межнациональную ситуацию в стране, прежде всего в период его реабилитации, изучена недостаточно. В актив можно занести, пожалуй, публикацию достаточно обширной документальной базы, законодательного и актового материала, характеризующих процесс реабилитации как длительный и до конца не завершенный, непоследовательный и фрагментарный[48].

Малоизученным остается вопрос о начале, основных направлениях, методах и формах движения народов за возвращение их в исконные места проживания. Представляется, что не до конца оцененными исторической наукой остаются сотни тысяч писем от спецпереселенцев с просьбой разрешить проживать на своей родине, поступавшие в 1940–1950-е годы в ЦК КПСС, Совет Министров, Верховный Совет Союза ССР и хранящиеся в центральных архивах. Эти живые свидетельства истории дают достаточно яркое представление о жизни переселенцев в местах ссылки, их взаимоотношениях с местными жителями, зарождении национальных движений и т. д.

Если мучительный и крайне противоречивый процесс возвращения реабилитированных чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков в 1950-е годы, роль власти в этом процессе изучены достаточно хорошо, то характеристика социально-политической ситуации, возникшей в прежних местах жительства этих народов после возвращения, дана лишь в общих чертах. Из многочисленного ряда межэтнических конфликтов, возникших между возвращающимися и переселенными в их отсутствие народами, достаточно подробно пока исследованы события 1957 г. в Чечено-Ингушской АССР[49] (ЧИ) (правда, при анализе сложной ситуации в Грозном не принимается во внимание крайне спорная позиция «чеченской стороны», выразившаяся в утверждении о спровоцированности конфликта со стороны «русских руководителей» республики[50]). События в Дагестане, где противостояние между чеченцами и переселенными из высокогорных районов лакцами и аварцами грозило перерасти в этническую войну, между славянским

---

[47] См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (1930–1969 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 145–194; *Он же.* Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социс. 1991. № 1; и др.

[48] См.: Реабилитация народов России: Сборник документов. М., 2000; Реабилитация народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; и др.

[49] *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

[50] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 108, л. 93, 95, 96.

населением и возвращающимися на свою родину народами, между осетинами и ингушами и т. д., ждут своего исследователя[51].

Проблема межэтнических конфликтов стала одной из центральных в современной российской историографии. Достаточно полно исследованы вопросы теории происхождения, развертывания, регулирования и разрешения этнического конфликта, его стадий, проведена типология конфликтов. Классификация этнических конфликтов в большинстве случаев происходит на основе информационного поля второй половины 1980–1990-х гг., что не исключает не только возможности, но и целесообразности применения такого рода подходов к изучению межэтнических конфликтов послевоенного периода советской истории в целом, поскольку истоки, да и весь механизм конфликтов складывался не только после войны, но и до и во время войны.

С сожалением приходится констатировать, что основной причиной «предпочтительного выделения» материала периода перестройки и постсоветской России для анализа механизма и типов этнических конфликтов является не что иное, как узость событийно-фактографической базы по истории этнических конфликтов в предшествующие периоды. Это ставит перед историками задачу поиска и извлечения из архивов материалов для создания в ближайшее время информационной базы данных по истории национальных конфликтов в СССР.

Чаще всего межнациональные конфликты подразделяются на три типа. Профессор А. Г. Здравомыслов группирует конфликты по тем притязаниям, которые выдвигаются в их контексте: территориальные; сецессионные, предполагающие выход какой-либо части государства из его состава; статусные, когда местные власти добиваются расширения властных полномочий, т.е. повышения своего статуса[52]. З. В. Сикевич к названным видам конфликтов добавляет еще «конфликты цивилизационного характера, возникающие из-за несхожества культур и национальных менталитетов»[53].

А. В. Глухова, классифицируя политические конфликты в целом, считает конфликты на основе существенных расхождений в политической культуре высшим типом в иерархии политических конфликтов[54]. Е. И. Степанов выделяет «ложные» этнонациональные конфликты, когда слишком высокая степень эмоциональной насыщенности затрудняет адекватное восприятие ситуации с противоположной стороной, рождая ложные образы,

---

[51] Пожалуй, лучше других исследован осетино-ингушский конфликт. Об этом см.: *Здравомыслов А. Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М.,1998; *Цуциев А. А.* Осетино-ингушский конфликт (1992 –…): его предыстория и факторы развития. М., 1998; *Червонная С. М.* Кавказская трагедия. М., 1995; и др. Крайне политизирована литература о карабахском конфликте. Ср., напр.: *Карапетян Л. М.* Правда истории и национальная политика. Ереван, 1991; Конфликт в Нагорном Карабахе. Баку, 1990.

[52] См.: *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996. С. 10–11, 71.

[53] *Сикевич З. В.* Национальное самосознание русских. М., 1996. С. 53.

[54] См.: Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 1999. С. 132–135; *Глухова А. В.* Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997. С. 121.

опасения и агрессивность, а также «замещенные» конфликты, когда антагонизм интересов направлен на этническую группу, которая реально не является участником конфликта, а замещает какие-либо иные интересы[55].

На примере армяно-азербайджанского конфликта Э. А. Паин и А. А. Попов выделили «конфликты стереотипов», когда этнические группы не всегда даже четко осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ недружественного соседа, нежелательной группы, «конфликты идей», характерными чертами которых является выдвижение тех или иных притязаний («историческое право» на государственность, на территорию), и «конфликты действий» (от митингов и демонстраций до вооруженных столкновений)[56].

Л. М. Дробижева полагает, что к статусным институциальным конфликтам можно отнести конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость, конфликты в автономиях за повышение статуса или его получение (абхазы в Грузии, ингуши в ЧИ АССР, ногайцы в Дагестане, балкарцы в Кабардино-Балкарии). К этнотерриториальным она относит, к примеру, осетино-ингушский конфликт, но, отмечая, что территориальные споры часто связаны с реабилитационными процессами в отношении репрессированных народов, все же указывает, что это особый тип конфликта. Конфликты, подобные русско-эстонскому в Эстонии или русско-литовскому в Литве, в Якутии в 1986 г. или в Туве в 1990 г., Дробижева предлагает классифицировать как «конфликты межгрупповые (межобщинные)»[57].

Л. А. Стешенко межнациональные конфликты делит тоже на три типа, условно называя их конфликтами «крымского», «карабахского» и «прибалтийского» типов – «по названию региона, в котором данный тип проявился в наибольшей мере или начался раньше, чем в других»[58]. Классифицируют этнические конфликты по сферам общественной деятельности (политические, экономические этнические конфликты и конфликты в духовной сфере), хотя очевидно, что практически все этнические конфликты имеют межсферный характер, и бесспорно, что в каждом этническом конфликте как самостоятельном социально-историческом явлении можно обнаружить признаки, присущие другим этническим конфликтам[59].

---

[55] См.: *Степанов Е. И.* Ориентиры этноконфликтологического мониторинга //Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1993. Вып. 3. С. 28–38.

[56] См.: *Паин Э. А., Попов А. А.* Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1. С. 32.

[57] *Дробижева Л. М.* Интеллигенция и национализм // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 72–80.

[58] *Стешенко Л. А.* Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X–XXI вв. М., 2002. С. 252.

[59] См.: Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов). Саратов, 1998. С. 177.

В конкретно-историческом плане изучение межэтнических конфликтов в послевоенной советской истории начато в работах В. А. Козлова, А. В. Пыжикова, А. В. Шубина и др.[60], однако пока системного анализа данная проблема не получила.

В связи с изучением истории реабилитации депортированных народов одной из актуальнейших тем выступает проблема национальных движений тех народов, которых процесс реабилитации затронул частично и которым предстоял длительный путь борьбы за возвращение на родину, а некоторым и за восстановление своей национально-государственной автономии[61]. Этапы этой борьбы, методы, меняющиеся в зависимости от социально-политической ситуации в местах ссылки и смены ориентиров в национальной политике в центре, изучены пока недостаточно. Ученым предстоит детально исследовать, как под воздействием этих факторов немецкое национальное движение трансформировалось в сторону эмиграции в ФРГ, а крымские татары сосредоточились на проникновении в Крым, строительстве там палаточных городков, покупке домов, требовании прописки.

Попытки охарактеризовать национальные движения в Прибалтике, Закавказье, на Украине в послевоенный период предприняты пока лишь в мемуарной литературе и в связи с изучением диссидентского движения[62].

Иное положение с изучением еврейского национального движения. Усилиями Г. В. Костырченко исследованы времена борьбы с космополитизмом, а также политика государственного антисемитизма во второй половине 1940– начале 1950-х гг.[63]

Реальность и мнимость такого явления, как космополитизм в СССР, выделилась в отдельную научную проблему. В историографии изучен процесс этнической локализации низкопоклонника, антипатриота и космополита в едином образе врага народа, а также превращение еврейского народа в «козла отпущения» за космополитизм и антипатрио-

---

[60] См.: *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 177–215; *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 134–146; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 463–474; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

[61] См.: *Осипов А. Г.* Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. М., 1999; *Вашкау Н. Э.* Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994; *Возгрин В. Е.* Империя и Крым – долгий путь к геноциду. Бахчисарай, 1994; *Бугай Н. Ф., Броев Р. М.* Советские курды: время перемен. М., 1993; *Губогло М. Н., Червонная С. М.* Крымское национальное движение (Крымско-татарское национальное движение). М., 1992; и др.

[62] См., напр.: *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992.

[63] См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Государственный антисемитизм в СССР. М., 2001; *Он же.* «Дело врачей»: мифы и реальность // Труды Института российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2. С. 354–385; *Он же.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в послевоенное сталинское десятилетие. М., 1994. См. также: *Медведев Ж. А.* Сталин и «дело врачей». Новые материалы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 78–103, № 2. С. 99–119; *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 330–349; *Петрова Н. К.* Кремль и «дело ЕАК» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М., 1999. С. 329–358; *Гейзер М. М.* Михоэлс: жизнь и смерть. М.,1998; и др.

тизм. Представляет интерес в связи с этим «дело врачей-убийц» как последняя криминальная попытка разрешения национального вопроса и смены лидеров в руководстве страной.

Однако в период 1970– первой половины 1980-х гг., усиленно эксплуатируя идею притеснения и неравноправного положения евреев в СССР, значительная часть еврейского этноса начала кампанию за выезд из страны. Это, безусловно, повлияло как на усилившееся недоверие к еврейскому народу, зачастую принимавшее форму антисемитизма, так и на возраставшую этническую замкнутость тех евреев, которые оставались в СССР. В исследовательской литературе данная тема не получила достаточного освещения.

В историографии существует также достаточно аргументированная позиция тех исследователей, которые рассматривают еврейское национальное движение прежде всего как «культурное и политическое течение, сыгравшее важную роль в кризисе и гибели советского строя»[64].

Для изучения межнациональных отношений начала 1950-х гг. интересен анализ проблемы попытки существенного поворота в национальной политике государства, обозначенного в мае 1953 г. в ставших известными в последнее время постановлениях, принятых по инициативе Л. П. Берия и отмененных после его устранения[65].

Одной из характерных черт современной историографии является усилившийся интерес к русскому национальному движению. Исследованию прежде всего было подвергнуто ставшее заметным в 1960–1980-х годах в диссидентстве течение русской либеральной национально-патриотической мысли, дававшее о себе знать, главным образом, в самиздатской публицистике. Такое явление было своеобразным ответом на самиздат либерального космополитизированного и русофобского толка[66].

Заметным явлением в историографии стало издание в 2003 г. монографии Н. А. Митрохина, в которой история движения русских националистов представлена на основе воспоминаний бывших участников движения и материалов их личных архивов[67]. В книге достаточно подробно рассматриваются связи русских националистов с ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, диссидентским движением и Русской православной церковью.

Современная историография при изучении межнациональных отношений большое значение придает этноязыковым аспектам, их влиянию на политические и социальные

---

[64] *Кара-Мурза С. Г.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М., 2002. С. 7.

[65] См.: *Топтыгин А. В.* Неизвестный Берия. СПб.; М., 2002. С. 268–274; *Кокурин А.И., Пожаров А. И.* «Новый курс» Л. П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 137–156; и др.

[66] См.: *Митрохин Н. А.* Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате // Отечественные записки. 2002. № 3; *Он же.* «Русская партия»: Фрагменты исследования // Новое литературное обозрение. 2001. № 2; *Куценко Н. А.* Русская партия в СССР и ее разгром // Русский дом. 2001. № 8; *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 1998; *Платонов О. А.* Терновый венец России: История русского народа в XX веке: В 2 т. М., 1997; *Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А.* Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., 1993; и др.

[67] См.: *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003.

процессы в СССР в послевоенный период. В работах В. М. Алпатова, М. Н. Губогло[68] стал возможным достаточно аргументированный вывод об основных направлениях языковой политики в СССР: на первом этапе, до второй половины 1930-х гг., была предпринята попытка добиться равенства всех языков народов СССР. Последующий этап, длившийся практически до распада Советского Союза, характеризовался прежде всего государственной поддержкой русского языка. Хотя наверняка данная схема будет уточнена и детализирована, она вряд ли претерпит существенные изменения.

Представляется, что историки могут в ближайшее время задействовать и архивные данные, которые позволят высказать новые идеи, в частности, предположить, что именно языковой фактор явился побудительным мотивом в выдвижении концепции новой исторической общности, поскольку уже в 1960 г. ЦСУ СССР указывало на проявившуюся тенденцию к сокращению числа языков, на которых в республиках велось обучение[69].

В особую научную проблему выделились вопросы распада Советского Союза и определяющего влияния на этот процесс межэтнических противоречий[70].

Доказательством того, что изучение межнациональных отношений в СССР в 1945–1991 гг. достигло определенного качественного этапа, является публикация работ, в которых делается попытка комплексного анализа развития страны как многонационального сообщества со всеми закономерностями и противоречиями в межэтнической сфере. Р. Г. Пихоя попытался решить данную проблему относительно периода 1945–1953 гг., изучив национальные аспекты «дела врачей», «дела МГБ», проблему государственного антисемитизма, предложил оригинальную трактовку основных направлений национальной политики советского государства в последний период его функционирования в 1985–1991 гг.[71] Сильной стороной работы Пихоя явилось использование и ввод в научный оборот материалов политбюро ЦК КПСС из «кремлевского» архива.

А. В. Пыжиков на основе извлеченных из бывших партийных архивов рассекреченных данных о трудностях реабилитации депортированных народов, о межнациональных конфликтах, о широком распространении русофобских настроений в союзных республиках, об этноконфессиональных проблемах и национальных движениях выявил основные

---

[68] См.: *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000; *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998; *Баскаков А. Н.* Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М., 1994; *Гаркавец А. Н.* Принципы национальной политики и языковое строительство. Алма-Ата, 1990; и др.

[69] РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 181, л. 10, 11, 14.

[70] См., напр.: *Столяров К. А.* Распад. От Нагорного Карабаха до Беловежской Пущи. М., 2001; *Чешко С. В.* Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 2000; *Златопольский Д. Л.* Разрушение СССР (Размышления о проблеме). М., 1998; Союз можно было сохранить. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995; и др.

[71] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ соч. С. 58–69, 99, 328–329, 463–474.

направления развития этнополитической ситуации в СССР в 1953–1964 гг.[72] А. В. Шубин, характеризуя состояние советского общества в конце 1970 – начале 1980-х гг., подробно остановился на анализе этнодемографической ситуации в эти годы[73].

Знаковым явлением в историографии является включение достаточно больших по объему разделов о национальной политике и межнациональных отношениях в СССР в учебные издания[74].

Появление такого рода разделов в сводных работах по советской истории делает актуальной саму постановку вопроса о написании обобщающей публикации по истории межнациональных отношений в СССР в 1945–1991 гг.

Делая вывод об уровне изученности проблемы межнациональных отношений в СССР в послевоенный период, следует выделить заслуги историков в изучении эволюции национальной политики КПСС, вопросов депортации советских народов в 1940-е гг. и реабилитационного процесса в 1950-е гг., в исследовании влияния этих процессов на межнациональную и политическую ситуацию в стране в целом. Сделаны первые шаги в изучении национальных движений в стране в 1950 – 1980-е гг., исследуются межэтнические конфликты, а также демографические, этноязыковые, социальные, экономические аспекты межнациональных отношений в этот период. Однако многие аспекты этой важной и актуальной исторической проблемы еще предстоит исследовать. К их числу относится, например, вопрос о взаимодействии власти и этносов как на высшем уровне, так и на местном.

В многонациональном Союзе ССР был необходим механизм государственного регулирования отношений между народами, посредством которого могли бы преодолеваться противоречия между союзными органами и союзными республиками, между республиками и национально-территориальными образованиями на их территориях, между республиками и этносами, не имеющими национально-государственного статуса и т. д. Противоречия были неизбежны и объективны, поэтому и был необходим специальный государственный орган, действующий присущими ему специфическими методами, вырабатывающий законодательство и проводящий конкретные меры, носящие, по крайней мере, характер этнополитического компромисса.

Таким органом, по мысли отцов-основателей советского государства, стал наркомат по делам национальностей РСФСР (1917–1923), в составе которого функционировал институт Совета Национальностей, представлявший собой коллегиальный орган руководителей национальных подразделений ведомства. Его основной задачей было обсуждение

---

[72] См.: *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 177–215.

[73] См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 134–146. См. также: *Кулешов С. В.* Советская национальная политика: Интернационализм в тоталитарном обществе (1945–1991) // Россия в XX веке: Реформы и революция. М., 2002. Т. 2; *Стешенко Л. А.* Указ. соч. С. 252–269.

[74] См.: *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История СССР. 1938–2002. М., 2003. С. 30–39, 70–86, 135–154, 211–233, 305–323 и т. д.

всех законопроектов Советской власти, так или иначе затрагивающих национальный вопрос[75].

Однако уже при подготовке Конституции СССР в 1923 г. в процессе обсуждения раздела о союзных органах идея учреждения второй, «национальной», палаты ВЦИК выявились разные позиции в центре и на местах. К примеру, И. В. Сталин в 1923 г. полагал, что союзный ЦИК, избираемый пропорционально численности населения, без специального представительства наций и народностей, объединенных в федерацию, более целесообразен. Выступавшие против создания Совета Национальностей ЦИК СССР, исходя из негативного опыта существования буржуазных парламентов, доказывали, что проектируемый орган нарушит единство формы и организации Советской власти, усложнит государственный аппарат, создаст лишнюю параллель и т.п.

Л. Д. Троцкий, к примеру, заявив, что «национальность вообще не логичное явление», все же поддержал идею создания в ЦИК СССР второй палаты. При этом «злой гений революции» добавил идею, блистательно реализованную в последующем, относительно характера и объема полномочий образуемой палаты: «На ближайший год-два мы постараемся, чтобы над всем этим аппаратом стояла в качестве хорошего суфлера партия, которая будет через этот аппарат прощупывать, где что делается, где у кого что болит. Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т. д., то в конце концов в качестве супер-арбитра будет выступать партия... Мы создадим вторую палату, может создадим ее немножечко кривобоко. Через некоторое время ЦК ее поправит, как у нас бывало в ряде других областей, тем более там, где мы должны искать новые пути»[76].

На XII съезде партии в апреле 1923 г. было признано, что в составе высших органов власти Союза ССР необходимо иметь такой орган, который бы обеспечивал и защищал не только интересы государства, но и отражал специфические нужды отдельных народов. Так возник Совет Национальностей ЦИК СССР.

История национально-государственного строительства 1920–1930-х годов изучена достаточно детально и последовательно в рамках советской историографии, что является одним из ее достижений. Безусловно, высказанные оценки и суждения заслуживают внимания, но требуют взвешенного и критического подхода к ним. До середины 1950-х гг. советские обществоведы наделение широкими полномочиями в сфере национальных отношений союзных исполнительных органов, сужение прав представительных органов федерации, усиленную централизацию объясняли необходимостью мобилизации всех внутренних ресурсов для реализации задач построения нового общества. Бюрократиче-

---

[75] См.: Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг. Вместо отчета. М., 1924.

[76] XII съезд РКП(б). Стеногр. заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 171.

скую централизацию исследователи обосновывали как необходимость укрепления многонационального государства[77].

После XX съезда КПСС началась публикация ранее малоизвестных ленинских работ, материалов съездов Советов, других документов, что позволило изучить политические, экономические, духовные процессы в развитии многонационального государства более разносторонне. Специальный раздел своей монографии С. И. Якубовская посвятила формированию союзных органов на первом этапе строительства союзного государства[78]. К. Г. Федоров исследовал деятельность ВЦИК СССР в управлении народным хозяйством, социально-культурным строительством[79].

Методологические проблемы Союза ССР как федерации были рассмотрены в работах Д. Л. Златопольского, Ю. С. Кукушкина, А. П. Ненарокова, О. И. Чистякова[80].

В 1920-е гг. началось и изучение образования Совета Национальностей ЦИК СССР, его структуры, основных направлений деятельности[81], причем в работе М. Рейснера указана необходимость представительства и ненациональных регионов в Совете Национальностей. Однако специальное монографическое исследование деятельности Совета Национальностей ЦИК СССР в 1923–1936 гг. появилось в 1991 г.[82]

В своем исследовании Т. О. Ожукеева пришла к выводу о том, что в 1920-е гг. на совместных заседаниях палат ЦИК СССР решались ключевые вопросы бюджета, народного хозяйства союзных республик. Несмотря на сессионный характер работы органа представительства национально-государственных образований в системе союзных органов – Совета Национальностей (на сессиях, кстати, поднимались и вопросы этноконфликтов в различных регионах страны, что будет исключено из компетенции данного органа в 1940-е–1988 гг.), для выработки постановлений и решений часто формировались комис-

---

[77] См.: *Чистяков О. И.* Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955; *Златопольский Д. Л.* Образование и развитие СССР как союзного государства. М., 1954; *Ананов И. Н.* Система органов управления в советской социалистической федерации. М., 1951; *Трайнин И. П.* Советское многонациональное государство. М., 1947; *Генкина Э. Б.* Образование СССР. М., 1947; и др.

[78] См.: *Якубовская С. И.* Строительство союзного советского социалистического государства. 1922–1925. М., 1960.

[79] См.: *Федоров К. Г.* Союзные органы власти (1922–1962). М., 1963.

[80] См.: *Ненароков А. П.* Основы национальной политики партии (1903–1924 годы) // Коммунист. 1990. № 14; История национально-государственного строительства в СССР. М., 1978; *Лепешкин А. И.* Советский федерализм. М., 1977; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; *Кукушкин Ю. С.* Основные проблемы создания и развития СССР в советской историографии // Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей. М., 1975. Т. 1; *Златопольский Д. Л., Чистяков О. И.* Образование Союза ССР. М., 1972; Многонациональное советское государство. М., 1972; *Тадевосян Э. В.* Советская национальная государственность. М., 1972; *Якубовская С. И.* Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936. М., 1972; и др.

[81] См.: *Рейснер М.* Совет Национальностей // Советское строительство. 1925. № 1; *Игнатьев В.* Совет Национальностей ЦИК Союза ССР // Советское строительство. 1926. № 2.

[82] См.: *Ожукеева Т. О.* Совет Национальностей ЦИК СССР 1923–36 гг. Бишкек, 1991.

сии, функционировал Президиум Совета Национальностей. Однако уже тогда Совет Национальностей стал превращаться в функционально обезличенный государственный орган.

В условиях закрепления конституционного положения о единстве компетенции обеих палат союзного парламента, неразграничения компетенций между ними, одновременности проведения сессий Совет Национальностей не сумел должным образом отреагировать на появление взаимных территориальных притязаний, на нарастающее нарушение принципа равноправия этносов. Политика ликвидации фактического неравенства наций таким образом проходила под жестким прессом складывающейся административно-командной системы, стремившейся к тотальному контролю над обществом, что ярко продемонстрировала трагическая коллективизация сельского хозяйства, в ходе которой были отвергнуты национальные особенности народов страны.

В начале 1930-х гг. реальная власть сконцентрировалась в партийном и государственном аппаратах, союзных финансово-экономических органах федерации, а фактическое осуществление компетенции Совета Национальностей перешло к Президиуму ЦИК СССР. Роль и влияние представительных органов власти к концу 1930-х гг. были сведены к роли фасада или декорации мощного государственно-бюрократического аппарата.

По всей видимости, недостаточность влиятельности и незначительность роли, которую играл Совет Национальностей, как и вся представительная власть в системе советских органов власти, явились главными причинами того, что деятельность созданного в 1936 г. Совета Национальностей Верховного Совета СССР не послужила предметом специального анализа ни в советской, ни в современной российской историографии. Негативизм по отношению к истории представительной власти в СССР в 1990-е годы только усилился, несмотря на ввод в научный оборот документов, подтверждающих противоречивость этой ветви власти в советской истории.

Отсутствие научного интереса к историческому опыту существования и деятельности Совета Национальностей Верховного Совета СССР трудно объяснимо и с практической точки зрения. В период становления парламентской системы в современной России, многонациональность которой и идентичное советскому национально-государственное устройство требует определения оптимальной системы представительства интересов этносов в государстве, как и создания сугубо специфического, глубоко компетентного и широко полномочного государственного органа этого представительства, предшествующий опыт, даже в рамках иной общественно-экономической системы, ценен и полезен. Изучение истории межнациональных отношений и роли Совета Национальностей в системе этих отношений способствовало бы также созданию более цельной картины советского общества.

Таким образом, существует настоятельная необходимость комплексного изучения проблемы взаимодействия власти и этносов в советском государстве в классический период его мирного развития. Наверное, гораздо легче признать, что советский опыт такого взаимодействия явился одной из главных причин краха Союза ССР. Труднее – исследо-

вать историю создания и эволюции подобного механизма, воссоздать объективную картину социально-экономического, политического, духовного развития советских этносов после Великой победы и до распада единого государства, выявить противоречия в межнациональных отношениях и объяснить причины их возникновения, проанализировать историю развития этноконфликтов в различных регионах страны. Не менее важной задачей исследования является раскрытие реального механизма управления межнациональными отношениями, роли Совета Национальностей – единственного конституционного органа, отражающего многонациональную специфику советского государства.

Не следует игнорировать среди задач исследования одну из главных функций историка – расширение и систематизацию информационного поля проблемы, ввод в научный оборот новых документов и материалов, некогда сокрытых в спецхранах советских архивов и ставших доступными для исследователя в последнее время. Материалы из фондов «Верховный Совет СССР. 1937–1989» (№ Р-7523), «Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР и их органы» (№ Р-9654), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), несмотря на присущие документам советской эпохи официоз и стремление к сокрытию информации, проливают свет на проблему места и роли Совета Национальностей в структуре государственных органов, способствуют наполнению фактологической базы данных по истории межнациональных отношений в СССР в 1945–1991 гг.

В фонде № 17 Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ) собраны не только решения политбюро ЦК ВКП(б) за период 1945–1953 гг., но и обширный материал отделов ЦК, касающийся национальной тематики. Документы, поступавшие в отделы ЦК КПСС в 1953–1985 гг. и составившие фонд № 5 в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), способствуют воссозданию реальной картины межнациональных отношений в период «хрущевской оттепели» и «развитого социализма». Фонд № 89 РГАНИ содержит коллекцию рассекреченных в 1990-е годы партийных документов, в том числе и по межнациональным отношениям в 1945–1991 гг. Обширный документальный фонд № 5675 в Российском государственном архиве экономики (далее – РГАЭ) дает представление о влиянии переселенческой политики советского государства в 1940-е – начале 1950-х гг. на межнациональную ситуацию в стране.

Архивный материал позволяет не только аргументировано подтвердить либо опровергнуть ранее высказанные суждения по истории взаимоотношений власти и этносов в СССР, но и способствует формированию концептуального подхода к решению проблемы межнациональных отношений в стране в целом.

ГЛАВА 1

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР: КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС И РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (1945–1991)

1.1. Совет Национальностей Верховного Совета СССР в системе государственных органов по управлению межнациональными отношениями в стране

В российской истории национальная политика практически «сводилась к регулированию статуса инородцев (все нехристиане)». По мнению известного ученого Л. А. Стешенко, национальная политика регулировала «скорее статус конфессий и отчасти особенности социальной жизни инородцев, определяемые местными религиозными установлениями»[1]. В качестве субъекта национальной политики выступал императорский центр, а нерусские народы (впрочем, и русские тоже) были объектом «национального регулирования»[2]. Оценка эффективности такого рода политики в науке пока в достаточной степени не определена и колеблется в диапазоне от признания Российской империи «тюрьмой народов» до утверждения того, что «государственно-правовая политика российского государства по отношению к нерусским народам по преимуществу являлась гибкой, прагматичной и достаточно корректно-терпимой»[3] (справедливости ради следует отметить, что в данном случае речь идет о «дореформенной политике государства»).

Впервые национальная политика была провозглашена одним из главных направлений политики российского государства большевиками в период революционных потрясений 1917 г. Наркомат по делам национальностей под водительством «знатока национального вопроса» И. В. Сталина стал символом данного приоритета в политике молодого государства. Однако данный приоритет был строго ограничен марксистским постулатом о первичности классовых и вторичности национальных интересов. Это проявлялось прежде всего в вопросах важности и ответственности как политики в сфере межнационального взаимодействия, так и тех органов, которые создавались для координации и регулирования этих взаимоотношений.

---

[1] *Стешенко Л. А.* Указ. соч. С. 39.

[2] Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 581.

[3] *Стешенко Л. А.* Указ. соч. С. 116.

Если в 1920-е гг. процесс постепенного становления федерализма, как и национальной политики в целом, проходил бесконфликтно, то в последующие годы Советский Союз, несмотря на то, что юридически имел признаки федерации, фактически стал унитарным государством, а национальная политика была монополизирована коммунистической партией.

С принятием Конституции СССР 1936 г. прекратили свое существование съезды Советов, и в качестве высшего общесоюзного органа государственной власти был учрежден Верховный Совет СССР. Новая Конституция усиливала унитарный характер многонационального государства. Высшим органам власти поручался контроль не только за исполнением Конституции, но и обеспечение соответствия конституций союзных республик Конституции СССР. К ведению Верховного Совета СССР было отнесено обеспечение государственной безопасности, управление банками, промышленностью, сельским хозяйством, а у союзных республик в пользу общефедеральных органов было изъято право на издание своих кодексов законов, право решения вопросов трудового законодательства, законодательства о суде. Верховному Совету также передавалось право утверждения границ между союзными республиками и их административно-территориального устройства.

В период между сессиями Верховного Совета СССР работал его Президиум, правовое положение которого, кстати, в Конституции не было определено. Сфера его полномочий в конце 1930-х – второй половине 1940-х гг. была существенно расширена: он получил право объявлять военное положение, принимать в гражданство СССР и разрешать выход из него, денонсировать международные договоры. В то же время Президиум «устанавливал систему и компетенцию центральных органов управления народным хозяйством и социально-культурным строительством, образовывал министерства и ведомства, издавал указы законодательного характера. В результате среди законов, принимавшихся на сессиях Верховного Совета СССР, стали количественно преобладать законы об утверждениях указов Президиума»[4].

Совнарком СССР, переименованный сразу же после войны в Совет Министров СССР, по Конституции 1936 г. становился «высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти». «Это определение было предложено Сталиным с целью принизить значение Верховного Совета как органа власти и упрочить «автономию» правительства от высшего представительного органа»[5]. Союзное правительство обладало правом приостанавливать действия постановлений и распоряжений правительств союзных республик, отменять приказы министерств и ведомств и само контролировало исполнение своих актов.

После войны, несмотря на широко декларируемые лозунги «полновластия Советов», на принятое после XX съезда КПСС новое законодательство о Советах, на периодические

---

[4] *Коржихина Т. И., Сенин А. С.* История российской государственности. М., 1995. С. 206.

[5] Там же. С. 207.

партийные решения и постановления высших государственных инстанций о расширении прав Советов роль представительных органов власти стала неуклонно сокращаться, и они постепенно становились безвластными.

Вот в такой системе и структуре власти предстояло действовать Совету Национальностей Верховного Совета СССР, призванному отображать и защищать национальные интересы народов, входивших в многонациональное государство.

Правом на принятие решений в сфере межнациональных отношений, правом вырабатывать национальную политику в государстве, как и монополией на все остальные сферы общественных отношений, обладала коммунистическая партия. Однако в соответствии с теоретическими принципами, определявшими национальные отношения менее значимыми, нежели классовые либо экономические, партия не стремилась даже создать в недрах своего аппарата какой-либо специфический орган по координации отношений в межнациональной сфере.

Во второй половине 1940-х гг., когда межнациональные отношения были сведены к борьбе с буржуазным национализмом, космополитизмом, сионизмом, естественным образом решающая роль в проведении (но отнюдь не в определении, поскольку в тогдашних условиях на это имел право только один человек) определенной линии поведения государства в национальной области перешла к идеологическим отделам ЦК ВКП(б), прежде всего к отделу пропаганды и агитации, своеобразной «гигантской империи, которая охватывала все стороны духовной жизни советского общества»[6].

Серьезную роль в проведении национальной политики в «хрущевский период» играли отдел партийных органов по союзным республикам и такой же отдел по РСФСР. В 1956 г. Секретариат ЦК изменил структуру отдела партийных органов по союзным республикам, в частности были слиты и укрупнены ранее существовавшие раздельно секторы Украины и Молдавии, Казахстана и Средней Азии, Белоруссии и Прибалтийских республик, выделился сектор Закавказских республик. «Инструкторский состав был представлен всеми союзными республиками, многими национальностями» вспоминал один из бывших руководителей этого отдела В. Е. Семичастный[7].

Проработав в отделе ЦК, инструкторы «потом уезжали первыми секретарями или просто секретарями ЦК партий ССР, предсовминами республик, секретарями столичных горкомов и на другие ответственные посты, потому что школу проходили в центре хорошую»[8]. Одной из задач отдела являлось отслеживание обстановки в республиках, в том числе и в сфере межнациональных отношений, и подготовка соответствующих решений по возникающим проблемам. Такую же роль во взаимоотношениях центра и автономных образований России играл отдел партийных органов по РСФСР.

---

[6] *Шепилов Д.* Указ. соч. С. 91.

[7] *Семичастный В. Е.* Указ. соч. С. 99.

[8] Там же.

В годы «развитого социализма» национальные проблемы нашли свое отражение в деятельности отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Это не значит, что идеологические отделы ЦК игнорировали национальную проблематику. Наоборот, борьба с национализмом, антисемитизмом, сионизмом и другими «идейными уклонами» продолжилась. В 1960-е гг. идеологический отдел ЦК КПСС был озабочен такого рода заявлениями, которые, к примеру, сделал известный кинорежиссер М. Ромм на конференции ВТО в 1964 г., выдвинувший «необоснованные политические обвинения в антисемитизме и травле еврейской интеллигенции в адрес советских писателей В. Кочетова, А. Софронова, Н. Грибачева»[9].

И в 1970-е гг. идеологические отделы являлись прежде всего проводниками той национальной политики, стратегическое направление которой, безусловно, определяли партийные иерархи. Хорошо информированный о нравах в высших партийных кругах бывший помощник М. С. Горбачева А. Грачев «самой известной жертвой конфликта личных взглядов с официальной линией в сфере национальной политики» называет А. Н. Яковлева, «аппаратного ангела», в 1972 г. «фактически руководившего отделом пропаганды»[10]. А. Н. Яковлев, «восставший против заигрывания высшего партийного синклита с великодержавным шовинизмом и антисемитизмом» и после предварительного согласия с М. А. Сусловым опубликовавший «интернационалистскую» статью в «Литературной газете», был «низвергнут со своего стратегически важного поста» и отправлен послом в Канаду, поскольку «из-за яростной реакции великорусских националистов партийные вожди сочли за благо отмежеваться от слишком «одностороннего» автора»[11].

Значительную роль в решении национального вопроса в СССР играли и органы госбезопасности. В 1940-е гг. эти органы участвовали в проведении политики депортаций и репрессий против ряда советских народов, в последующие годы КГБ национальные проблемы включил в сферу борьбы с «инакомыслящими». Если в середине 1960-х гг. в КГБ был «отдел во втором главке (контрразведка), занимавшийся «инакомыслящими», который курировал подполковник Бобков»[12], то затем, по признанию самого Ф. Д. Бобкова, могущественное 5-е Управление КГБ СССР решало многие вопросы в сфере межнациональных отношений и даже, к примеру, предлагало ЦК КПСС воссоздать немецкую автономию[13].

Правда, известный деятель и историк диссидентского движения Л. М. Алексеева роль КГБ в решении национальных проблем прежде всего усматривала в преследовании и подавлении национальных движений[14].

Большинство политиков и ученых отмечают не только репрессивный, но и аналитический характер деятельности КГБ в межнациональной сфере. Достаточно устойчиво

---

[9] Идеологические Комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 2000. С. 473.

[10] *Грачев. А.* Кремлевская хроника. М., 1994. С. 35.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 209.

[13] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 305.

[14] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 30, 78 и др.

мнение, согласно которому КГБ «видимо, предчувствовал, что национализм... способен охватить пожаром внешне прочное здание советской империи»[15].

Представляется, что все же роль органов госбезопасности в 1950–1980-е гг. не была столь однозначной и чаще всего заключалась в информировании партийного руководства о положении дел в сфере межнациональных отношений, но отнюдь не в принятии каких-либо принципиальных решений.

Наиболее типичной в данной связи была следующая ситуация. 8 июля 1973 г. КГБ проинформировал ЦК КПСС о новой рукописи писателя Л. Леонова, в которой «одновременно он также выступал против появившихся, по его мнению, тенденций предать забвению понятия «русское», «русский народ», «Россия»[16]. Помета на документе «тов. Демичеву» свидетельствует об укоренившейся практике механизма взаимодействия органов госбезопасности и ЦК партии и решающей роли высшей партийной элиты в принятии решений.

Бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко В. А. Печенев свидетельствует, что «в период «позднего» Брежнева была предпринята еще одна неизвестная попытка сдвинуть с мертвой точки отношение к национальному вопросу, который не только существовал, но и постепенно накалялся». Речь идет о содержащемся в первом проекте отчетного доклада ЦК XXVI съезду партии (от имени Л. И. Брежнева был разослан членам политбюро) предложении о «создании в рамках ЦК КПСС нового подразделения – отдела социальной и национальной политики», а также предложении «о создании в структуре Совмина СССР Госкомитета по делам национальностей (по аналогии с ленинско-сталинским Наркомнацем, упраздненным в 1934 году)». Оба предложения не вошли в текст доклада и «были дружно похоронены почти всеми членами Политбюро от М. Суслова до Ю. Андропова и К. Черненко включительно»[17]. Как известно, пишет Печенев, отдел по национальной политике был все же создан в ЦК КПСС в самом конце 80-х гг., когда «не только СССР, но, как оказалось, и КПСС оставалось жить весьма недолго». В свое время, полагает он, создание таких органов «могло бы сыграть позитивную роль в деле предотвращения тогда еще не осознаваемой никем из нас реальной угрозы – угрозы обвального распада СССР»[18].

В целом партийное руководство, монополизировавшее управление в данной сфере общественных отношений, не спешило расставаться с этой ролью и в период перестройки. Не случайно информация КГБ и местных партийных органов о первых столкновениях на межнациональной почве в Якутии и Алма-Ате в 1986 г. обсуждалась, и по ней принимались решения в политбюро ЦК КПСС.

---

[15] См., напр.: *Грачев А.* Указ. соч. С. 46.

[16] РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 1034, л. 88.

[17] *Печенев В. А.* «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004. С. 64.

[18] Там же.

С 1987 г. в Верховных Советах союзных республик начинают создаваться постоянные комиссии по вопросам межнациональных отношений. Однако руководство этими комиссиями оставалось в руках высших партийных чиновников. Так, 8 августа 1987 г. такая комиссия была создана в Киргизии, ее возглавил второй секретарь ЦК КП Киргизии Г. Н. Киселев. 11 ноября 1987 г. под председательством заведующего отделом агитации местного ЦК КП Ч. Й. Шлижюса создается комиссия в Верховном Совете Литвы; 2 апреля 1988 г. – в Грузии под председательством директора института истории партии при ЦК КП Грузии Д. Г. Стуруа; 8 апреля 1988 г. – в Туркменской ССР под руководством редактора журнала «Коммунист Туркменистана» Е. Ходжаева. Комиссию, созданную в Казахстане 9 апреля 1988 г., возглавил заведующий отделом пропаганды ЦК КП Казахстана А. А. Устинов. На следующий день была создана комиссия в Узбекистане, ею руководил вице-президент АН Узбекской ССР Э. Юсупов. В Украинской ССР созданной 18 апреля 1988 г. комиссией руководил заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Украины, будущий ее президент Л. М. Кравчук[19].

Позже такого рода комиссии создавались и в автономных многонациональных образованиях. Так, 17 августа 1989 г. была образована комиссия по вопросам национальной политики и национальных отношений при Верховном Совете Дагестанской АССР. Возглавил ее секретарь обкома З. Ф. Пулатов[20].

И только после открытия Съезда народных депутатов СССР в 1989 г., что знаменовало собой начало широкомасштабных политических реформ в СССР, приоритет в решении проблем национальной политики стал переходить к Совету Национальностей Верховного Совета СССР.

1.2. Представительная власть в СССР: выборы или назначение?

По поводу декларативности советской избирательной системы двух мнений не существует. Вряд ли сведения, приводимые в подготовленном в Президиуме Верховного Совета СССР письме в ЦК ВКП(б) о результатах выборов в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик и в местные советы депутатов трудящихся в 1946–1951 гг., демонстрируют истинные настроения в советском обществе.

Официальные итоги выборов в 1946 г. и 1951 г. по сути мало чем отличаются: в 1946 г. из 101 717 686 советских избирателей приняли участие в выборах Верховного Совета СССР 101 450 936 (99,74%) человек, вычеркнули в бюллетенях фамилию единственного кандидата 819 699 (0,81%) избирателей, еще 10 012 (0,01%) бюллетеней оказалось испорченными. В 1950 г. наблюдалась та же картина: имели право голосовать – 111 116 373 человека, приняли участие в выборах – 111 090 010 (99,98%), количество бюллетеней с

[19] ГАРФ, ф. Р–7523, оп. 145, д. 2201, л. 1, 2, 3.
[20] Там же, л. 38.

вычеркнутыми фамилиями кандидата – 300 146 (0,27%), количество испорченных бюллетеней – 1 487 шт.

Итоги выборов в Верховные Советы союзных республик также «радовали» своим единодушием: в 1947 г. голосовали за одного кандидата 103 937 275 (99,92%) избирателей, в 1951 г. – 113 033 595 (99,99%); в 1946 г. голосовали «против» – 656 735 (0,63%), в 1951 г. – 20 563 (0,18%); испортили бюллетеней в 1947 г. – 7 575 (0,01%), а в 1951 г. – всего лишь 1 109 человек[21]. Конечно, можно считать, что «единодушие в советском обществе усиливается» в период с 1946 по 1951 г. и объяснить это некоторым «полевением» общества после Великой победы и новым «закручиванием гаек» во второй половине 1940-х годов. Однако все же эти цифры больше характеризуют классическую избирательную советскую модель, нежели иллюстрируют эволюцию общественных настроений в СССР.

Безусловно, решающим фактором обеспечения необходимых для советской верхушки результатов выборов являлся абсолютный партийный контроль над выдвижением и избранием «назначенных» депутатов.

Утвержденная 29 ноября 1946 г. оргбюро ЦК ВКП(б) инструкция об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховные Советы союзных и автономных республик, к примеру, гласила, что «до рассмотрения в ЦК ВКП(б) состава кандидатов в Верховные Советы союзных и автономных республик партийные организации не могут выставлять их для обсуждения на собраниях избирателей»[22].

Сталин был прав, когда характеризовал выборы как «суд избирателей над Коммунистической партией как над правящей партией». Зачастую такой суд был крайне нелицеприятен для власти, о чем красноречиво свидетельствует вводимый в последнее время в историческую науку такой источник, как некогда секретная информация о политических настроениях среди населения.

К примеру, среди сведений, поступивших из Новгородской области в феврале 1946 г., обращает на себя внимание информация о тех лицах, которые «пытаются дискредитировать предстоящие выборы в Верховный Совет СССР»: экспедитор совхоза «Боровичанин» Малышев заявлял, что «выборы у нас не демократичны, а выбирают только того, кого назначает партия»; педагог школы села Любытино П. А. Лебедев говорил, что «по-прежнему выборы будут одной «видимостью», и войдут в Верховный Совет те, кто угоден партии»[23], и т. д.

КГБ внимательно отслеживал и саму процедуру голосования на избирательных участках. В данной связи характерна сводка данных о происшествиях и антисоветских проявлениях, имевших место на территории Советского Союза накануне и в день проведения выборов в местные Советы депутатов трудящихся, направленная председателем КГБ

---

[21] ГАРФ, оп. 85, д. 397, л. 2.

[22] Там же, оп. 65, д. 427, л. 15.

[23] См.: История России. XX век: Лекции и учебно-методические материалы. М., 2002. С. 239.

И. А. Серовым в марте 1957 г. в ЦК КПСС. Серов сообщал, что в деревне Тирово Куровского района Московской области колхозник А. М. Буланов, «получив бюллетени, вычеркнул кандидатов, а затем оскорбил членов избирательной комиссии и пытался напасть на одного из них»; в г. Могилеве В. В. Игнатов, «получив бюллетени, порвал их на глазах избирателей..., объяснил тем, что ему не понравился депутат». Факты демонстративного уничтожения избирательных бюллетеней были зафиксированы в Шяуляйском районе Литвы, в Ждановском, Ленинском, Первомайском районах Москвы. По каждому случаю органы госбезопасности проводили проверку, иногда это было чревато даже арестом «нарушителей» на 15 суток[24].

Нужные цифры при выборах, по всей видимости, достигались и путем прямой фальсификации как процедуры выборов, так и их итогов. Иногда такие факты становились предметом партийного разбирательства, что не исключает широкой распространенности такого рода явлений. Показателен следующий пример. В феврале 1947 г. глава МГБ СССР В.С. Абакумов сообщал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о том, что в период подготовки к выборам в Верховный Совет Украинской ССР «со стороны секретаря Сталинского райкома КП(б) Украины города Запорожья Михайленко имели место извращения Сталинской Конституции»[25].

Михайленко, по данным МГБ, назначил в каждую избирательную комиссию Сталинского избирательного округа уполномоченных райкома, которым предложил получить у председателя окружной избирательной комиссии бюллетени в количестве 10% к общему количеству избирателей и при подсчете результатов голосования заменить бюллетени избирателей, голосовавших «против». Председателям участковых избирательных комиссий Сталинского избирательного округа были даны указания не класть в кабины для голосования карандаши или оставлять их не очиненными, создавать обстановку, при которой избиратели после получения бюллетеней лишались бы возможности заходить в кабины и непосредственно направлялись к урне[26].

Михайленко на замечания ряда коммунистов о том, что подобные действия нарушают положение о выборах, заявлял, что это – установки от имени ЦК КП(б)У и Запорожского обкома. Секретарь парткома завода № 478 выдвинул инициативу сопровождать избирателей прямо к урне, минуя кабину, чтобы лишить их права проголосовать «против». 1 февраля 1947 г. в Сталинский райком партии был вызван секретарь партбюро управления МГБ по Запорожской области майор Грохов, которому заведующий оргинструкторским отделом райкома Черепанов объявил, что он прикрепляется к одному из избирательных участков, и объяснил «механизм выборов». На вопрос Грохова, кто дал такую установку, Черепанов сослался на указание секретаря Запорожского обкома КП(б)У Л. И. Брежнева[27].

---

[24] РГАНИ, ф. 89, пер. 18, д. 37, л. 2, 3.
[25] РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 700, л. 53.
[26] Там же, ф. 17, оп. 117, д. 700, л. 53.
[27] Там же, л. 54.

«Установки» сопровождались следующим «указанием»: «Учтите, что я такой установки вам не давал. Не давал вам такой установки и партком... Тот, кто попадется, тот сам будет выкладывать партийный билет, – такова установка сверху». Вмешательство органов МГБ привело к следующему: Л. И. Брежнев заявил, что такой «установки» он не давал, и отстранил Михайленко от руководства подготовкой выборов[28].

Причиной «обнаружения» готовящегося подлога, представляется, могло послужить соперничество партийных органов и органов МГБ, конкурирующих в вопросах контроля за столь важную сферу, как организация и проведение выборов. Количество лишних бюллетеней (10% от количества избирателей), столь уверенно определенное секретарем райкома, позволяет предположить, что это был обычный «количественный состав», голосующий на советских выборах «против». Действия будущего генерального секретаря ЦК КПСС, отстранившего от руководства подготовкой к выборам «пойманного» секретаря райкома, по всей видимости, можно объяснить его же установкой: «кто попался – тот отвечает сам».

«Самостоятельность» местных партийных организаций при проведении избирательной кампании заключалась в том, чтобы «обеспечить своевременный перевод избирательных документов на языки населения соответствующих союзных, автономных республик, утвердить тексты переводов на бюро обкома, крайкома, ЦК компартии союзной республики», а также «при проведении агитационно-пропагандистской работы с избирателями... учитывать особенности национального и хозяйственно-культурного строительства союзной и автономной республик»[29].

ЦК ВКП(б) контролировал практически все этапы избирательной кампании в республиках, в том числе и с целью создать там унифицированную форму «советского республиканского парламента». Этому способствовали, к примеру, избирательные нормы по выборам в Верховные Советы республик. В РСФСР в 1946 г. норма составляла 150 тысяч человек, в Украинской ССР – 100 тысяч, в Белоруссии, Латвии и Казахстане – по 20 тысяч, в Узбекистане, Грузии, Литве – по 15 тысяч, в Азербайджане, Молдавии, Эстонии – по 10 тысяч, в Таджикистане, Киргизии, Армении, Туркменистане, Карело-Финской ССР – по 5 тысяч.

Поэтому в состав Верховного Совета РСФСР избирались в 1947 г. 723 депутата, в Верховный Совет Белорусской ССР – 475, Узбекской ССР – 395, Украинской ССР – 384, Азербайджанской ССР – 310, Казахской ССР – 300, Киргизской ССР – 284, Таджикской ССР – 282, Молдавской ССР – 266, Армянской ССР – 256, Грузинской ССР – 237, Туркменской ССР – 226, Карело-Финской ССР – 133, Латвийской ССР – 100, Эстонской ССР – 80, Литовской ССР – 79 депутатов[30].

---

[28] РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 700, л. 54.
[29] ГАРФ, д. 427, л. 12, 17.
[30] Там же, д. 427, л. 3.

Своеобразная иерархия республиканских парламентов строго поддерживалась партийными идеологами. Когда в 1946 г. руководство Узбекистана поставило вопрос об уменьшении избирательной нормы по выборам в Верховный Совет Узбекской ССР с 15 тысяч до 12 тысяч населения на избирательный округ, то руководство Президиума Верховного Совета СССР сразу же стало апеллировать к партийному руководству в лице секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, доказывая ему, что увеличение состава Верховного Совета Узбекской ССР приведет к тому, что он будет иметь до 500 депутатов. Казахская ССР, «почти одинаковая по численности населения», подчеркивалось в письме, имеет в Верховном Совете 300 депутатов, а Украинская ССР, «в несколько раз превышающая Узбекскую ССР по численности населения», имеет в Верховном Совете «только 384 депутата»[31].

Тщательность и строгость партийного контроля за избирательным процессом в высшие органы власти республик, а тем более в Верховный Совет СССР, в последующие годы только возрастали. Партийная власть начинала «расписывать» состав будущего Верховного Совета по половозрастным, образовательным, социальным и национальным признакам уже с уровня избирательных комиссий. Например, 19 декабря 1978 г. состоялось заседание бюро ЦК КП Узбекистана, на котором обсуждался состав избирательной комиссии Узбекской ССР по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР десятого созыва. Было решено принять предложения обкомов партии о кандидатурах, рекомендуемых в состав избирательной комиссии, поручить осуществлять контроль за выдвижением, утверждением и опубликованием состава комиссии отделам организационно-партийной работы, пропаганды и агитации[32].

На этом заседании был «оформлен» облик будущей избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей. В комиссии должны быть представлены 8 женщин, 7 беспартийных. А вот по национальному признаку по сравнению с составом соответствующей комиссии в 1974 г. произошли «существенные изменения»: в 1974 г. в комиссии «отображать» национальную структуру республики были призваны 10 узбеков, 4 русских, по одному казаху, каракалпаку, таджику, азербайджанцу, татарину (крымскому, по всей вероятности. – *А. М.*); в 1979 г. число узбеков увеличилось на одного человека, зато сократилась на одного члена комиссии ее русская часть, «отказано в доверии» азербайджанцу и «назначен» украинец[33]. Практика эта была повсеместная, с незначительными и не меняющими сути вариациями.

Назначение «всенародно избранных» происходило без учета необходимости каким-либо образом соответствовать тому региону, от которого избирался тот или иной депутат. Бывший председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный, к примеру, полагал это за достоинство советской формы демократии: «Сам я русский, записан украинцем, приехал из Мо-

[31] ГАРФ, л. 2.

[32] РГАНИ, ф. 5, оп. 75, д. 158, л. 44.

[33] Там же, ф. 5, оп. 75, д. 158, л. 48.

сквы, второй секретарь ЦК партии Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР от Казахстана (я тогда был депутатом от Уральска)»[34].

Не для всех избирателей такой порядок «представительства и защиты интересов» национально-государственных образований в Совете Национальностей был понятен. Так, москвич М. В. Рущинский в июле 1964 г. обратился к председателю Совета Национальностей Я. В. Пейве с недоумением по поводу прочитанной в «Известиях» речи депутата Совета Национальностей, председателя Мосгорисполкома В. Ф. Промыслова на сессии Верховного Совета. Удивление автора письма вызвала справка под фамилией депутата: «Усть-Майский избирательный округ, Якутская АССР», а заинтересовало то, «что он скажет от имени своих избирателей». «Прочитал. Все – о Москве. О Якутии – ни слова... Кого же представляет В. Ф. Промыслов в Совете Национальностей: Якутию или Москву?»[35] Ирония избирателя только подчеркивала формализм подобной практики защиты интересов автономии.

«Назначение» представителей союзной политической элиты в далекие избирательные округа по выборам в Совет Национальностей, откровенный формализм при выборах служил причиной их нежелания не только заниматься, но и даже интересоваться судьбой избравших их людей. Так, житель Баку А. А. Гусейн-Заде в феврале 1975 г. писал Председателю Совета Национальностей В. П. Рубену, что ему необходима личная встреча с депутатом Совета Национальностей, председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым, который «живет и работает в Москве, а депутатом избран из г. Баку». Байбаков, подчеркивал он, ни разу не производил прием избирателей на месте, т. е. в г. Баку, «... не могу же я обратиться к другим депутатам, если имеется свой депутат»[36]. Таких обращений в Совет Национальностей поступало достаточно много. Избиратели искренне недоумевали по поводу «демократичности» выборной и представительной советской власти.

Например, В. Г. Сарапин из Одессы в обращении к В. П. Рубену в октябре 1974 г. отмечал, что он обратился с просьбой помочь попасть на прием к депутату П. Н. Козырю, «к тому депутату, за которого я голосовал» и констатировал, что «согласно Конституции голосовать я имею право, а если мне нужно попасть на прием, то здесь у меня нет никаких человеческих прав. Как быть с Конституцией?»[37]

Практически не существовало возможности и личного обращения «избирателей различных национальностей» к самому председателю Совета Национальностей. Как предупреждал его председатель Ю. И. Палецкис в 1967 г., «отдельной приемной Совета Национальностей не имеется, а только общая приемная Президиума Верховного Совета СССР, в которой я теперь не бываю. Для частных встреч, к сожалению, не имею времени»[38].

---

[34] *Семичастный В. Е.* Указ. соч. С. 136.

[35] ГАРФ, оп. 83, д. 182, л. 149.

[36] Там же, оп. 117, д. 144, л. 88.

[37] Там же, оп. 83, д. 145, л. 99.

[38] Там же, оп. 101, д. 155, л. 19.

Закрытость власти от общества, игнорирование интересов тех, кто участвовал в процедуре оформления «назначения» в состав высшей политической элиты государства, пожалуй, ярче всего иллюстрируют подобные отношения.

1.3. Порядок формирования Совета Национальностей Верховного Совета СССР как отражение иерархической советской федерации

Если выборы в Совет Союза проходили в избирательных округах, формировавшихся по норме: один избирательный округ – 300 000 человек населения (не избирателей, что приводило к некоторому неравенству в правах между избирателями, поскольку возрастной состав населения в разных регионах был различным) – один депутат; то Совет Национальностей избирался по территориально-административному принципу. 25 депутатов избирались от каждой союзной республики, по 11 – от каждой автономной республики, по 5 депутатов – от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа. Таким образом, в названии этой палаты слово «национальность» приблизительно соответствовало понятию «нация» в политическом смысле.

Правом быть представленным в высшем органе страны обладали только те национальности, которые имели национально-государственный статус в виде союзной либо автономной республики, автономной области либо национального округа. Причем, неравное количество депутатов от национально-государственных образований лишь подчеркивало неодинаковые ранги советских народов, поделенных по принципу: кому – союзная республика, кому – национальный округ, кому – ни того ни другого.

Национальная структура Совета Национальностей в послевоенный период хорошо иллюстрировала данное положение. В Совет Национальностей второго созыва в 1946 г. были избраны представители всех титульных этносов, т. е. тех, которые были обозначены в наименованиях союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. Лишь от Таймырского национального округа был избран русский депутат[39].

Большинство представителей советских титульных этносов были избраны и в Совет Союза. В этой палате не были представлены коми, якуты, кабардинцы, финны, абхазы, каракалпаки, алтайцы, даргинцы, адыгейцы, кумыки, лезгины, черкесы, эвенки, вепсы, лакцы, коми-пермяки, коряки, ханты, чукчи, ненцы, курды, иранцы, чехи. Их представительство ограничивалось Советом Национальностей. Несмотря на то, что в Совет Союза были избраны два поляка и один грек, следует констатировать, что Совет Национальностей был представлен большим национальным многообразием: в его составе значились представители 51 советского этноса, а в Совете Союза – 30[40].

---

[39] ГАРФ, оп. 47, д. 1, л. 85.

[40] Там же, л. 47–85.

Приблизительно такое соотношение сохранилось и в последующие созывы. В Совет Национальностей IV созыва (1954–1958 гг.) были избраны представители 46 советских этносов, да еще 10 депутатов представляли «народности Дагестана»: в то время как в Совете Союза – 28 и 3 депутата от Дагестана, причем вновь были избраны два поляка.

Конечно, численно в Совете Национальностей, как и в Совете Союза, преобладали русские депутаты. В 1946 г. в Совет Национальностей было избрано 134 русских депутата, а в Совет Союза – 380[41], в 1954 г. – соответственно 154 и 422. Зато число депутатов грузинской и азербайджанской национальностей в Совете Национальностей второго созыва превосходило число депутатов украинской национальности (соответственно 43 и 34 против 33)[42].

Причиной такого соотношения являлось то, что грузины были избраны не только от Грузинской ССР (24 депутата), но и от Абхазской АССР (6 депутатов), Аджарской АССР (10 из 11 депутатов), Юго-Осетинской автономной области (2 депутата), входивших в состав Грузинской ССР, а также Северо-Осетинской АССР (1 депутат). Азербайджанцы обеспечили себе столь широкое представительство за счет избрания их не только от Азербайджанской ССР (22 депутата), но и от автономной Нахичеванской республики (10 человек). Еще 2 депутата азербайджанской национальности были избраны от Армении и Узбекистана. Следует отметить также, что находящаяся в составе Азербайджана Нагорно-Карабахская автономная область традиционно «усиливала» армянскую «фракцию» в Совете Национальностей – в 1946 г. от НКАО были избраны все 5 депутатов армянской национальности. Наличие в составе Узбекской ССР Каракалпакской АССР позволило увеличить представительство узбеков в Совете Национальностей[43].

Таким образом, национально-государственная, а не национальная структура СССР являлась решающим фактором при формировании национальной структуры Совета Национальностей. С незначительными вариациями национальная структура Совета Национальностей соответствовала национально-территориальной структуре СССР.

На такое положение болезненно реагировали прежде всего представители тех советских этносов, которые вообще не имели своей национальной государственности либо были ее лишены. «Какое может быть равноправие? – взывал немец К. К. Боркеман из Волгоградской области на приеме в Верховном Совете в 1965 г. – Мы по количеству населения больше Таджикской, Туркменской союзных республик. Там в Совете Национальностей по 25 депутатов, да кроме того, в Совете Союза. А нас по количеству в два раза больше. Мы не просим 50 депутатов, а хотя бы 11. Мы лишены всех национальных прав»[44].

Интересно, что в данном случае восстановление исторической справедливости по отношению к «наказанным народам» мыслилось как создание «своей собственной национальной бюрократии». Понимание принципа равенства народов как одинаковости в полу-

[41] ГАРФ, оп. 47, д. 1, л. 47–85.
[42] Там же, л. 48, 51, 53.
[43] Там же, л. 47–85.
[44] Там же, оп. 83, д. 423, д. 423, л. 38.

чении «этнических» территорий, границ, обязательности наличия, в первую очередь, своего национального государственно-бюрократического аппарата, наделения равным национально-государственным статусом было свойственно всем национальным движениям в СССР. Следуя логике такого рода понимания проблемы «решения национального вопроса», Советский Союз должен был включать в себя никак не менее 150 союзных (различие в форме и статусе национально-государственного самоопределения в этом случае объективно способствовало бы возникновению движений за достижение равного с другими ранга) республик.

Улавливался и основной принцип наделения правом представительства в высшем государственном органе – обладание национальной территорией. Так, немец И. И. Гюнтер в 1963 г. писал председателю Президиума Верховного Совета СССР, что немецкая нация лишена своей республики и территории, а в качестве противоположного примера приводил тезис о положении евреев, «у которых сроду в царской России не было своей территории и они даже не определялись нацией, потому что они никогда не жили на определенной территории и их штамм находится в Израиле, но тем не менее советская власть выделила им территорию (Биробиджан) и сделала их нацией»[45].

Власть отвечала на подобные заявления главным марксистским постулатом: «классы – первичны, нации – вторичны». «Равноправие не заключается в вопросе национальном и не является главным в марксизме-ленинизме, – заявил на встрече с советскими немцами заместитель заведующего приемной Президиума Верховного Совета СССР А. Н. Копенкин, – равноправие – это равное отношение к средствам производства. Это распространяется и на русских, и на украинцев, грузин, на граждан немецкой национальности и всех других граждан»[46]. Возникал естественный вопрос о том, можно ли добиться «равного отношения к средствам производства» в условиях, когда отдельные этносы обладали на определенной территории большей властью, чем, к примеру, живущие на этой же территории, но стоящие в иерархии национально-государственных образований на ступеньку ниже или вообще в эту иерархию не включенные.

Далее чиновник рассуждал в этом же духе: этнос, «обладающий» своей территорией и национальной государственностью, владеет на этой территории и властью: «Возьмем Казахстан. Республика численностью в 9 млн человек, а казахов немного, большинство русских, украинцев и других национальностей, но управляют казахи»[47].

Необходимо учитывать и то, что подобная структура Совета Национальностей как высшего органа власти оказывалась весьма условной и носила декларативный характер. Иногда при изменении этой структуры даже не требовалось соблюдения буквы Конституции СССР. Так, при преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР в Совете

---

[45] ГАРФ, оп. 83, д. 423, д. 423, л. 38.

[46] Там же, л. 162.

[47] Там же, оп. 83, д. 423, л. 163.

Национальностей остались все 25 депутатов, избранных по норме «от союзной республики».

Объяснено это было практическими соображениями: «Учитывая трудности проведения новых выборов в Верховный Совет от Карельской АССР, а также имея в виду, что некоторые депутаты Совета Национальностей от Карело-Финской ССР избраны в состав постоянных комиссий Совета Национальностей, а товарищ О.В. Куусинен находится в составе Президиума Верховного Совета СССР, представляется целесообразным изменение количества представителей в Совет Национальностей от Карельской АССР произвести при очередных выборах...»[48]. Таким образом, на короткое время количество депутатов, представлявших интересы одной из автономных республик, вдвое превысило число депутатов каждой из остальных автономных республик и равнялось числу депутатов каждой из союзных республик.

Интересна национальная принадлежность избираемых на первой сессии каждого созыва Председателей Совета Национальностей. Председателем Совета Национальностей второго созыва (1946–1950 гг.) был избран русский В. В. Кузнецов, третьего (1950–1954 гг.) – казах Ж. Шаяхметов, четвертого (1954–1958 гг.) – латыш В. Т. Лацис, пятого (1958–1962 гг.) и шестого (1962– 1966 гг.) созывов – латыш Я. В. Пейве, седьмого (1966–1970 гг.) – латыш Ю. И. Палецкис, восьмого (1970–1974 гг.) – узбечка Я. С. Насриддинова, девятого (1974–1978) и десятого (1979–1984 гг.) созывов – латыш В. П. Рубен, одиннадцатого (1984–1989 гг.) – латыш А. Е. Восс. В 1989 г. председателем Совета Национальностей был избран узбек Р. Н. Нишанов. Итак, должность Председателя Совета Национальностей была в основном традиционно «зарезервирована для высокопоставленных латвийских "отставников"»[49].

Советское руководство не усматривало в положении, при котором Совет Национальностей представлял интересы отнюдь не всех советских народов, а только тех, которые обладали какой-либо формой государственности, и являлся по сути самой яркой демонстрацией иерархического строения советской федерации, ничего необычного. Совершенствование структуры данного органа предлагалось не по линии увеличения представительства в нем советских этносов, что являлось также делом нереальным и практически неосуществимым в силу огромной полиэтничности государства, а по линии увеличения числа депутатов от соответствующей национально-государственной единицы. Например, среди предложений к проектам статей новой Конституции об автономных республиках, автономных областях и национальных округах, направленных в июле 1964 г. рабочей группой в составе З. Нуриева, М. Бгажбы, С. Батыева, Б. Кабелаева, С. Тока председателю президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну, содержалось предложение «об увеличении числа представителей от государственно-национальных образований в Верхов-

[48] ГАРФ, оп. 75, д. 353, л. 13.

[49] *Станкевич З. А.* История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001. С. 74.

ном Совете (от автономной республики – до 12 депутатов, от автономной области – до 6, от национального округа – до 2)»[50].

Предлагалось также «приподнять» статус автономных республик, введя «в число членов Президиума Верховного Совета СССР по одному представителю от каждой автономной республики (на правах заместителей)»[51].

Количественные параметры проблемы представительства «титульных этносов» в Совете Национальностей больше занимали членов подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства Комиссии Верховного Совета СССР для подготовки проекта новой Конституции СССР. В июне 1964 г. председатель подкомиссии А. И. Микоян направил Н. С. Хрущеву предварительные соображения комиссии, в рамках которых счел необходимым отметить количественное неравенство между палатами Верховного Совета. После первых выборов в Верховный Совет в 1938 г. в Совете Союза было 569 депутатов и в Совете Национальностей – 574, т.е. существовало примерное равенство. В настоящее время, подчеркивал А. И. Микоян, в Совете Союза – 791 депутат, в Совете Национальностей – 652[52].

В дальнейшем в связи с ростом населения количество депутатов в Совете Союза неизбежно должно было превосходить количество депутатов Совета Национальностей, поскольку изменение количества депутатов в Совете Национальностей при существующей системе выборов в этот орган могло произойти только лишь при преобразовании статусного уровня национально-государственных образований в СССР либо при наделении определенных этносов, лишенных этого статуса, правом образовать государственность какого-либо уровня. Советская практика национально-государственного строительства свидетельствует о том, что на такого рода преобразования власть шла неохотно.

И в данном случае подкомиссия исходила из того, что «вопросы национальной политики изложены (в проекте Конституции. – *А. М.*) правильно, подтверждены жизнью, и внесение коренных, принципиальных изменений не вызывается необходимостью»[53]. А. И. Микоян предлагал все же установить такое «представительство союзных, автономных республик, автономных областей и национальных округов в Совете Национальностей, чтобы его численность ко времени принятия Конституции была равной численности Совета Союза». Понимая, что численное неравенство между палатами будет воспроизводиться в дальнейшем, Микоян считал: необходимо конституционным путем закрепить право Совета Национальностей «по любому вопросу» потребовать «раздельного голосования по палатам»[54].

Внутренняя противоречивость национальной структуры высших органов страны, призванных проводить государственную политику в межнациональной сфере, не могла

---

[50] ГАРФ, оп. 131, д. 58, л. 3.
[51] Там же, л. 2.
[52] РГАНИ, оп. 30, д. 468, л. 12.
[53] Там же, оп. 30, д. 468, л. 2.
[54] Там же, л. 12.

остаться незамеченной со стороны некоторых работников действующего на постоянной основе аппарата Президиума Верховного Совета. Так, заведующий отделом по вопросам работы Советов П. Туманов в мае 1961 г. в докладной записке председателю Президиума Л. И. Брежневу (речь шла в данном случае о подготовке новой Конституции) утверждал, что для большинства национальных автономий, входящих в состав РСФСР, «не обеспечено равное представительство в Верховном Совете РСФСР (зато есть в Совете Национальностей СССР)» и предлагал такое положение исправить[55].

П. Туманов подчеркивал, что в Верховном Совете РСФСР один депутат избирается от 150 тысяч человек, и при таком порядке «ряд автономий вообще не может быть представлен в Верховном Совете РСФСР». В качестве примера приводилась Хакасия, которая может иметь трех депутатов, в то время как Тува – одного, Башкирия с населением в 3 342 тысячи человек – 22 депутата, а Кабардино-Балкарская АССР с населением в 420 тысяч человек – трех депутатов. Туманов исходил из пресловутой формулы, позволяющей иметь представительство в высших органах власти лишь обладающим государственным статусом этносам, однако совершенно справедливым было его замечание, что при высшем органе государственной власти РСФСР – Верховном Совете – «нет никакого органа по делам национальностей, хотя из 126 наций и народностей, населяющих СССР, большинство находится на территории России». А ведь в свое время, заключал он, «при ВЦИК была комиссия по делам национальностей»[56].

Таким образом, дальше предложений по увеличению количественного представительства «титульных» этносов в Совете Национальностей дело не шло. Существовавшую систему представительства, поскольку она казалась «совершенной», преобразовывать власть не считала нужной.

Совет Национальностей Верховного Совета СССР являлся высшим представительным государственным органом, «представлявшим» не интересы всех этносов, населяющих страну, а интересы национально-государственных образований, входящих в Союз. «Степень представленности», в свою очередь, зависела от ранга той национально-государственной единицы, которую соответствующий этнос и представлял.

Национальная структура Совета Национальностей ярче всего демонстрировала иерархический характер советской федерации: союзные республики были представлены большим числом депутатов, нежели автономные республики, от которых избиралось депутатов больше, чем от автономных областей, опять же «гордившихся» тем, что их право иметь в высшем представительном органе страны пять депутатов «превышает» подобное право национальных округов «ровно в 5 раз». Этносам, не обладающим национально-государственным статусом, независимо от их численности, место в Совете Национальностей Конституцией не гарантировалось.

---

[55] ГАРФ, оп. 78, д. 699, л. 3.

[56] Там же, л. 9.

1.4. Организационная структура Совета Национальностей Верховного Совета СССР

Об организационной структуре работы Совета Национальностей Верховного Совета СССР дает представление справка юридического отдела при секретариате Президиума Верховного Совета СССР, составленная в порядке обмена парламентским опытом для председателя Скупщины Народной Республики Югославии.

Согласно статьям 44 и 45 Конституции СССР председатели Совета Союза и Совета Национальностей должны были руководить заседаниями соответствующих палат и ведать их внутренним распорядком, а также поочередно вести совместные заседания обеих палат Верховного Совета. Заместители председателей палат были призваны замещать председателей палат в случае их отсутствия, а также вместе с председателями – руководить заседаниями палат. Другой важной задачей председателей и их заместителей являлось «оказание депутатам соответствующих палат необходимой помощи в их работе» и регулярное осуществление связи с депутатами, причем на расходы «по сношениям с депутатами и на представительство» в их распоряжение выделялось во второй половине 1940-х годов, в частности, «по 300 тысяч рублей в год по каждой палате»[57].

Совет Союза и Совет Национальностей законодательной инициативой обладали в одинаковой мере. Кроме них этим правом владели постоянные комиссии палат, а также Президиум Верховного Совета СССР, депутаты, советское правительство, союзные республики в лице их высших органов государственной власти. Законопроекты вносились на рассмотрение Верховного Совета через председателей палат, а обсуждались либо раздельно по палатам, либо обе эти палаты заслушивали на совместных заседаниях доклады по законопроектам, а дальнейшее обсуждение и принятие решений по законопроектам происходило раздельно по палатам[58].

В целом законодательная деятельность Верховного Совета проходила в период сессий, на которые депутаты собирались два раза в год. Наиболее ярко работа сессий Верховного Совета предстает в воспоминаниях видного советского государственного и партийного деятеля 1940–1950-х годов Д. Т. Шепилова. «Без каких-либо вопросов и обсуждений на заседаниях палат единогласно принимались заготовленные предложения о председателях и заместителях Председателей Совета Союза и Совета Национальностей, о порядке дня сессии, о составе постоянных комиссий». «Дальше обычно заслушиваются доклады о государственном бюджете и народнохозяйственном плане на предстоящий год». По этим докладам в течение нескольких дней в обеих палатах ведутся прения. «Но эти прения на 9/10 никакой связи с содержанием докладов не имеют» и «на проектировку бюджета или плана ход прений никакого влияния не оказывает»[59].

---

[57] ГАРФ, оп. 65, д. 325, л. 4, 5.
[58] Там же, л. 5, 6, 7.
[59] *Шепилов Д.* Указ.соч. С. 170.

Никаких вопросов по законопроектам, «тем более с оттенком сомнения», на сессиях задавать было не принято. «За 8 лет моего пребывания в депутатах Верховного Совета СССР, – вспоминает Шепилов, – не было ни единого случая, чтобы какой-либо депутат по какому-либо вопросу даже в стадии обсуждения высказался отрицательно по проекту, а тем более проголосовал против или хотя бы воздержался от голосования». На пятый или шестой день сессии «без каких-либо обсуждений... единогласно утверждаются все указы, принятые между сессиями, а на первых сессиях после выборов открытым голосованием избирается Президиум Верховного Совета СССР и утверждается правительство – Совет Министров СССР». «Нагруженные покупками, депутаты разъезжаются по домам до следующего года»[60]. Налицо, в общем-то, одно из главных направлений национальной политики: добиться лояльности со стороны национальной бюрократии путем предоставления различных льгот и привилегий. «Нагруженные подарками» национальные элиты будут верны центру до тех пор, пока не иссякнут его возможности материально подкреплять эти элиты.

Был, конечно, резон в вопросе великого полководца и депутата Верховного Совета маршала Г. К. Жукова, заданном Шепилову: «Зачем мы каждый год устраиваем такую петрушку?... Зачем же мы отрываем тысячи занятых людей на такие сессии, которые ничего на деле не обсуждают и ничего не решают? Кого мы обманываем?»[61]

Последующее поколение советских политиков оценивало роль Верховного Совета еще более уничижительно. А. Грачев подчеркивает, что «в отличие от Старой площади после 1964 г. Кремлю была отведена декоративная роль фасада советского государственного здания. В нем заседал Верховный Совет, собираясь под присмотром гигантской ленинской статуи на 2–3 дня дважды в год, чтобы стоя поаплодировать партийному вождю и его соратникам». Даже «в виде приложений к протоколам Политбюро оформлялись и будущие решения Верховного Совета – проекты законов и даже постановления о награждении почетными званиями и орденами»[62].

В послевоенный период очень часто практиковались совместные заседания палат, что и вызвало в «эпоху гласности и демократизации» запоздалую критику со стороны депутатов и ученых. Так, в декабре 1989 г. доктор философских наук, заведующий кафедрой Грузинского института субтропического хозяйства Л. Г. Джахая обратился к М. С. Горбачеву с письмом, в котором осудил «антиконституционную практику» систематических совместных заседаний Совета Союза и Совета Национальностей. Из двухпалатного Верховный Совет превращается в однопалатный парламент, «полностью нивелируется специфика Совета Национальностей как функционально иного подразделения в структуре Верховного Совета и соответственно снижается его роль в решении проблем советской федерации»[63].

---

[60] *Шепилов Д.* Указ.соч. С. 171–173.

[61] Там же. С. 173.

[62] *Грачев А.* Указ. соч. С. 8–9.

[63] ГАРФ, ф. Р–9654, оп. 6, д. 112, л. 115.

При таком положении, продолжал Джахая, председатели палат «фактически оказались не у дел, они лишены своих полномочий и... превратились в молчаливых парламентских статистов, поскольку на совместных заседаниях обеих палат попеременно председательствует председатель Верховного Совета СССР, либо его заместитель»[64].

При этом количество парламентских комитетов и комиссий, а также выступающих депутатов «сократилось вдвое по сравнению с тем, сколько их могло быть при раздельной работе обеих палат». Голосование и принятие решений на совместных заседаниях проводится простым большинством, в то время как при раздельных заседаниях Совет Национальностей, учитывая позицию союзных и автономных республик, «может проголосовать против некоторых законопроектов, что повлечет за собой создание согласительной комиссии»[65].

Критика в данном случае касалась Верховного Совета, образованного в период перестройки в ходе правовой реформы и под лозунгом восстановления полновластия советов, однако она достаточно полно характеризовала и специфику деятельности Совета Союза и Совета Национальностей предыдущих созывов. Можно согласиться и с основным выводом ученого, который практику совместных заседаний палат характеризовал как «стремление новой бюрократии держать под своим постоянным и неослабным контролем высший законодательный орган страны»[66].

Согласно статье 39 Конституции СССР 1936 г. закон считался утвержденным, если он был принят обеими палатами Верховного Совета. Принятые Верховным Советом законы, за исключением тех, на которых стоял гриф, запрещающий публикацию в открытой печати, в соответствии со статьей 40 Конституции публиковались на языках союзных республик за подписями Председателя и секретаря Президиума и датировались днем его принятия на сессии Верховного Совета.

Конституция СССР предусматривала, что в случае разногласий между Советом Союза и Советом Национальностей (его, впрочем, в практике советского законостроительства «не случилось») вопрос мог быть передан «на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах». Если же решение согласительной комиссии не смогло бы удовлетворить одну из палат, вопрос должен был рассматриваться вторично в палатах, и только при отсутствии «согласного решения» двух палат Президиум Верховного Совета обязан был распустить Верховный Совет и назначить новые выборы[67].

В Верховном Совете также действовали советы старейшин палат, которые предварительно обсуждали некоторые вопросы, связанные с организацией работы сессий. Советы старейшин палат состояли из представителей групп делегатов от республик, краев и областей.

---

[64] ГАРФ, л. 115.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же, ф. Р–7523, оп. 65, д. 325, л. 8.

1.5. Роль постоянных комиссий Совета Национальностей в решении вопросов в сфере межнациональных отношений

Совет Союза и Совет Национальностей на первых своих заседаниях очередного созыва образовывали постояннодействующие комиссии: бюджетную, комиссию законодательных предположений, комиссию по иностранным делам. Оценку деятельности этих комиссий современники давали достаточно резкую: «Все знают, что комиссии эти никакой роли в жизни государства не играют и чаще всего не работают вообще, хотя могли бы быть очень важными инструментами советской парламентской демократии»[68]. Представляется, что роль этих комиссий была все же не такой однозначной.

Председатели обеих палат получали на определенное время до сессии проект государственного бюджета с объяснительными материалами. Затем все эти документы направлялись председателям бюджетных комиссий палат на предварительное рассмотрение. Для работы над бюджетом страны комиссии имели право привлечь депутатов, представителей министерств и ведомств, научных и общественных организаций, а также отдельных сведущих в финансовых вопросах лиц. Бюджетными комиссиями составлялись специальные заключения по проекту государственного бюджета, которые докладывались на сессиях в соответствующих палатах. Закон о государственном бюджете голосовался по статьям, а госбюджет – по разделам доходов и расходов.

Исследуя деятельность бюджетных комиссий Совета Национальностей, так и не удалось обнаружить за весь послевоенный период сколь-нибудь серьезных дискуссионных сюжетов при обсуждении и принятии законов о госбюджете страны. Вряд ли можно считать, что бюджетная комиссия Совета Национальностей, равно как и подобная комиссия Совета Союза, работающая в подобном режиме, а зачастую совместно, могла серьезно влиять на подготовленный Совмином проект госбюджета и определенный партийным руководством страны экономический курс. Ограничивая свое участие в выработке основного экономического закона страны малосущественными замечаниями, бюджетная комиссия Совета Национальностей не могла в достаточной мере представлять и защищать экономические интересы национальных образований, чему, собственно, и была предназначена ее деятельность.

Несмотря на это, при подготовке проекта главы новой Конституции по госплану и госбюджету подчеркивалось, что «существующая практика подтвердила целесообразность участия в рассмотрении Госплана и Госбюджета постоянных комиссий Верховного Совета»[69].

Тем не менее в 1958 г. в Совете Национальностей была образована еще и Экономическая комиссия.

Комиссии по иностранным делам имели своей задачей предварительное рассмотрение вопросов внешней политики и международных отношений СССР, отнесенных, со-

[68] *Шепилов Д.* Указ соч. С. 170.

[69] ГАРФ, оп. 78, д. 2444, л. 14.

гласно Конституции, к ведению высших органов государственной власти СССР. Вряд ли данная комиссия по своей природе могла отражать какую-либо национальную специфику государства, поэтому образование подобной комиссии было более оправдано в Совете Союза. В данном случае комиссия по иностранным делам Совета Национальностей давала возможность и обоснованный повод депутатам совершить столь желанный вояж за границу.

Национальный аспект деятельности Совета Национальностей, безусловно, мог бы быть представлен в деятельности комиссии законодательных предположений, которая имела своей задачей предварительное рассмотрение законопроектов и подготовку заключений по законопроектам, вносимых на рассмотрение Верховного Совета СССР. Комиссия к тому же имела право готовить законопроекты как по поручению палаты, так и по своей инициативе[70].

Впервые комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей были избраны в январе 1938 г. С начала своего образования комиссии принимали активное участие в подготовке и рассмотрении законопроектов, вносимых на утверждение Верховного Совета. Так, уже в 1938 г. они дали заключение по проекту Закона о судопроизводстве СССР, союзных и автономных республик, а также вносили на рассмотрение Верховного Совета законопроекты в порядке собственной инициативы[71].

Великая Отечественная война прервала деятельность комиссий. После окончания войны и выборов Верховного Совета второго созыва деятельность комиссий возобновилась.

В феврале 1947 г. палаты Верховного Совета СССР утвердили положения о комиссиях законодательных предположений. До этого работой комиссий руководили бюро из двух членов и секретаря. В Совете Национальностей бюро возглавляли Г. В. Перов, М. Ф. Шкирятов, М. Г. Кириченко[72]. В феврале 1947 г. первым председателем комиссии законодательных предположений Совета Национальностей послевоенных созывов был избран Г. В. Перов. Комиссия имела свой секретариат, который проводил предварительное изучение и обобщение поступающих материалов, готовил их к заседанию комиссии, вел делопроизводство и переписку[73].

Секретариат организовывал работу подкомиссий, которые создавались в целях всестороннего и более тщательного изучения законопроектов из членов комиссии, научных и практических работников, не являющихся депутатами. Ряд законопроектов в процессе их обсуждения рассылались в союзные республики, где над ними работали с привлечением местных работников. Замечания, полученные из республик, впоследствии учитывались при обсуждении законопроектов в комиссии[74].

---

[70] ГАРФ, оп. 65, д. 325, л. 9.
[71] Там же, оп. 45–а, д. 37, л. 10.
[72] Там же, д. 3, л. 4.
[73] Там же, д. 37, л. 54.
[74] Там же, л. 68.

Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей работали над одними и теми же законопроектами, поэтому часто проводились совместные заседания (так, в 1954–1957 гг. комиссия законодательных предположений Совета Национальностей провела лишь три заседания, в то время как соответствующая комиссия Совета Союза – 13, совместных же заседаний было 29[75]).

В 1940–1950-е гг. довольно часто декларировался принцип, согласно которому «при рассмотрении общесоюзных законопроектов комиссия законодательных предположений Совета Национальностей обращает особое внимание на то обстоятельство, как они отражают национально-бытовые и прочие специфические особенности отдельных республик, краев и областей»[76]. К примеру, член комиссии депутат Н. А. Масленникова при обсуждении проекта «Основ законодательства о браке и семье» в феврале 1948 г. подчеркивала, что «это очень деликатный вопрос» и нужно «считаться со всеми национальными особенностями, которых много у каждого народа, у каждой нации». Вот почему, указывала она, требуется «особое участие республик». Достаточно немного расширить рамки законопроекта, подчеркивала Масленникова, «и уже будут затронуты некоторые положения, которые являются святыней для того или иного народа, той или иной национальности»[77].

Тогда же при обсуждении проекта «Основных начал водопользования СССР» ряд членов комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей призывали учитывать национально-особенное. Депутат Д. З. Протопопов необходимость принятия этого законопроекта видел в «ежегодно возникающих спорах между союзными республиками», поскольку ряд республик имели общие водные источники (Сыр-Дарья, Аму-Дарья и др.) и крупные мелиоративные системы (Большой Ферганский канал и др.). Если «в жаркий период задержать полив на 1–2 дня», полагал он, значит получить низкий урожай и «подвести ту или иную республику, ту или иную область»[78].

Депутат Совета Национальностей А. Абдурахманов, отмечая, что «узбеки, таджики и казахи пользуются водами Аму-Дарьи», указывал, что в Узбекистане есть закон о водопользовании, но он «не увязывается по ряду обстоятельств с аналогичными законами других союзных республик»[79]. Министр сельского хозяйства СССР Н. А. Скворцов на этом же заседании утверждал, что «мы хорошо знаем о том, какие споры возникали на почве водопользования в Средней Азии» и предостерегал, что «еще не знаем, какие трудности в этой области у нас возникнут на Северном Кавказе и в других областях»[80]. Несмотря на широко декларируемое внимание к национально-особенному, члены комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей в равной мере стреми-

---

[75] ГАРФ, л. 14.
[76] Там же, л. 63.
[77] Там же, оп. 45-а, д. 6, л. 26.
[78] Там же, оп. 45-а, д. 6, л. 15.
[79] Там же, л. 18.
[80] Там же, л. 19.

лись подчеркнуть в вырабатываемых законопроектах унифицирующие, общесоветские нормы.

В 1960–1970-е гг., в эпоху «торжества» «развитого социализма», советского народа как новой исторической общности, «всего советского», вопросы, оттеняющие национально-специфические интересы, практически исчезают из поля зрения комиссии законодательных предположений Совета Национальностей и она, продолжая работать над законопроектами СССР, дублировала деятельность подобной комиссии в Совете Союза.

Еще одна отличительная особенность деятельности комиссий, призванных вырабатывать законы многонационального государства, – крайняя медлительность при работе над законопроектами. С 1946 г. комиссия законодательных предположений Совета Национальностей, как и Совета Союза, работала над уголовным и уголовно-процессуальным кодексами СССР, основами законодательства о браке и семье, основных началах водопользования СССР, основами законодательства о труде, основными началами землепользования, основными началами пользования лесами СССР, основными началами в области просвещения и здравоохранения в СССР, законом об отзыве депутатов[81]. Над этими же законопроектами продолжали работать и комиссии законодательных предположений Совета Национальностей и Совета Союза третьего и четвертого созывов.

В плане работы комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей на 1968 г. были обозначены задачи завершения работы над проектами основ законодательства СССР и союзных республик о браке и семье, совершенствования уголовного законодательства и завершения работы над проектом основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик, продолжения работы над законопроектами основ земельного и водного законодательства, основных начал пользования лесами и недрами СССР, основ законодательства СССР о здравоохранении и законе об учете и статистике в СССР.

Комиссия должна была приступить к разработке основ законодательства об административной ответственности, рассмотреть предложения о необходимости разработки проекта основ законодательства о просвещении и закона о гражданстве СССР[82].

О своей законотворческой деятельности комиссии незамедлительно докладывали партийному руководству. К примеру, 12 декабря 1969 г. комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей на совместном заседании рассмотрели пути улучшения работы министерств путей сообщения и гражданской авиации в соответствии с предложениями и заявлениями граждан, а также предложения по вопросам совершенствования деятельности исправительно-трудовых учреждений МВД СССР. Свои рекомендации комиссии направили в политбюро и общий отдел ЦК КПСС[83]. При этом

---

[81] ГАРФ, д. 37, л. 11.

[82] Там же, оп. 101, д. 2550, л. 12, 13.

[83] Там же, оп. 121, д. 199, л. 2, 3.

практически стало невозможно обнаружить национальный аспект деятельности комиссии Совета Национальностей.

На первых сессиях Верховного Совета каждого созыва Совет Союза и Совет Национальностей избирали мандатные комиссии, которые производили проверку полномочий депутатов. По представлениям мандатных комиссий палаты решали либо признать полномочия, либо признать недействительными выборы отдельных депутатов.

Верховный Совет мог к тому же назначать, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу, однако вплоть до периода перестройки предпочитал этим правом не пользоваться. Сравнение декларируемых прав высшего представительного органа власти в СССР и его палат, анализ реальной деятельности этого органа наиболее ярко демонстрирует главное противоречие советской системы власти – радикальный разрыв между Конституцией и ее исполнением.

Осознание того, что ни один государственный орган эффективно не занимается национальными отношениями в стране, пришло тогда, когда эти самые отношения стали характеризоваться как предкризисные. В отчете руководству Верховного Совета о состоявшемся в июне 1988 г. заседании президиума правления советской социологической ассоциации было обращено внимание на заявления о том, что практически нет ни одной государственной организации, которая бы целенаправленно и эффективно занималась решением назревших проблем в межнациональной сфере. Даже Совет Национальностей, подчеркивала на этом заседании Л. М. Дробижева, «непродуктивно дублирует работу Совета Союза»[84].

Подобное мнение разделяло и новое руководство избранного на I Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. Совета Национальностей. В сентябре 1989 г. его председатель Р. Н. Нишанов подчеркивал, что Совет Национальностей «до сих пор недостаточное внимание уделял национальным вопросам и межнациональным отношениям в СССР», и признавал, что «сейчас Совет Национальностей в рамках своей компетенции делает все, чтобы исправить положение»[85].

Тогда же Г. Х. Попов высказал предложение создавать Советы Национальностей даже при местных советах[86].

Серьезную проблему многие видели в сохраняющейся структуре представительства народов в Совете Национальностей и Верховном Совете в целом. Так, И. О. Бишер на заседании круглого стола в группе научных консультантов при президиуме Верховного Совета СССР в декабре 1988 г., отмечая, что 39 латышских депутатов из 1500 членов Верховного Совета СССР не могут повлиять на его решения, утверждал, что ни в Совете Национальностей, ни в Совете Союза «нет реального обеспечения защиты жизненных интересов республики». Его предложение сводилось к тому, чтобы в Совете Национальностей

---

[84] ГАРФ, оп. 145, д. 4178, л. 21.

[85] Там же, ф. Р–9654, оп. 6, д. 113, л. 27.

[86] Там же, ф. Р–7523, оп. 145, д. 4178, л. 2.

и Верховном Совете существовала такая «норма представительства, которая бы позволяла республике реально отстаивать свои права»[87].

Высказывалось мнение о том, чтобы Совет Национальностей «представлял все автономные и национальные образования и чтобы каждая нация – большая и маленькая – получила одинаковое количество мест», а в Совете Союза «субъекты федерации – союзные республики – должны иметь равное количество мест»[88]. Ф. М. Бородин на этом же заседании заявил о том, что «право на самоопределение должна иметь любая административная единица», следовательно, и иметь представительство в Верховном Совете[89]. Г. В. Старовойтова настаивала на том, что в СССР «народы обладают разными правами, например, области или автономные республики, как было в случае с Абхазией, не могут поменять даже свою республиканскую принадлежность»[90].

В декабре 1988 г., обобщая опыт работы Верховного Совета, руководитель группы научных консультантов В. Васильев констатировал необходимость пересмотра в соответствии с решениями XIX партийной конференции всей практики работы Совета Национальностей. Предполагается, отмечал он, что Совет Национальностей сосредоточит свое внимание на национальных аспектах социально-экономического и духовно-культурного развития страны в целом и отдельных союзных республик, различных автономных образований. Васильев сообщил, что первоочередными задачами обновленного Совета Национальностей станут вопросы о национально-русском двуязычии в республиках Советской Прибалтики, о привлечении женщин-мусульманок Средней Азии к активной трудовой и общественной жизни, о разработке мер, направленных на предотвращение ломки традиционного образа жизни народов Севера и Северо-Востока, о развитии национальных групп и национальных меньшинств[91].

Круг обозначенных задач свидетельствовал, в частности, о крайне узком понимании тех проблем, которые уже накопились в межнациональной сфере, но в большей мере тех, которые обрушатся на советское общество в ближайшем будущем.

Предусматривалось также, что Совет Национальностей будет создавать не только постоянные, но и временные комиссии, состоящие из депутатов, специалистов в области национальных отношений, деятелей национальных культур, партийных работников. Эти комиссии, по мнению руководства Верховного Совета, могли бы снимать напряженность в союзных республиках и автономных образованиях. Выезжая на места, они изучали бы причины возникновения «болевых точек», привлекали к устранению конфликтов «наиболее уважаемых и авторитетных людей в республиках»[92].

---

[87] ГАРФ, л. 70.
[88] Там же.
[89] Там же, л. 76.
[90] Там же, л. 86.
[91] Там же, л. 102.
[92] Там же, л. 103.

В Верховном Совете в это время обсуждался вопрос и о «создании в Верховных Советах ряда союзных республик, где имеются автономные образования, Совета Национальностей в качестве их второй палаты», причем «для РСФСР с ее уникальной и разнообразной национальной структурой» этот вопрос приобретал особое значение. Предполагалось также создание при Совете Национальностей Верховного Совета СССР либо при комиссиях по межнациональным отношениям Верховных Советов союзных республик «общественных Советов малых народов (или групп таких народов)»[93].

Действительно во вновь образованном в 1989 г. Совете Национальностей Верховного Совета СССР вопросами развития национальных отношений уже занимались сразу несколько постоянных комиссий: комиссия по вопросам социального и экономического развития союзных и автономных республик, автономных областей и округов; комиссия по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия. В Верховном Совете был создан отдел по вопросам межнациональных отношений под руководством Л. Д. Шишова. Главную же роль стала играть комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета СССР под руководством Г. С. Таразевича.

Вообще, следует отметить охвативший большинство депутатов задор «комиссиестроительства», их стремление новыми организационными формами немедленно выправить положение в межнациональной сфере. Характерен пример с предложением председателя комиссии Совета Национальностей по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия Чингиза Айтматова создать «своего рода культурный парламент».

В августе 1989 г. при поддержке Р. Н. Нишанова он обратился к заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянову с идеей проведения на «систематической основе (ежегодно) Всесоюзной ассамблеи народных депутатов по культурному развитию», которая бы объединила не только народных депутатов СССР, «проявивших интерес к решению проблем культуры», но и народных депутатов союзных, автономных республик, автономных областей и округов на основе равного представительства для каждого из этих национально-государственных образований». В качестве наблюдателей Айтматов предлагал пригласить представителей создаваемых сегодня культурных ассоциаций (немцев, крымских татар и т.д.)[94].

Уже на первой Всесоюзной ассамблее, которую Айтматов предлагал провести в I квартале 1990 г., предполагалось обсудить концепцию программы развития культуры и основные положения Основ законодательства Союза ССР и союзных республик по культуре, а также безотлагательные меры в области развития и совершенствования управления в сфере культуры народов СССР[95].

---

[93] ГАРФ, л. 110, 111.

[94] Там же, ф. Р-9654, оп. 6, д. 110, л. 19.

[95] Там же, л. 20.

Эта идея вызвала неоднозначную реакцию в Верховном Совете. По мнению некоторых, Айтматов, «родивший» Иссыккульский форум и «мысль о «планетарном праздновании вступления в XXI век», на сей раз предлагает «надуманное мероприятие» – «вроде парламента в парламенте»[96].

А. И. Лукьянов согласился с идеей проведения ассамблеи, но «под патронажем инициатора – комиссии Совета Национальностей по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия» и при условии, что данная ассамблея «не должна формироваться как постоянно действующий орган («парламент в парламенте»), претендующий на верховенство в управлении гуманитарной сферой»[97]. Недостаток средств и осложнение ситуации в стране в целом так и не позволили реализовать идею Ч. Айтматова.

На начальном этапе своей деятельности комиссии испытывали определенное давление со стороны партийных структур (в ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик функционировали к тому времени отделы по межнациональным отношениям и интернациональному воспитанию). К примеру, в 1989 г. инициатива в выработке стратегических подходов и принятии решений в сфере межнациональных отношений еще находилась в руках партийных идеологов (решения XIX партконференции, платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», решения сентябрьского пленума ЦК КПСС). Не случайно члены комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей, «имея пакет предложений, не были допущены на пленум ЦК КПСС, несмотря на настойчивые просьбы»[98].

Однако постепенно по мере утраты влияния и авторитета партийных структур главная роль в решении национальных вопросов переходит к Совету Национальностей, его постоянным и временным, создаваемым для «экстренной помощи» в очередной «горячей точке» комиссиям. Тем более, что заметным было и стремление федеральных партийных и других государственных структур самоустраниться от решения столь острых, сколь и малопонятных и «бесперспективных для быстрого успеха» национальных проблем. При решении вопросов этнических конфликтов Совет Национальностей Верховного Совета СССР в 1990–1991 гг., безусловно, занимал наиболее активную позицию среди всех руководящих структур союзного государства, выступая практически в роли «главного пожарного органа» страны.

Однако вопросы обновления федерации и заключения нового союзного договора оставались в сфере компетенции сначала партийно-государственных общесоюзных органов власти, затем президентских структур, а в 1991 г. решались в рамках прямого диалога М. С. Горбачева с лидерами союзных республик. Несмотря на это, в Совете Национально-

[96] ГАРФ, л. 22.
[97] Там же, л. 26.
[98] Там же, д. 111, л. 39.

стей была создана комиссия по подготовке нового союзного договора, влияние которой, правда, переоценивать не стоит.

В начале 1991 г., после довольно жарких дебатов о месте и роли Совета Национальностей в будущем обновленном Союзе, в Верховном Совете возник проект реформирования комитетов и постоянных комиссий. Было предложено оставить в Верховном Совете 18 комитетов (по международным делам, по вопросам обороны и безопасности страны, по законодательству и гласности, по культуре, по экологии и т. д.), одну постоянную комиссию в Совете Союза (по бюджетно-финансовым и плановым вопросам) и две – в Совете Национальностей (по экономическим отношениям республик и автономных образований, по межнациональным отношениям)[99].

Проект вызвал резкую критику прежде всего со стороны руководителей постоянных комиссий. Не согласился с предложенным вариантом и Г. С. Таразевич. Комиссии Совета Национальностей, отметил он, проводили большую работу вне палат: проработку «специфических проблем в условиях обострения национальных отношений, работу с делегациями народов и национальных групп, выезды в «горячие точки» межнациональных конфликтов и т. д.». Таразевич предлагал сохранить в структуре Совета Национальностей комиссию по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия, поскольку «работа над проектом Союзного договора показывает, что республики в соответствии с декларациями о суверенитете всемерно ограничивают национальную культуру от какого-либо влияния извне, категорически отвергают создание необходимых союзных структур». Председатель комиссии по межнациональным отношениям и национальной политике также полагал, что необходимо сохранить прежнее название возглавляемой им комиссии, поскольку «речь идет о выработке государственной политики в сфере национальных отношений, а не просто о частных проблемах межнациональных отношений»[100].

После августовского путча в условиях распада СССР в рамках Совета Республик существовавшего последние месяцы 1991 г. Верховного Совета СССР функции координации межнациональных отношений в стране были доверены комитетам Совета республик по межреспубликанскому экономическому сотрудничеству во главе с В. О. Исправниковым, по межреспубликанским отношениям во главе с С. Нирмухамедовым, по вопросам организации и деятельности межреспубликанских органов во главе с В. Б. Долгалевым[101].

Таким образом, Совет Национальностей, являясь высшим представительным органом власти в стране, призванным отображать многонациональный характер советского государства и представлять интересы народов, входящих в Союз, по сути являлся государственным органом представительства национально-государственных образований в системе союзной власти. Порядок его формирования, национальная структура Совета

---

[99] ГАРФ, д. 306, л. 13, 14.
[100] Там же, л. 10, 11.
[101] Там же, д. 312, л. 70, 71.

Национальностей подчеркивала иерархический характер федерации и юридическое неравенство советских этносов.

Совет Национальностей, формировавшийся по принципу представительства только тех этносов, которые дали названия созданным Советской властью национально-территориальным образованиям, различающихся к тому же по своему статусу, в концентрированном виде представлял из себя средоточие национальных противоречий в стране. Национально-территориальный принцип деления советского государства в конечном счете приведет его к распаду на 15 национальных государств, в рамках которых продолжит свое разрушительное действие принцип членения на «национальные» территории. Национальные кланы титульных этносов бывших союзных республик, в основном и представленные в Совете Национальностей, явились главными движущими силами дезинтеграционных процессов в Союзе на последнем этапе его существования.

Именно Совет Национальностей, наряду с Советом Союза, утверждал основное направление национальной политики правящей партии, декларировавшей своей целью достижение «фактического равенства советских наций», а на практике реализовывавшей эту линию за счет ресурсов центра и государствообразующего русского этноса. Совет Национальностей фактом своего существования «освящал» взаимоотношения центра и национально-республиканских элит, выражавшихся в получении «свободы рук» титульных этносов в национальных республиках в обмен на лояльность по отношению к союзной власти.

В условиях формалистической системы выборов, ограниченной компетенции представительной власти в СССР, дублирования деятельности обеих палат Верховного Совета, практически закрепленной конституционно, Совет Национальностей неизбежно становился функционально обезличенным органом власти. Сессионный характер деятельности Совета Национальностей предполагал фрагментарное обращение к своим функциям. Деятельность постоянных комиссий Совета Национальностей, прежде всего комиссии законодательных предположений, могла стать серьезным стабилизирующим фактором в сфере межнациональных отношений, однако комиссии, обладающие правом законодательной инициативы, в условиях партийного диктата оказались не в состоянии предложить осмысленной и отличной от проводимой советским руководством линии в межнациональных отношениях.

Однако в идее существования и деятельности органа власти, защищающего специфические национальные интересы, были заложены огромные перспективы. Деятельность Совета Национальностей, его постоянных и временных комиссий в 1989–1991 гг. свидетельствовала о большой эффективности данного государственного органа власти, в конечном счете необходимости этого звена в системе власти многонационального государства.

Несмотря на то, что Совет Национальностей в 1989–1991 гг. так и не сумел предложить иной, альтернативный советско-большевистскому вариант решения национального вопроса в многонациональной стране, практика его деятельности в эти годы, решающая роль в признании специфичности и самостоятельности национальных проблем, попытка создания законодательной базы совершенствования межнациональных отношений, решимость погасить возникающие с нарастающей периодичностью этнические конфликты свидетельствовали о появлении нового механизма взаимодействия власти и этносов.

ГЛАВА 2

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1945–1953)

В конце 1930-х годов «революция сверху» завершилась. Советский Союз превратился в индустриальную державу и достиг экономической независимости от Запада. В стране окончательно утвердился режим личной власти Сталина, чему в немалой степени способствовали как репрессии 1936–1938 гг., так и вся обстановка, как выражался Сталин, «обострения классовой борьбы». Собственно, идеологическая кампания, связанная с принятием новой Конституции СССР 1936 г., проведение первых выборов в высший законодательный орган страны с новым названием «Верховный Совет СССР» призваны были скрыть обострившуюся и грозящую перерасти в новую гражданскую войну борьбу с инакомыслием в партии и в стране в целом. Неизбежность войны служила оправданием решительных мер власти против «классовых врагов».

В преддверии войны власть прекратила «интернационалистические», космополитические эксперименты 1920-х годов, в основе которых находилось утверждение о «невозможности победы революции в России без победы мировой революции». Игнорировать национальный фактор перед грядущей военной опасностью становилось с политической точки зрения явным легкомыслием. Практика строительства «социализма в одной стране» неизбежно приводила власть к осознанию того, что «социализм» невозможен в СССР без опоры на наиболее многочисленный русский народ (даже с присоединением новых территорий на западе страны 73% ее населения составляли три славянских народа: русские (51,8%), украинцы (17,6%) и белорусы (3,6%)[1]). Предшествующая национал-нигилистская и русофобская политическая линия власть не устраивала.

Появление «пятого пункта» (графа «национальность») в официальных кадровых документах знаменовало собой стремление власти уравновесить, по крайней мере, значимость социально-классового (графа «социальное происхождение») и национального факторов в жизни советского общества. Для самого общества это был сигнал о повороте национальной политики государства в сторону осознания особой роли этнической составляющей жизни страны.

---

[1] Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 15.

В СССР легитимность этнической группы зависела от наличия у нее территории. Очевидно, что потеря территории «денационализировала» этническую группу. Такого рода «денационализация» была проведена во второй половине 1930-х годов, когда большинство национальных районов и сельсоветов были расформированы, многие национальные школы и культурно-образовательные учреждения ликвидированы. Сталинское руководство демонстрировало, что оно больше не хочет управлять 192 языками и 192 аппаратами.

Возможно, данный процесс был вызван растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами (немецкие, финские, корейские, болгарские национальные территориальные единицы). Идеей военно-государственного противостояния легко объяснить и репрессии по национальному признаку, проведенные на оборонных заводах, в Красной Армии, а также решения об «очищении» приграничной полосы от населения, этнически родственного народам сопредельных стран.

Парадокс национальной политики 1930-х годов заключался как раз в том, что те этносы, которые уже имели собственные республики и разветвленные бюрократические аппараты, получили возможность ускорить и расширить строительство своих собственных национальных культур в рамках собственных национально-государственных образований (Армения и Грузия как национальные государства получили возможность заниматься своей экономикой, историей, литературой и языком, в то время как армянские и грузинские общины за пределами соответственно Армянской ССР и Грузинской ССР были предоставлены сами себе).

Все национальные территории в административном плане должны были быть идеально симметричны. Широко пропагандируемая идея «достижения фактического равенства между советскими нациями» реализовалась на практике в начавшемся в 1930-е годы массовом производстве идентичных институтов по изготовлению национальных культур. К началу 1950-х годов у национальных республик были свои компартии и советы министров, союзы писателей и театры, оперные труппы и академии наук.

В этой связи ярким новшеством национальной политики 1930-х годов стала «этническая реабилитация» русского народа: власть постепенно «наделила» русских национальным прошлым и историческими традициями, национальным языком и национальной «иконографией» во главе с А. С. Пушкиным, Александром Невским, Иваном Сусаниным, М. Ю. Лермонтовым, Петром Первым, А. В. Суворовым, Дмитрием Донским и другими «прогрессивными и вольнолюбивыми», но в первую очередь русскими.

В то же время русские были лишены четко очерченной национальной территории (РСФСР «не воспринималась» как этническая или историческая Россия), не имели своей партии и своей Академии наук. Поэтому выдвижение в качестве стержня и цели всей предвоенной национальной политики задачи национально-патриотического воспитания отнюдь не было равнозначным осознанию властью реальной роли русского народа и попытке пересмотреть всю политику с позиции интересов государствообразующего рус-

ского этноса. Только война заставит власть, на словах, правда, «превратить» русских в «наиболее выдающуюся нацию из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Система национально-патриотического воспитания перед войной, очевидно, преследовала утилитарные цели сплочения советского общества, посредством духовной мобилизации населения перед грядущей войной.

Этим можно объяснить набирающий силу процесс отождествления русских с Советским Союзом в целом. Кириллица сменила латиницу, в 1938 г. русский язык стал обязательным предметом во всех национальных школах. Все чаще в официальной пропаганде стал употребляться термин «советский народ».

Накануне войны в национальной политике партии появилось стремление сгладить противоречия и в кадровой области, где, несмотря на заверения советских идеологов о преодолении фактического неравенства национальностей, обнаружилось «новое неравенство», фактически препятствующее тенденции укрепления морально-политического единства народов СССР. Еврейская национальность была гораздо больше, нежели другие советские народы, представлена в партийном и государственном аппаратах, в сферах науки и искусства, что давало возможность фашистской пропаганде дискредитировать советскую власть отождествлением ее с «еврейской большевистской властью». В свете подготовки к войне это становилось немаловажным фактором в обеспечении единства советского народа.

Не стало неожиданностью и появление перед войной в качестве составной части патриотического воспитания элементов борьбы с низкопоклонством перед заграницей, а также темы о необходимости преодоления космополитизма.

Идеи советского патриотизма перед войной еще не овладели сознанием населения, процессы консолидации народов СССР в единый советский народ оказались не завершенными. Начавшаяся война потребовала скорейшего завершения обозначившихся в 1930-е годы изменений в национальной политике: власть решительно перешла к укреплению патриотизма и межнационального единства народов СССР. Уже 3 июля 1941 г. Сталин заявил, что «дело идет... о жизни и смерти народов СССР», а сама война является «великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»[2]. В ноябре 1941 г. Сталин охарактеризовал войну как Отечественную, сплачивающую всех граждан страны, вне зависимости от их классовой и национальной принадлежности, в единое патриотическое братство. Произносит он и знаменательные слова о «великой русской нации»[3]. У вождя не осталось иллюзий (что он и подтвердил в сентябре 1941 г. в беседе с американским послом в СССР А. Гарриманом), «будто они (русские люди) сражаются за нас. Они сражаются за Мать-Россию...»[4]

---

[2] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 13, 16.

[3] Там же. С. 30.

[4] Родина. 1991. № 6–7. С. 49.

Без мобилизации всех духовных сил в первую очередь русского народа, без обращения к русскому национальному фактору, понимал Сталин, победу над врагом не одержать, да и режим невозможно спасти. Власть, жертвуя классовыми социалистическими принципами (был распущен даже «штаб мировой революции» – Коминтерн), все больше и чаще обращается к вдохновляющим на победу исконным русским ценностям и традициям: учреждаются ордена в честь великих русских военачальников, создается гимн о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки великой Русью, признается важная патриотическая роль Русской православной церкви.

Несмотря на декларируемую и широко пропагандируемую идею о морально-политическом единстве и дружбе народов страны, власть и в годы войны, определяя свою линию поведения по отношению к советским этносам, прежде всего руководствовалась сугубо прагматическими соображениями. Военно-стратегические замыслы привели к решению о ликвидации некоторых советских автономий и депортации ряда народов страны в северные и восточные районы. Трагедия депортации явно противоречила начавшейся в 1944 г. кампании по расширению прав союзных республик (конституционно было закреплено право республик на сношения с иностранными государствами и право иметь самостоятельные воинские формирования), легко объяснимой стремлением государства включить все 16 союзных республик в состав будущей ООН, расширив тем самым влияние СССР на международную политику.

В данном случае трудно возразить руководителю лаборатории межнациональных отношений Московского университета А. И. Вдовину, полагающему, что «советская национальная политика... определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов». «Собственно никакой иной национальной политики на протяжении всех последующих лет советской власти и не было»[5].

Советская национальная политика после Великой Победы и до смерти Сталина по большому счету осталась прежней, сохранив практически все те компоненты, которые появились еще в 1930-е годы и утвердились в период войны. 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Советской Армии И. В. Сталин поднимет тост «за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа», потому что «он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны», «он – руководящий народ,...у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение»[6]. Это признание решающей роли русского народа в победе над фашистами отвечало исторической правде, однако большее значение имело то, какие

---

[5] *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 6–7.

[6] *Сталин И.* О Указ. соч. С. 196.

практические выводы власть извлечет из сталинского тоста. Положение русской нации не изменилось: РСФСР не получила тех атрибутов национальной государственности, которые имели другие национальные республики, тем более что проект об учреждении бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР в 1948 г. был отвергнут. Уровень жизни в России уступал соответствующему показателю в ряде союзных республик.

«В идеологии и культуре с нарастающей силой Сталин выдвигает вперед славянское, в первую очередь русское начало в том его виде, какой отвечал интересам великодержавной политики»[7].

Правда, годы войны и Победа породили определенные ожидания на либерализацию послевоенной общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля в области социальных, культурных процессов. Однако начавшаяся «холодная война» перечеркнула и эти надежды. Задача достижения морально-политического единства советского народа в преддверии новых, как представлялось, не менее тяжелых и сложных испытаний, продолжала оставаться для власти наиболее значимой и актуальной. Горький опыт первых лет войны заставлял власть действовать незамедлительно и более решительно.

2.1. Депортация народов – метод решения национального вопроса и превентивная военно-стратегическая мера

В области национальной политики ожидаемого «потепления» также не произошло. Власть не отказалась от уже испытанной тактики разрешать возникающие проблемы, прибегая к насильственному перемещению населения – депортации. По средствам и методам политика депортации народов на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы не отличалась от депортации немцев, крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, «наказанных» в годы войны за «сотрудничество и пособничество» немецким оккупантам. Правда, масштабы депортаций значительно сократились.

В стране к этому времени уже образовалась огромная армия спецпереселенцев, обладающих гораздо меньшими правами, нежели остальное население. Однако от «формы наказания», суть которой, по определению ее творцов, состояла в «переселении по решению Правительства отдельных категорий лиц из постоянного местожительства с обязательным поселением в определенных местностях под надзор органов МГБ навечно или на срок»[8], власть отказываться не спешила. Превентивный удар по потенциалу «пятой колонны» накануне войны, выразившийся в репрессиях по национальному признаку против всех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «враждебного капиталистиче-

[7] *Громов Е. С.* Сталин: искусство и власть. М., 2003. С. 469.
[8] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 85, д. 35, л. 20.

ского окружения», в депортации народов, определенная часть которых выказала в годы войны повышенную готовность к пособничеству оккупантам, либо подозревалась властью в этом намерении, в депортации этносов, проживавших в приграничных районах, рискующих оказаться в театре боевых действий, не давал власти уверенности в достижении морально-политического единства советского народа.

Начавшаяся «холодная война» заставила власть использовать наработанные в предшествующий исторический период методы укрепления единства народа перед угрозой внешней опасности – депортацию народов.

В современной историографии признано правомерным деление наказанных народов на «полностью депортированных» и «частично депортированных». Для обозначения процесса, когда «депортации подвергается не часть группы (класса, этноса, конфессии и т. д.), а практически вся она полностью», в науке предложен термин «тотальная депортация»[9]. Часто используемый в литературе термин «этническая чистка», на наш взгляд, суть данных процессов не отражает и толкуется очень широко, но не четко. «Тотальная депортация» в послевоенный период практически не использовалась.

С залпами салюта в честь Великой Победы в западных районах страны война не закончилась. С марта 1944 г. развернулись боевые действия против отрядов Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии на Западной Украине. В Литве, несмотря на то, что к 1 марта 1945 г., по официальным данным, было ликвидировано 17 тысяч бандгрупп, захвачено более 10 тысяч бандитов, арестовано более 31 тысячи человек, националистическое подполье продолжало активно действовать[10]. В ходе борьбы с националистическим движением власть активно прибегала к использованию репрессий и депортаций.

Из Украинской ССР в 1944–1948 гг., согласно директиве НКВД № 122 от 31 марта 1944 г., были выселены члены семей украинских националистов-оуновцев (182 543 человека). В 1948 г. из бывшей Измаильской области выселены кулаки и члены их семей – 93 233 человека, в 1951 г. из западных областей Украины – 12 135 кулаков и членов их семей, а также 4 815 сектантов-иеговистов[11].

Из Литовской ССР, по данным МГБ СССР, в течение 1945–1946 гг. выселению подверглись участники националистического движения (6 561 человек), а по постановлению Совмина СССР № 447–160 с.с. от 21 февраля 1948 г. – 43 410 человек (правда, сведения часто не совпадают: к примеру, по данным прокуратуры в 1948 г. было выселено 39 766 литовцев[12]). В 1949 г. было выселено 27 601 кулак и члены их семей, а также в порядке ответных мер – 5 895 членов семей националистов (по сведениям прокуратуры в 1949 г. из

---

[9] *Полян П. М.* Не по своей воле. С. 12.

[10] О борьбе с вооруженным националистическим подпольем в Эстонии и Латвии в 1940–1950-х гг. см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 166–177; № 11. С. 112–123.

[11] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 195, л. 49, 50.

[12] Там же, л. 1.

Литвы всего выселено 29 180 человек[13]). По решению Особого Совещания в апреле 1951 г. выселены 433 сектанта-иеговиста, в сентябре-октябре – кулаки с семьями (16 150 человек) и члены семей националистов (4133 человека). В ноябре 1952 г. в порядке довыселения перемещены семьи кулаков – 1230 человек[14].

Из Латвии, согласно постановлению СМ СССР № 390–138 с.с. от 29 января 1949 г., выселены кулаки, участники националистических организаций и члены их семей – 41 445 (по данным прокуратуры – 42 322[15]) человек, а по указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 г. – 54 «иеговиста»[16].

В течение 1949 г. из Эстонии было выселено 20 660 (по данным прокуратуры – 20 702[17], по сведениям председателя Президиума Верховного Совета ЭССР А. Мюрисеппа – 13 480[18]) кулаков и националистов, в 1951 г. – 259 сектантов-иеговистов, в 1952 г. к своим семьям «довыселено» 4 831 человек[19].

По постановлению СМ СССР № 377–190 с.с. от 13 февраля 1951 г. выселению подвергнуты 3 822 члена семей «андерсовцев» и сектантов-иеговистов, а в течение 1951–1952 гг. – еще 5 259 членов кулацких семей из Белоруссии[20].

Из Молдавии по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1945 г. были высланы немцы (336 человек), в 1946–1949 гг. – служащие полиции и немецкие пособники (829 человек), в 1949 г. – помещики, белогвардейцы, участники профашистских организаций (37 311 человек), в 1951 г. – 2 617 сектантов-иеговистов[21].

Легионеры, полицейские и другие лица, служившие в строевых частях немецкой армии (936 человек) в 1946 г., бывшие турецкие граждане, греческие подданные, не имевшие гражданства, а также принятые в гражданство в 1949 г. были выселены из Армении[22].

Из Псковской области РСФСР, образованной в 1944 г. и включившей в себя еще и три района из Латвии и Эстонии, в марте 1950 г. подвергнуты переселению кулаки, члены националистических организаций и их семьи – 1604 человека[23].

На основании директивы НКВД–НКГБ от 14 июля 1944 г. на спецпоселение направлялись участники секты «истинно православных христиан» и члены их семей. Из Воронежской, Орловской и Рязанской областей было выселено 995 членов этой организации[24]. В

---

[13] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 195, л. 1.
[14] Там же, л. 51, 52.
[15] Там же, л. 1.
[16] Там же, л. 53.
[17] Там же.
[18] Там же, л. 17.
[19] Там же, л. 54.
[20] Там же, л. 55.
[21] Там же, л. 57.
[22] Там же.
[23] Там же, л. 58.
[24] Там же, оп. 85, д. 35, л. 40.

этом же году из пограничных районов Грузии были высланы азербайджанцы, курды, турки и хемшины[25].

В 1942–1951 гг. из Крыма, Краснодарского края, Ростовской области, Азербайджанской, Армянской, Грузинской союзных республик и с Черноморского побережья были выселены греческие, иранские, турецкие подданные, принятые в советское гражданство[26].

В 1945 г. из Румынии и Болгарии были репатриированы и направлены на спецпоселение болгары – граждане СССР, уроженцы и жители Закарпатской, Одесской и Измаильской областей – 650 человек[27]. В 1945 г. на спецпоселение были направлены все немцы – граждане СССР, репатриированные из Германии (вместе с немцами, выселенными с территории Литвы, Латвии, Эстонии они составили 208 462 человека[28]), а также из Таджикской ССР в 1950 г. – бывшие басмачи[29].

В конце 1948 г. в Саратове была произведена проверка всех немцев, которые не подверглись переселению в период войны. Согласно составленным в январе 1949 г. поименным спискам, в Саратове проживал только 901 немец[30].

К началу войны в местах поселения находилось 977 110 человек, большинство из которых (90,9%) составляли кулаки с семьями. Во время снятия бывших кулаков с учета среди них органы госбезопасности обнаружили 16 167 чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар. Всех их оставили на учете спецпоселения[31].

В 1944 г. из Дагестанской АССР в Казахстан и Киргизию было выслано 5 218 семей чеченцев (22 264 человека), в том числе 3 131 семья из бывшего Ауховского района[32].

Наиболее массовые депортации в 1944–1952 гг. были осуществлены, таким образом, из Крыма, Украины и Прибалтики. Методы были теми же, что и при выселении народов в годы войны. Заместитель министра госбезопасности СССР С. И. Огольцов 22 мая 1948 г. телеграммой предупредил уполномоченных, руководивших выселением в Прибалтике: «Операция в вашем уезде проходит неудовлетворительно. Под вашу личную ответственность обеспечьте выполнение задания, а при возможности и перевыполнение за счет резерва»[33]. Выселение по плану, в спешке, жестокое и аморальное, приводило к массовым трагедиям, сеяло межнациональную рознь и даже ненависть, закладывало зерна будущих этнополитических конфликтов в СССР.

---

[25] ГАРФ, оп. 121, д. 139, л. 2.
[26] Там же, л. 3.
[27] Там же, оп. 85, д. 35, л. 40, 41.
[28] Там же, оп. 121, д.139, л. 13.
[29] Там же, оп. 85, д. 35, л. 135.
[30] Там же, оп. 83, д. 423, л. 108.
[31] Там же, оп. 85, д. 35, л. 41, 130.
[32] Там же, ф. 5, оп. 32, д. 108, л. 28.
[33] Там же, оп. 109, д. 195, л. 2.

Выселению подвергались не только мужчины, но и женщины и дети. Из Прибалтики в 1941, 1948, 1949 гг. было выселено 157 684 человека (в 1941 г. – 25 714, в 1948 г. – 39 766, в 1949 г. – 92 204), в том числе 58 424 женщины и 35 921 детей в возрасте до 15 лет[34]. Различие между совершеннолетними и несовершеннолетними членами семей спецпоселенцев не проводилось, поэтому несколько десятков тысяч детей, вывезенных в малолетнем возрасте из Прибалтики, стали числиться как спецпоселенцы с вытекающими из этого ограничениями в правах.

Основная масса спецпоселенцев была расселена в Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской ССР; Башкирской, Бурят-Монгольской, Коми, Марийской, Удмуртской, Чувашской, Якутской АССР; Алтайском, Красноярском, Хабаровском краях; Амурской, Архангельской, Иркутской, Кемеровской, Кировской, Курганской, Молотовской (Пермской), Новосибирской, Омской, Свердловской, Томской, Тюменской, Челябинской, Читинской, Чкаловской (Оренбургской) областях; на Дальнем Севере. Всего 30 наименований числилось в списке мест поселений, который представил в Верховный Совет СССР в феврале 1953 г. начальник 9-го управления МГБ СССР полковник госбезопасности В. В. Шиян[35].

Часть националистов из Прибалтики и Украины содержались на особом режиме. В августе 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов сообщал председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, что «в настоящее время в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР содержится 218 142 осужденных, в том числе шпионов и диверсантов – 22 203, террористов – 9 639, участников бывших политических партий (троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров) – 1 712, украинских, латвийских, литовских, эстонских и других националистов – 87 794, белоэмигрантов – 884, участников антисоветских групп – 29 486, лиц, опасных по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, – 66 424»[36].

Режим спецпоселений и неравноправное положение спецпоселенцев вынуждали их к массовым побегам. По данным МГБ СССР, за период 1947 – 1952 гг. с мест поселения бежало 29 794 человека, в том числе в 1947 г. – 19 555, 1948 г. – 6 863, 1949 г. – 1 723, 1950 г. – 648, 1951 г. – 585, 1952 г. – 420 человек. К январю 1952 г. 28 368 было найдено, а 1 426 человек осталось в розыске[37]. Кроме того, МГБ СССР располагало сведениями о широко распространившихся в среде спецпоселенцев проявлениях «вражеской деятельности и уголовных преступлениях», за которые, к примеру, только в 1952 г. было осуждено 8 315 человек различных национальностей[38].

Наиболее массовой формой протеста «наказанных народов» был непрекращающийся поток жалоб и заявлений в адрес высших государственных органов страны. В 9-е управ-

[34] ГАРФ, л. 1.
[35] Там же, оп. 85, д. 35, л. 92.
[36] Там же, д. 80, л. 4.
[37] Там же, д. 35, л. 13
[38] Там же, л. 13.

ление МГБ СССР только в 1952 г. поступило 70 700 жалоб и заявлений с мест поселений, причем из поступивших во втором полугодии 1952 г. 30 613 обращений 18 129 представляли собой ходатайства об освобождении из ссылки[39]. В мае – июне 1953 г. число поступивших в МВД СССР заявлений от спецпоселенцев достигло 27 363[40]. К тому же по заявлениям и жалобам немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар сразу же принималось решение «об отказе в ходатайстве об освобождении из спецпоселения», так как, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., они были оставлены в местах спецпоселений навечно[41].

Национальность выступала решающим фактором как при направлении на поселение, так и при определении статуса и положения человека в местах поселения. Изменение национальности в паспорте могло стать, к примеру, средством освобождения от режима спецпоселения. Так, поначалу в Главном управлении милиции МГБ СССР отказали А.-Л. Ф. Иедигаровой (урожденной Клаустин-Звирба), немке по национальности, выселенной в 1941 г. из г. Баку на спецпоселение, в ходатайстве об изменении в паспорте записи «национальность» с немецкой на латышскую и об освобождении на этом основании от режима спецпоселения. Аргументом при этом выступало утверждение о том, что Иедигарова «с 1917 г. считала для себя возможным числиться по национальности немкой». Однако после «длительной и тщательной» проверки в 1952 г. запись в ее паспорте была все же изменена, и Иедигарова, став латышкой, была освобождена из спецпоселения[42]. Майор Советской Армии Ю. А. Керемеджиди, «по отцу – грек, по матери – еврей», вспоминал, что при получении паспорта в 1947 г., «когда все греки были высланы за пределы Крыма», он в паспортном столе заявил, что хотел бы «взять национальность отца». В ответ начальник милиции заявил, что он будет вынужден выслать его из Крыма, что заставило Керемеджиди «взять национальность матери – еврей»[43].

Иногда проблема этнической идентификации возникала в связи с целой этнической группой. Вызывает интерес запрос депутата П. А. Павленко, направившего в комиссию законодательных предположений Совета Национальностей (июль 1950 г.) заявление некоего гражданина Баку «относительно восстановления в правах национальности "крымчаков"». Со своей стороны П. А. Павленко считал, что крымчаки (этнолингвистическая группа евреев. – *А. М.*) «только потому и не выселены из Крыма после войны вместе с татарами, что их приняли за евреев, на самом же деле это татары иудейского вероисповедания»[44]. Характерна реакция председателя комиссии законодательных предположений Совета Национальностей И. А. Каирова, полагавшего, что «столь серьезный вопрос» не

[39] ГАРФ, л. 16.
[40] Там же, л. 131.
[41] Там же.
[42] Там же, оп. 85, д. 135, л. 5, 6.
[43] Там же, оп. 106, д. 101, л. 81.
[44] Там же, оп. 45-а, д. 21, л. 74.

является предметом обсуждения в Совете Национальностей, и отправившего и запрос Павленко, и заявление Бакши В. С. Абакумову в МГБ[45].

Связь с лицами депортированных национальностей считалась компрометирующим фактом и могла послужить поводом для разбирательства. Например, в Президиум Верховного Совета СССР на депутата А. И. Семиволоса, лауреата Сталинской премии, знатного бурильщика Криворожского железорудного бассейна, в 1948 г. поступило заявление, «главным обвинением» в котором было указание на то, что депутат «окружал себя людьми, находившимися на оккупированной территории, греками по национальности», к тому же у него «кума-гречанка»[46].

Власть в местах поселения относилась к «наказанным» с недоверием, недоброжелательностью, подозрением. Такое отношение ярко иллюстрирует письмо в ЦК партии от заместителя управляющего трестом из Челябинска С. Л. Волка, который в 1948 г. писал, что «мы отстраняем немцев, если им удается проникнуть, даже от незначительной административной работы. Но за последние годы немцы в значительном количестве стали проникать в наши школы в качестве учителей». Далее Волк рассуждал: «Учитель-немец... вряд ли сумеет привить ребенку любовь к Родине, доказать величие нашей Конституции и могущество великого русского народа, воспитать в ребенке чувство советского патриота»[47]. В ЦК ВКП(б) «встревожились», и вскоре заведующий отделом школ Челябинского обкома партии Тамбовцев вынужден был признать, что действительно в Челябинской области на 1 апреля 1948 г. из-за нехватки учителей в школах работало 6 репатриированных из Шанхая русских и 86 немцев-спецпоселенцев[48]. Д. Шепилов и К. Абросенко из ЦК тут же порекомендовали репатриантов и немцев-спецпоселенцев, работающих в начальных классах, освободить от работы в школах, оставив только учителей-немцев, «ведущих в старших классах средней школы немецкий язык, математику и естествознание»[49]. Рекомендация незамедлительно была выполнена.

На местах, откуда были выселены народы, активно продолжал создаваться образ врага. Так, Крымский обком партии «в лице ответственного работника Чурсина» установил, что «татарское население в Крыму никогда не являлось трудолюбивым и в тяжелые годы Отечественной войны открыто проявляло враждебное отношение к Советской власти», поэтому «о них надо говорить правду, то есть разоблачать разбойничий характер их прошлого, паразитический образ жизни, прислужничество Турции и немцам в годы войны»[50].

А в Грозном публиковались работы, в которых утверждалось, что «чеченцы и ингуши, находясь во вражде с русским народом и являясь носителями межнациональной вражды, объективно помогали контрреволюции и служили помехой дружбе народов на Север-

[45] ГАРФ, л. 76.
[46] Там же, оп. 85, д. 350, л.4.
[47] РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 51, л. 138.
[48] Там же, л. 143.
[49] Там же, л. 148.
[50] Там же, оп. 83, д. 491, л. 52.

ном Кавказе»[51]. Не оставалась в стороне и центральная печать. Так, коммунист И. Г. Мальчагов, спецпоселенец-ингуш из Джамбульской области Казахстана, сообщал, что в 1949 г. «в центральной «Правде» появилась статья бывшего председателя Совета Министров Северо-Осетинской АССР Гадзаева, который ингушей называл грабителями и убийцами мирных жителей». После этого, писал Мальчагов, «были эксцессы с большими человеческими жертвами невинных людей в разных населенных пунктах Казахстана», с отдельных мест спецпоселенцев опять переселили в пустынные районы, а из Алма-Аты «было указание выселить всех ингушей и чеченцев»[52].

Власть стремилась уничтожить и память о выселенных народах у населения тех территорий, откуда производилась депортация. Так, Президиум Верховного Совета СССР по предложению Крымского обкома партии в июле 1950 г. принял решение об установлении бронзового бюста дважды Героя Советского Союза гвардии майора крымского татарина Амет-Хан Султана не в городе Алупке Крымской области, где он родился, а в селе Койсуг Батайского района Ростовской области, где им в 1943 г. были совершены боевые подвиги[53]. И это несмотря на то, что действующим законодательством предусматривалось: дважды Героям Советского Союза бронзовый бюст устанавливался на его родине. Решение по переустановке бюста Амет-Хана Султана было пересмотрено по предложению К. Е. Ворошилова лишь в феврале 1954 г.

Безусловно, огромная армия спецпоселенцев (в докладной записке министра внутренних дел С. Н. Круглова, направленной в июле 1953 г. Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову, указывалась общая численность находящихся на спецпоселении – 2 819 776 человек[54]) составляла для власти «горючий материал», готовый в любой момент взорваться. Поэтому уже в начале 1950-х гг. советское руководство начинает принимать решения об отмене сроков поселения отдельным категориям спецпоселенцев. Постановлением Совмина СССР от 6 апреля 1950 г. освобождались от режима спецпоселения члены семей украинских националистов, а постановлением этого же государственного органа от 7 октября 1951 г. начали освобождать лиц, служивших в немецкой армии, «власовцев», полицейских и легионеров[55].

Постановлением Совмина СССР № 843–342 с.с. от 13 апреля 1946 г. МВД СССР поручалось в течение 1946 года направить в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР репатриированных ранее латышей, эстонцев и литовцев «на работу в промышленности и на строительстве» «с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии». Этим же постановлением все лица непризывного возраста освобождались и направлялись к месту постоянного жительства их семей[56].

---

[51] РГАСПИ, оп. 106, д. 528, л. 5.
[52] ГАРФ, оп. 75, д. 360, л. 76.
[53] Там же, оп. 85, д. 98, л. 1, 2.
[54] Там же, д. 35, л. 130.
[55] Там же, оп. 109, д. 205, л. 1.
[56] Там же, оп. 65, д. 65, л. 4.

Однако председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А. Кирхенштейн в январе 1947 г. сообщал Н. М. Швернику в Верховный Совет СССР, что «подавляющее большинство призывного возраста по настоящее время лишены возможности возвратиться в Латвийскую ССР, ибо они переданы находящимся за пределами республики предприятиям для постоянной работы в промышленности и строительстве» на Дальнем Востоке, в центральных и других областях СССР. Кирхенштейн подчеркивал, что нарушение данного постановления «отрицательно влияет на интересы народного хозяйства республики», а также имеет «некоторое политическое значение», поскольку нахождение за пределами республики значительного количества репатриируемых призывного возраста «неправильно истолковывается родителями и другими родственниками»[57].

К апрелю 1947 г., по данным МВД СССР, в результате принятых мер среди выявленных 28 813 репатриированных латышей, «большинство которых служило в немецкой армии», 20 632 человека были отправлены в Латвию. Министр С. Н. Круглов сообщал, что в ближайшее время будет отправлено еще 484 латыша. Из 7 697 репатриантов-латышей призывного возраста 2 042 было отправлено на строительство в Латвию, а остальные направлены на комбинат № 7 первого главного управления при Совмине СССР в Эстонию в составе военно-строительных батальонов. Возвращение оставшихся в Латвию планировалось по мере демобилизации из Советской Армии их сверстников[58]. В таком же положении находились и репатрианты эстонцы и литовцы.

Члены семей депортированных национальностей, этническая принадлежность которых была иной, выселению не подлежали, но по своему желанию могли следовать за выселенными членами семьи. На них в местах ссылки иногда распространялся режим спецпоселений, «либо же вовсе не брались на учет». Впоследствии многие из них вернулись в места прежнего поселения. После выхода указа от 26 ноября 1948 г. последовали аресты лиц данной категории. Об этом, к примеру, сообщал прокурор Северо-Осетинской АССР Д. Зангиев в декабре 1948 г., обратившийся в Президиум Верховного Совета за разъяснениями по поводу того, распространяется ли на данных лиц действие ноябрьского указа[59]. Арестовывали, получается, в порядке профилактики.

Однако общее число спецпоселенцев в начале 1950-х гг. продолжало возрастать прежде всего за счет взятия на учет детей (в общей массе спецпоселенцев численность детей на июль 1953 г. составляла 884 057[60]).

В феврале 1953 г. министр внутренних дел С. Д. Игнатьев сообщал, что в местах поселения находились лица, высланные в разное время без указания срока и «в отношении которых нет решений правительства о дальнейшем их содержании и правовое положение которых не определено». Так, в 1941–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузии и Крыма вместе с чеченцами, ингушами, крымскими татарами, месхетинцами были высланы кумы-

[57] ГАРФ, л. 5.
[58] Там же, л. 7, 8.
[59] Там же, оп. 65, д. 180, л. 2.
[60] Там же, оп. 85, д. 35, л. 130.

ки, аварцы, цыгане, русские, украинцы, азербайджанцы и другие лица, которые «проживали на территории, откуда по решениям правительства производилось выселение, но к выселенным национальностям не принадлежат и в состав их семей не входят» (34 767 человек). В данном списке Игнатьев называет также 916 человек, высланных из пограничной полосы в 1937 г., 995 членов семей участников «истинно-православных христиан», 650 болгар, репатриированных в 1945 г. из Румынии и Болгарии, а также выявленных среди кулаков 16 167 чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар. Все они, по мнению Игнатьева, представляли «социальную опасность» и впредь должны были содержаться в местах поселений[61].

Впрочем, в распоряжении Верховного Совета СССР были и другие цифры, характеризующие количественный состав спецпоселенцев. По этим данным, к началу 1953 г. в местах поселения находилось 1 225 005 немцев, 489 118 чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 79 376 калмыков, 199 215 крымских татар, болгар, греков, армян, около 160 тысяч турок, хемшинов, греков, иранцев из Грузии, Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья[62].

В послевоенный период депортации стали использоваться и как метод во внутрипартийной борьбе. Существует достаточно свидетельств об именно такой подоплеке так называемого «мингрельского» дела, одной из последних чисток, организованной самим Сталиным с целью устранения Берия. «Берия был мегрел, а мегрелы не ладили с гурийцами, которым больше всего доверял Сталин», утверждал один из бывших руководителей советских органов госбезопасности П. А. Судоплатов[63].

Дело, начатое против грузинских чиновников, обвиненных во взяточничестве (а факты коррупции среди грузинского руководства действительно имели место[64]), назначенным в 1948 г. министром госбезопасности Грузии Н. М. Рухадзе, быстро переросло в политическое. Аресты бывшего министра госбезопасности Грузии А. Н. Рапавы, генерального прокурора Шония и академика П. А. Шария – члена мандатной комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР, открыли начало чистке грузинского руководства от «мегрельских уклонистов», «мегрельского национализма»[65].

В ноябре – декабре 1951 г. были приняты постановления ЦК ВКП(б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия» и Совмина СССР «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов». Были арестованы 37 человек во главе с бывшим вторым секретарем ЦК компартии Грузии М. И. Барамия. «Группе Барамия» инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии Советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств»; она также обвинялась во взяточничестве и национализме. Более 10 тысяч человек были высланы с территории Грузинской

---

[61] ГАРФ, л. 40, 41.

[62] Там же, оп. 121, д. 49, л. 16.

[63] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 509.

[64] См.: История России. XX век. М., 2002. С. 251.

[65] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 511 – 512.

ССР в отдаленные районы Казахстана[66]. Тучи начали сгущаться и над Берией, которому политбюро предложило возглавить партийную комиссию по расследованию дела «мегрельских уклонистов» и «закрыть мегрельские газеты»[67]. «Большой мегрел», как Сталин иногда именовал Берию, сам мог попасть в орбиту следствия[68].

После смерти Сталина 8 апреля 1953 г. именно Берия направил Маленкову и Хрущеву записку «О неправильном ведении дела о так называемой мингрельской группе», где расписывал, каким образом затевалось и проводилось это дело. 10 апреля последовало постановление президиума ЦК «О фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе»[69].

Впрочем «мингрельское» дело можно рассматривать как попытку разгрома и ликвидации, по сути, республиканских национальных элит. Среди наиболее громких дел, связанных с именами республиканских руководителей, следует отметить также «эстонское» дело.

Еще в январе 1948 г. инспектор ЦК ВКП(б) Рязанов сообщал в докладной записке А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, М. А. Суслову, Г. М. Попову о широком распространении националистических настроений в Эстонии. До сих пор, отмечал он, «продолжается насаждение хуторов». Плохое отношение к завербованным для работы в Эстонии рабочим, в основном русской национальности, приводит их к массовому бегству из республики, и «такая обстановка создает условия для вражеской пропаганды против русских, советских людей»[70].

Наиболее сильно национализмом были заражены интеллигенция и молодежь. В Тартуском университете преподавание велось в «духе буржуазного национализма, а на территории университета работала церковь, в деятельности которой активно участвовали преподаватели и большинство студентов». Среди студентов, отмечал Рязанов, существует неприязненное отношение к русским, а учащиеся, оканчивающие средние школы, «не владеют русским языком даже в элементарном объеме». Группа учащихся Таллиннской школы № 5 взорвала памятник бойцам и офицерам Советской Армии, в г. Выру была раскрыта националистическая организация среди учителей и учащихся. На собраниях школьники задавали вопросы: «Когда уйдут русские из Эстонии?», «Когда Эстония получит независимость?»[71].

В ноябре 1950 г. Г. М. Маленков получил еще одну записку с аналогичным содержанием от работников ЦК ВКП(б). Вся ответственность за национализм в Эстонии возлагалась в данном случае на местное партийное руководство. Секретарю ЦК КП(б) Эстонии Каротамму, членам ЦК Веймеру, Кумму, Радеву в вину ставился факт обращения в 1944 г.

---

[66] См.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. Новосибирск, 2000. С. 58.
[67] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 512.
[68] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 58.
[69] *Топтыгин А. В.* Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 260.
[70] РГАСПИ, оп. 118, д. 745, л. 51, 54.
[71] Там же, л. 58, 60, 61, 62.

в МГБ СССР с ходатайством об освобождении и реабилитации группы эстонцев, осужденных за антисоветскую деятельность. Каротамм и Веймер своими распоряжениями запрещали высылать большое количество кулацких семей. Указывалось, что Каротамм «почти ничего не говорит о борьбе с буржуазными националистами, а в отдельных случаях берет их под защиту»[72].

7 марта 1950 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии»[73]. В постановлении отмечалось, что эстонское руководство не ведет должной борьбы с буржуазным национализмом, проходит мимо фактов восхваления старых буржуазных порядков в Эстонии и пропаганды превосходства западноевропейской буржуазной науки и культуры, на ответственные посты в республике проникают националисты, недостаточное внимание оказывается колхозам. В документе делался вывод, о том, что секретарь ЦК Каротамм «лично повинен в отсутствии борьбы с буржуазным национализмом»: в своих печатных работах и выступлениях он «проходит мимо вопросов борьбы с буржуазным национализмом», «берет под защиту националистов и препятствует их разоблачению»[74].

Национальный аспект присутствовал и в «ленинградском деле», явившемся результатом борьбы между двумя блоками за влияние на вождя: с одной стороны – А. А. Жданов и А. А. Кузнецов (бывшие руководители ленинградской парторганизации), с другой – Г. М. Маленков и Л. П. Берия. К примеру, Н. В. Соловьева, одного из обвиняемых, бывшего председателя Ленинградского облисполкома, назначенного первым секретарем Крымского обкома ВКП(б), объявили «махровым великодержавным шовинистом» за предложение создать бюро ЦК по РСФСР, образовать компартию РСФСР[75].

В настоящее время историческая наука дала ответ на вопрос, как и в каких формах проходила депортация народов в СССР. Однако относительно истинных целей депортации еще много неясностей. Депортацию как «средство по урегулированию возникавших конфликтных ситуаций в отношениях между народами, а скорее, в отношениях между властью и народами, а также как возможность ослабления криминогенной обстановки, обусловленной войной, трудностями экономического положения и другими социальными явлениями» склонен рассматривать самый авторитетный исследователь проблемы Н. Ф. Бугай[76].

Более далекие и глобальные задачи советской национальной политики усматривает в депортации народов В. Н. Земсков, исследовавший не только депортационные процессы, но и реабилитацию народов в 1950-е гг. Он полагает, что депортация народов «служила целью как ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе, так и ликвидации в перспективе этих народов в основном за счет их ассимиляции в более крупных эт-

---

[72] РГАСПИ, л. 17, 21, 23.

[73] Там же, л. 2.

[74] Там же, л. 3, 4, 5, 6.

[75] *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 52.

[76] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 15.

нических массивах и частично за счет завуалированного геноцида и ослабления их биологического потенциала, что достигалось многократным превышением смертности над рождаемостью при насильственном переселении и в первые годы жизни на спецпоселении»[77].

Дж. Хоскинг не сомневается, что «главная цель всех этих депортаций носила неприкрытый империалистический характер», а власти «нужно было примерно наказать, а в конечном итоге и полностью уничтожить те народы, которые оказались неспособны быстро ассимилироваться с Российской или, точнее сказать, Советской империей и представляли определенную опасность в самых чувствительных и стратегически важных районах страны»[78]. Ранее подобное мнение высказывал А. М. Некрич, полагавший, что депортации народов – «проявления имперской политики», поскольку «принцип имперского государства прост: только силой можно обеспечить единство народа, а значит, и собственную мощь»[79].

Безусловно, в политике депортации цели «наказать и ассимилировать» играли существенную роль. Однако все же было бы преувеличением рассматривать данный процесс как попытку геноцида хотя бы потому, что численность депортированных народов в конце 1940-х – начале 1950-х гг. начинает расти, рождаемость превышает смертность и становится не меньше, а в ряде случаев даже больше, чем у народов, живущих в местах ссылок, но не подвергнувшихся насильственному переселению. Например, рождаемость чеченцев растет с 1948 г., в 1953 г. родилось 16,6 тыс. человек, в то время как умерло 6 тыс. чеченцев[80]. Приблизительно такая же картина наблюдалась и у других народов, находившихся в ссылке. Существенным фактором, не позволяющим приравнивать депортацию к геноциду, может являться тот факт, что народы насильственно переселялись целыми семьями, что давало возможность сохранить генофонд нации. Известный социолог С. Г. Кара-Мурза, дед которого «был из Крыма», вспоминает, что крымские татары с облегчением восприняли известие о решении выселить их из Крыма (но не судить за сотрудничество с немцами, «это по законам военного времени была бы верная смерть»)[81].

Рассматривая побудительные мотивы депортации народов, историки пока склонны приуменьшать влияние Великой Отечественной войны и сложнейшей международной обстановки в условиях «холодной войны» второй половины 1940-х гг., в центре которой были и ожидание, и подготовка, и убеждение власти в неизбежности нового глобального военного столкновения. Война продемонстрировала «слабые места» в социально-политическом, морально-идеологическом «состоянии» советского народа. Наличие реальной «пятой колонны» способствовало росту убежденности власти в обязательности учета данного фактора как в годы войны, так и после Победы.

---

[77] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 284.
[78] *Хоскинг Дж.* Россия и русские. М., 2003. Кн. 2. С. 245–246.
[79] *Некрич А.* Указ. соч. С. 33.
[80] РГАНИ, оп. 31, д. 56, л. 119.
[81] См.: *Кара-Мурза С. Г.* «Совок» вспоминает. М., 2002. С. 58–59.

Военно-стратегические замыслы советского руководства вряд ли могли игнорировать наличие у противника не только собственно национальных формирований из представителей советских этносов, но и имевшее место сотрудничество населения ряда оккупированных территорий СССР с «новым режимом». Сталинское руководство отдавало себе отчет, что веру в социализм народов Северного Кавказа, к примеру, переоценивать не стоит. Отсюда угадывается стремление советского руководства устранить саму возможность сотрудничества «ненадежных» (признаком ненадежности могла служить в данном случае не только этническая однородность или «похожесть», но, к примеру, конфессиональная близость с вероятным противником) народов с врагами как настоящими, так и потенциальными.

Власти, писал А. М. Некрич, при выселении ссылались на то, что «во время войны резко усилилось турецкое влияние на советских границах», и поэтому «выселение потенциальной турецкой агентуры – крымчаков, месхов, курдов, и других – подавалось как превентивная военно-стратегическая мера»[82]. В условиях «холодной войны», глобального противостояния двух миров и двух супердержав данный фактор вряд ли должен вызывать иронию со стороны известного ученого.

2.2. Переселение в СССР как фактор усложнения национальной структуры и обострения межнациональных отношений в стране

Депортация населения способствовала среди прочих факторов и перемешиванию населения, изменению национальной структуры тех регионов, откуда выселялись и куда переселялись «наказанные народы». На освободившиеся в результате депортации народов земли заселялись переселенцы из центральных районов и автономных республик РСФСР, а также из Украинской и других союзных республик.

В Саратовскую область в районы бывшей республики немцев Поволжья (Краснокутский, Подлесновский, Красноярский, Безымянский, Комсомольский, Марксовский, Привольный, Первомайский, Советский, Ровенский, Красноармейский[83]) были переселены семьи из Курской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской областей РСФСР, а также из Мордовской, Татарской, Чувашской АССР. В 1942 г. было переселено 12 822 семьи, в 1945 г. – 4 412, 1948 г. – 884, в 1949 г. – 518, в 1950 г. – 820, в 1951 г. – 272, в 1952 г. – 923, в 1953 г. – 1009 семей[84].

В образованную после выселения чеченцев и ингушей Грозненскую область в 1944 г. была направлена 7 591 семья, в 1947 г. – 1 911, в 1948 г. – 1488, в 1949 г. – 423, в 1950 г. – 908, в 1951 г. – 1428, в 1952 г. – 2 245, в 1953 г. – 1492 семьи. Главным донором была Воро-

[82] *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 33.
[83] РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 543, л. 26, 29.
[84] Там же, д. 678, л. 29, 31, 32, 35, 36, 38, 42, 45, 49.

нежская область, переселяли также из Орловской, Рязанской областей РСФСР, Азербайджанской и Украинской ССР[85]. Заселялись прежде всего предгорные районы – Междуреченский, Сунженский, Красноармейский, Предгорный, Новосельский – 71,6% от всех переселенцев, притеречные районы – Надтеречный, Горячеисточненский, Гудермесский – 21,3%, горно-лесистые – Первомайский и Советский – 7,1%. В Советский район в 1950–1951 гг. были переселены 219 семей из колхоза им. Микояна Армянской ССР, размещенные компактно в двух соседних колхозах[86].

Переселение в Крымскую область шло из районов Брянской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей РСФСР, Краснодарского и Ставропольского краев, Чувашской АССР, Украинской ССР. Пик переселения пришелся на 1944 г. – 17 179 семей, затем в 1946 г. было переселено 1000 семей, в 1950 г. – 3 027, в 1951 г. – 3 050, в 1952 г. – 2 842, в 1953 г. – 1492 семьи[87].

Большинство переселенных в Крымскую область в 1944–1946 гг. были размещены по 8 основным переселенческим горным районам, а 2 181 семья была расселена в 20 степных районах Крыма. Только в 6 районов Крыма не производилось переселение. Из переселенцев были организованы переселенческие колхозы, которых к июлю 1950 г. насчитывалось 226 (198 – в горных, 28 – в степных районах). Прибывшие сталкивались с огромными трудностями. Несмотря на существенную государственную поддержку устройство на новых местах проходило в сложных условиях, что вызывало обратный поток переселения. Наиболее частыми были жалобы на отсутствие жилья или на его неудовлетворительное состояние: «передаются дома татарского типа, ветхие, с земляной крышей»[88].

Переселение производилось также и в густонаселенные, с крайне сложным полиэтничным составом российские автономии. В Дагестанскую АССР в 1944 г., к примеру, было переселена 16 741 семья, а в Северо-Осетинскую АССР – 7 331 семья[89].

Существенную роль играло внутриобластное переселение. Так, после выселения чеченцев из Ауховского района Дагестанской АССР на этой территории были образованы Новолакский район и два колхоза Казбековского района, куда в 1944 г. вселили 2 838 семей лакцев и аварцев, переселенных из горных малоземельных районов республики[90]. В Краснодарском крае в 1949–1952 гг. из северных районов края в Адлерский и Лазаревский районы, из которых была депортирована часть населения, было переселено 1 830 семей[91].

Безусловно, процессы депортации и планового переселения сопоставимы лишь по масштабам, различаясь по целям, задачам, методам и средствам. Было довольно широко распространено принудительное переселение. Так, в Черновицкой области при пересе-

[85] РГАЭ, л. 31, 32, 34, 35, 36, 38, 41, 44, 49, 79, 80.
[86] Там же, д. 543, л. 47, 48, 59.
[87] Там же, д. 678, л. 31, 33, 38, 41, 44, 49, 97, 98, 99.
[88] Там же, д. 479, л. 15.
[89] Там же, д. 678, л. 31.
[90] РГАНИ, оп. 32, д. 108, л. 28.
[91] РГАЭ, д. 636, л. 66.

лении колхоза «Молодая гвардия» Кицманского района и колхоза «Новая жизнь» Винницкого района решения о переселении «были приняты в конце 1951 г. на неправомочных собраниях колхозников», «применялись меры принуждения и насилия к колхозникам, отказывавшимся от переселения: дома их принудительно разбирались, а колхозников лишали права пользоваться приусадебными участками, запрещали выдачу им натуральных и денежных авансов на выработанные трудодни..., были распущены правления и ревизионные комиссии колхозов». С этой же целью закрывались школы, клубы, магазины, медпункты, прекращали свою работу сельсоветы. Такие же меры применялись при переселении из Станиславской области Украины и других регионов[92].

На новых местах переселенцы чаще всего сталкивались с недружелюбным, а иногда и враждебным отношением местного населения. Так, в колхозах Каясулинского района Грозненской области (при восстановлении ЧИ АССР этот район будет включен в состав Ставропольского края) «имели место нездоровые факты столкновений между переселенцами – закарпатцами и местным населением – ногайцами»: переселенцы подвергались оскорблениям, угрозам убийства, им зачастую не начислялись трудодни, направлялись на тяжелые работы». Несмотря на то, что «виновные в травле переселенцев... исключены из партии, им вынесены строгие выговоры», а некоторые понесли уголовную ответственность, напряженность сохранялась[93].

Столь же острые отношения сложились между переселенцами из северных районов Краснодарского края и местным населением Адлерского и Лазаревского районов. Несмотря на то, что «коренное население разговаривает на русском языке», «во всех национальных колхозах» общие собрания и заседания правлений «проводились на нерусском языке», «на языке местного населения – шапсугов» (Лазаревский район в 1924–1945 гг. назывался Шапсугским национальным районом). В колхозе им. Н. К. Крупской Адлерского района «установлены случаи грубейших оскорблений» прибывающих переселенцев и «даже нанесение побоев». В колхозе им. С. М. Кирова этого же района «продолжается замаскированная вражда»[94].

О враждебном отношении местного черкесского населения колхоза «Красный Октябрь» к русским переселенцам сообщал один из них – И. Г. Банкин – депутату Верховного Совета СССР Игнатову. В руководстве сельсовета и колхоза «только черкесы». В русских черкесы видели потенциальную угрозу их выселения: «Ваш приехал сюда затем, чтобы нас выселили с гор, с аулов», «Пусть русские разбегаются с аулов, тогда мы дольше будем жить в ауле». «Надо это изменить, – заключал Банкин, –так как русские никогда ничего не добьются»[95]. К. П. Здоровцев, А. Л. Кириченко и другие вселенные в этот же кол-

---

[92] РГАЭ, д. 680, л. 82, 83.

[93] Там же, д. 636, л. 28, 29.

[94] Там же, л. 65, 67.

[95] Там же, л. 109 (здесь и далее орфография и пунктуация в письмах сохранены авторские. – *А.М.*).

хоз жаловались на то, что «черкесское руководство колхоза не вовлекает русских переселенцев в хозяйственную и общественную деятельность колхоза»[96].

В. Г. Герасимов из колхоза им И. В. Сталина Адлерского района характеризовал этот колхоз как «большую и настоящую грузинскую артель» и жаловался, что «законные и необходимые требования переселенцев остаются безо всякого внимания»[97]. О враждебном отношении армян к русским переселенцам («злобно смотрят на нас», «по три дня не учитывают работу и ничего не говори», «армянский бригадир ответил: «Мы вам не доверяем») писали П. И. Губарев из колхоза им. Г. М. Маленкова и И. С. Горлов из колхоза им. Мясникяна Лазаревского района[98].

Одна из острых проблем, возникшая при переселении – возможность обучения детей на родном языке. В том же Адлерском районе из 67 школ 25 были национальными (24 армянские и одна грузинская), что осложняло жизнь русских переселенцев[99]. Так, в Красноярский край в 1951 г. прибыло три эшелона с 346 семьями из Чувашии и Мордовии. Размещались они в Хакассии, где для детей чувашей и мордвы школ на родном языке не оказалось. Такие же трудности ожидали колхозников-переселенцев из Сумской области Украинской ССР и из Татарской АССР, прибывших в 1951–1952 гг. в Бурят-Монгольскую АССР[100].

Недоброжелательное отношение местного населения, отсутствие условий для экономического и культурного развития зачастую вызывали обратный отъезд переселенцев. Из Крымской области к 1950 г. из переселенцев прошлых лет выбыла 10 361 семья (57,7%)[101], из прибывших в Саратовскую область в 1948–1951 гг. 129 семей из Курской области выбыло 32 семьи (26%)[102]. Анализ мероприятий по заселению Грозненской области показал, что «с марта 1944 г. по январь 1951 г. в колхозы Грозненской области было вселено из других областей 20 487 семей, с общим населением до 100 тысяч человек... по состоянию на 1 января 1951 г. в колхозах области наличие переселенцев... составляет всего 10 695 хозяйств или 52% от общего количества прибывших хозяйств»[103].

Цели переселенческой политики советского государства А. М. Некрич усматривал в том, что оно «сочло необходимым «укрепить» границы империи, заполнив пограничные территории так называемым «реальным населением», а к таковым, по мнению советского руководства, относились «только русские и украинцы, мусульманская же часть жителей считалась заведомо ненадежной»[104]. С этим утверждением следует согласиться, однако, по

---

[96] РГАЭ, л. 110.
[97] Там же, л. 109.
[98] Там же, л. 109, 110.
[99] Там же, л. 133.
[100] Там же, д. 543, л. 339, 340, 367, 372, 380, 383.
[101] Там же, л. 18.
[102] Там же, л. 26.
[103] Там же, л. 71.
[104] *Некрич А. М.* Указ соч. С. 33.

нашему мнению, в данном случае превалировали экономические интересы, прежде всего, необходимость хозяйственного освоения покинутых территорий.

Интенсивное заселение опустевших территорий демонстрировало убежденность властей в невозможности возврата на прежнее местожительство депортированных народов. Положение, когда районы бывшей Чечено-Ингушской АССР были заняты главным образом русскими переселенцами, «а также народами из горных районов Дагестана, Южной и Северной Осетии», территории бывшей Калмыцкой республики – русскими и казахами, районы бывшей Карачаевской области – русскими и частично грузинами, бывшие балкарские районы – кабардинцами, а большая их часть осталась незанятой[105], при условии возвращения на прежнее местожительство выселенных народов объективно должно было обострить межнациональную ситуацию.

В результате в Крыму, на Северном Кавказе, в Поволжье коренным образом менялась национальная структура на тех территориях, откуда производилась депортация. Несмотря на довольно-таки напряженные отношения переселенцев с местным населением, не подвергшимся депортации, в целом сохранялась стабильная межнациональная ситуация.

Вряд ли стоит драматизировать данную ситуацию, как это зачастую делается современными публицистами, стремящимися рассказать о «недостойном поведении» переселенцев: разрушении домов, уничтожении памятников культуры... Действительно, по районам Грозненской области из 30 538 домов было разрушено 7 298 и пришло в негодность 4 584 дома, а из 2269 населенных пунктов остались только 324[106]. Однако следует учитывать, что разрушение происходило в силу необходимости борьбы с многочисленными партизанскими группами, действовавшими после депортации на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР и пытавшимися использовать эти дома как «базы укрытия банд»[107].

Полностью были разрушены и многие населенные пункты бывшей Карачаевской области, остальные находились «в крайне запущенном состоянии и мало заселены». Оставшийся жилой фонд в количестве 10 375 домов «в большинстве пришел в негодность» или использовался под хозяйственные нужды для содержания скота. Такая картина наблюдалась прежде всего в Клухорском районе, где были поселены грузины[108].

Не сохранилось в начале 1950-х гг. и абсолютного большинства бывших калмыцких поселков, поскольку «глинобитные и камышитовые мазанки после выезда разрушились»[109].

Там, где имуществом выселенных завладели переселенцы, при возвращении бывших владельцев возникали острые межэтнические конфликты. К примеру, из Абхазии в 1949 г. выселили греков, а их имущество (дома, скот, домашние животные и т.д.) было передано

---

[105] РГАНИ, оп. 31, д. 56, л. 113.
[106] Там же, л. 124.
[107] Там же.
[108] Там же, л. 110.
[109] Там же, л. 134.

по символическим ценам 2 325 семьям переселенцев из малоземельных районов Грузии, а в городах – служащим и ответственным работникам[110]. Власть не могла не понимать, что возвращение в эти районы насильственно выселенных объективно не могло восстановить существующее до 1949 г. положение. В данном случае власть оказывалась перед необходимостью либо теперь уже переселять грузин, отнимая у них к тому же то имущество, которым они завладели при переезде, либо попытаться разместить депортированный и переселенный этносы рядом, что было не только чревато крупными материальными затратами, но и загоняло этнический конфликт в вяло текущую стадию с последующим «национальным взрывом».

Таким образом, советское руководство было объективно заинтересовано в сохранении и консервации возникшего после многолетней практики депортации положения и по причине неизбежности возникновения межэтнических конфликтов в местах вероятного возвращения «наказанных народов».

2.3. Преодоление буржуазного национализма: его особенности и влияние на общественную жизнь в стране

В первый послевоенный период в обстановке общественного подъема, вызванного победой в тяжелейшей войне, заметным стало усиление внимания к вопросам национальной истории, культуры и в целом к проблеме национальной самобытности со стороны впитавших в себя надежды на идеологическую либерализацию представителей национальных элит и интеллигенции. Власть, с первыми признаками похолодания в отношениях с Западом принявшаяся за «выстраивание жесткой линии в идеологии», не могла оставить незамеченным данный процесс. Итогом стало продолжение борьбы с «буржуазным национализмом».

Главный признак обвинения в «буржуазном национализме» – попытки идеализации или «преувеличения значения» прошлого своего народа. Все эти «идеологические извращения» немедленно служили поводом для доклада в Москву в отдел пропаганды и агитации, отдел науки ЦК ВКП(б), а затем начиналось разбирательство с теми, кто «не сумел» вовремя перестроиться в соответствии с новой идеологической линией партии в данном вопросе.

Поводом для доклада в Москву могла послужить деятельность даже рядового преподавателя. Так, секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Х. Турсунов в 1952 г. докладывал заведующему отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову о преподавателе Ташкентского университета А. Абдураимове, который в своих лекциях и работах идеализировал и возвеличивал Тимура как спасителя Руси, его государственные и военные успехи, оправдывал «его грабительскую и угнетательскую деятельность»[111].

[110] РГАНИ, д. 25, л. 71, 72.

[111] РГАСПИ, оп. 133, д. 299, л. 72.

В январе 1952 г. Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР с участием историков Москвы и ряда союзных республик провел дискуссию о характере национальных движений в дореволюционном Казахстане, в ходе которой были осуждены «извращения буржуазно-националистического характера», когда вся дореволюционная история Казахстана сводилась к «истории всякого рода национальных движений», а сами эти движения «раздувались как прогрессивные и освободительные»[112]. В апреле 1952 г. на совещании в Союзе писателей Казахстана поэт Д. Джармагамбетов «обрушился против поэтов, которые стремятся учиться у Маяковского и Джамбула правдивому изображению советской действительности, требовал, чтобы писатели Москвы не вмешивались в дела казахской литературы» и чтобы казахской литературой «занимались» только казахи. «Враждебный выпад» усматривался в утверждении поэта о том, что до революции казахи жили лучше, чем «сейчас», а «бедняки от голода не вымирали». Таким образом, Джармагамбетов был объявлен «буржуазным националистом», и постановлением бюро ЦК КП(б) Казахстана были изъяты книги его стихов на казахском языке «Заман биздики», «Адам турелы аныз», «Ермик кек езгилик» как идейно порочные[113].

Академик АН Армянской ССР А. Ионисян подверг «идейной» критике авторов книги «История Грузии» за то, что, «стремясь изобразить грузинский народ как монолитный и единый», они пытаются доказать существование грузинской нации с древнейших времен, что грузинская нация... существовала с самой глубокой древности и создание национального единства было у грузин и тогда, когда Грузия была политически раздроблена на отдельные государственные образования». По мнению академика, авторы учебника также неверно изобразили прогрессивное значение присоединения Грузии к России, поскольку якобы Россия «обманывала» грузин и «не выполняла обещаний»[114].

В мае 1952 г. Ю. Жданов и А. Митин доложили М. А. Суслову о «порочной» книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов», опубликованной в издательстве Ленинградского госуниверситета в 1951 г. «Антинаучные взгляды Бернштама о единой линии развития от гуннов до турок» и о культурном превосходстве гуннов над современными им народами Азии и Европы приравнивались к утверждениям «турецких расистов» о том, что «предки турок – гунны являются родоначальниками мировой цивилизации»[115].

Была осуждена и попытка представить «родоначальником мировой цивилизации» русский народ. В апреле 1952 г. Ю. Жданов и Г. Каверин подвергли резкой критике работу А. Ф. Масанова «Предантичная Русь», которую автор просил разрешения у ЦК ВКП(б) опубликовать в центральном издательстве. В работе автор пытался доказать, что «русское государство ведет свое начало не с Киевской Руси, а с древнейшего царства Амазонок, существовавшего 8–10 тысяч лет назад в период Трипольской культуры». Греческий эпос

---

[112] РГАСПИ, д. 220, л. 154.
[113] Там же, д. 331, л. 222, 226.
[114] Там же, д. 303, л. 82.
[115] Там же, д. 220, л. 226, 227.

«Илиаду» Масанов считал эпосом русского народа. Работа была признана научно несостоятельной, и просьба опубликовать ее отвергнута[116].

Буржуазно-националистическими признавались даже попытки при переводе с русского языка на языки народов СССР партийных документов либо исторических произведений прибегнуть к заимствованию слов из лексикона «зарубежных народов». В октябре 1949 г. заведующий отделом дагестанской газеты «Ленин Елу» А. Атаев обратился к секретарю ЦК М. А. Суслову с «разоблачением» деятельности редактора этой газеты, выходившей на кумыкском языке, Д. Даибова. Будучи редактором перевода 2-го издания «Краткого курса истории ВКП(б)» на кумыкском языке, он «фальсифицировал славную историю большевистской партии, заменил почти все русские слова... турецко-арабскими словами, давно отброшенными народом». Любой кумык, отмечал Атаев, скорее поймет слово «культура», чем слово «маданият», слово «история», чем слово «тарих», слово «литература», чем слово «адабият». К тому же Даибов заменил даже собственные понятные кумыкские слова «непонятными арабо-турецкими словами». Вскоре заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Попов, заведующий сектором этого отдела П. Ляшенко, секретарь Дагестанского обкома партии А. Даниялов подтверждали факт допущенных ошибок и сообщали М. А. Суслову о том, что бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «запретило использование в переводах тюркско-арабских терминов», а также начало проверку правильности перевода «Краткого курса...» на других языках народов Дагестана[117].

Главным, определяющим признаком буржуазного национализма служило стремление представить историческое и культурное развитие народов СССР в отрыве от истории и культуры русского народа. Член ВКП(б) с 1920 г. М. Страздина в 1951 г. сообщала секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о том, что один из сегодняшних руководителей Латвийской ССР В. Лацис «в период фашистской диктатуры Ульманиса» был известен как автор пьесы «Далекий путь», в которой содержалась «клевета на великий русский народ, на Советскую власть, ненависть ко всему русскому и советскому, любовь к буржуазной Латвии и буржуазный национализм»[118]. Председатель Совета Министров Латвийской ССР В. Т. Лацис в 1950 г. был избран заместителем председателя Совета Национальностей Ж. Шаяхметова, вместе с которым он входил в состав комиссии по иностранным делам Совета Национальностей второго созыва в 1946–1950 гг. В 1954 г. В. Т. Лацис возглавил Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

Академик АН Казахской ССР А. Жубанов был обвинен в том, что Россию изображал «душителем свободы казахского народа», как врага, «наложившего тяжелую руку на казахов» и осуществляющего «лишь политику колониального грабежа». Драматург Г. Мусрепов был подвергнут критике за то, что в своей пьесе «Большая дорога» представил Россию как «угнетателя национальной самостоятельности казахов», а «положительных» персонажей

[116] РГАСПИ, л. 153.
[117] Там же, оп. 132, д. 105, л. 131, 132, 136, 137.
[118] Там же, оп. 133, д. 187, л. 37.

пьесы, «русских сподвижников казахского революционера Амангельды», «выставляет какими-то безродными космополитами и вынуждает их произносить злобные реплики о России: "Кто же назовет ее Родиной? Кто же может полюбить ее душой и телом?"»[119].

После командировки в Казахстан в июле 1950 г. инструкторы отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П. Апостолов и Б. Митрейкин докладывали Г. М. Маленкову, что в Центральном краеведческом республиканском музее экспозиция построена так, что она «способствует воспитанию антирусских настроений». «Не царизм, а русский народ показан угнетателем казахского народа, – отмечали они, – не кибитка угнетенного казаха, а байское великолепие как быт рядового казаха отражено в этнографическом отделе». Выставленные экспонаты, по их мнению, утверждают, что экономические связи Казахстана осуществлялись главным образом с Персией и Турцией, а «Россия же якобы ввозила в Казахстан бусы и прочие украшения»[120].

22–23 мая 1952 г. прошла объединенная сессия отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная изучению истории Крымского полуострова. Необходимость проведения такого представительного собрания объяснялась стремлением власти представить прошлое Крыма в свете изменившихся представлений о роли и значении народов, населявших эти территории, тем более что в секретариате ЦК ВКП(б) в сентябре 1951 г. появилась записка секретаря Крымского обкома партии Титова об «извращении исторического прошлого Крыма». Эти «извращения» выразились в том, что во «многих исторических работах» «идеализируется татаро-турецкий период в истории полуострова», а присоединение Крыма к России трактуется как «сплошное зло для исторических судеб населения Крыма»; его история освещается в отрыве от истории русского государства и русского народа[121].

На сессии авторы, которые «высказывали сожаления» по поводу упадка «красочной татарской культуры», «замалчивали хищнический характер Крымского ханства» и «принижали» роль России в его развитии, подверглись осуждению. Перед историками в этой области так ставилась цель «решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма»[122]. Прошлое должно было «отягощать» вину народов, которые оказались «наказанными» государством.

Подобного рода «извращения» допускал и директор Ташкентского юридического института С. А. Раджабов. Заведующий отделом науки и вузов ЦК КП Узбекистана Г. Султанов сообщал в ЦК ВКП(б), что Раджабов в своих работах и лекциях освещал события установления Советской власти в Узбекистане вне связи с победой Октябрьской революции в России, «умалчивал» роль великого русского народа, отрицал наличие крепостного права и крупного земледелия в Средне-Азиатских ханствах, идеализировал восстание Пулат-хана в 1876 г., «которое было направлено против присоединения Коканд-

[119] РГАСПИ, оп. 132, д. 335, л. 122, 123.
[120] Там же, л. 122.
[121] Там же, оп. 133, д. 220, л. 16.
[122] Там же, л. 246 – 254.

ского ханства к России»[123]. История народов «втискивалась» в узкие рамки своеобразного «краткого курса», выстраиваемого идеологическими органами советского государства.

На первый план выдвигались вопросы приоритета «русского» во всех областях науки и техники. Министр высшего образования СССР В. Н. Столетов в апреле 1952 г. докладывал руководству Совмина СССР о том, что в 1952 г. исполняется 150 лет Тартускому университету, основанному в 1802 г. Отмечая важную роль «одного из старейших русских университетов» в развитии отечественной науки, министр отмечал, что в «период буржуазной Эстонии» была сделана попытка «извратить историю» университета и представить его преемником «не русского Юрьевского университета, основанного в 1802 г., а шведского университета, существовавшего в Дерпте с 1634 г. примерно до 1700 г., хотя после этого около 100 лет никакого университета в Дерпте не было». Поэтому министр предлагал организовать празднование юбилея университета, чтобы подчеркнуть «исторические связи русской и эстонской культур»[124].

В мае 1952 г. М.А. Суслову доложили о том, что некоторые мордовские писатели (А. Моро, Н. Кириллов и другие) «допускают в своем творчестве национальную ограниченность, проявляющуюся в неумении показать исторические связи мордовского и русского народов, в любовании стариной и воспевании обычаев, которые в самом народе уже забыты. Некоторые мордовские писатели неправильно трактуют тему родины, сводят ее к формуле: родина – это родная хата, родина – это родной край»[125]. Это уже подходило под определение «местный национализм». За такой «идеологический изгиб», к примеру, был исключен из членов Союза советских писателей алтайский прозаик Ч. И. Енгинов. По свидетельству секретаря Горно-Алтайского обкома партии Н. Сороки, «в разговоре со своими близкими Енгинов заявлял, что «мне приписывают национализм а, по-моему, у нас здесь великорусский шовинизм». Енгинов говорил, что ойратский нацтеатр открыто русифицируется, в своем репертуаре имеет мало национальных пьес, а национальные работники театра находятся в плену у русского шовинизма. Свои устремления писатель выражал в словах о том, что ему «очень тяжело сознавать и видеть, что алтайский народ разрознен, недружен», и ему хочется, «чтобы алтайский народ был крепко спаян, монолитным, чтобы здесь в области управляли не русские, а коренные алтайцы»[126].

В Украинской ССР проявления буржуазно-националистической идеологии чаще «выявлялись» в сфере литературы и искусства. «Явно националистическим», к примеру, было объявлено стихотворение украинского поэта Л. Первомайского «Женщина у Золотых ворот», опубликованное во втором номере «Нового мира» в 1951 г. и в котором «символом надежды всего прогрессивного человечества, центром борьбы за мир является не Москва и ее Кремль, а Киев с "Золотыми воротами"»[127].

---

[123] РГАСПИ, д. 288, л. 128.
[124] Там же, д. 299, л. 101.
[125] Там же, д. 331, л. 142.
[126] Там же, л. 77.
[127] Там же, л. 205.

В изданных в 1950–1951 гг. книгах Инцука о Л. Украинке и Кирилюка о Т. Шевченко партийные идеологи усмотрели ошибочные, на их взгляд, утверждения о том, что «Шевченко как революционный демократ сложился еще в 1840 г. и опередил в своем развитии вождей русской революционной демократии, а Леся Украинка – основоположник пролетарской поэзии на Украине». «В этом же духе» директор института литературы АН УССР А. Белецкий «доказывал независимость мировоззрения Шевченко от русских революционных демократов, противопоставлял П. Мирного Толстому, идеализировал творчество Франко, затушевывал националистические ошибки, допущенные писателем»[128].

Националистические тенденции обнаруживались и в украинском театральном искусстве. В украинских театрах «забывали о необходимости ознакомления... с культурными ценностями других народов СССР, в том числе с произведениями русских драматургов». В качестве примера приводился факт постановки пьесы А. Корнейчука «Калиновая роща» в 1950 г. в 34 театрах республики и показе ее 1365 раз (по 40 раз в год в каждом из театров). В то же время 11 пьес других советских драматургов, удостоенных Сталинской премии, были показаны в 10 театрах «всего 595 раз». В Киевском театре им. И. Франко из 20 поставленных в 1950 г. пьес было только 2 пьесы русской классики и ни одной пьесы современного советского автора[129]. Уполномоченный Главреперткома по Украине Владко в марте 1950 г. выдвинул предложение изъять из репертуара театров почти все пьесы русских классиков, поскольку они «мешают внедрению в репертуар современных советских пьес»[130].

Музыкальные и хоровые коллективы республики были повергнуты критике за «чрезмерное тяготение к формам старой музыкальной драмы, натуралистической бытовщине, этнографизму, увлечение старыми украинскими фольклорными образцами», а также за игнорирование музыкального творчества других народов СССР и общесоюзных массовых песен. К примеру, в репертуаре таких коллективов, как «Думка», «Трембита», Украинский народный хор под управлением Г. Веревки, Закарпатский народный хор не было ни одной общесоюзной популярной песни, а репертуар «ограничивался национальными, преимущественно старыми украинскими песнями».

В ноябре 1951 г. ЦК КП Украинской ССР признал наличие такого рода ошибок, однако в Москве полагали, что «перелома не наступило»[131]. Например, до 1951 г. опера «Запорожец за Дунаем» шла на сцене Киевского театра оперы и балета с «явно реакционным текстом» Н. И. Костомарова, который отстаивался Академией наук Украинской ССР. После вмешательства ЦК ВКП(б) текст оперы был изменен, однако «многие ошибки в ней остались неисправленными». Театр также предпочел снять постановку оперы «Тарас Бульба», но не исправлять текст либретто[132].

---

[128] РГАСПИ, л. 206.
[129] Там же, л. 208.
[130] Там же, л. 209.
[131] Там же, л. 209, 210.
[132] Там же, л. 211, 212.

В качестве «идеологической ошибки» рассматривалась и деятельность украинских издательств: из произведений классиков русской литературы в 1950 г. на украинском языке было издано всего 13 работ классиков прозы и 1 работа классика поэзии, произведения же других народов СССР были изданы всего дважды, а намечено издать в 1951 г. на украинском языке всего 4 книги классиков русской литературы и 3 книги других народов СССР, 10 работ советских русских писателей[133]. Впрочем, в изданиях национальных авторов «находились» самые неожиданные «идеологические извращения»: в марте 1952 г. М. А. Суслову докладывали, что при публикации сочинений Л. Украинки в примечаниях к первому и второму томам подробно «разъясняется древнееврейская и христианская терминология, встречающаяся в произведениях писательницы»[134].

Наконец, проявлением буржуазного национализма считалось противопоставление одной нации другой, что в общем-то справедливо рассматривалось как попытка разжигания межнациональной розни. К примеру, 23 ноября 1951 г. бюро ЦК КП(б) Казахской ССР освободило от обязанностей президента АН Казахстана К. И. Сатпаева. В вину академику вменялось не только участие в свое время в деятельности буржуазно-националистической партии «Алаш-орда», но и написание и издание в Москве на казахском языке в 1927 г. научно-популярного труда «Ер Едиге», где К. И. Сатпаев «разжигал межнациональную рознь»: «В узбека могу верить, а в отношении таджиков сомневаюсь». К тому же он утверждал, что хан Едиге – «отец всех казахских богатырей, справедливых биев, а Аблай-хан и Кенесары – достойные его продолжатели»[135]. Однако до своей отставки К. И. Сатпаев «занимался законотворческой деятельностью» в составе комиссии законодательных предположений Совета Национальностей второго созыва в 1946–1950 гг.

Напряженные отношения между армянами и азербайджанцами зачастую вызывались и неоднозначным толкованием исторического прошлого народов. Так, по мнению партийных идеологов из ЦК ВКП(б), книга руководителя отдела общественных наук АН Армянской ССР профессора А. Иоаннисяна «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» не только вызвала критику в Азербайджане, но и привела, как был вынужден констатировать 5 апреля 1950 г. в своем решении ЦК КП(б) Армении, к тому, что вместо содействия сближению и укреплению дружбы между армянским и азербайджанским народами «вызвала рецидив недоверия и оживления националистических настроений в некоторой части интеллигенции»[136]. «Больная тема» армяно-азербайджанских отношений вызывала и обвинения наподобие того, что было выдвинуто «группой интеллигентов» азербайджанской национальности «ухищренному националисту» З. Григоряну, который «руководит идеологической работой в ЦК КП Армении» и «целиком

[133] РГАСПИ , л. 213.
[134] Там же, л. 66, 68.
[135] Там же, д. 188, л. 234, 241, 320.
[136] Там же, д. 303, л. 15.

перенял от своего отца ненависть к остальным народностям и, в частности, к азербайджанскому народу, как к магометанам»[137].

Очевидно, что усиление борьбы с буржуазным национализмом в 1945–1953 гг. шло в общем русле «завинчивания гаек» в идеологической сфере. Буржуазный национализм в социалистической стране исключался по определению. Следует учитывать, что реально действующее националистическое подполье в ряде западных регионов страны усиливало подозрительность власти к любому проявлению «выпячивания» своей нации. Немаловажным фактором в борьбе с буржуазным национализмом являлись недавние тяжелые военные испытания, когда наряду с проявлениями массового патриотизма на фронте и в партизанской борьбе против немецко-фашистских оккупантов власть была вынуждена констатировать наличие национальных формирований, коллаборационизма, национального сепаратизма. Сохраняющаяся внешняя угроза вызывала у советского руководства опасения повторения этих эксцессов и усиливала стремление в корне подавить наметившуюся прежде всего у представителей национальных элит и интеллигенции тенденцию к идеализации своей национальной самобытности, что, вероятно, могло оцениваться властью как первый шаг к национальному сепаратизму.

В результате в общественных науках, искусстве, литературе складывалось довольнотаки напряженное положение, когда историки и философы, литераторы и театральные работники вынуждены были заниматься поиском той тонкой грани, которая отделяла «героическое прошлое» народа от «идеализации» его исторического прошлого. Достаточно условным был один из критериев этого «разделения» – роль русского народа в судьбе других народов советского государства.

В то же время советское руководство внимательно следило за расстановкой кадров в национальных республиках. Политика коренизации подбора кадров по принципу предпочтения лицам коренной национальности руководящих кадров в республиках существенных изменений во второй половине 1940-х гг. не претерпела, что является еще одним доказательством того, что проводимые в 1953 г. по инициативе Л. П. Берия меры в национальной области были вызваны прежде всего его стремлением к единоличной власти.

В 1947 г. Управление делами кадров ЦК ВКП(б) установило «серьезные недостатки и ошибки» по подбору и расстановке кадров в МВД и МГБ Казахской ССР. Из 190 начальников отделений и их заместителей в министерстве и в областных управлениях МГБ работало 10 казахов, из 247 оперативных работников аппарата МГБ казахов – 34, в отделе кадров – 2. В Северо-Казахстанской области из 10 начальников райотделений – 1 казах, в 7 районах на оперативной работе не было ни одного казаха. В 9 райотделениях МГБ Восточно-Казахстанской области также нет ни одного казаха. В то же время в Гурьевской области из 18 оперработников МГБ – 1 русский, в районах Алма-Атинской области из 21 оперработника – 2 русских[138].

---

[137] РГАСПИ, л. 74.

[138] Там же, оп 117, д. 700, л. 151.

В. С. Абакумов, министр госбезопасности СССР, с выводом проверки отдела кадров МГБ Казахской ССР о неудовлетворительной подготовке руководящих кадров из коренной национальности согласился, однако в докладной записке в ЦК А. А. Кузнецову указал, что «оперработники-казахи на работе в периферийных органах МГБ используются в зависимости от наличия коренного населения в районах». В Северо-Казахстанской области, где казахское население составляло 14 %, подчеркивал Абакумов, из 47 оперативных работников казахов – 8, а в районах Гурьевской и Алма-Атинской областей с преобладанием местного казахского населения среди сотрудников МГБ большинство составляли казахи. Кроме этого, отмечал он, в органы МГБ направляются в 1947 г. 39 курсантов-казахов, на работу вновь принято 17 казахов[139].

В целом такое же положение наблюдалось и в органах МВД Казахстана. Всего в МВД республики казахи составляли 24%, из 205 начальников районных отделений 70 казахов, из 16 начальников областных управлений МВД – 2 казаха. В аппарате министерства среди заместителей министра, начальников отделов казахов не было. Критике была подвергнута практика расстановки кадров в МВД Казахстана: в Южно-Казахстанской, Гурьевской, Джамбульской областях, где «главная масса населения – казахи», начальники Управлений МВД – русские, а в Акмолинской области, где казахское население малочисленно, начальником УМВД был назначен казах. В Октябрьском районе Талды-Курганской области, населенном исключительно казахами, начальник райотдела МВД и два его заместителя – русские, казахского языка и местных обычаев не знающие. Отмечалось также, что среди части сотрудников МВД казахской национальности сильны «феодально-байские пережитки»[140].

На недостаток кадров местной национальности с высшим юридическим образованием в органах прокуратуры, юстиции, МГБ, МВД Молдавской ССР сетовал секретарь ЦК КП(б) Молдавии Л. И. Брежнев, направляя в 1950 г. секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову предложение об открытии юридического факультета в Кишиневском госуниверситете. В органах прокуратуры молдаван насчитывалось 21,1%, в органах юстиции – 26,7%. Руководство Генпрокуратуры СССР, министерств юстиции и образования СССР предложило этот вопрос решить «путем направления лиц коренной национальности в Харьковский, Московский, Ленинградский юридические институты и юридические факультеты Киевского, Одесского и Московского госуниверситетов»[141]. Льготный прием лиц коренных национальностей в вузы обеспечивал постоянный приток в национальные элиты людей с высшим образованием, повышая образовательный уровень и усиливая степень их сплоченности.

Таким образом, кадровая политика партии была направлена преимущественно на коренизацию управленческого аппарата на местах. Реакция «на отдельные перекосы в кад-

[139] РГАСПИ, л. 161.
[140] Там же, л. 167, 168.
[141] Там же, оп. 133, д. 193, л. 1.

ровой политике», объективно возникающая в связи с «кадровым голодом» в стране, низкой квалификацией местных кадров, зачастую «зараженных несоциалистическими пережитками», следовала незамедлительно. Выравнивание по принципу «местной национальности – свой аппарат управления», несмотря на периодические «чистки», способствовал постоянному воспроизводству, пополнению и усилению национальных элит прежде всего титульных наций.

2.4. Борьба с космополитизмом, антипатриотизмом, еврейским национализмом и сионизмом

«Холодная война» привнесла в общественно-политическую и идеологическую жизнь страны дух противоборства с капиталистическим миром, явно ослабленный в годы войны и союзничества с США и Великобританией. Власть ощущала необходимость не просто «завинчивания гаек» в отношении интеллигенции, явно приобретавшей в годы войны элементы свободомыслия и духовного раскрепощения, но и стремилась к возврату того положения 1930-х гг., когда узкая группа партийных вождей определяла жесткие идеологические рамки и «классовый подход» в деле воспитания масс в мельчайших деталях.

Августовское 1946 г. постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» учинило разнос «пошляку и подонку литературы» М. Зощенко и «типичной представительнице чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» А. Ахматовой. В сентябре 1946 г. в Ленинграде А. А. Жданов, а в Киеве Н. С. Хрущев выступили с разъяснениями постановления. Жданов обозначил цель идейно-воспитательной работы периода «холодной войны» – искоренение «главного порока», который обозначался как «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада».

Власть требовала от работников советских театров не предоставлять сцену для постановки пьес буржуазных авторов «для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали» (постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г.); режиссерам вменяла в вину безыдейность творчества, искажение советской действительности, заискивание перед Западом, отсутствие патриотизма (постановление «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г.); создателей оперы «Великая дружба» обвиняла в том, что они неверно представили грузин и осетин врагами русских в 1918–1920 гг., в то время как «помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы»[142].

В 1947 г. для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства властью было использовано «дело» ученых-медиков Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина, передавших в США через «шпиона» академика В. В. Парина, осужденного за это на 25 лет, рукопись своей книги «Биотерапия злокачественных опухолей», изданной в Москве в 1946 г., для публика-

[142] См. подробнее: *Громов Е. С.* Указ. соч. С. 411–495.

ции. В США книга к изданию не была принята. Несмотря на то, что в феврале 1947 г. последовало разрешение издательству Академии медицинских наук «выпустить в свет книгу Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина»[143], в Министерстве здравоохранения СССР в апреле 1947 г. были проведены выборы «суда чести», в состав которого вошли 7 русских, 1 украинец и 1 армянин[144].

В июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения был проведен «суд чести» над Клюевой и Роскиным, а в январе 1949 г. выпущен на экраны фильм «Суд чести». В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина» от 17 июня 1947 г. их поступок характеризовался как антипатриотический и антигосударственный, а корни подобных проявлений усматривались в зараженности интеллигенции «болезнью низкопоклонства»[145].

Письмо было разослано в обкомы, райкомы и ЦК компартий союзных республик и аналогичные комсомольские структуры «для зачтения и обсуждения» на партийных собраниях и собраниях комсомольских активов[146]. О решениях партийных и комсомольских собраний, посвященных обсуждению закрытого письма ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина», партийные и комсомольские органы должны были докладывать в ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ[147].

В письме содержался призыв по всем аналогичным поступкам создавать «суды чести», которые были вскоре созданы по всей стране в научных, учебных заведениях, ведомствах, министерствах и учреждениях и действовали в течение двух лет[148]. Так в советское сознание внедрялся патриотизм, неизбежно принимавший в силу этого «казенный характер».

Наиболее яркими примерами борьбы с низкопоклонством стало преследование генетиков, физиологов, морфологов, почвоведов, медиков – оппонентов группы академика Т. Д. Лысенко, занявшей монопольное положение в агробиологии[149], а также объявление лженаукой кибернетики, «необходимой империалистам США для разжигания третьей мировой войны».

Первое за послевоенный период теоретическое осмысление феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом и национализмом было предложено одним из вождей-теоретиков партии О. В. Куусиненом в статье «О патриотизме», опубликованной в журнале «Новое время»(1945. № 1). Возрожденный в годы войны патриотизм Куусиненом опре-

---

[143] РГАСПИ, оп. 117, д. 699, л. 85.

[144] Там же, д. 737, л. 153, 159, 160–168.

[145] *Аксенов Ю. С.* Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр. 1991. Окт.–дек. С. 82.

[146] РГАСПИ, д. 901, л. 114, 115.

[147] Там же.

[148] *Аксенов Ю. С.* Указ. соч. С. 82–83.

[149] См. подробнее: *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко: История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993.

делялся как «самоотверженная борьба за свободное, счастливое будущее своего народа», а национализм при социализме «абсолютно» исключался и означал «противопоставление интересов собственной нации (или ее верхушечных слоев) интересам других наций». Противопоказан, по мнению автора статьи, социалистической стране и космополитизм – безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству. Эта идеология, рассуждал он, чужда трудящимся и характерна для «представителей международных банкирских домов и международных картелей, для крупнейших биржевых спекулянтов, мировых поставщиков оружия («торговцев смертью») и их агентов». Так, космополит в социалистической стране приравнивался к «врагу народа».

В начале 1948 г. Г. Ф. Александров в журнале «Вопросы философии» «отъявленными космополитами» объявил «врагов народа» Пятакова, Бухарина, Троцкого. В мае на пленуме правления Союза писателей СССР А. А. Фадеев подверг критике «очень вредную» книгу И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература», изданную еще в 1941 г. Осуждена была главная идея этой книги: «Свет идет с Запада, а Россия – страна восточная». Нусинов критиковался за то, что представил Пушкина «безнационально-всемирным, всеевропейским, всечеловеческим. Как будто можно быть таким, выпрыгнув из исторически сложившейся нации».

Активную роль в развязывании кампании против низкопоклонства, отождествленного с космополитизмом, играли А. А. Жданов, секретарь ЦК М. А. Суслов, заменивший в сентябре 1947 г. на посту начальника управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрова, редактор «Правды» по отделу пропаганды Д. Т. Шепилов, ставший тогда же заместителем Суслова.

Д. Т. Шепилов считал низкопоклонство свойством отдельных «интеллигентиков» в СССР, которые «умиляются даже мусорным урнам на берлинских улицах». Жданов в феврале 1948 г. на совещании в ЦК с деятелями советской музыки рассматривал интернационализм как высшее проявление социалистического патриотизма: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину – означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом»[150].

К концу 1948 г. кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом и борьбе с космополитизмом стала приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок.

Существенную роль в развертывании политики государственного антисемитизма сыграл И. В. Сталин. В начале 1948 г. Сталин дал указание министру госбезопасности В. С. Абакумову организовать убийство одного из руководителей Еврейского антифашистского комитета СССР (ЕАК), народного артиста СССР С. М. Михоэлса[151]. С именем этого человека в литературе связывается попытка создания еврейской автономии в Крыму, хотя

---

[150] См. подробнее: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 310–351.

[151] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. М., 1996. С. 351–357.

сама идея возникла еще в 1920-е гг. В 1943 г. перед поездкой Михоэлса и одного из активных деятелей ЕАК поэта И. С. Фефера в США эта идея была реанимирована.

Как утверждает Г. В. Костырченко, прибывшие в США летом 1943 г. Михоэлс и Фефер «располагали санкцией Молотова на ведение переговоров с американскими сионистами о материальной поддержке еврейского переселения в Крым после изгнания оттуда нацистов»[152]. Как указывает Ж. А. Медведев, ЕАК и «Джойнт» («Американский объединенный еврейский комитет по распределению помощи») рассматривали создание еврейской республики в Крыму «не только как место для поселения советских евреев, но и еврейских беженцев со всей Европы»[153].

В ЕАК был составлен проект докладной записки Сталину с предложением «создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма»[154], который и был передан в секретариат Сталина 15 февраля 1944 г. Неизвестно, существовал ли в конце 1943 г. план депортации крымских татар с полуострова, но символично то, что решение о депортации и передача данной записки по времени совпадают[155]. Сталин к указанному проекту относился отрицательно, однако ряд советских руководителей, прежде всего В. М. Молотов, его активно обсуждали[156]. Летом 1944 г. Л. М. Каганович по поручению Сталина встретился с руководством ЕАК и сообщил об отрицательном отношении Сталина к идее «Калифорнии в Крыму», что, кстати, не означало прекращения попыток ЕАК возродить этот проект[157]. Впрочем, в ЕАК был и другой проект: основать еврейскую республику на территории упраздненной республики немцев Поволжья, где еще весной 1942 г. были организованы еврейские поселения[158].

Именно крымский проект ЕАК был переквалифицирован в «сионистский заговор» и стал основой обвинения членов руководства ЕАК, когда среди них начались аресты в конце 1948 г. 24 декабря 1948 г. был арестован секретарь ЕАК И. С. Фефер, который и «дал показания» о якобы преступной деятельности его самого, С. М. Михоэлса, члена ЦК ВКП(б) С. А. Лозовского и других близких к ЕАК людей. В январе 1949 г. были арестованы С. А. Лозовский, поэты Л. Квитко и С. Маркиш, художественный руководитель Еврейского театра В. Л. Зускин, академик Л. Штерн. Аресты вскоре коснулись и руководителей Еврейской автономной области. С. М. Михоэлс, который был убит 12 января 1948 г., «превратился» в сионистского и американского агента[159].

---

[152] *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С.429.

[153] *Медведев Ж. А.* Сталин и «дело врачей». Новые материалы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 93.

[154] См.: Из секретных архивов ЦК КПСС. Лакомый полуостров. Записка о Крыме // Родина. 1991. № 11–12. С. 15–17.

[155] Намек на не случайность совпадения содержится в мемуарах П. А. Судоплатова (см.: *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 466–467).

[156] См.: *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 436; *Медведев Ж. А.* Указ. соч. С. 95.

[157] *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 436.

[158] *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. М., 2002. Ч. 2. С. 346, 394.

[159] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 59.

Несмотря на то, что в орбиту следствия по делу ЕАК были вовлечены достаточно широкие круги московской культурной и политической элиты, в частности, была арестована жена В. М. Молотова – П. С. Жемчужина, его не удавалось завершить, как было намечено, к марту 1950 г. По словам В. А. Малышева, министр внутренних дел С. Д. Игнатьев указывал, что «дело находится в запущенном состоянии и почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием Еврейского антифашистского комитета»[160].

После арестов активистов Еврейского антифашистского комитета в конце 1948 г. раздался «залп» по космополитам в виде статьи в «Правде» от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»[161]. Причем еще в ноябре 1948 г. в Агитпроп для подготовки материалов для ЦК ВКП(б) были вызваны известные критики В. Ф. Залесский, Г. С. Калашников, К. Л. Рудницкий, А. М. Борщаговский, Г. Н. Бояджиев, А. А. Крон, И. И. Юзовский, А. С. Гурвич (последнего проводивший совещание Б. Рюриков в своей статье в «Правде» от 30 ноября 1946 г. называл среди критиков, смотрящих «на мир с высоты болотной кочки»[162]). Созыв совещания был санкционирован Д. Т. Шепиловым[163]. Критик Я. Л. Варшавский, ссылаясь на Борщаговского, заявил, что этой группе «помогает» заместитель генерального секретаря Союза советских писателей (ССП) К. М. Симонов[164].

Еще ранее, в апреле 1948 г., еврей Л. М. Субоцкий был заменен русским А. В. Софроновым на посту секретаря правления ССП. Субоцкому были предъявлены обвинения в том, что он «насаждает семейственность, групповщину, подбирает на руководящие посты «своих» или случайных, окололитературных людей, исключительно нерусской национальности, и возглавил группу критиков, избравших своей целью дискредитировать «Литературную газету», которая «делает многое по разоблачению низкопоклонства перед Западом». «Субоцкий и его ставленники» замалчивали и «затирали творчество русских писателей В. Костылева, Л. Леонова, А. Серафимовича, Г. Гладкова, А. Твардовского и других[165].

После изменения отношения высшего советского руководства к вопросам космополитизма и патриотизма Шепилов и Симонов спешно вынуждены были "перестраиваться".

---

[160] «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановить уже в памяти» (Дневник В. А. Малышева) // Источник. 1997. № 5. С. 206.

[161] Данный эпизод связывается с именем первого секретаря МК и МГК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Попова, доложившего в первой половине января 1949 г. Сталину о «космополитических» атаках на А. А. Фадеева. Д. Т. Шепилов, в свою очередь, пожаловавшийся на ССП, «устроивший гонения на театральных критиков», натолкнулся на раздражение Сталина: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». Шепилов спешно был вынужден организовывать «отражение атаки» (см.: *Костырченко Г. С.* Указ. соч. С. 324–327).

[162] Правда. 1946. 30 нояб.

[163] РГАСПИ, оп. 132, д. 229, л. 9–12.

[164] Там же, л. 16.

[165] Там же, оп. 118, д. 39, л. 159, 161, 162.

Симонов в феврале 1949 г. заявление о своей причастности к группе театральных критиков назвал «клеветническим и провокационным», доказывая свою политическую лояльность творческой практикой («Парень из нашего города», «Русские люди», «Русский вопрос», «Чужая тень» и т. д.). В своем письме в ЦК Симонов, обращаясь к театральным критикам, предлагал им: «Выйдите вон и отдыхайте вне пределов советского искусства. А мы будем работать и воевать»[166].

Д. Т. Шепилов, отрицая свое участие в санкционировании созыва совещания с театральными критиками в Агитпропе, заявлял, что космополиты и буржуазные эстеты проникли в театральную и литературную критику, Литературный институт ССП, в региональные отделения Союза писателей[167]. Критика-космополита И. И. Юзовского писатель В. В. Вишневский критиковал за то, что он высмеивал патриотический призыв К. Минина, «выступил с гнуснейшей клеветой против русского народа, заявил, что "матерный язык... становится некоим выражением российского начала"»[168].

Писатель Л. В. Никулин указывал, что один из злобствующих театральных критиков-космополитов Б. В. Алперс восхвалял В. Э. Мейерхольда, называя его одним из вождей «театрального Октября», «поносил русских писателей-классиков», именуя А. Н. Островского «грубоватым реалистом», а М. Ю. Лермонтова «грубоватым и наивным». Ленинградский критик С. Дрейзен призывал советских драматургов «идти на выучку к драматургам английского и американского театра»[169]. И. Альтман, которого «услужливые критики-космополиты называли «наш пламенный Иоганн», объявил «знаменем для советского театрального искусства формалистский спектакль "Принцесса Турандот", а Л. Субоцкий обвинял Б. Полевого, А. Твардовского, А. Калинина в том, что «они якобы возрождают "квасной патриотизм"»[170].

Д. Т. Шепилов особо обращал внимание на «наличие среди еврейских писателей националистических, сионистских настроений» и считал «вполне законной» постановку вопроса об ответственности объединения еврейских писателей за то, что в «его рядах орудовали нусиновы, феферы, маркиши, квитко, галкины». Космополит И. Л. Альтман был уличен Шепиловым в том, что занимался «с полнейшей услужливостью» распространением абонементов Еврейского театра среди писателей Москвы, Киева и других городов[171].

Ссылаясь на сообщение драматурга А. Сурова, Д. Т. Шепилов указывал, что группа театральных критиков «скатилась на путь тайного сговора, проводя специальные сборища в ресторане «Арагви» и на квартире космополита Оттена, где обсуждался вопрос о линии поведения группы, об ее отношении к новым пьесам и театральным постановкам».

---

[166] РГАСПИ, оп. 132, д. 229, л. 19.
[167] Там же, л. 4.
[168] Там же, л. 5.
[169] Там же, л. 5, 7.
[170] Там же, оп. 132, д. 229, л. 2, 3.
[171] Там же, л. 5.

Шепилов счел необходимым об «этих сборищах» доложить министру МГБ В.С. Абакумову[172].

В марте 1949 г. секретариат поставил перед партийным руководством вопрос об исключении из рядов Союза писателей «критиков-антипатриотов» И. И. Юзовского, А. С. Гурвича, А. М. Борщаговского, И. Л. Альтмана, Л. А. Малюгина, Г. Н. Бояджиева, Л. М. Субоцкого, Ф. М. Левина, Г. А. Бровмана.

Газетные статьи пошли чередой: «Безродные космополиты в ГИТИСе», «Буржуазные космополиты в музыкальной критике», «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве» и другие. Космополиты обнаруживались повсюду, но главным образом в литературно-художественных кругах, редакциях газет и радио, в НИИ и вузах. В борьбу с космополитами были вовлечены многие известные деятели культуры, партийные и советские руководители.

К примеру, А. А. Фадеев в докладной записке в ЦК ВКП(б) в сентябре 1949 г. ставил вопрос об исключении критиков Дайреджиева и Альтмана из ССП. Дайреджиев, подчеркивал А. А. Фадеев, в течение нескольких месяцев «работая» в Таджикистане, подвергал «осмеянию и ниспровержению» спектакли русского театра в Сталинабаде, а Альтман тесно связан с буржуазно-еврейскими националистами в Еврейском театре и в Московской секции еврейских писателей[173].

Для обвинения в космополитизме было достаточно выразить несогласие с «генеральной» линией партии. Так, в сентябре 1949 г. за антисоветскую деятельность был арестован литературный сотрудник газеты «Сталинский сокол» Б. Л. Перельмутер. Будучи в командировке в Киеве в редколлегии армейской газеты «Защитник Отечества», Перельмутер, еврей по национальности, выступил против «политики большевистской партии в вопросах борьбы с буржуазным космополитизмом». Выступления газет «Правда», «Культура и жизнь», «разоблачающие враждебную деятельность космополитов», он назвал «шумихой», а также заявил, что «борьба с космополитизмом напоминает ежовщину»[174]. В связи с этим фактом и главного редактора «Сталинского сокола» Б. Н. Павлова обвинили в «притуплении политической бдительности» и «допущении засоренности аппарата враждебными и политически сомнительными людьми»[175].

На местах борьба с космополитизмом переплеталась с борьбой с буржуазным национализмом и принимала зачастую причудливые формы. К примеру, некий А. Жанышев из Фрунзе «разоблачил» целую «национал-космополитическую» группу в Киргизском университете. В эту группу были «зачислены» проректор Линович (по словам Жанышева, «троцкист, еврей, но выдает себя за белоруса»), которого «поддерживал» заместитель министра просвещения Дядюченко («еврей, выдает себя за украинца»), преподаватели Буйницкий и Бурковицкий, а также декан исторического факультета Зимма («все – евреи, но

[172] РГАСПИ, л. 5, 8.
[173] Там же, д. 229, л. 31–34.
[174] Там же, д. 118, л. 41.
[175] Там же, л. 42.

выдают себя за русских»). К этой группе были причислены преподаватели Юдахин и Бажманов, поскольку «связаны со всеми разоблаченными националистами Киргизии», «сыновья баев» Сарбаев и Альпиев, а также братья Мальсаговы, «спецпереселенцы-ингуши, активные участники антирусского движения на Кавказе, активные участники травли русского писателя Пасынкова» (обвинили его в «клевете на ингушский народ»)[176]. Реакция М. А. Суслова на данное письмо была мгновенной: секретарю ЦК КП(б) Киргизии Раззакову предписывалось незамедлительно организовать проверку «состояния кадров» в университете[177].

В ходе кампании по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом 23 ноября 1948 г. решением политбюро ЦК ВКП(б) было закрыто издательство «Дер Эмес» Огиз (Объединенное государственное издательство) при Совмине СССР «в связи с тем, что круг читателей на еврейском языке крайне незначителен», а «большая часть книг, выпущенных издательством «Дер Эмес», не находит распространения»[178]. 8 февраля 1949 г. политбюро ЦК по предложению правления Союза писателей СССР, «которое внес его секретарь А. А. Фадеев», приняло решение о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве, Минске, а также о закрытии альманахов на еврейском языке «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев)[179].

Были закрыты четыре еврейских театра – в Москве, Минске, Киеве, Биробиджане. Официальным поводом для этого послужил перевод еврейских театров на самоокупаемость, после чего был сделан вывод о том, что театры не оправдывают «себя в финансовом отношении».[180] Однако активная переписка в идеологических структурах партии, предварившая данное решение, свидетельствует о том, что театры были закрыты в процессе борьбы с «еврейским национализмом».

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Н. Гусаров в феврале 1949 г. сообщал Г. М. Маленкову о том, что Еврейский драматический театр Белорусской ССР «до последнего времени вел идеологически неверную репертуарную политику, в своих постановках идеализировал патриархальный быт мелкобуржуазных слоев дореволюционного еврейского населения и восхвалял жизнь в капиталистических странах»[181]. В постановке пьесы Галкина «Музыкант» театр изображал «Америку «обетованной страной», в которой только и могут расцветать и находить применение еврейские таланты», а в постановке пьесы по Шолом Алейхему «Блуждающие звезды» ставил целью «внедрить в сознание еврейского населения мысль, что еврейский театр – не обычное культурное учреждение, а центр особого «еврейского дела», пропагандировал проамериканские настроения[182].

---

[176] РГАСПИ, оп. 133, д. 299, л. 52.
[177] Там же, л. 57.
[178] Там же, оп. 3, д. 1073, л. 21.
[179] Там же, д. 1074, л. 23.
[180] Там же, оп. 132, д. 239, л. 1, 8.
[181] Там же, л. 4.
[182] Там же, л. 4.

Н. Гусаров указывал, что пропаганда этого особого «еврейского дела» «приобретает характер противопоставления его социалистическим интересам трудящихся всех других национальностей СССР». Среди работников театра длительное время распространялись «националистические настроения, будто бы русские и белорусы повинны в смерти тысяч евреев, так как не защитили их от немцев и помогали немцам в истреблении евреев». Такие настроения, подчеркнул секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, были присущи ведущему драматургу театра «разоблаченному ныне еврейскому националисту И. Феферу», а усилились эти настроения после пребывания в Минске «лидера еврейских националистов Михоэлса»[183].

Аналогичное положение, как отмечали Д. Шепилов и Ф. Головенченко, сложилось и в Московском еврейском театре, которым с 1928 по 1948 гг. руководил С. Михоэлс, а после его смерти «ныне репрессированный» В. Зускин. Репертуар театра «был засорен идейно-порочными, националистическими пьесами репрессированных авторов» и характеризовался «национальной узостью и ограниченностью тематики». Кроме этого, театр укомплектован людьми «не заслуживающими политического доверия», а многие артисты являлись выходцами из заграницы и были связаны с ней «через многих родственников»[184].

«Безыдейными местечковыми пьесами», как установили инспекторы управления кадров ЦК ВКП(б) Д. Полянский и Д. Пушкин в феврале 1948 г., был заполнен и репертуар Еврейского областного драматического театра в Биробиджане, тем более что пьесы «идут только на еврейском языке, непонятном 3/4 населения области»[185].

В связи с закрытием еврейских театров отпала «необходимость подготовки новых актерских кадров для еврейских театров». Председатель Комитета по делам искусств при Совмине СССР П. Лебедев в январе 1949 г. предложил закрыть Московское государственное еврейское театральное училище им. С. М. Михоэлса. Г. М. Маленков согласился с Лебедевым и поручил Д. Т. Шепилову выяснить, «как следует оформить это мероприятие»[186].

Д. Т. Шепилов, полагая, что решения ЦК ВКП(б) или Совмина СССР «на этот счет не требуется», предложил закрыть Московское государственное еврейское театральное училище приказом председателя Комитета по делам искусств[187].

По всей видимости, власть действительно считала еврейские театры, как и театральное училище, как и еврейские альманахи и объединения еврейских писателей не просто учреждениями культуры и искусства, а центрами «еврейского дела», связанными с заграницей и проводящими особую идеологическую линию. В условиях «выпрямления» государственной идеологии «еврейское дело», претендующее на альтернативность, объективно должно было встретить отпор со стороны государственных идеологических структур. Представляется, что одной из причин, вызвавших эти решения власти, было ее стремле-

---

[183] РГАСПИ, л. 4.
[184] Там же, оп. 132, д. 239, л. 22, 10.
[185] Там же, оп. 118, д. 39, л. 108.
[186] Там же, оп. 132, д. 239, л. 1.
[187] Там же, л. 3.

ние устранить наиболее очевидные перекосы в национальной структуре как правящей элиты, так и в среде советской интеллигенции. Возможно, это обстоятельство вызвало и серьезные кадровые перестановки в Еврейской автономной области.

В начале 1948 г. инспекторы управления кадров ЦК ВКП(б) Д. Полянский и Д. Пушкин по результатам проверки работы с кадрами в Еврейской автономной области Хабаровского края направили докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову, курирующему в партии кадровые вопросы. Кузнецов немедленно переслал записку А. А. Жданову с припиской о том, что в области «имеет место засоренность кадров националистическими элементами и другими людьми, не внушающими политического доверия», и предложением заслушать на заседании Секретариата ЦК первого секретаря обкома Бахмутского[188].

Главный вывод, к которому пришли инспекторы Управления кадров ЦК, состоял в констатации обычной для советской кадровой политики практики, когда «руководящие кадры зачастую подбираются не по деловым и политическим качествам, а по национальному признаку». В составе населения области русские составляли свыше 70%, евреи – 15,5%. Еврейское население было сосредоточено преимущественно в городах и райцентрах, в самом Биробиджане проживало 12 тысяч евреев, т.е. около 70% всех евреев области. В составе областной парторганизации евреев насчитывалось 1099 человек (20%), из них в Биробиджане проживало 729 человек (66%). Русских в парторганизации насчитывалось 3 446 человек[189].

Еврейское население было занято главным образом в мелкой кустарной промышленности, в торговле и общественном питании, в партийном, государственном и хозяйственном аппаратах, в учреждениях культуры. Из 65 колхозов области еврейское население преобладало лишь в 8. В аппарате обкома, облисполкоме, Биробиджанском горкоме, горисполкоме и других учреждениях области и города еврейские кадры составляли от 60 до 80%. Отделы пропаганды обкома и Биробиджанского горкома, редакции газет, радиокомитет и другие идеологические учреждения были почти полностью укомплектованы евреями[190].

Полянский и Пушкин отмечали в своей записке, что обком партии не учитывает того, что «среди переселенцев из западных районов СССР, Палестины и из других мест имеются активные националисты, сионисты, люди, бывшие в немецком окружении», а многие еврейские семьи имели родственников и знакомых в странах Западной Европы, Ближнего Востока и США. К примеру, лектор Биробиджанского горкома партии Гордина, прибывшая в 1946 г. из Крыма, указывала в своей автобиографии, что хочет «внести свою долю труда в дело превращения моего народа в нацию, ибо убеждена, что только как нация мой

[188] РГАСПИ, оп. 118, д. 39, л. 104.
[189] Там же, л. 105.
[190] Там же.

народ избежит тех ужасов... Обстановка в Крыму оказалась такой, что работать было невозможно. Кругом сплошной антисемитизм и никакой борьбы с ним нет»[191].

В докладной записке отмечалось, что среди трудящихся области случаев проявления национализма почти нет, «национализм проявляется в верхушечных слоях еврейской интеллигенции и среди отдельных партийных и советских работников». В начале 1947 г. в Биробиджане сложилась «националистическая группа» во главе с председателем городской плановой комиссии Друяном. На собраниях этой группы «велись разговоры о том, чтобы добиваться в Биробиджане еврейского языка как языка государственного, создавать еврейские школы, клубы и кружки». 1 октября 1947 г. на городском собрании интеллигенции писатель Керлер в своем выступлении утверждал, что в СССР «проводится насильственная ассимиляция евреев, что только в синагоге евреи могут пользоваться родным языком»[192].

Еврейские националистические группы обнаруживались не только в Биробиджане. В феврале 1952 г. инструктор отдела науки и вузов ЦК ВКП(б) А. Лутченко докладывал секретарю ЦК М. А. Суслову о существовании еврейской националистической группы на юридическом факультете Львовского университета. В эту группу входило 18 студентов, возглавлял ее «троцкист» Зусманович. Участники группы преклонялись «перед Америкой и ее помощью государству Израиль», часть из них получала «посылки из Америки и Палестины»[193].

В 1947 г. в Биробиджане была открыта синагога, и 24 сентября, в день религиозного праздника, на богослужении в синагоге присутствовало 400–450 человек, а около 70 служащих города не вышло на работу[194].

Вывод комиссии о том, что обком партии и его секретарь Бахмутский «примиренчески относятся к фактам проявления буржуазного национализма», привел к оргвыводам.

Дело не ограничивалось критикой, увольнениями «космополитов» с престижной работы или перемещениями их на менее значимые должности. По сведениям И. Г. Эренбурга, преследования космополитов нередко заканчивались арестами. До 1953 г. было арестовано 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов. Следует также отметить, что жертвами антикосмополитической кампании были далеко не одни евреи. Ссылаясь на подсчеты израильского историка Б. Пинкуса, Г. В. Костырченко указывает, что евреи составили 71% всех представителей интеллигенции, обвиненных в космополитизме[195].

В конце марта 1949 г. кампания пошла на убыль. В литературе это связывается с указанием Сталина редактору «Правды» П. Н. Поспелову: «Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями».

---

[191] РГАСПИ, л. 107.

[192] Там же, л. 108.

[193] Там же, оп. 133, д. 193, л. 236.

[194] Там же, оп. 118, д. 39, л. 109.

[195] *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 349–350.

М. А. Суслов, вызвав идеологических работников, просил передать мнение Сталина, что от расшифровки псевдонимов «попахивает антисемитизмом».

Показательным примером такого рода может являться острая ситуация, возникшая в редакции газеты «Красный флот» в марте 1949 г., о которой в письме на имя Сталина сообщил заместитель ответственного секретаря редакции этой газеты С. А. Лившиц. Он писал, что партия ведет большую работу «по разоблачению вредительской антипатриотической деятельности безродных космополитов», однако «кое-где... допущено... извращение политики партии по национальному вопросу».

В частности, утверждал С. А. Лившиц, «отдельные руководящие работники редакции почему-то поняли, что разоблачение преступной группы безродных космополитов явилось сигналом к борьбе со всем еврейским населением нашей страны». Они считают, указывал Лившиц, «что якобы настало время ополчиться на всех евреев, коль среди разоблаченных космополитов большинство людей еврейской национальности». Так, начальник отдела партийной жизни газеты Пащенко заявил на партийном собрании: «Так же как весь немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую агрессию, так и весь еврейский народ должен нести ответственность за действия буржуазных космополитов».

Только два коммуниста, подчеркивал Лившиц, «квалифицировали выступление Пащенко как неправильное и антисемитское», зато выступление самого Лившица, потребовавшего осудить Пащенко, было признано собранием «политически неправильным»[196].

Разбирались в этом инциденте Д. Шепилов, Л. Ильичев, адмирал Ф. Кузнецов. В докладной записке Г. М. Маленкову они подтвердили, что «Пащенко допустил в своей речи грубую политическую ошибку антисемитского характера», однако оснований для вывода о том, что «в партийной организации газеты «Красный флот» допущено извращение политики партии по национальному вопросу», они не увидели[197].

Е. С. Громов полагает, что публикацией 7 апреля 1949 г. в «Правде» статьи «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции» был дан «сигнал прекратить публичную травлю конкретных людей, а сосредоточиться на борьбе с чуждыми идеологическими взглядами, что отнюдь не означало реабилитации отверженных»[198].

Арестованных не освободили, уволенных с работы не восстановили. Наиболее ретивые борцы с космополитизмом, среди которых оказались заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Ф. М. Головенченко и редактор газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко, были сняты со своих постов[199].

Однако кампания против космополитизма не была прекращена, одними из первых это почувствовали историки. В ходе борьбы за «искоренение антипатриотической крамо-

---

[196] РГАСПИ, оп. 132, д. 118, л. 5, 6.

[197] Там же, л. 7.

[198] *Громов Е.* Указ. соч. С. 486.

[199] *Костырченко Г. В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2. С. 140.

лы» пострадали И. И. Минц, Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон, Л. И. Зубок, И. С. Звавич, был сменен состав редколлегии журнала «Вопросы истории», запрещен учебник Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», критике подвергнуты труды Е. В. Тарле, А. С. Ерусалимского, Р. Ю. Виппера и др.[200]

В конце жизни Сталина кампания государственного антисемитизма ознаменовалась рядом громких дел. В июне 1951 г. был арестован глава МГБ В. С. Абакумов, обвиненный в том, что сознательно тормозил расследование дела о «еврейском националисте» враче Я. Г. Этингере и дела о «еврейской антисоветской молодежной организации»[201]. Вскоре возникло дело «врачей-убийц». И хотя среди арестованных врачей большинство составляли русские, «по ходу следствия дело приобретало все более отчетливый антисемитский характер»[202].

Нет сомнений, что главную роль в «борьбе с космополитизмом» сыграл партаппарат. Стремясь к закулисному решению всех сложных идеологических проблем, партийное руководство не считало нужным выносить их на открытое обсуждение, к примеру, на сессиях Верховного Совета, тем более что партийные форумы (пленумы ЦК, съезды партии) не проводились в данный период, вплоть до октября 1952 г., когда состоялся XIX съезд ВКП(б). Это не значит, что послевоенные идеологические кампании никак не затронули Совет Национальностей, имевший среди прочих и задачу «обкатки руководящих кадров» как для центра, так и для союзных республик.

Следует отметить, что арестованный по делу ЕАК бывший глава Совинформбюро, член ЦК ВКП(б) С. А. Лозовский в 1946 г. был избран депутатом Совета Национальностей от Киргизской ССР. От Карело-Финской ССР в Совет Национальностей был избран М. М. Литвинов, лишившийся в 1946 г., как и С. А. Лозовский, поста заместителя министра иностранных дел. От Еврейской автономной области были избраны первый секретарь обкома партии А. Н. Бахмутский и колхозница Ш. Кочина. Всего в Верховный Совет СССР прошло 15 евреев (1,2 % от всех депутатов): 6 – в Совет Национальностей и 9 – в Совет Союза[203].

После выборов 1950 г. в Верховном Совете количество евреев поубавилось до 8 (0,69%). Несмотря на то, что на втором заседании первой сессии Верховного Совета второго созыва 14 июня 1950 г. председатель мандатной комиссии Совета Национальностей И. Г. Кэбин, характеризуя национальный состав палаты, назвал в числе депутатов представителей 44 этносов страны, а евреев зачислил в графу «другие национальности»[204], избрание евреев в высший государственный орган страны свидетельствовало о сохранении

---

[200] См. подробнее: *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. М., 1995. С. 273–276.

[201] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 61–68.

[202] См. подробнее: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. С. 629–294.

[203] ГАРФ, оп. 47, д. 1, л. 3–85.

[204] Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия) III созыва. 12–19 июня 1950 г. Стеногр. отчет. М., 1950. С. 62.

в самом верхнем слое партийно-государственной номенклатуры значительной доли еврейской национальной элиты. В то же время факт наличия евреев в «советской суперэлите» служил пропагандистским целям, опровергая «несостоятельность мифа о наличии в СССР антисемитизма».

В то же время в Совет Национальностей в 1950 г. были избраны те, кто стоял и по «другую сторону баррикад в идеологической борьбе». Г. В. Перова на посту председателя постоянно действующей комиссии законодательных предположений Совета Национальностей сменил министр просвещения РСФСР И. А. Каиров[205], заменивший, в свою очередь, на этом посту арестованного по «ленинградскому делу» А. А. Вознесенского. Ставший в 1946 г. президентом Академии педагогических наук (АПН)РСФСР, Каиров в 1949 г. принял активное участие в борьбе с космополитами в стенах академии. По данным Г. В. Костырченко, президент АПН «покровительствовал таким откровенным антисемитам, как его заместитель А. М. Арсеньев». Скандал, связанный с антисемитской выходкой Арсеньева в Чите, Каирову удалось урегулировать с помощью руководителя Комитета политического контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова[206], члена комиссии законодательных предположений Совета Национальностей второго и третьего и созывов.

Комиссию по иностранным делам Совета Национальностей возглавил в 1950 г. академик Б. Д. Греков, директор института истории АН СССР. В феврале 1953 г. заведующий отделом экономических и исторических наук и вузов ЦК А. М. Румянцев и инструктор этого же отдела А. В. Лихолат доложили Г. М. Маленкову о недостатках в работе института истории. В вину Б. Д. Грекову было поставлено нежелание освобождаться от сотрудников, «не пригодных по своим политическим и деловым качествам». Критике подвергли учебник для вузов по истории СССР, а также другие работы института за «неправильное освещение важнейших вопросов истории народов СССР» (происхождение нерусских народов, присоединение их к русскому государству)[207]. Руководство института согласилось с критикой партийных чиновников, приняло все предложения проверяющих, в том числе и о «проведении в 1953 г. широкого обсуждения... проблем образования русской буржуазной нации и особенностей формирования социалистических наций в СССР»[208]. Вскоре Б. Д. Грекова на посту директора института сменил А. Л. Сидоров, один из активных борцов против космополитизма.

В комиссию по иностранным делам Совета Национальностей были включены также активные участники кампании по борьбе с космополитизмом Н. А. Михайлов и К. М. Симонов.

Разброс мнений о причинах «антиеврейских кампаний» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. впечатляет своей полярностью и радикализмом выводов. Так, диссиденты бы-

---

[205] Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия) III созыва. 12–19 июня 1950 г. Стеногр. отчет. С. 30.

[206] См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. С. 592–594.

[207] РГАСПИ, ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 23.

[208] Там же, л. 31.

ли склонны рассматривать эти кампании как отход Сталина от «основной коммунистической догмы – космополитизма, антинационализма», и переходом его на патриотические и националистические позиции. Существует даже мнение, представляющее борьбу с космополитизмом борьбой против коммунизма, «ибо коммунизм по сути своей космополитичен». Напротив, М. П. Лобанов считал, что борьба с космополитизмом явилась реакцией на «еврейские притязания – стать откровенно господствующей силой в стране»[209].

Е. С. Громов полагает, что политической целью Сталина являлось стремление «отсечь» от еврейской национальной культуры советских евреев, «лишить их исторической памяти». Борьба с космополитизмом, по его мнению, означала «курс на стопроцентную ассимиляцию в советском пространстве целой нации», а «мало-мальски несогласных просто бы уничтожили»[210].

Г. С. Костырченко предпочитает рассматривать борьбу с космополитизмом в русле начавшейся после войны «форсированной идеологизации общества в духе большевистской идейности и бдительности». В тоже время, по его мнению, это являлось попыткой отгородиться от внешнего мира, «защитной реакцией на жесткий вызов, брошенный... Западом, и прежде всего США, с их претензией на гегемонию в мире», равно как «стремлением сталинского единовластия к самовыживанию». Вместе с тем, считает Костырченко, «ура-патриотическая шумиха» служила прикрытием репрессивных акций – «так называемого ленинградского дела и ликвидации еврейской национальной культуры вместе с наиболее яркими ее представителями». Среди субъективных факторов он выделяет «вызванный внешним (холодная война) и внутренним (аппаратная борьба за власть) факторами очередной приступ сталинской паранойи», а также «то обстоятельство, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Западу, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность»[211].

Достаточно аргументированным представляется мнение академика И. Р. Шафаревича: «Если рассматривать «дело ЕАК» как яркое проявление «сталинского антисемитизма», то «Ленинградское дело» надо было бы считать столь же ярким проявлением сталинской русофобии. На самом же деле в обоих случаях режим стремился взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях. Эти действия составляли лишь элементы в цепи мер, предпринятых после войны для консолидации победившего и укрепляющегося коммунистического строя»[212].

---

[209] Подобные и другие мнения приведены в книге: *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1938–2002. М., 2003. С. 150–151.

[210] *Громов Е.* Указ. соч. С. 501.

[211] *Костырченко Г. С.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. С. 349–350.

[212] *Шафаревич И. Р.* Трехтысячелетняя загадка. История еврейства и перспективы современной России. СПб., 2002. С. 240; *Он же.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003. С. 173.

Отрицать тот факт, что в качестве низкопоклонников и космополитов к концу 1940-х гг. все чаще стали фигурировать интеллигенты еврейской национальности, а сама кампания по укреплению советского патриотизма стала приобретать заметно выраженный антисемитский характер, с научной точки зрения было бы, по крайней мере, не исторично. Однако, представляется, что происходило это не в силу каких-либо субъективных факторов, а скорее всего по объективной причине. Евреи были представлены в составе советской интеллигенции во много раз большим удельным весом, чем в населении страны.

Составляя после войны 1,3% населения страны, евреев среди заведующих отделами, лабораториями и секторами АН СССР по отделению экономики и права насчитывалось – 58,4%, по отделению химических наук – 33%, физико-математических наук – 27,5%, технических наук – 25%. Среди преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии вузов страны в начале 1949 г. евреи составляли 26,3%. В институте истории АН СССР удельный вес с начала 1948 г. сократился на 15%, однако в конце 1949 г. продолжал составлять 21%. Среди вновь принятых в Союз советских писателей в 1947–1952 гг. (в разгар борьбы с космополитизмом!) евреи насчитывали 20,3%, а в московской организации ССП в 1953 г. евреи составляли 29,8%. Приблизительно такое же положение существовало и в ленинградской, и в украинской писательских организациях[213].

Безусловно, достаточно красноречивыми являются свидетельства об увольнениях в начале 1951 г. 34 директоров и 31 главного инженера авиационных заводов, в большинстве своем евреев, о том, что из 40 работавших в 1942 г. в министерстве общего машиностроения директоров и главных инженеров – еврейской национальности – в 1953 г. осталось трое, об удалении из армии генералов и старших офицеров – евреев[214]. Однако не менее значимыми и показательными являются следующие статистические данные: если в конце 1920-х годов евреи составляли 13,6 % всех научных работников в стране, к 1937 г. этот показатель возрос до 17,5%, а в 1950 г. равнялся 15,4%[215].

В такой ситуации любое сколько-нибудь серьезное идеологическое давление или административное решение на интеллигенцию со стороны власти можно было представлять как явление, затрагивающее прежде всего интересы еврейской элиты.

Следует учитывать и определенный «историографический уклон» – рассматривать евреев только по «одну сторону баррикад» в непростой идеологической борьбе конца 1940 – начала 1950-х гг., априори зачисляя их в «лагерь жертв и гонимых», в то время как представители еврейской интеллигенции принимали активное участие как в выработке новой идеологической линии, так и в ее реализации. Да и жертвами космополитической кампании становились конечно же не одни евреи. По оценкам израильских исследователей, наоборот, они представляли незначительное меньшинство среди пострадавших. Сре-

---

[213] *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 148.

[214] *Мининберг Л. Л.* Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941 – 1945). М., 1995. С. 413–417, 427, 430.

[215] *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 405.

ди арестованных по «делу врачей» лиц нееврейской национальности было в три раза больше, чем евреев.

Безусловно, должно быть учтено и изменение внешнеполитической ситуации. В составе политической и экономической элиты США, превратившихся из союзника в наиболее вероятного противника, видную роль играли евреи. Израиль, едва родившись, вопреки ожиданиям советского руководства, принявшего самое горячее участие в его создании и надеющегося на «ответную взаимность», заявил себя сторонником США. И в годы войны советские евреи зарекомендовали себя наиболее ориентированными на развитие экономических и культурных связей с буржуазными странами Запада. Наличие родственников в США, Израиле и других странах стало для советских евреев фактором подозрительности, поводом рассматривать их как сомнительных советских граждан и потенциальных изменников.

Не следует сбрасывать со счетов и такой важный фактор, как психологическое воздействие только что закончившейся страшной войны. Представляется, что руководством страны негласно учитывался неоднозначный вклад народов страны в достижение победы над врагом, тем более что в годы войны на ряде этих несоответствий успешно играли нацистские идеологические службы. «Еврейский вопрос» мог иметь тенденцию к обострению как раз в связи с явным несоответствием представленности этой национальности в руководящей и культурной элитах, среди эвакуированных и сражающихся на фронте. К началу войны доля евреев в населении страны увеличилась до 2,5%[216]. По данным Совета по делам эвакуации, на начало декабря 1941 г. евреи составляли 26,9% от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками[217]. Среди мобилизованных на фронт евреи составляли 1,4%[218], среди погибших в войну военнослужащих – 1,6%[219].

Уже в годы войны партия признала, что в проводимой прежде национальной политике существовали определенные изъяны, когда в руководстве управлений Комитета по делам искусств, во главе Большого театра и Московской государственной консерватории, в музыкальной критике, в отделах литературы и искусства центральных газет главное место занимали представители еврейской элиты. Несмотря на «частичное обновление» руководящих кадров в ряде учреждений культуры, можно утверждать, что в годы войны существенных кадровых перемещений все же не произошло.

Еще более разительным это несоответствие становилось при сравнении подобных показателей среди русского народа. Известно, что в составе населения СССР русские со-

---

[216] *Куповецкий М.* Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 5. С. 152.

[217] *Альтман И. А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 389.

[218] *Солженицын А. И.* Указ. соч. С. 363.

[219] Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 238.

ставляли накануне войны 51,8%, в общем числе мобилизованных за годы войны их было 65,4%, среди погибших – 66,4%[220].

В последнее время усилиями прежде всего Г. В. Костырченко опровергнут миф о готовящейся насильственной акции выселения еврейского народа в северные районы страны. Представляется, что «преимущественной формой репрессий» в годы борьбы с космополитизмом стало перемещение с верхних на более низкие ступеньки советской иерархическо-социальной лестницы. Примеров такого рода достаточно много: литературному критику О. С. Резнику, обвиненному в космополитизме, Шепилов и Ильичев просили предоставить работу «на периферии»[221], уволенную из Института мировой литературы им. А. М. Горького «за ошибки космополитического характера» Т. Л. Мотылеву Шепилов предлагал направить в один из педагогических институтов Москвы для работы в качестве преподавателя[222].

Таким образом, кампания борьбы с сионизмом, космополитизмом вряд ли может быть объяснена исключительно сталинским антисемитизмом[223]. В первую очередь было бы целесообразно связать «антиеврейские» кампании с «политической борьбой на международной арене и с глубинными социальными, национально-политическими процессами, со сменой элит в советском обществе»[224].

2.5. Религиозные и бытовые пережитки в СССР и их влияние на межнациональные отношения

Советская антирелигиозная политика и исключительная монополия коммунистической идеологии была направлена на вытеснение церкви и религии из сферы идеологии и политики. Однако в ряде регионов страны эта политика привела лишь к «перемещению» религии в сферу семейно-бытовых отношений, ставшей практически недоступной для советско-коммунистического мировоззрения. Прежде всего данное положение применимо к оценке роли ислама в республиках Средней Азии и Казахстана, а также влияния католической церкви в областях на Западной Украине, республиках Балтии, прежде всего Литве.

В августе 1948 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов сообщал заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о широком распространении религиозных взглядов

---

[220] Россия и СССР в войнах XX века. С. 238.

[221] РГАСПИ, оп. 132, д. 229, л. 62.

[222] Там же, л. 47, 48.

[223] Р. Конквест в «Большом терроре» (Рига, 1991) «ведет отсчет» антисемитизму Сталина с его статьи 1907 г., а сталинский биограф Р. Такер подтверждает антисемитизм вождя его «готовностью» шутить по поводу целесообразности еврейских погромов в партии (*Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М., 1991. С. 137).

[224] *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 150.

среди молодежи. «Особенно активизировались церковники в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике, в Молдавии», отмечал Михайлов. Значительная часть сельской и рабочей молодежи систематически посещала церковь, соблюдала различные религиозные обряды, часто пропускала в период религиозных праздников работу и занятия[225].

В Эстонии в день Рождества (25 и 26 декабря 1947 г.) не работали большое число предприятий и отдельные советские учреждения, во многих школах не проводились занятия или их посещало 10–15% учащихся. В декабре 1947 г. в Львовской области во время религиозных праздников не проводились занятия в большинстве школ. В Минске крещение принимали учащиеся средних школ, студенты вузов и техникумов. В Эстонии непрерывно увеличивалось число молодежи, проходящей конфирмацию (освящение) (в 1945 г. – 3 500 человек, 1946 г. – 8 039, 1947 г. – 10 428)[226].

Часть молодежи оказалась вовлеченной в различные легальные и нелегальные сектантские организации. В Львовской области насчитывалось 48 общин секты баптистов, 25% членов которых составляла молодежь, в Молдавии – 90 общин секты баптистов. Нелегальные секты иеговистов (Львовская область) и иннокентьевцев (Молдавия) призывали молодежь не платить налоги, не выполнять хлебопоставки[227].

Усилилась деятельность духовенства. В Литве действовали 711 католических костелов, в которых насчитывалось 1 300 ксендзов, 74 старообрядческих и 42 православных церкви. Советскому руководству приходилось учитывать, что католическое духовенство на протяжении многих веков выступало здесь в качестве мобилизующего фактора национального единства.

Борьба с исламом в СССР привела к тому, что в стране действовало очень небольшое количество мечетей. Однако в исламе, в отличие от того же христианства, отсутствует четкая организация духовенства, в целом ислам в очень малой степени похож на «институциализированную» религию. Фактически каждый мусульманин обладает правом высказывать свое мнение по вопросам религии, лишь бы оно не противоречило Корану. Поэтому, несмотря на все усилия атеистических государственных организаций, в советской Средней Азии шла бурная неофициальная религиозная жизнь.

В Узбекистане участились «нелегальные сборища на мазарах», в частных домах, нелегально открывались мечети, «святые места». Молодежь активно посещала мечети, встречались случаи религиозного фанатизма (самосожжение девушек, например), ношение паранджи, совершение религиозных обрядов[228].

Как сообщал секретарь Кашкадарьинского обкома партии Узбекистана Б. Насыров в сентябре 1948 г., в период религиозного праздника Ураза-хаит 6–7 августа отмечены массовые выходы верующей части населения на намаз, в г. Карши в нелегальных мечетях

[225] РГАСПИ, д. 6, л. 126.
[226] Там же, л. 126.
[227] Там же.
[228] Там же, л. 127.

Кон-Гумбаз и на мазаре Хаджи и Убайджир участвовали свыше 1 500 человек, в том числе коммунисты и советские руководители, в Шахрисабзском районе в мечети Хозрати-Шейх – свыше 3 000 человек. В райцентре Чиракчинского района после богослужения видные духовники вместе с работником райотдела сельского хозяйства Хансуверовым, заведующим отделом райкома партии Казановым участвовали в угощении (худой)[229].

Председатель Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР Д. Полянский сообщал в ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилову о том, что в Киргизской ССР среди верующих, соблюдавших уразу, «более строго постились чеченцы, карачаевцы и ингуши, проживающие в указанной республике в качестве спецпоселенцев»[230]. Старики и молодежь соблюдали уразу в Татарской АССР, а в 4-х населенных пунктах Удмуртской АССР, где мусульманское население насчитывало чуть свыше 3 тысяч человек, уразу соблюдало более 2 тысяч[231]. В Казани, где существовала единственная мечеть, праздничное богослужение устраивалось в 1948 г. в шести местах, причем в пяти – под руководством бродячего духовенства[232].

Начальник управления МГБ по Тульской области Лапшин в апреле 1948 г. сообщал о том, что в области «еврейские клерикалы, не имея разрешения на отправление религиозных обрядов, организовали нелегальную еврейскую синагогу, в которой систематически проводят службы». Каждую службу посещали от 30 до 40 человек, в праздники – до 300. А с приездом в область спецпереселенцев крымских татар для работы на шахтах угольного комбината прибыли и лица из числа мусульманского духовенства, которые не только среди татар проводили религиозную пропаганду, но и поднимали вопрос об открытии мечетей[233].

Серьезную проблему в сфере межнациональных отношений прежде всего среднеазиатских и кавказских республик представляли «пережитки родового быта». Такого рода преступления перед войной и в годы войны имели тенденцию к сокращению (в 1936 г. зафиксировано 723 преступления по статьям УК 194–199, 201, 203, 204; в 1937 г. – 587, 1938 г. – 398, 1939 г. – 327, 1940 г. – 286, 1941 г. – 282, 1942 г. – 36, 1943 г. – 15, 1944 г. – 26). Однако тот факт, что в последние годы их количество вновь стало расти, свидетельствовал об их широком распространении в национальных республиках, при том условии, что в СССР количество судебных дел представляло малую толику от количества действительно совершаемых подобных преступлений[234].

При обсуждении проекта нового Уголовного кодекса СССР в Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей этот вопрос имел существенное значение. Хорошо знакомый с положением дел в этой области член рабочей группы по подго-

---

[229] РГАСПИ, л. 139.
[230] Там же, л. 139.
[231] Там же, л. 238.
[232] Там же, л. 241.
[233] Там же, л. 252.
[234] ГАРФ, оп. 65, д. 246, л. 33.

товке законопроекта В. И. Чхиквадзе на августовском 1947 г. заседании комиссии законодательных предположений Совета Национальностей предложил внести в УК наказание за «понуждение овдовевшей женщины к выходу замуж» (ст. 140), аргументируя свое предложение тем, что это преступление почти не имеет места в РСФСР, но нередко встречается в некоторых национальных республиках.

Чхиквадзе предложил ввести в новый кодекс статью об ответственности за «похищение женщин для вступления с нею в брак», что было особенно важно для среднеазиатских и некоторых закавказских республик, а также редакцию статьи 259, предусматривающую наказание за «воспрепятствование женщине принимать участие в государственном управлении и общественно-политической работе, посещать школу, клубы и другие культурно-просветительские учреждения, поступать по своему выбору на работу, а также противодействие снятию паранджи, борыка, яшмана, чадры». Чхиквадзе указывал и на то, что из национальных республик настойчиво звучат требования усилить наказание за «принятие выкупа за невесту и оплату выкупа за невесту (калым)»[235].

На этом же заседании другой член рабочей группы Д. С. Карев засомневался в целесообразности исключения статьи о наказании за «принятие имущественного вознаграждения, уплачиваемого убийцей или его родителями в качестве выкупа, освобождающего от мести», поскольку она имеет применение в небольшом количестве районов Северного Кавказа, Закавказья, кое-где в Средней Азии, а также статьи о «баранте» – своеобразном залоге за убитый скот, которая имеет место в скотоводческих районах. Зато статьи о суде по правилам адата и привитии религиозных навыков и культов Карев предлагал исключить. По его мнению, «сейчас это редкое исключение»[236], хотя факты свидетельствовали об обратном.

Депутаты из среднеазиатских и закавказских республик критиковали комиссию законодательных предположений Совета Национальностей за то, что она слабо учитывала целый ряд преступлений, «которые вызываются сохранением пережитков прошлого, в частности, похищение женщин, многоженство, калым и т. д.». Руководство Узбекской ССР было очень обеспокоено тем, что «за последнее время в республике значительно увеличились факты многоженства, особенно среди руководящих работников колхозов», а привлечение виновных лиц к судебной ответственности и осуждение их к принудительным работам сроком до одного года «не дает надлежащего эффекта». Прокурор Узбекской ССР даже возбудил ходатайство перед Верховным Советом УзССР, который в сентябре 1948 г. подготовил проект Указа, предусматривающий усиление карательной санкции за данное преступление вплоть до лишения свободы на срок до 3-х лет[237].

Против данного проекта выступил председатель Верховного суда СССР А. Волин, полагавший, что «усиление санкции за это преступление на 32-м году Советской власти...

---

[235] ГАРФ, оп. 45-а, д. 7, л. 93.

[236] Там же, л. 94.

[237] Там же, оп. 65, д. 341, л. 2, 3.

может послужить источником для всякого рода превратных измышлений о силе родовых пережитков в Узбекской ССР»[238]. Министр юстиции СССР Н. Горшенин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин, заведующий юридическим отделом Верховного Совета П. Архипов высказывали мнение, что в Узбекистане необходимо отложить обсуждение этого законопроекта в связи с разработкой Комиссией законодательных предположений Совета Национальностей проекта Уголовного кодекса[239].

Министр юстиции РСФСР Н. М. Рычков, как и А. Волин, оправдывал действия комиссии тем, что она исходила из того, что нецелесообразно «на 30-м году существования Советской власти говорить в союзном законе о существовании таких пережитков». Однако, изучив возражения из республик, Рычков признал, что «видимо... надо предусмотреть наказание за всякую попытку противодействия раскрепощению женщины, унижению ее достоинства, унижению ее личности как советского гражданина»[240].

Не все разделяли эту точку зрения. Руководитель подкомиссии комиссии законодательных предположений Совета Национальностей по обсуждению проекта Уголовного кодекса А. А. Герцензон полагал, что статья «принятия или уплаты выкупа за невесту» потеряла свое значение, поскольку не связана с эксплуатацией женщины и является «таким же пережитком, как дача приданого в русской деревне». Член подкомиссии В. Д. Меньшагин возражал против распространения на весь СССР статьи о двоеженстве и многоженстве. «Двоеженство и многоженство в национальных республиках освещено родовым бытом, производится совершенно открыто (под одной крышей живут три жены с одним мужем)». Тем более, полагал Меньшагин, что равнодушное отношение к этим случаям со стороны населения «свидетельствует об особо укоренившихся обычаях в этом отношении». Прежде всего он опасался того, что если уголовную ответственность за двоеженство распространить на всю территорию СССР, то «за всякую даже случайную измену мы должны будем судить людей»[241].

Проблема учета национального своеобразия возникла и при обсуждении членами комиссии законодательных предположений Совета Национальностей вопроса установления единого для мужчин и женщин брачного возраста во всех союзных республиках. Член комиссии, заместитель председателя Совмина Эстонии Р. Махль считал целесообразным установление единого для мужчин и женщин брачного возраста – восемнадцати лет – во всех союзных республиках без понижения этого срока[242]. В то же время Ш. Иманалиев из Узбекистана предлагал установить в республиках Средней Азии для женщин брачный возраст в 18 лет, а для республик Европейской части СССР – 19 лет, для мужчин соответственно – 20 и 22 года[243].

---

[238] ГАРФ, л. 7.
[239] Там же, л. 8, 11, 13, 17.
[240] Там же, оп. 45-а, д. 7, л. 115, 116.
[241] Там же, д. 8, л. 156.
[242] Там же, оп. 85, д. 407, л. 9.
[243] Там же, л. 7.

Представляется, что в ряде западных регионов страны и прежде всего в Средней Азии и Казахстане религия была фактически неразделима с этнической идентификацией. Ислам был не просто религией, а образом жизни, способом мировоззрения, системой этических и эстетических норм[244].

Несмотря на определенные успехи общей модернизации республик Средней Азии и Казахстана по советскому образцу, этносам данного региона удалось сохранить фундаментальные ценности традиционной социальной жизни: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения[245]. После разгрома вооруженного басмаческого движения, также выступавшего под знаком ислама, этот фактор выступал в качестве определенной оппозиции советской власти и играл существенную роль в социокультурном и мировоззренческом противостоянии традиционного уклада с советской системой. Религия способствовала укреплению этнической самоидентификации и в конечном счете этнической обособленности. Широкое распространение религиозных взглядов и родовых пережитков среди представителей национальных элит (до сих пор документы о феодально-байских пережитках в восточных регионах страны находятся на секретном режиме хранения в российских архивах) доказывает наличие широкой социальной базы национального сепаратизма в стране.

2.6. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период

Языковая политика, проводившаяся в СССР в 1945–1953 гг., была сформирована в 1930-е гг. В июне 1941 г. было официально объявлено об успешном завершении перевода языков народов СССР на кириллицу. Несмотря на политический характер введения кириллицы, зачастую трактуемого как «принудительная русификация», следует согласиться с мнением известного ученого В. М. Алпатова, полагающего, что это «явление если и не желательное, то естественное: обстановка в стране требовала всеобщего изучения русского языка как единственного «лингва франка», а введение кириллицы облегчало такое изучение»[246]. Тем более и носители языков народов СССР восприняли этот переход как естественное событие.

Смена алфавитов привела к тому, что алфавитов на кириллице стало меньше, чем было на латинице. По подсчетам М. И. Исаева, в 1932–1940 гг. потеряли письменность 11

---

[244] *Сухопаров А.* Советские мусульмане: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 1991. № 6. С. 12–17.

[245] *Александров Ю. Т.* Средняя Азия: проблемы стратегии развития // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1995. Ч. I. С. 175.

[246] *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 91.

малых народов[247]. Уменьшение числа алфавитов происходило и в результате уменьшения числа официально признанных народов, как это было, к примеру, с дигорцами. Важным рубежом явилась война, в ходе которой языковое строительство было свернуто и для многих народов потом не восстанавливалось.

Главной мерой в языковой политике тех лет стало активное внедрение русского языка во все сферы языковой жизни. Важнейшей вехой в этом процессе явилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и последовавший за этим процесс принятия аналогичных постановлений во всех союзных республиках (в России подобное положение действовало до 1994 г.). Этими актами было положено начало созданию единой централизованной политики в обучении русскому языку.

Вряд ли правомерно оценивать подобное решение в том духе, что «оно создало неимоверные трудности в умственном развитии детей разных национальностей»[248]. Сами по себе меры по улучшению преподавания русского языка были, безусловно, необходимы. Учитывать следует и осознание советским руководством неизбежности будущей войны и обязательности знания русского языка будущими солдатами и командирами единой многонациональной армии. Безусловно и другое – эти решения привели в известной степени к русификации в ряде регионов страны в образовании и делопроизводстве.

В историографии отмечен и другой интересный факт: за пределами РСФСР в ряде случаев более мелкие языки вытеснялись не только русским, но и языками титульных этносов союзных республик (форсированное вытеснение абхазского и осетинского языков грузинским в Грузии, памирских языков таджикским в Таджикистане)[249]. Официальные лозунги, правда, оставались прежними, а статья 121 Конституции СССР 1936 г. провозглашала право образования на родном языке.

Во второй половине 1940– начале 1950-х гг. сохранилась языковая политика, сформированная в 1930-е гг., с небольшими вариациями. К примеру, в 1951 г. в бытность первым секретарем ЦК КП Молдавии Л. И. Брежнева литературная норма молдавского языка, созданная на основе приднестровских диалектов в 1920–1930-е гг. и малопонятная включенным в 1940 г. в состав СССР бессарабским молдаванам, была значительно сближена с румынской.

В апреле 1946 г. на объединенном заседании бюро комиссии законодательных предположений Совета Национальностей и Совета Союза была признана необходимость начала работы над законопроектом об основных началах в области просвещения и здравоохранения. На заседании 16 августа 1947 г. член комиссии законодательных предположений Совета Национальностей, президент АН Казахской ССР К. И. Сатпаев предложил усилить пункт об обучении русскому языку в нерусских школах, указав «не

---

[247] *Базиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973. С.121.

[248] *Мусаев К. М.* Языки и письменности народов Евразии. Алматы, 1994. С. 37.

[249] *Додыхудоева Л. Р.* Социолингвистическая ситуация Горного Бадахшана // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 85–86.

только на необходимость изучения, но и на необходимость овладения русским языком и литературой»[250]. Президент академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров полагал, что в ряде национальных республик «необходимо будет дополнительное время» на изучение русского языка, однако «вносить это в постоянный закон было бы неправильно». «Возьмите ряд городов Грузии, Украины, – подчеркивал Каиров, – там дело с просвещением очень высоко поставлено»[251].

Н. А. Константинов, руководитель подкомиссии комиссии законодательных предположений Совета Национальностей по проекту Основ начал просвещения в СССР на заседании в декабре 1947 г. поставил вопрос о «тяжелом и ненормальном положении, когда наши школы национальных республик приобретают по существу характер языковых школ и общеобразовательный уровень учащихся снижается». Он имел в виду школы с четырьмя языками в Азербайджане, в ряде республик Средней Азии, «где, скажем, в армянских школах Азербайджана преподаются азербайджанский, армянский, русский и иностранный языки». То же самое положение наблюдалось в татарских школах Узбекистана, где преподавались узбекский, татарский, русский, иностранный языки. Поэтому Константинов предлагал снизить число изучаемых языков и ограничиться «родным языком, русским и иностранным языками». На вопрос председателя комиссии законодательных предположений Совета Национальностей Г. В. Перова: «Исключая язык республики?», Константинов реагировал репликой о том, что «родной язык невозможно снимать»[252].

Перов предлагал острый вопрос о количестве изучаемых языков оставить в ведении союзных республик. Все же на заседаниях комиссии законодательных предположений Совета Национальностей был заметен крен не в пользу родных языков. Профессор К. И. Львов, к примеру, на заседании в декабре 1947 г. высказал мнение о том, что необходимо «пересмотреть вопрос о том, нужно ли у всех малых народов, насчитывающих 5–6 тысяч населения, преподавать на родном языке, не является ли это тормозом дальнейшего культурного развития данных народов». В качестве доказательства Львов приводил данные о преподавании на родном языке в табасаранских школах Дагестана: «там всего общеобразовательных школ несколько, причем на этом языке есть только один оригинальный букварь и почти нет литературных произведений». И вообще, заявил профессор, стоит предоставить родителям право определять детей в школу, а не определять только по национальному признаку. «В республиках поступают так, – говорил он, – если он кумык, он обязан отдавать детей в кумыкскую школу»[253].

Такие же представления о роли родного языка нередко встречались и в партийной среде. Секретарь Тюменского обкома ВКП(б) Чубаров в марте 1948 г. в докладной записке А. А. Жданову отмечал плачевное состояние с обучением детей ханты и манси: ежегодно происходит значительный отсев учащихся из начальной школы, а обучение в 5–7

[250] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 45-а, д. 7, л. 142.
[251] Там же, л. 141.
[252] Там же, д. 8, л. 24, 25.
[253] Там же, л. 36.

классах продолжают единицы. Минпрос РСФСР, отмечал Чубаров, «рассматривает народности Крайнего Севера нашей области как вполне сложившиеся национальности, имеющие единый литературный язык и свою письменную литературу». На самом же деле, утверждал секретарь обкома, каждая из народностей имеет ряд языковых диалектов, а внутри этих диалектов имеются различные говоры или наречия, а часть граждан, считающих себя по национальности ханты или манси, «в действительности не владеют ни тем, ни другим языком, разговаривая только на русском». Попытки создать «единый литературный хантыйский язык» в 1940 г. ни к чему не привели[254].

По своему словарному запасу эти языки, подчеркивал Чубаров, крайне бедны, собственной письменной литературы на этих языках нет, тем более что в национальных округах чрезвычайно мало школ с национально однородным составом учащихся, поэтому «невозможно вести обучение на каком-либо одном из северных языков»[255]. В связи с этим Чубаров внес предложение: во всех школах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов обучение вести на русском языке, исключив со второго года обучения родной язык как предмет. В семилетних и средних школах детям северных народностей предлагалось создать национальные по составу классы, в которых бы обучение велось на русском языке[256].

Мнение ЦК выразила заведующий сектором школ отдела пропаганды и агитации Л. Дубровина, заявившая, что «перевод обучения детей ханты, манси и ненцев на русский язык отрицательно отразится на развитии национальной культуры... и является неправильным с точки зрения педагогической, так как обучение детей на непонятном для них языке ухудшит качество подготовки учащихся»[257].

Безусловно, главным направлением языковой политики Советского государства в послевоенный период стало усиление внедрения в образовательные сферы русского языка.

Достаточно красноречивым примером может служить обращение секретаря Марийского обкома ВКП(б) Ларионова к секретарю ЦК М. А. Суслову с предложением ввести в марийских школах подготовительные классы с 1949/50 уч. г., вести обучение детей мари русскому языку со второго полугодия первого года по два часа в неделю за счет родного языка, а также увеличить количество часов на русский язык за счет часов по иностранному языку, «так как учителя иностранного языка отсутствуют и преподавание его не ведется». Свои предложения Ларионов аргументировал тезисами о неудовлетворительном состоянии изучения русского языка в большинстве марийских школ и о слабом владении литературным русским языком и методикой его преподавания учителями марийских школ. Секретарь отмечал, что обучение русскому языку в марийских школах начинается

---

[254] РГАСПИ, оп. 132, д. 51, л. 127, 128.
[255] Там же, л. 132, 133.
[256] Там же, л. 135.
[257] Там же, л. 136.

со второго и третьего года обучения, а количество часов, выделяемых на обучение русскому языку, значительно меньше, чем в русских школах[258].

При обсуждении проекта Основ начал просвещения в комиссии законодательных предположений Совета Национальностей также высказывались подобные суждения. Г. Г. Карамян от имени «передовой родительской общественности в национальных республиках» выразил недовольство знаниями по русскому языку, которые дают национальные школы. Поэтому, полагал он, родители пытаются устроить детей в русские школы и, следовательно, существует настоятельная необходимость усиления преподавания русского языка[259]. А. Ф. Эфиров предложил сформулировать второй абзац 22-й статьи Основ в следующей редакции: «Изучение русского языка в нерусских школах является обязательным». Он призвал не опасаться намеков, «как бы русификацией не запахло». Русский язык, заключал он, «бесконечно более нужный»[260].

В конце 1940-х гг. по заданию ЦК ВКП(б) была проведена проверка национальных школ автономных республик РСФСР. В результате было установлено, что «средняя школа с 1 по 10 класс включительно полностью работает на родном языке только в Татарской автономной республике», а отдельные предметы в небольшом числе школ преподаются в 8–10 классах на родном языке также в Чувашской и Башкирской АССР[261]. Преподавание же русского языка в школах автономных республик было признано неудовлетворительным.

Поступившие в отдел пропаганды и агитации предложения сводились к признанию необходимости создания с 1949/50 уч. г. специальных отделений по подготовке преподавателей русского языка и литературы в национальных школах, решительному увеличению числа часов на изучение русского языка в национальных школах, перенесению начала изучения русского языка на более ранние сроки. Увеличение часов на обучение русскому языку планировалось осуществить за счет сокращения количества часов по иностранному языку и родной литературе, поскольку «в большинстве республик литература возникла после Октябрьской революции, невелика по количеству произведений». Признавалось также, что «АН СССР допустила серьезную ошибку, ликвидировав Московский институт языка и письменности народов СССР»[262].

Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения преподавания русского языка в школах автономных республик и областей РСФСР» предусматривало увеличение часов на изучение русского языка в национальных школах с 549 до 1590 часов, создание во всех национальных педагогических и учительских институтах отделений для подготовки пре-

---

[258] РГАСПИ, л. 82.
[259] ГАРФ, оп. 45-а, д. 8, л. 55.
[260] Там же, л. 63.
[261] РГАСПИ, д. 189, л. 9.
[262] Там же, л. 4, 6, 7, 8, 11.

подавателей русского языка в национальных школах, расширение изданий специальной детской литературы на русском языке для 1–4 и 5–7 классов национальных школ[263].

Язык зачастую служил своего рода показателем особой статусности того или иного этноса либо национально-государственного образования. К примеру, стенографические отчеты сессий Верховного Совета СССР публиковались на языках союзных республик, а также на татарском, башкирском и кумыкском языках. Как отмечал секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин, «этим решением отмечается особое значение Татарской, Башкирской и Дагестанской АССР среди других автономных республик». Поэтому предложение Дагестанского обкома партии об издании стенографических отчетов сессий дополнительно на аварском языке Горкин считал нецелесообразным, тем более что «на языках народов большинства других автономных республик (Чувашской, Удмуртской, Мордовской и других) стенотчеты вовсе не издаются». Впрочем, Горкин полагал, что обком партии мог сам издавать на аварском и на языках других народностей Дагестана наиболее важные материалы сессий[264].

Вряд ли стоит, таким образом, рассуждать о том, что период 1945–1953 гг. был особенно плох для национальных языков[265]. Языковая политика развивалась с учетом сильной инерции прежней политики 1930-х гг. Несмотря на очевидные русификаторские элементы языковой политики, следует учитывать и объективные факторы. Учить русский язык заставляли не только «потребности экономического оборота». Война еще больше усилила потребность взаимопонимания, а это означало первенствующую роль русского языка во всех сферах жизни. Однако это не исключало стабильное существование языков титульных этносов союзных республик, как и постепенную деградацию «малых» языков.

2.7. Проблемы малых народов и их национально-территориальных образований

Положение в рассматриваемой области межнациональных отношений в среде малочисленных народов не было столь обнадеживающим. Это легко обнаруживается в материалах Верховного Совета, посвященных подготовке положений об автономной области и национальном округе. Еще в апреле 1946 г. секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин в письме в ЦК ВКП(б) на имя А. А. Жданова, посвященном вопросам организации работы постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей, отмечал, что необходимо разработать и принять «Положение об автономной области», поскольку компетенции союзных и автономных республик «определяются Конституциями союзных и автономных республик; права же автономных областей и их взаимоотношения

[263] РГАСПИ, л. 14, 15, 17.
[264] ГАРФ, оп. 65, д. 180, л. 3.
[265] О существовании подобных взглядов см.: *Алпатов В. М.* Указ соч. С. 102.

с краями и союзными республиками в связи с отсутствием Положения об автономных областях не регулируются»[266].

Однако работа над проектом положения затянулась. Вопрос о целесообразности определения правового положения автономных областей и национальных округов неоднократно ставился и в 1950-е, и в 1960-е гг. В частности, такие письма поступали в экономическую комиссию Совета Национальностей.

Положение в культурно-национальной и кадровой сферах развития малочисленных народов хорошо иллюстрируют данные из Ненецкого округа, приводимые секретарем Архангельского обкома партии Б. Николаевым в докладной записке на имя В. М. Молотова и Г. М. Маленкова в ноябре 1948 г. Николаев писал, что за последние годы в ряде районных партийных и советских органов национального округа произошло уменьшение национальных кадров. Так, в Нарьян-Марском горкоме, Канино-Тиманском райкоме партии не осталось ни одного работника коренной национальности, нет ненцев в составе секретарей райкомов ВЛКСМ, «мало их работает на выборных должностях в советских органах»[267].

Из 21 врача, работающего в округе, только один – коми, из 205 специалистов среднего медперсонала – 2 ненца, 5 коми, из 352 учителей округа – 6 ненцев, 33 коми, кадры «красных чумов» не укомплектованы, в вузах – всего 3 ненца, на подготовительном курсе при Ленинградском учительском институте – 5 человек, в средних медицинских, зоотехнических, ветеринарных учебных заведениях ненцы и коми не учились – такова статистика, приводимая секретарем обкома. «Выправлять положение» было поручено руководству РСФСР. В январе 1949 г. председатель Совмина РСФСР М. Родионов доложил Г. М. Маленкову о том, что в Ненецкий округ отправлен культинвентарь, а также подготовлено решение о принятии на государственный счет расходов на питание учащихся коренной национальности и выделении литературы[268].

В 1952 г. руководством Верховного Совета СССР в ходе подготовки положений об автономной области и национальном округе были организованы командировки в национальные округа. Ответственные работники аппарата Верховного Совета СССР А. В. Гусев и Р. И. Кулик работали в Коми-Пермяцком, В. К. Григорьев, Н. С. Ребров – в Усть-Ордынском Бурят-Монгольском национальном округе Иркутской области, Хакасской автономной области Красноярского края, Р.И. Кулик – в Черкесской автономной области Ставропольского края. Отчеты о командировках свидетельствуют как о положении в округах, так и об их статусе и роли в национально-государственной структуре СССР.

До сентября 1937 г. территория Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа входила в состав Бурят-Монгольской АССР и вобрала в себя земли к западу от озера Байкал, заселенные в основном бурятами. Причиной разделения этноса на две на-

---

[266] ГАРФ, оп. 65, д. 209, л. 4.

[267] РГАСПИ, оп. 132, д. 51, л. 1.

[268] Там же, л. 3.

ционально-территориальные единицы стали природные условия, затруднявшие связи между регионами. Но в то же время на землях, непосредственно примыкающих к озеру Байкал и заселенных на 70–75% бурятами, был образован Ольхонский район областного подчинения (причиной отрыва от национального округа назывались опять же природные условия – «нет дорог в горной местности»). Руководство Иркутской области предложения об объединении этих территорий в единый национальный округ не поддержало[269].

Из 120 колхозов округа, подчеркивали Ребров и Григорьев, 47 являются чисто бурятскими, а в остальных буряты составляют около 50%. Из 235 имеющихся в округе начальных школ 17 – национальные, из 18 средних школ – 10 национальных. Слабо организована национальная самодеятельность, не ставятся пьесы на национальном языке в клубах, не ведется никакой работы по записи народных сказаний и песен, из 12 тыс. книг в библиотеках округа «только 300 на бурят-монгольском языке», издается только одна газета на «бурят-монгольском языке размером в обычный конторский лист», судопроизводство и делопроизводство ведутся только на русском языке – все это дало Н. С. Реброву и В. К. Григорьеву право сделать однозначный вывод о том, что «буряты округа лишены возможности развивать свой национальный язык» и что «права национального округа настолько ограничены, что он не сохраняет и видимости законной автономии и самостоятельности»[270].

К тому же бюджет округа утверждался областным Советом, и окружной Совет был не вправе изменить в нем ни одной статьи, «даже если это диктуется национальными интересами». Окружной Совет «фактически лишен возможности осуществлять руководство районными советами округа, отдельные работники области считают, что округ не оправдывает своего назначения». Авторы записки сделали вывод в защиту изучаемой формы национального самоопределения: «Наличие национального округа дает возможность бурятскому народу развивать национальную по форме и социалистическую по содержанию национальную культуру»[271].

В Хакасской автономной области положение рисуется более сложным. Несмотря на численный рост хакасов (по переписи 1926 г. – 45 600 человек, по переписи 1939 г. – свыше 50 тысяч) в связи с «бурным ростом промышленности и большим притоком русского населения» доля хакасского населения в области снижалась и в 1952 г. составляла 15–17%. Из 121 колхоза области только 26 являлись хакасскими, из 37 библиотек – 15 национальных, из 49 изб-читален – 23 национальных[272].

По мнению Реброва и Григорьева, в области «имеет место недооценка хакасского языка, письменности и национальной культуры». Все доклады руководящих работников проводятся на русском языке, даже сами хакасы не выступают на родном языке, так как «разучились на нем делать доклады». «Значительный же процент населения» не знает рус-

[269] ГАРФ, оп. 58, д. 1033, л. 12.
[270] Там же, л. 12.
[271] Там же, л. 13.
[272] Там же, д. 1028, л. 64.

ского языка и пользуется только хакасским языком. В области из 28 средних школ только 2 хакасские, из 114 неполных средних школ – 18, из 246 начальных школ – 57 хакасских. Из 2 623 учителей области только 359 хакасов, а русские учителя не владеют хакасским языком.

На всех руководящих советских постах работали русские и только как исключение – хакасы. Из 9 человек исполкома областного Совета – 2 хакаса, среди 10 председателей городского и районных Советов – 1, среди 109 председателей сельских Советов – 35 хакасов. Причиной «почти полного обрусения» всего советского аппарата Ребров и Григорьев называли положение, при котором «никто всерьез не занимался подготовкой национальных кадров»[273]. Из системы судопроизводства родной язык также исключался.

Авторы записки делают вывод об искривлении национальной политики в Хакасии в вопросах воспитания национальных кадров, образования и культуры, что ставит автономную область «на уровень любого района краевого подчинения или даже какой-либо хозяйственной организации». Интересно, что ни в Красноярском крайисполкоме, ни в исполкоме облсовета Хакасской автономной области «не знают, в чем выражается автономия Хакасии»[274].

В целом та же картина рисуется и в докладной записке А. В. Гусева и Р. И. Кулика из Коми-Пермяцкого национального округа Молотовской области. Существующая грамматика, не отражающая особенности пермяцкого языка, слабо развитый литературный язык, отмечали они, создают затруднения для ведения делопроизводства на родном языке. В правовом положении, по их мнению, не учитывается, что национальный округ является не административным, а национально-государственным образованием и «ему должны быть предоставлены некоторые права, характерные лишь для национального объединения»[275].

Довольно неожиданно в связи с этим авторы записки делали вывод о том, что «Коми-Пермяцкий национальный округ как в области экономики, так и национальной культуры перерос существующую форму национально-государственного объединения». Более понятный критерий был выбран Гусевым и Куликом при выдвижении предложения о реорганизации Коми-Пермяцкого национального округа в автономную область: «по количеству населения коренной национальности Коми-Пермяцкий национальный округ превосходит не только другие национальные округа, но и большинство автономных областей»[276].

Небезынтересным в данном случае является тот факт, что по количеству избирателей не только Коми-Пермяцкий национальный округ (100,9 тыс.) превосходил Еврейскую (80,2 тыс.), Горно-Алтайскую (75,2 тыс.), Нагорно-Карабахскую (73,0 тыс.), Тувинскую (66,3 тыс.) автономные области, но и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный

---

[273] ГАРФ, л. 65, 66.
[274] Там же, л. 69, 70.
[275] Там же, д. 1033, л. 81.
[276] Там же, л. 83.

округ (63,3 тыс.) был больше Черкесской (57,1 тыс.) и Юго-Осетинской (53,8 тыс.) автономных областей, а Горно-Бадахшанскую автономную область (30,4 тыс.) превосходили Ханты-Мансийский (53,4 тыс.), Таймырский (49,1 тыс.), Чукотский (43,0 тыс.), Ямало-Ненецкий (38,8 тыс.) национальные округа[277]. Количественный критерий имеет в данном случае уязвимый характер.

В качестве предложений к проекту положения о национальных округах РСФСР кроме обеспечения непосредственного представительства в Совет Национальностей Верховный Совет СССР (один депутат от округа) Н. С. Ребров и В. К. Григорьев, в частности, выдвинули пожелание перевода судопроизводства в национальных округах на языки коренного населения, а в районах с преобладанием русского населения – на русский и родной языки, наделения коренного населения правом пользоваться родным языком во всех областях государственной и общественной жизни[278].

Таким образом, после войны и Великой победы, заставившей власть пересмотреть свою позицию не только в отношении роли национально-патриотического воспитания как мощного мобилизующего внутригосударственного фактора победы, но и роли отдельных народов в этой войне, в условиях начавшейся «холодной войны» сталинское руководство вновь принялось «завинчивать гайки» в отношении интеллигенции, которые несколько ослабли в годы войны. Идейно-воспитательная работа была направлена на искоренение низкопоклонства перед Западом, на борьбу с космополитизмом и антипатриотизмом. Политика и патриотическое воспитание с опорой на сталинское признание великой роли русского народа в достижении победы над врагом таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия.

Кампания резкого усиления идеологического давления на интеллигенцию таила в себе также опасность перерастания в антиеврейскую кампанию, что легко объяснимо с точки зрения кадровых перекосов в управленческой элите предшествующих лет, а также разительных различий в представленности ряда советских этносов в среде интеллигенции. Однако в целом это усилило в стране как сионистские элементы, так и антисемитские.

После войны власть продолжала, правда в меньших масштабах, использовать уже ставший одним из инструментов национальной политики механизм депортаций. Явившись в годы Великой Отечественной войны средством решения военно-стратегических задач, депортации и в годы «холодной войны» были прежде всего методом «извлечения ненадежных элементов» из приграничных, в том числе ставших важными в военно-стратегическом плане после свертывания союзнических отношений со странами Запада, западных районов СССР. Являясь в то же время и методом перевоспитания на социалистический лад народов, недавно включенных в состав Советского Союза, методом перемешивания и даже частичной ассимиляции народов, депортации создавали в стране особый

[277] ГАРФ, л. 87.
[278] Там же, л. 17.

слой спецпоселенцев, оказывающих негативное воздействие на межнациональные отношения в СССР.

Учитывая довольно масштабные переселения советского населения в места, откуда были высланы народы, проблема возвращения «наказанных народов» могла стать для власти и страны непреодолимой преградой для совершенствования межнациональных отношений.

Совет Национальностей Верховного Совета СССР как власть, призванная защищать специфические национальные интересы в многонациональной стране, в силу ограниченных возможностей представительной власти в Советском Союзе не смог серьезным образом повлиять на принимаемые правящей партийно-государственной элитой управленческие решения в национальной области. Работавшая на постоянной основе комиссия законодательных предположений Совета Национальностей стремилась в определенной степени учитывать национальную специфику в сфере образования, национальных языков, национальных традиций при подготовке ряда законопроектов, в том числе уголовного кодекса и основных начал в области просвещения. Заметную роль представительная власть играла и при изучении и обсуждении положения малых народов, хотя создать положение об автономной области и национальном округе, сделав с законодательной точки зрения более ясным представление о данной форме национально-государственного самоопределения народов, не удалось.

ГЛАВА 3

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В «ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ» (1953–1964)

Реформы, начавшиеся в СССР после смерти Сталина и в немалой степени сформулированные еще в послевоенный период, были вынуждены и неизбежны. Прежде всего радикальных перемен требовала критическая ситуация в ряде отраслей народного хозяйства: низкая производительность труда в сельском хозяйстве, слабое развитие отраслей легкой промышленности, катастрофическая нехватка жилья, плохая работа транспорта. Страна пока еще не преодолела возникшую после войны неблагоприятную демографическую ситуацию.

Победив в острой политической борьбе своих оппонентов, Н. С. Хрущев выбрал «из всех альтернативных реформ... наиболее консервативные варианты»[1]. Несмотря на широкое жилищное строительство, привлечение в экономику достижений НТР, усиление внимания к росту жизненного уровня советского населения, руководство страны во главе с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым сохранило курс на преимущественное развитие тяжелой, оборонной промышленности. Форсированное развитие ракетно-ядерной и космической программы способствовало не только сохранению военно-политического паритета со странами НАТО, но и втягиванию страны в разрушительную гонку вооружений.

В области сельского хозяйства «хрущевское» освоение целины, потребовавшее огромных инвестиций, и мероприятия, осуществленные в рамках программы «догнать и перегнать Америку» по производству сельхозпродукции, в конце концов привели к глубочайшему кризису отрасли и продовольственной зависимости СССР.

Смягчение внутриполитического курса после смерти Сталина не могло не оказать влияния на изменение национальной политики. Период 1953–1964 годов один из видных его исследователей А. В. Пыжиков склонен рассматривать временем «нового «рождения» национального вопроса в постсталинском СССР». Объективно, считает он, в СССР, «особенно там, где сохранились пережитки традиционных обществ, национализм и национальные движения выступали еще и в качестве антимодернистской реакции на модернизацию в целом». Национализм усиливался и субъективными факторами: «от создания

[1] *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000. С. 162.

национальной государственности до варварских депортаций и гонений целых народов и так называемой мягкой русификации, служившей интересам советского государства, а не русского этноса»[2].

Реформы середины 1950-х годов в сфере управления экономикой, прежде всего передача ряда союзных предприятий в подчинение республиканских министерств, обозначили тенденцию укрепления национальной государственности титульных советских этносов. Упразднение отраслевых министерств, замена всей системы управления экономикой примерно сотней региональных совнархозов заметно усиливало этнические кланы, управлявшие экономикой, тем более что границы ряда совнархозов совпадали с границами союзных республик. Усиление притязаний республиканских элит в конце 1950-х гг., выразившееся в требованиях больших прав региональным лидерам в национальных республиках, больших инвестиций в собственную республику, протесты против притока русских в республики и против тенденции к языковой ассимиляции явились, по всей видимости, реакцией крепнущих национальных элит на явные проявления процесса ослабления центральной власти[3].

Власть, правда, быстро спохватилась и нашла силы одернуть «зарвавшихся» национальных лидеров: в 1958–1961 гг. высшие партийные руководители Азербайджана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана были сняты с занимаемых постов в связи с националистическими проявлениями[4]. Однако несмотря на периодические «окрики» из ЦК КПСС, объективный в условиях укрепления иерархической системы национально-государственного устройства СССР процесс коренизации руководящих кадров в национальных республиках приобретал форму этнической мобилизации республиканских элит. Хрущев, безусловно, в борьбе за местную инициативу укрепил позиции национальных элит.

Национальные элиты, конечно же, были напуганы активно возрождавшейся и все более широко пропагандируемой в конце 1950-х – начале 1960-х гг. доктриной о слиянии наций. Однако слияние должно было произойти при коммунизме, а коммунизм должен был «произойти» так «скоро» (всего лишь через 20 лет), что его трудно было воспринимать всерьез.

Стратегия коммунистического строительства была сформулирована еще в послевоенный период. Укрепившись у власти в конце 1950-х годов, Н. С. Хрущев сохранил доктрину строительства коммунизма, «заменив» лишь Сталина на посту «главного архитектора» этого строительства[5]. Ленинская установка, ориентирующая на неуклонное сближение и слияние наций по мере успехов социализма, как нельзя лучше дополняла эту стратегию. Ко всему прочему это был удобный повод подчеркнуть теоретический разрыв

---

[2] *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 177.

[3] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 284.

[4] Там же. С. 284.

[5] *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 30.

со Сталиным, увлекшимся в последние годы доказательством того, что языки живут «несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»[6].

Утопическими проектами «окончательного решения национального вопроса», «слияния народов в единую коммунистическую семью» власть в очередной раз попыталась заменить необходимость реальной и трезвой оценки происходящего в сфере межнациональных отношений. Однако поставить в качестве непосредственных задач коммунистического строительства цель «слить нации» советское руководство не решилось, возможно, в силу боязни ответной негативной реакции со стороны национальных элит, но в большей мере в связи с неоднозначным пониманием вопроса о достигнутом уровне единства народов.

В разделе программы КПСС «Задачи партии в области национальных отношений» наряду с утверждениями о том, что теряют былое значение границы между союзными республиками, все они объединены в «одну семью» и у советских людей разных национальностей «сложились общие черты духовного облика», обращало на себя внимание положение о расцвете наций, «укреплявшем их суверенитет». В то же время идеи об упразднении республик на основе национального принципа как изжившего себя, поступавшие в редакционную комиссию по подготовке новой Конституции, серьезно не рассматривались. Не обращали внимание и на предложения формировать республики по экономическим районам: в одном из таких проектов предлагалось разделить СССР на 9 регионов (Дальневосточный, Западно-Сибирский, Уральский, Среднеазиатский, Закавказский, Приволжский, Центральный, Прибалтийский, Северный)[7].

В опубликованный 30 июля 1961 г. проект Программы КПСС, как и в ее окончательный текст, принятый 31 октября 1961 г., не вошло и утверждение Хрущева о возникновении новой исторической общности, прозвучавшее в его докладе о программе КПСС на XXII съезде партии. «В СССР, – подчеркивал Первый секретарь ЦК, – сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»[8].

Если некоторые исследователи определяли советский народ как «общность людей различных национальностей»[9], то известный политический деятель А. А. Андреев накануне принятия новой программы партии прямо заявил, что «повсюду в СССР теперь господствует единая социалистическая экономика, культура, единая идеология марксизма-ленинизма» и на этой основе «происходит все большее сближение национальных культур,

---

[6] *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. С. 6.

[7] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 385, л. 11, 12.

[8] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 153.

[9] См., напр.: *Кравцев И. Е.* Что такое отечество и патриотизм. М., 1960. С. 22.

выковывается единая социалистическая нация»[10]. Такое понимание в условиях утверждения в официальной пропаганде концепции «развернутого строительства коммунизма» было довольно распространенным явлением: в комиссию законодательных предположений Совета Национальностей поступали письма, в которых, к примеру, утверждали, что «ныне евреи – это новые люди, это представители советской нации, говорящей на русском языке»[11].

Не случайно, что предложения о необходимости упразднения понятия «национальность» из официальных документов (паспорта, анкеты), поступавшие в комиссию по подготовке новой Конституции, аргументировались естественными процессами консолидации национальностей в единую коммунистическую нацию[12].

После XXII съезда КПСС идея советского народа как новой исторической общности людей, заявившая о себе как составной части концепции «развернутого строительства коммунизма», стала превращаться в наиболее актуальную научную проблему и использоваться в политической фразеологии для обозначения достигнутого уровня единства наций в СССР. В комиссию Верховного Совета СССР для подготовки проекта новой Конституции поступали предложения записать в готовящийся Основной закон страны следующее положение: «На основе социально-экономического, политического и идейного единства общества в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты,– Советский Народ»[13].

Подготовка новой Конституции стала одним из центральных событий последних лет «оттепели». Наряду с «коммунистической» риторикой конституционные проекты содержали немало нового, прежде всего в разделе «Органы государственной власти», по отношению к Конституции 1936 года. Хотя предлагаемая четвертая статья Основного закона 1964 г. о руководящей и направляющей роли коммунистической партии демонстрировала, что радикального изменения соотношения ветвей власти в случае принятия документа все же не произошло, обращает на себя внимание тенденция к заметному усилению роли Верховного Совета СССР. Эта структура власти в ряде проектов 1964 г. называлась «Верховным Народным Советом» и определялась как «орган, осуществляющий не только законодательные функции, но и верховного управления страной»[14].

Предлагалось значительно расширить компетенции Верховного Совета, увеличить количество постоянных комиссий и повысить их роль, наделив широкими полномочиями, вплоть до права контроля за деятельностью исполнительных органов[15]. Поддержка этих проектов Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрушевым, заявившим о необходимости «специально подчеркнуть большую роль Верховного Совета и других Советов в руково-

---

[10] *Андреев А. А.* Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. № 4. С. 39.

[11] ГАРФ, ф. Р–7523, оп. 78, д. 699, л. 92.

[12] РГАНИ, д. 444, л. 23, 24.

[13] Там же, д. 468, л. 32.

[14] Там же, д. 444, л. 43.

[15] Там же, л. 44, 45.

дстве социалистической экономикой»[16], делала вполне возможным и вероятным значительное усиление роли Верховного Совета в системе государственной власти в СССР. Однако претворить в жизнь эти замыслы не удалось.

Несмотря на ряд предложений реформировать и Совет Национальностей, в 1953–1964 гг. его роль и функции оставались неизменными. В условиях некоторой либерализации политической жизни страны депутаты получили больше возможностей влиять на законодательную сферу управления обществом, в том числе и в области межнациональных отношений. Широкая апелляция спецпоселенцев, требующих изменения своего положения, обращения из национальных республик по самым разным вопросам национальной политики к Совету Национальностей демонстрировали веру в возможность этого государственного органа влиять на управленческие решения в стране. Сосредоточение же власти у «главного управляющего» советского общества – руководства КПСС, определяющего всю внутреннюю и внешнюю политику, усиливало противоречивость в деятельности Совета Национальностей и его положения в структуре власти.

3.1. Инициативы Л. П. Берия в национальной области весной – летом 1953 года

Непродолжительный по времени, сверхнасыщенный событиями и драматичный по напряжению период весны – лета 1953 г. отмечен наметившимся и нереализованным поворотом в национальной политике советского государства. Энергичная реформаторская деятельность Берия в первые месяцы после смерти И. В. Сталина до сих пор не может быть оценена однозначно. В современной историографии оценка финального эпизода политической карьеры Берия колеблется от признания того, что он «пытался создать образ непреклонного борца за восстановление законности и правопорядка, за реабилитацию всех невинно пострадавших», и многие исследователи, «принимают его маневры за чистую монету»[17], до возведения его в ранг наиболее радикального реформатора советской системы[18].

---

[16] РГАНИ, д. 466, л. 84.

[17] Наиболее характерное высказывание принадлежит известному историку В. П. Наумову (см.: Н.С. Хрущев (1884–1971). Материалы научной конференции в связи со 100-летием со дня рождения Н. С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. М., 1994. С. 114).

[18] Конечно, речь не может идти о книге С. Л. Берия «Мой отец – Лаврентий Берия» (М., 1994), к которой очень осторожно следует относиться в области фактов, либо о «детективе» Ю. И. Мухина «Убийство Сталина и Берия» (М., 2002), в которой автор предлагает «нынешней молодежи делать жизнь с товарища Берия» (С. 6), а перестройке противопоставляется «другой путь реформ – путь Сталина и Берия». Тезис о том, что, «осуществись бериевские реформы, мы имели бы другое государство, и не исключено, что СССР и поныне не исчез бы с политической карты мира», сравнения с Б. Н. Ельциным присутствуют в хорошо обеспеченной разнообразными и многочисленными источниками работе А. В. Топтыгина «Неизвестный Берия» (М., 2002. С. 274, 263).

Представляется, что Берия действовал «в силу присущего ему, более чем его «соперникам», прагматизма»[19] и безусловно учитывал и общественное мнение, в глазах которого он в случае успеха реформ становился «освободителем». Вряд ли можно согласиться с тем, что именно Берия быстрее других понял закономерность и историческую неизбежность тех мер, которые он предпринял и главные из которых в последующем, в частности, акты амнистий и реабилитаций, будут проведены в СССР и которые в свою очередь многие приписывали и продолжают приписывать лично Н. С. Хрущеву.

До 1953 года у Берия не был замечен интерес к национальной проблематике, хотя «практического опыта у него было с избытком». «В массе своей опыт Лаврентия Павловича в национальном вопросе носил... несколько односторонний характер»[20]: депортации корейцев, немцев, греков, народов Кавказа, крымских татар, калмыков. За проведение этих акций Берия получал даже ордена.

Уже 13 марта 1953 г. приказом Л. П. Берия, ставшего руководителем МВД, объединенного с бывшим министерством госбезопасности, создается следственная группа по пересмотру следственных дел: по делу арестованных врачей, по делу «контрреволюционной сионистской организации» в МГБ, мингрельскому делу, делу об «авиапроме». Берия стал инициатором принятия 27 марта 1953 г. решения об амнистии около 1 млн заключенных. Решению Президиума ЦК КПСС 3 апреля 1953 г. о реабилитации «врачей-вредителей» предшествовала записка Берия Г. М. Маленкову о фальсификации данного дела. Постановление ЦК «О фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе» также основывалось на записке Берия Маленкову и Хрущеву 8 апреля 1953 г. «О неправильном ведении дела о так называемой мингрельской националистической группе»[21].

С апреля 1953 г., как сообщал бывший секретарь Президиума Верховного Совета Грузии В. И. Эгнатошвили, «начались гонения на так называемых близких к И. В. Сталину людей, а также на людей, которые в своих выступлениях приводили убедительные факты о нарушениях, допущенных отдельными лицами... и арестованными по совокупности с делом о мингрельских националистах»[22]. После апреля 1953 г., писал в ЦК КПСС бывший председатель Совмина Грузинской ССР З. Кецховели, не только «амнистировали многих, которые были наказаны... за мингрельский национализм... и за злоупотребления и преступления», но и «назначили на высокие посты»[23].

Собственно, принятое 10 апреля 1953 г. постановление Президиума ЦК КПСС о фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе явилось

---

[19] *Кожинов В. В.* Россия. Век XX-й (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 348.

[20] *Топтыгин А. В.* Указ. соч. С. 269.

[21] См.: Лаврентий Берия. 1953. Стеногр. Июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 17–37.

[22] РГАНИ, оп 30, д. 6, л. 82.

[23] Там же, л. 84.

первым крупномасштабным актом реабилитации граждан, насильственно выселенных по национальному признаку (всего было выселено с территории Грузии по «мингрельскому делу» 11 200 человек[24]). Причиной возникновения этого дела, как и его прекращения, могла стать обострившаяся в начале 1950-х годов борьба за наследование власти И. В. Сталина. Не случайно Н. С. Хрущев считал, что Берия «ловко вывернулся», «влез... как «нож Сталина» в дело, «направленное Сталиным против Берия, потому что Берия – менгрел»[25].

Решение о реабилитации С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других, осужденных 18 июля 1952 г. по так называемому «делу Еврейского антифашистского комитета», было принято 18 ноября 1955 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР[26]. Однако Берия еще 2 апреля 1953 г. направил записку на имя Маленкова «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И. Голубова». Попытка Берия поставить вопрос о реабилитации членов ЕАК, по всей видимости, натолкнулась на противодействие Г. М. Маленкова, активного участника всех этих событий, хотя многие евреи связывали проведение политики «дискриминации евреев» с именем Л. П. Берия. Уже после ареста Берия в адрес Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева приходили письма, в которых поднимались вопросы положения еврейского населения. «Берия уже нет, отмечалось в одном из таких писем, почему же нет до сих пор указания ЦК КПСС о прекращении дискриминации евреев... до сих пор идет массовое увольнение евреев с ответственных постов, из вузов, из министерств... почему жена Маленкова, руководя вузом, уволила всех евреев?» Авторы этого же письма предлагали «дать директиву» о прекращении «безудержного антисемитизма» либо признать, «что антисемитизм – это директива правительства»[27].

27 мая Берия направил в Президиум ЦК КПСС анонимное письмо о положении советских немцев, в котором он обозначил одну из наиболее острых проблем в национальной сфере – проблему спецпереселенцев[28].

Такого рода письма доходили до советского руководства и по другим каналам. Так, в Президиум ЦК КПСС в это же время попало письмо В. В. Димовой (по отцу – немки, по матери – еврейки), находящейся на спецпоселении в Тюмени и пославшей его в адрес депутата Верховного Совета СССР И. Г. Эренбурга. Эренбург 18 мая отправил это письмо председателю Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову с припиской о том, что это письмо «ставит вопрос о положении нового поколения спецпереселенцев» и что оно должно заинтересовать Президиум Верховного Совета СССР.

В этом письме девочка, заканчивавшая школу, обращалась к советскому руководству: «Вы печетесь о немцах ГДР, а не знаете о страданиях тех немцев, которые всю войну са-

---

[24] Лаврентий Берия. 1953. С. 35.

[25] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 92.

[26] См.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 326–327.

[27] РГАНИ, л. 105, 108.

[28] Письмо с сопроводительной запиской Л. П. Берия было опубликовано А. И. Кокуриным и А. И. Пожаровым (Исторический архив. 1996. № 4. С. 154–156).

моотверженно трудились, имеют награды, а дети которых не имеют права даже учиться». В письме содержалась просьба не передавать его в МГБ, а то «перешлют в местную комендатуру, вызовут меня и ничего хорошего не получится»[29]. Письма, направленные в ЦК К. Е. Ворошиловым и Л. П. Берия, практически идентичные по содержанию, свидетельствовали о злободневности проблемы спецпоселений.

Берия хорошо знал и еще одну проблему, серьезным образом дестабилизирующую обстановку на западе страны: националистическое подполье, питающееся не только антикоммунистическими, но и антирусскими настроениями. По всей видимости, он осознавал невозможность решить эту проблему исключительно силовым методом. Результатом этого стали инициативы Берия по изменению национальной политики в западных районах страны, что, естественно, не могло не сказаться на стратегии межнациональных отношений в государстве в целом. По заданию Берия в аппарате МВД были подготовлены материалы, которые и легли в основу принятых 26 мая 1953 г. Президиумом ЦК КПСС двух постановлений[30].

В постановлении «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» признавалось, что «борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций», поскольку «это вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами». Действительно, с 1944 по 1952 г. в западных областях Украины было репрессировано до 500 тысяч, убито более 153 тысяч, выслано навечно за пределы УССР 203 тысячи человек. 8 000 молодых людей, подлежавших набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешли на нелегальное положение[31].

Критике подвергалась русификаторская политика: «Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции». Из 1718 преподавателей 12-ти львовских вузов только 320 принадлежали к западноукраинской интеллигенции, среди ректоров нет уроженцев Западной Украины, из 311 руководящих работников западных областей только 18 человек являлись местными. Как ошибка трактовалось преподавание в вузах «исключительно на русском языке». Наряду с силовыми мерами («в ближайшее время добиться ликвидации в западных областях Украины буржуазно-националистического подполья») в постановлении рекомендова-

[29] РГАНИ, л. 93, 96, 97.

[30] История создания записок Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС – отдельная тема. А. Снечкус в июле 1953 г. говорил о том, что записку по Литве составлял «кудесник в генеральской форме – Сазыкин», который «шнырял по Литве», но «в ЦК не зашел», а «товарищи из МВД Литвы сначала возражали против многих положений в записке Берии, но были вынуждены затем подписать документ после грубостей с матушкой». Н. С. Патоличев сообщил в ЦК, что собрать данные о национальном составе руководящих кадров в Белоруссии Берия поручил министру МВД республики А. И. Баскакову, «не докладывая об этом ЦК Белоруссии». Однако Баскаков «немедленно доложил ЦК», «отказался писать записку, тогда его вызвали в министерство в Москву и заставили писать, а затем как негодного прогнали» (см.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 208; Лаврентий Берия. 1953. С. 158).

[31] Лаврентий Берия. 1953. С. 47.

лось «бережно относиться к кадрам западно-украинской интеллигенции», «провести снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов и обязательным денежным платежам» в колхозах[32].

Неудовлетворительной была признана работа ЦК КП Литвы и Совета Министров Литовской ССР в подобном постановлении «О положении в Литовской ССР». Состояние кадрового вопроса свидетельствовало о недоверии к местным кадрам: в центральном аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами литовцев было только 7 человек, в МГБ Литвы из 17 начальников отделов только один литовец, из 87 начальников райотделов милиции – 10 литовцев, из 92 директоров совхозов – 27 литовцев и т.д.[33]

В постановлении по Литве рамки критики расширены: осуждалась репрессивная политика государства по отношению к католическому духовенству «вместо надлежащего развертывания антирелигиозной пропаганды», а также неэффективность борьбы с подпольем при условии, что с 1944 по 1952 г. разным видам репрессий подверглось 270 тысяч человек, т. е. около 10% всего населения республики[34].

Предлагались и более радикальные меры по исправлению ситуации. Главной задачей литовских коммунистов становилась «подготовка, выращивание и широкое выдвижение литовских кадров во все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства». Отменялась практика назначения вторых руководителей «не из литовских национальных кадров», рекомендовалось номенклатуру, не владеющую литовским языком, «отозвать в распоряжение ЦК КПСС». Принципиальной была постановка вопроса об отмене «ведения делопроизводства... на нелитовском языке, обеспечив при этом для районов с польским населением делопроизводство на польском языке». Заседания Совмина, бюро и пленумов ЦК КП Литвы впредь рекомендовалось проводить на литовском языке[35].

Практически то же самое положение фиксировалось партийным руководством и в отношении Латвии. 8 июня членам Президиума ЦК КПСС был разослан проект постановления «О положении дел в Латвийской ССР», подготовленный Н. С. Хрущевым. В нем отмечалось, что националистическое подполье в Латвии еще не ликвидировано, на территории республики продолжают действовать 13 вооруженных националистических бандгрупп, 133 бандита и 77 нелегалов[36]. И это несмотря на то, что убит 2 321 бандит, арестовано органами МГБ 26 617 человек, органами милиции и прокуратуры – еще 46 358 человек, выслано за пределы республики 43 702 человека. Националистическое подполье, отмечалось в проекте, пользуется поддержкой местного населения: по данным органов цензуры в Латвии было конфисковано 155 тысяч писем, в которых выражалось отрицательное отношение к латвийским властям[37].

---

[32] Лаврентий Берия. 1953.
[33] Там же. С. 50.
[34] Там же. С. 51.
[35] Там же. С. 50–51.
[36] РГАНИ, л. 20.
[37] Там же, л. 20, 21.

Основными причинами малоэффективной борьбы с подпольем в проекте постановления указывались следующие: огульное применение карательных мер и репрессий, слабое привлечение латышей. В качестве доказательств данных положений в проекте постановления приводились довольно показательные факты и цифры: среди начальников городских и районных отделов МГБ латышей всего 9%, в 15 районах среди оперработников МГБ нет ни одного латыша; в составе 2029 руководящих работников районных и республиканских партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций латышей – 947 человек (46,7%); в партийных организациях доля латышей составляла 39%; из 553 инструкторов горкомов и райкомов – 189 латышей (34%); из 3200 секретарей первичных парторганизаций – 995 латышей (31%); из 66 директоров крупных промышленных предприятий – 8 латышей; в 101 МТС 38 латышей работают директорами и 24 – начальниками политотделов; из 47 директоров совхозов – 6 латышей; среди районных и городских прокуроров и райуполномоченных по заготовкам латыши составляли 37%[38].

В проекте постановления констатировалось, что мероприятия по борьбе с националистическим подпольем в Латвии проводятся людьми, не знающими латышского языка. В группе докладчиков ЦК КП Латвии латыши составляли 60%, «однако многие из них не выступают на родном языке». В Рижском горкоме и райкомах из 670 докладчиков на латышском языке доклады читали 128 человек. В вузах преподавание ряда дисциплин в латышских группах велось на русском языке: в Латвийском госуниверситете из 118 латышских групп в 75-ти читались различные дисциплины на русском языке[39].

Предлагалось «покончить с извращениями советской национальной политики» в Латвии путем «выращивания и широкого выдвижения латышских кадров на руководящую работу», отмены практики выдвижения вторыми руководителями лиц не из латышских национальных кадров, а директорами совхозов, МТС и промышленных предприятий рекомендовано «как правило назначать латышских работников». Также предлагалось отменить делопроизводство не на латышском языке, а заседания Совмина, бюро и пленумов ЦК КП Латвии, городских и районных комитетов партии и исполкомов советов, и в целом политическую работу проводить на латышском языке[40].

8 июня 1953 г. Берия направил в Президиум ЦК КПСС письмо «О национальном составе аппарата МВД БССР». Характеристика национального состава центрального аппарата МВД Белоруссии (из 22 начальников отделов только 7 белорусов, из 1921 оперативного работника – 661, из 125 следственных работников – 33 белоруса), партийного аппарата западных областей Белоруссии (из 1757 только 121 белорус), советского аппарата (из 1408 работников исполкомов только 114 местных), интеллигенции (из 1576 профессоров и преподавателей вузов Минска, НИИ, АН БССР 738 белорусов и только 40 выходцев из западных областей) свидетельствовала о тех же тенденциях, что и в Литве и на Украине.

---

[38] РГАНИ, л. 21, 22, 23.

[39] Там же, л. 21, 24.

[40] Там же, л. 28, 29.

Кроме констатации факта ведения занятий в белорусских вузах исключительно на русском языке отмечалась поразительная нищета белорусских крестьян (на один трудодень в 1952 г. в восточных районах Белоруссии они получали 1 кг зерна, 1,4 кг картофеля, 37 копеек, а в западных – 1,3 кг зерна, 1,4 кг картофеля, 27 копеек)[41].

Вместе с тем войска МВД довольно удачно продолжили борьбу с националистическим подпольем в Литве и на Украине – с Литовской освободительной армией и Украинской повстанческой армией.

Постановления ЦК КПСС имели гриф «Строго секретно» и были адресованы руководству Президиума ЦК КПСС и местных компартий и Совминов республик. В Литве, Латвии. на Украине состоялись пленумы ЦК компартий, на которых говорилось о «серьезных извращениях ленинско-сталинской национальной политики» и существенно корректировалась политическая линия в национальной сфере. Руководство компартий критиковалось за слабое выдвижение национальных кадров, на пленумах можно было услышать «открытые протесты против русификаторства в той или иной форме»[42].

9 июня 1953 г. бюро ЦК КП Белоруссии заслушало сообщение первого секретаря ЦК Н. С. Патоличева о майских постановлениях ЦК КПСС и признало, что отмеченные в постановлениях ошибки в работе Литовской и Украинской партийных организаций имеют место и в работе ЦК КП Белоруссии: неправильный подбор кадров, в результате которого руководящие должности занимают работники из восточных областей Белоруссии или из других республик, неправильная языковая политика. В связи с этими вопросами было решено собрать 20 июня пленум ЦК КП Белоруссии[43].

Президиум ЦК КПСС освободил русского Л. Г. Мельникова от обязанностей первого секретаря на Украине и назначил на его место украинца А. И. Кириченко. В состав Президиума ЦК КП Украины был введен украинский писатель А. Корнейчук. Для борьбы с националистическим подпольем Берия еще раньше послал генерал-лейтенанта П. Я. Мешика, украинца по национальности, ставшего министром внутренних дел республики. По воспоминаниям П. А. Судоплатова[44], «хотя на заседании украинского ЦК принято было говорить по-русски, Мешик позволил себе дерзко обратиться к присутствующим на украинском языке, порекомендовав шокированным русским, включая первого секретаря ЦК Мельникова (показательный пример для определения роли МВД в структуре власти. – *А. М.*), учить украинский язык». Мешика поддержал «писатель Александр

---

[41] См.: Исторический архив. 1996. № 4. С. 158.

[42] *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. М., 2000. С. 525.

[43] РГАНИ, л. 90, 91.

[44] П. А. Судоплатов был среди тех, кому Берия поручил подготовить докладные записки с анализом ошибок, допущенных в борьбе с националистическим подпольем в Литве и на Украине. Он вспоминал, что Берия настаивал на развитии национальных традиций в области культуры и языка, что его заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, что он предлагал ввести в республиках собственные ордена и награды, поскольку это «поднимет чувство национальной гордости» (см.: *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 551).

Корнейчук, также выступивший на украинском и превозносивший Берию». Мешик же позже с гордостью рассказывал Судоплатову «об этих эпизодах, свидетельствовавших, по его словам, о правильной линии в национальной политике»[45].

В Белоруссии Берия предложил снять с должности первого секретаря ЦК русского Н. С. Патоличева и заменить его белорусом М. В. Зимяниным, что и было одобрено 12 июня 1953 г. Президиумом ЦК КПСС. Однако это решение в связи с арестом Берия не было реализовано. От должности министра внутренних дел БССР был освобожден русский М. И. Баскаков, которого заменило белорусское руководство в лице министра М.Ф. Дечко и его замов В. Т. Политико, С. И. Холево, И. М. Стельмаха. Н. С. Патоличев, все же сохранивший пост первого секретаря ЦК КП Белоруссии, на июльском пленуме ЦК КПСС назвал эти меры «настоящей диверсией со стороны Берии». Впервые в истории советского государства, говорил он, опытные и преданные партии кадры снимаются со своих постов «только потому, что они русские», русские и украинцы сняты с руководящих постов в МВД Белоруссии и областных управлениях МВД, «готовилась также замена до участкового милиционера включительно»[46].

Н. С. Хрущев в своих мемуарах признал, что точка зрения Л. П. Берия на то, что преобладание русских в руководстве республик должно быть изменено, совпадало с точкой зрения ЦК и что ЦК принял решение о том, что пост первого секретаря в каждой республике должен быть предоставлен местному выходцу, а не русскому, посланному из Москвы[47]. При этом вопрос о том, «была ли у Берия программа по национальному вопросу, хотел ли он действительно усилить национальный элемент в республиках и в каких целях, остается открытым»[48]. Вряд ли соответствует действительности утверждение С. Л. Берия о том, что его отец стремился радикальным образом преобразовать СССР из унитарного в действительно федеративное государство: «Отец, сторонник единого сильного государства, тем не менее был убежден, что политика, которую проводил в отношении республик Центр, как раз и вредит дружбе народов. А ЦК всегда стремился держать республики в «узде», с чем отец примириться не мог»[49]. Хотя, если верить С. Л. Берия в том, что его отец убеждал Г. К. Жукова в целесообразности создания национальных армейских соединений и частей[50], вряд ли реформы Л. П. Берия имели целью создание федерации и уж никак бы не способствовали объединению республик.

После ареста Л. П. Берия уже 2 июля 1953 г. все майско-июньские решения по национальному вопросу были отменены как «способствующие активизации буржуазно-националистических элементов». Инициативы Берия были подвергнуты критике теми, кто лишь несколькими неделями ранее принимал по ним постановления, объективно

---

[45] *Судоплатов П. А.* Указ соч. С. 552–553.

[46] Лаврентий Берия. 1953. С. 157–158.

[47] Мемуары Никиты Сергеевича Хрушева. С. 96.

[48] *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Указ соч. С. 525.

[49] *Берия С.* Указ. соч. С. 40–41.

[50] Там же. С. 41.

направленные на укрепление и возрастание роли правящих национальных элит в республиках.

Например, первый секретарь ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкус отмечал, что «Берия выступил для того, чтобы сеять розпь между литовцами и русскими, разжигать всякие националистические страсти». В республике, указывал Снечкус, распространялись слухи, будто «русские будут высланы из Литвы, а высланные кулаки вернутся в Литву, за русскими будут изгнаны и литовские коммунисты»[51].

Интенсивный ввод в научный оборот записок Берия по национальному вопросу пока не сопровождается строго научным анализом деятельности советского руководства в ответ на эти инициативы, а также той ситуации, которая возникла в республиках в связи с попытками реализации постановлений партии по этому вопросу. Партийное руководство внешне единодушно поддержало эти инициативы, а Н. С. Хрущев, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин и другие принимали активное участие в разработке этих решений. Впрочем, тот факт, что после устранения Берия они же дружно эти инициативы и отвергли, показывает, насколько сильны были позиции Берия в марте–июне 1953 г.

Ситуация же в республиках, возникшая летом 1953 г., может быть охарактеризована как крайне сложная, чреватая дальнейшими осложнениями в национальной сфере, о чем свидетельствовали поступившие летом 1953 г. письма и обращения из республик.

Заместитель прокурора Каунасской области Г. И. Павлов, направленный в результате изменения партийной линии в национальном вопросе из Литвы в Омскую область для работы в должности прокурора отдела по надзору за местами заключения, писал Хрущеву в ЦК КПСС, что проводимые мероприятия литовцами «были восприняты как изгнание русских из Литвы и восстановление в ней сметоновского режима». Литовское население, подчеркивал он, «прекратило разговаривать по-русски», на рынках и в магазинах говорят «ты – русский, ты должен ехать к себе в Россию, в Сибирь». Учащиеся-литовцы из милицейской школы Каунаса, к примеру, покинули урок русского языка: «теперь он нам не нужен». Русские руководители, писал Павлов, направляются на низшие должности. Прокуроры Скворцова и Москвичева, свидетельствовал он, были уволены «как не владеющие литовским языком», начальник отдела надзора за местами заключения прокуратуры Литовской ССР Волков направлен на работу в Краснодарский край в должности помощника прокурора района, заместитель прокурора Шауляйской области Коненко понижен в должности до прокурора района[52].

В другом письме из Литвы указывалось, что «под видом развития «национальной культуры» все переведено в Литве на литовский язык, и этим создаются такие условия, что русские вынуждены выезжать из Литвы»[53].

---

[51] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 209.

[52] РГАНИ, л. 30, 31.

[53] Там же, л. 37.

Заместитель министра внутренних дел Латвийской ССР И. М. Иванов, переведенный на работу в Москву в областное управление милиции, сообщал в июле 1953 г. секретарю ЦК М. А. Суслову о ситуации в Латвии после того, как «в мае текущего года министр внутренних дел СССР Берия через начальника Управления кадров Обручникова дал указание в один день заменить весь руководящий состав органов МВД, включая милицию, работниками латышской национальности, а всех русских и других национальностей перевести на низшие должности»[54].

Еще больше обострилась ситуация после состоявшегося 25 июня пленума ЦК КП Латвии, на котором секретарь ЦК Калнберзин «поставил задачу немедленно заменить всех руководителей работниками латышской национальности», предложил все собрания проводить только на латышском языке, а также перевести на латышский язык делопроизводство в республике. На этом же пленуме председатель Совмина республики Лацис подчеркивал, что «латышей огульно охаивали», латышские кадры не продвигали и не выращивали, «брали под подозрения». Его поддержали председатель Президиума Верховного Совета республики Озолинь, секретарь Рижского обкома партии Авотин. После пленума «во всех учреждениях и организациях разговор стал вестись только на латышском языке», на улицах латыши стали упрекать русских, что они оккупировали Латвию, «евреи стали преследовать русских и в очередях упрекать, что они издевались над евреями, а теперь, когда вас выгоняют из Латвии, начали перестраиваться и изучать латышский язык»[55].

Решения ЦК КПСС по западным областям Украины, как писали из Тернопольской области «коммунисты», также «создало среди населения обстановку растерянности, неправильного отношения к украинцам, прибывшим из восточных областей Украины». На предприятиях и в учреждениях «восточники» увольнялись, переводились на низшие должности; популярным стал лозунг: «Москали! Убирайтесь. Прошло ваше владычество, теперь мы построим свою Украину!»[56]

Г. Большаков из Белорусской ССР сообщал, что в республике «идет просто разгром на русских работников, занимающих руководящие посты», и «дело доходит до того, что вслух говорят, ваньки пусть едут к себе в Россию»[57]. Из Молдавии сообщали об изменении своей национальности русскими, украинцами, евреями – «становятся молдаванами»[58].

Хрущеву в конце июля 1953 г. доложили, что более 30 писем, поступивших в ЦК КПСС в период с 1 по 13 июля из Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии, содержат факты о грубом извращении на местах национальной политики. Указывалось на то, что секретарь Закарпатского обкома партии Ваш «потребовал от окружкома партии в суточный срок представить ему список замены всех русских и нерусских, прибывших из вос-

[54] РГАНИ, л. 44.
[55] Там же, л. 45, 46.
[56] Там же, л. 40.
[57] Там же, л. 32.
[58] Там же, л. 38.

точных областей, местными кадрами», а «эстонцы прямо говорят русским, чтобы они скорее уезжали в Москву, Ленинград, не место им здесь»[59].

Таким образом, мероприятия партии, проведенные по инициативе Берия, способствовали резкому обострению межнациональных отношений в западных республиках СССР, нарастанию негативизма в отношении некоренного, прежде всего русского, населения. По своей направленности эти меры должны были привести к консолидации национальных элит и резко усилить их сепаратизм в отношениях с центром.

Представляется, что в действиях Берия все же превалировал тонкий политический расчет, позволивший ему начать существенную перетряску кадров в республиках в преддверии решающей схватки за власть. Лично обязанные своим выдвижением всесильному министру, будущие национальные лидеры должны были сказать решающее слово в пользу Берия в предполагаемом неизбежном дележе власти.

Не случайно, что даже руководство оуновского подполья, на борьбу с которым нацеливали постановления партии, оценивало эти решения приблизительно в этом духе. В захваченном органами МГБ письме Василия Кука по кличке «Лемиш» члену центрального «провода» ОУН Василию Охримовичу отмечалось, что «новый курс политики «украинизации на западноукраинских землях – это очередной маневр, который хотя и ничего полезного украинцам не принесет, но зато уже дал «новому правительству» основание для устранения от власти такой persona non grate, как Мельников и других и в дальнейшем с помощью этого удобного способа очистить западные земли от всех нежелательных для «нового правительства» мелких диктаторов»[60].

Одной из целей Берия было также стремление переложить всю ответственность за ранее проводимый курс в западных областях СССР на партийные и государственные органы и отвести подобные обвинения от МВД, тем более уже 19 марта 1953 г. по его предложению были заменены руководители МВД во всех союзных республиках и создан таким образом «преданный ему лично отряд» для узурпации власти.

Вряд ли имеют какие-либо основания тезисы о «демократической составляющей» инициатив Берия в национальной сфере, нелепо выглядит и предположение о том, что эти меры способствовали укреплению многонационального государства. Гипотезы о «более длительном сроке жизни Советского Союза» при условии реализации намеченных Берия мероприятий ненаучны. Напротив, начало проведения в жизнь этих мер сразу же привело не только к обострению межнациональных отношений в стране, но и в перспективе способствовало не укреплению единства государства, а усилению сепаратизма внутри СССР.

---

[59] РГАНИ, л. 99, 100, 101, 102.

[60] Там же, л. 63.

3.2. Реформирование спецпоселенческой системы и его влияние на межнациональную ситуацию в Советском Союзе

Из изученной В. Н. Земсковым переписки между членом Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия и министром внутренних дел С. Н. Кругловым в период с апреля по июнь 1953 г. явствует, что они «имели твердое намерение провести осенью 1953 г. крупномасштабное освобождение спецпоселенцев»[61].

После ареста Берия в июле 1953 г. С. Н. Круглов предложил освободить из спецпоселений советских немцев, выселенных во время войны, а также немцев – местных жителей и мобилизованных во время войны для работы в промышленности и «взятых на учет спецпосселения» – 1 016 543 человек. Вместе с немцами министр предлагал освободить бывших кулаков, коих на спецпоселении осталось 24 686 человек; поляков, выселенных в 1936 г., – 36 045 человек; иностранных подданных и граждан СССР, выселенных в 1937 г. «в порядке очищения пограничной полосы» – 916 человек; а также членов семей, осужденных за антисоветскую деятельность и выселенных в 1937–1938 гг., членов семей организации «истинно-православные христиане», принявших немецкое гражданство («фольксдейч»), членов семей пособников немецких оккупантов, высланных из Кабардинской АССР, Ставропольского и Краснодарского краев, женщин русской, украинской и других национальностей, выселенных в 1944 г. из Крыма за связь с немцами и румынами – 11 573 человека. Круглов считал, что необходимо снять с учета и детей, не достигших 16-летнего возраста – 516 608 человек. Всего предлагалось снять с учета спецпоселения 1 673 741 человека[62]. В. Н. Земсков указывает цифру примерно 1,7 млн человек[63].

Оставить на спецпоселении министр внутренних дел предлагал чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев – 297 378 человек, 55 567 калмыков, 140 606 крымских татар, болгар, греков, армян из Крыма, 92 736 турок, курдов, хемшинов, греков и дашнаков, выселенных из Грузии, Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья, 134 816 украинских националистов, членов семей бандитов из Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и из Псковской области – 124 802, немцев-граждан СССР, репатриированных из Германии – 138 669 человек. Также предлагалось оставить на спецпоселении контингенты не столь многочисленные: членов семей торговцев, фабрикантов, помещиков из Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии – 25 630 человек, бывших кулаков, помещиков, немецких пособников, выселенных в 1949 г. из Молдавии – 25 301 человек, 1 426 басмачей, 3 003 «андерсовцев» и членов их семей, 6 579 сектантов-иеговистов. Предполагалось, что в местах поселения останется 1 046 503 человека. К вопросу об их освобождении, по мысли Круглова, следует вернуться в 1954 г.[64]

---

[61] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 228.

[62] ГАРФ, оп. 85, д. 35, л. 132, 133.

[63] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 228.

[64] ГАРФ, л. 134, 135.

В. Н. Земсков указывает, что «по расчетам Л. П. Берия и С. Н. Круглова, к концу 1953 г. под надзором органов МВД в местах поселения должно было остаться 1 100 630 спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и ссыльных», причем в МВД СССР летом 1953 г. уже была проведена большая подготовительная работа, имелись даже проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР и постановления Совета Министров СССР об освобождении спецпоселенцев, на которых стояла дата их предполагаемого утверждения: «август 1953 г.»[65] По всей видимости, этому помешал арест Л. П. Берия.

Активность МВД СССР (известно также о предложениях этого ведомства об освобождении 1 807 305 спецпоселенцев, поданных в ЦК КПСС в сентябре 1953 г.[66]) в вопросе об освобождении спецпоселенцев связана не только с инерцией бериевских инициатив, но и с осознанием необходимости реформирования системы спецпоселений в СССР, о положении в которой в МВД знали лучше, нежели в любой другой властной структуре. В ЦК КПСС сочли планы Берия по массовому освобождению спецпоселенцев осенью 1953 г. вредительскими, поскольку массовое переселение людей могло привести к серьезным социально-экономическим последствиям. Инициатива в решении этой проблемы перешла к ЦК КПСС.

Еще до смерти Сталина по записке инспекторов ЦК КПСС, обследовавших положение спецпоселенцев, решением Президиума ЦК было поручено комиссии в составе Суслова, Михайлова, Аристова, Игнатьева, Горшенина, Кузнецова, Шелепина, Горкина подготовить предложения о массово-политической работе среди спецпоселенцев и их правовом положении. В апреле 1953 г. комиссией М. А. Суслова были внесены предложения о подготовке решений, затрагивающих вопрос о снятии некоторых ограничений в положении спецпоселенцев[67]. Осенью 1953 г. местным органам МВД было предоставлено право выдавать спецпосленцам разрешения на передвижения по служебным и личным делам в пределах мест поселения.

Процесс снятия с учета спецпоселения начался с апреля 1954 г., когда Президиум ЦК КПСС в принципе одобрил постановку вопроса об освобождении из спецпоселения, признав, что эту проблему надо решать постепенно и по частям. Постепенно снимались с учета спецпоселений бывшие кулаки-немцы (май 1954 г.), дети спецпоселенцев ряда категорий (в июле 1954 г. были сняты с учета 42 560 прибалтов, около 400 тысяч немцев), бывшие кулаки (осенью 1954 г. были освобождены даже те, кто был оставлен на спецпоселении за принадлежность к чеченскому, ингушскому и другим депортированным народам). В июле 1954 г. был отменен указ об уголовной ответственности за побеги из мест поселения, принятый в ноябре 1948 г., и теперь за побеги полагалось наказание в виде лишения свободы до трех лет. На самом деле беглецы крайне редко привлекались к уголовной ответственности. В 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о снятии

---

[65] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 229.
[66] Там же. С. 230.
[67] ГАРФ, л. 129.

ограничений по спецпоселению с членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей, участников войны, награжденных орденами и медалями, членов семей погибших на фронтах войны, женщин русской, украинской и других национальностей, выселенных вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими и брак которых на данный момент прекратился, одинокие инвалиды и т. д. Сам режим был существенно смягчен[68].

24 ноября 1955 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР «О снятии с учета спецпоселения греков – граждан СССР, выселенных в 1949 году из Грузинской ССР». Речь шла о греках, которых в количестве 5570 человек (1200 семей) выселили в Казахстан, несмотря на то, что постановление от 29 мая 1949 г. о выселении греков из Грузии их не касалось. В ЦК КПСС этот факт рассматривали как произвол со стороны бывших секретаря ЦК КП Грузии Чарквиани, секретарей Абхазского обкома партии Мгеладзе и Гегия, министра госбезопасности Грузии Рухадзе, которые «прикрываясь желанием греков уехать из Грузии», заставили их написать заявления о «добровольном» выезде из Грузии[69].

К апрелю 1955 г. 380 семей греков вернулось из Казахстана, однако их дома были заняты переселенцами-грузинами. Возникла конфликтная ситуация: греки требовали вернуть дома и имущество, грузины требовали отправить греков обратно в Казахстан[70]. 17 февраля 1955 г. в одном из абхазских районов возникли беспорядки на национальной почве, после того как похоронная процессия греков попыталась внести тело умершего в его бывший дом, принадлежащий в данный момент грузину. Заместитель начальника Управления милиции Абхазии подполковник Гугучия на жалобы греков заявил: «Вам, грекам, здесь земли нет, кто вам разрешил хоронить здесь своих людей, скоро вам будет еще хуже»[71].

17 апреля в селе Одиши Сухумского района произошла массовая драка между греками и грузинами[72]. «Крайне ненормальные отношения» между греками и грузинами заставили ЦК КП Грузии поддержать предложения Абхазского обкома партии и просить разрешения ЦК КПСС на предоставление 150 домов (построенных по переселенческому плану) грекам, возвратившимся в Абхазию. Грузинское руководство также предлагало прекратить дальнейшее возвращение греков в Абхазию[73].

Е. Громов, В. Золотухин, Р. Руденко, С. Круглов, готовившие постановление ЦК КПСС, предлагали в апреле 1955 г. не только снять с греков ограничения по спецпоселению, но и «всем незаконно выселенным» грекам «возвратить ранее принадлежащие дома, надворные постройки, приусадебные участки»[74].

---

[68] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 237–249.
[69] РГАНИ, оп. 31, д. 25, л. 79.
[70] Там же, л. 80.
[71] Там же, л. 63, 73.
[72] Там же, л. 73.
[73] Там же, л. 84.
[74] Там же, л. 77, 80.

13 декабря 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, снимавший ограничения по спецпоселению с советских немцев, однако устанавливающий, что это «не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»[75]. Объяснение тому факту, что немцы первыми из депортированных народов были освобождены из спецпоселения, по всей видимости, находится в области внешней политики: 8–14 сентября состоялся визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР.

Указ от 13 декабря 1955 г. привел в движение все категории спецпоселенцев, сразу же заявивших местным властям: «Чем мы хуже немцев?» Наверняка, этот указ, а также осуждение депортации народов на XX съезде партии привели к тому, что власть была вынуждена в течение марта – июля 1956 г. снять с учета спецпоселения и другие депортированные народы. 13 марта 1956 г. ограничения по спецпоселению были сняты с калмыков[76], 27 марта – с греков, болгар, армян[77], 28 апреля – с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов[78], 16 июля – с чеченцев, ингушей, карачаевцев[79]. Во всех указах Президиума Верховного Совета СССР речь шла о том, что народы были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени» и в настоящее время их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». В указах подчеркивалось, что снятие людей с учета спецпоселения не влечет за собой возвращения им имущества и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Указам как всегда предшествовали решения Президиума ЦК КПСС. Так, 12 марта 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был одобрен проект указа Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничений по спецпоселениям с калмыков и принято решение, обязывающее партийные органы тех мест, где располагались эти спецпоселения, провести необходимую работу по закреплению калмыков в местах их жительства, «исключив возможность их массового выезда из мест поселения»[80].

Это вызвало новый всплеск активности со стороны теперь уже бывших спецпоселенцев. Прежде всего они обрушили на партийно-государственные и советские структуры власти поток писем с требованиями вернуть в места прежнего местожительства и восстановить упраздненные автономии.

В числе других государственных органов, к которым апеллировали представители «наказанных народов», был и Совет Национальностей. Балкарцы из поселка Кара-Су Ошской области Киргизской ССР писали летом 1956 г. в Верховный Совет: «...зачем нам эта свобода, если мы не можем жить и работать там, где родились, жили и умирали наши предки, восстановить свое доброе имя среди других народов, пользоваться национальной

---

[75] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 177.
[76] ГАРФ, оп. 75, д. 675, л. 1.
[77] Там же, л. 2.
[78] Там же, л. 3.
[79] Там же, л. 4.
[80] РГАНИ, ф. 89, пер. 61, д. 12, л. 1.

автономией»[81]. Знаменательно, что балкарцы считали свое положение относительно других депортированных народов более предпочтительным для восстановления прежнего статуса.

Так, балкарец-коммунист С. Макитов из Фрунзе в январе 1956 г. писал, что «наша республика, как административная единица (Кабардинская АССР. – *А. М.*), сохраняется, территория Балкарии с ее населенными пунктами почти свободна (по Указу Президиума «О переселении балкарцев...» от 8 апреля 1944 г. освобождающиеся после выселения балкарцев земли должны были быть заселены колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР. – *А. М.*), ...пастбищные, посевные и другие земли на бывшей территории Балкарии никем почти не используются...»[82] Кстати, по указу от 8 апреля 1944 г. юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР была включена в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР, что повлекло за собой изменение границы между Грузией и РСФСР[83]. Указом Президиума от 14 марта 1955 г. эта территория была передана из состава Грузии в Ставропольский край РСФСР, а 26 мая 1955 г. возвращена Кабардинской АССР.

В своих письмах в высшие органы власти карачаевцы прежде всего жаловались на невыносимый для «жителей высоких гор Кавказа» азиатский климат. Причину своего выселения многие карачаевцы видели в проводимой Сталиным «жестокой политике насильственной ассимиляции по отношению к карачаевцам», а также в стремлении Сталина «расширить границы Грузии и отдать Теберду, Микоян-Шахар и Большой Карачай грузинам»[84]. Карачаевцы тяжело переживали «национальное забвение»: «... один из сильнейших поэтов Карачая А. Байкулов... заболел и ослеп на оба глаза... продолжает писать хорошие произведения, но никто никакой заботы о нем не проявляет....До войны вышли ряд работ по литературе и истории Карачая, но авторы их теперь отказались от них и даже отказались употреблять слово «карачаевец»... писатель Лебединский (речь идет о писателе Ю. Либединском. – *А. М.*) посвятил свой роман «Горы и люди» истории карачаевцев. В 1954 г. в переизданном романе автор выбросил слово «карачаевец» и заменил его словом «веселореченец»[85].

А гордились карачаевцы тем, что и в ссылке они трудились лучше, чем некоторые другие народы. Участник войны, член КПСС с 1931 г. М. И. Гаджаев в своем письме в мае 1956 г. признавался, что карачаевцы «не без законной гордости за свой народ прочли постановление Бюро ЦК компартии Казахстана от 1 октября 1955 г.: «Многие партийные и комсомольские организации не уделяют должного внимания политическому воспитанию наиболее отсталых групп «спецпоселенцев» – чеченцев и ингушей». Как видно... карачаев-

[81] ГАРФ, д. 365, л. 18.
[82] Там же, л. 14.
[83] Там же, л. 8.
[84] Там же, л. 62.
[85] Там же, д. 364, л. 90, 91.

цев вполне справедливо нет»[86]. Все устремления народа были направлены в сторону Кавказа – домой.

З. Кочкарова, М. Батчаев из Южно-Казахстанской области в мае 1956 г. писали председателю Совета Национальностей В. Т. Лацису о нецелесообразности «восстановления Карачаевской автономной области на территории Казахской ССР или Киргизской ССР по той причине, что эти места не соответствуют традициям и стремлениям карачаевцев»[87].

Калмыки также усилили кампанию обращений и писем с требованиями вернуть их в места прежнего проживания и восстановить их автономию в высшие государственные органы страны, в том числе в Совет Национальностей. Из среды спецпоселенцев-калмыков выдвигались проекты создания автономии и в местах ссылки. Так, в письме Валетова, Гореева, Очиргаряева, Цебекова председателю Совета Национальностей В. Т. Лацису предлагалось рассмотреть вопрос о «плановом переселении калмыцкого народа в Казахскую ССР, Астраханскую и другие области, где климатически благоприятно для калмыцкого народа с организацией районов нацменьшинств в составе этих областей и республик»[88]. Е. К. Челеева из Новосибирской области просила: «Пусть объединяют нас в Сибири в одну автономную область»[89]. З. Ц. Манджиев предлагал образовать «Калмыцкую автономную республику» в Алтайском крае, а «город Бийск сделать столицей автономной республики, на старом месте нам придется терпеть большие неприятности со стороны других народов. Поэтому не надо новое место избирать»[90].

Среди ссыльных чеченцев и ингушей существовала устойчивая неприязнь к грузинам и осетинам, с которыми они зачастую и связывали свои беды и несчастья. У. У. Ажигов из Южно-Казахстанской области в письме в Верховный Совет утверждал, что «чечено-ингушский народ в годы революции стоял... за установление Советской власти на Северном Кавказе, тогда как осетины, грузины и терские казаки были сторонниками и поддерживали интервентов-деникинцев»[91].

И. Г. Мальчагов из Джамбульской области указывал на то, что «на территории ингушей не был ни один гитлеровец. Ни один ингуш при отступлении с гитлеровцами не ушел, а тысячами уходили осетины, которые через Лескенское ущелье провели гитлеровцев в Осетию, устроив им теплый прием...»[92] Х. И. Дзориев из Алма-Атинской области рассматривал депортацию как «маневр Берия и его сообщников... с целью опустошения территории...», захвата имущества чечено-ингушского народа «для грузинов и осетинов» и

[86] ГАРФ, л. 51.
[87] Там же, л.36.
[88] Там же, д.63, л.63.
[89] Там же, л. 70.
[90] Там же, л. 75 об.
[91] Там же, д.360, л.10.
[92] Там же, л. 77.

вопрошал: «нет ли сил у Советской власти занузлать гордых грузинов и... двухличных высокообразованных осетинов, умеющих присоединяться с любыми более сильными»[93].

Не совсем почтительно отзывались чеченцы и ингуши о населении тех мест, куда они были сосланы. Так, А. Мурдиев из Алма-Аты отмечал, что «люди, выселенные таким чудовищным методом, на местах встречались презрением, ненавистью и оскорблением. Указанием секретаря ЦК Коммунистической партии Казахстана Шаяхметова был введен термин «народ с преступного лагеря»[94]. Колхозники-чеченцы из Фрунзенской области в мае 1956 г. писали Председателю Совета Национальностей, что «десятилетиями среди местного населения культивировали мнение о чеченах как о злодеях, последствия от такого мнения до сих пор не изжиты и часто являются причиной ссор и драк...»[95]

Председателю Совета Национальностей чеченцы и ингуши предлагали поставить вопрос о реабилитации перед правительством (такая просьба содержится в письме депутата ВС СССР от Киргизской ССР Н. Брагиной В. Т. Лацису[96]), либо «перед очередной сессией Верховного Совета СССР о восстановлении нашей бывшей Чечено-Ингушской АССР всех политических правах и восстановлении нанесенного ущерба для нас по случаю переселения»[97].

Колхозники из Кировского района Фрунзенской области предлагали создать «комиссию из депутатов Верховного Совета СССР и депутатов Совета Национальностей СССР и поручить ей посетить места поселения чечено-ингушского народа», наделить эту комиссию полномочиями «на ответственное заявление народу», а затем созвать во Фрунзе или Алма-Ате совещание представителей чечено-ингушского народа («одного делегата от 300 человек»)[98].

Не дожидаясь указа властей о разрешении возвращаться домой, многие бывшие спецпоселенцы стали покидать места ссылки и любыми путями прорываться на родину. К сентябрю 1956 г. в районы бывшей Карачаевской области прибыли 173 семьи карачаевцев в количестве 602 человек[99], в Кабардинскую автономную область – 700 семей балкарцев в количестве 2 600 человек[100], в Дагестан – 2 473 чеченцев[101], на территорию бывшей Калмыцкой автономии – более 1700 калмыков[102]. Ситуация в большинстве районов, куда без разрешения властей приезжали бывшие спецпоселенцы, начала быстро накаляться.

---

[93] ГАРФ, л. 128.
[94] Там же, л. 237.
[95] Там же, л. 234.
[96] Там же, л. 74.
[97] Там же, л.178.
[98] Там же, л. 235.
[99] РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 110.
[100] Там же, л. 117.
[101] Там же, л. 127.
[102] Там же, л. 134.

Как сообщалось из УКГБ по Грозненской области, «многие чеченцы заявляют, что они допускают ошибку, приезжая сюда мелкими группами, по их мнению, следует приехать без разрешения сразу всем», сразу же активизировали свою деятельность бандиты[103]. Впервые, отмечает В. А. Козлов, «синдром возвращения» на территории Чечни и Ингушетии обнаружил себя в 1955 г., когда ограничения по спецпоселению были сняты с членов КПСС. Воспользовавшись относительной свободой, некоторые бывшие спецпоселенцы – чеченцы и ингуши (в том числе и беспартийные – под предлогом отпусков или командировок) – решили на свой страх и риск вернуться на Северный Кавказ. «Просочившихся» чеченцев и ингушей задерживали и возвращали на «законное» место жительства»[104].

Не случайно чеченцы и ингуши были сняты с учета спецпоселения последними из депортированных народов. В апреле 1956 г. против их освобождения «в связи с неправильным поведением части ингушей и чеченцев в местах поселения, нарушением общественного порядка с их стороны, вплоть до проявления фактов бандитизма» высказывались Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, председатель КГБ И. А. Серов, министр внутренних дел Н. П. Дудоров, министр юстиции К. П. Горшенин[105].

Возвращение чеченцев и ингушей в Грозненскую область, районы Дагестанской и Северо-Осетинской АССР местным населением было встречено враждебно. Колхозники колхоза им. Сталина Пригородного района Северо-Осетинской АССР, вселенные сюда весной 1944 г., жаловались, что приезжие ингуши насильственно занимают дома, «даже общественные постройки колхоза», угрожают и провоцируют драки[106].

Грузины из колхоза им. Красной Армии Грозненской области, переселенные сюда в 1944 г. «с плоской местности Грузинской ССР», принимать чеченцев в свой колхоз отказались, ссылаясь на «нездоровую атмосферу между грузинами и чеченцами»: «приезжие спрашивают: кто развалил мой дом, кто достал мое имущество, богатство». Колхозники предлагали власти либо переместить их вновь в Кварельский район Грузинской ССР, либо переселить к ним «русских 1200 хозяйств» («мы на это согласны и можем жить с русскими, чем принять одно хозяйство чеченца в колхоз»)[107].

В целом вывод о том, что «многие жители Грозненской, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР категорически возражают против возвращения чеченцев и ингушей»[108] (об этом прямо заявил заведующий отделом парторганов ЦК КПСС Е. Громов после ознакомления с ситуацией в данном регионе в сентябре 1956 г.), имел под собой основания и соответствовал действительности. Власть при проведении дальнейшей политики реабилитации депортированных народов должна была этот фактор учитывать.

---

[103] РГАНИ, л. 218.

[104] *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953– начало 1980-х гг. Новосибирск, 1999. С. 121.

[105] РГАНИ, л. 38.

[106] Там же, оп. 30, д. 177, л. 57.

[107] Там же, л. 47, 48.

[108] Там же, оп. 31, д. 56, л. 113.

Такой же вывод в сентябре 1956 г. сделала изучавшая положение карачаевцев комиссия под руководством инспектора ЦК КПСС В. Иевлева, составленная из работников аппарата ЦК КПСС, представителей аппарата Президиума Верховного Совета СССР и МВД СССР. Комиссия подчеркнула, что «часть местного населения, проживающая в домах карачаевцев, обеспокоена в связи с неведением, как будет решаться вопрос с домами», грузинское же население в Клухорском районе «относится к приезжим отрицательно и не без основания опасается возможных с ними конфликтов и считает невозможным совместное проживание»[109]. Правда, аналогичная комиссия, изучавшая положение балкарцев, констатировала, что «местное население, как правило, относится положительно к возвращению»[110] балкарцев. Это легко объяснить: несмотря на то, что бывшие балкарские районы были заселены кабардинцами, большая часть домов «осталась незанятой»[111].

Таким образом, власть, освободившая от режима спецпоселений депортированные народы, в силу нарастающего массового стремления к возврату домой, на «земли предков», и в условиях начавшегося неразрешенного и неконтролируемого выезда с мест ссылки на прежнее местожительство и возникновения там напряженной ситуации между местным населением и бывшими спецпоселенцами, вынуждена была заняться дальнейшей реабилитацией депортированных народов.

3.3. Реабилитация депортированных народов: непоследовательность и противоречивость процесса (конец 1956–1957)

Власть понимала, что речь шла о судьбах сотен тысяч людей. По данным МГБ СССР, к середине 1954 г. в местах поселения под надзором органов МГБ и МВД находилось «граждан немецкой национальности 1 225 005 человек; чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев – 489 118; турок, курдов, хемшинов, греков, иранцев из Грузии, Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья – около 160 тыс. человек»[112]. В этом списке не были учтены депортированные из Прибалтики, Украины, Молдавии. На 1 января 1955 г. в спецпоселениях находилось 1 690 049 человек различных национальностей[113].

Освобождая депортированные народы, власть поначалу стремилась оставить их в местах поселений, ссылаясь на то, что народы уже укоренились в местах ссылки. К этому выводу располагали и результаты изучения в конце лета – начале осени 1956 г. положения снятых с режима спецпоселений народов сводными бригадами ответственных работников аппарата ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и МВД СССР.

---

[109] РГАНИ, л. 110, 111.
[110] Там же, л. 117.
[111] Там же, л. 113.
[112] ГАРФ, оп. 121, д. 49, л. 16.
[113] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 239.

Комиссии установили, что уровень жизни депортированных народов в местах ссылки не уступает, а в ряде случаев превосходит уровень жизни местного населения. По заявлениям самих карачаевцев, многие из них стали жить лучше, чем до переселения. Из 13 тысяч семей карачаевцев «около 12 тысяч имеют свои дома» в местах ссылки[114].

Балкарцы, следовал вывод комиссии, «живут не хуже, а некоторые лучше», из 6 148 балкарских семей в сельской местности «4 900 построили себе дома»[115]. Не хуже, чем на Северном Кавказе, жили и чеченцы и ингуши: из 89,8 тыс. семей – 73,3 тысячи построили себе дома. И это несмотря на то, что «некоторая часть трудоспособных чеченцев и ингушей... занимается частным предпринимательством, спекуляцией и воровством». Это и вызывало возмущение местного населения. Конечно, хорошо устроиться удалось не всем: в Кзыл-Орде из 527 чеченских семей 354 семьи жили в землянках, ветхих домах, не имели огородов[116].

Положение калмыков из-за неблагоприятных природных условий в местах ссылки характеризовалось комиссией как тревожное. Несмотря на то, что в последнее пятилетие возросла рождаемость среди калмыцкого этноса, в первое десятилетие после депортации родилось 13 724 человека, а умерло 25 626 калмыков. Среди калмыков наблюдалась повышенная заболеваемость туберкулезом (в Алтайском крае от туберкулеза умерло 48% всех умерших калмыков, в Новосибирской области – 43%, в то время как эти показатели для местного населения соответственно составляли 3,1% и 9,7%). Часть калмыцких семей находилась в плохих условиях: в Алтайском и Красноярском краях в землянках жило 1600 калмыцких семей[117]. Однако тенденция к улучшению материальных условий жизни (тем более что до выселения большинство калмыков проживало в глинобитных и камышитовых мазанках), рост рождаемости в последнее пятилетие после депортации мог служить серьезным фактором при принятии решения о дальнейшей судьбе этноса.

Немаловажным обстоятельством представлялось и то, что многие бывшие спецпоселенцы сумели в трудных условиях все же существенно продвинуться по советской бюрократической лестнице. Секретари ЦК компартий Казахстана, Узбекистана, Киргизии в мае 1956 г. сообщали в ЦК КПСС о том, что в данный момент чеченцев и ингушей «на руководящей хозяйственной, советской и партийной работе находится более двух с половиной тысяч»[118].

В целом наибольшую тревогу вызывали процессы в культурно-национальной сфере. Комиссии отмечали, что «вся» калмыцкая молодежь до 20-летнего возраста не знала калмыцкой письменности, а часть – даже не владела родным языком[119], не знала «своей пись-

[114] РГАНИ, оп. 31, д. 56, л. 42.
[115] Там же, л. 114.
[116] Там же, л. 120, 121.
[117] Там же, л. 128, 129, 130.
[118] Там же, л. 42.
[119] Там же, л. 131.

менности и литературного языка» балкарская молодежь[120]. Из 10,5 тысяч детей карачаевцев школьного возраста, обучавшихся в школах с русским, киргизским, казахским языками, свыше тысячи девочек вообще прервали свое обучение[121].

Поначалу власть попыталась решать эти вопросы в местах ссылки. Так, в ответ на обращение писателей-ингушей весной 1956 г. о невозможности развивать свою культуру, в ЦК КПСС были приняты меры к восстановлению ингушских писателей в составе СП СССР и включению их в активную творческую работу по месту жительства, поставлены вопросы об организации в Киргизской ССР ансамбля ингушской песни и танца, издании альманаха на ингушском языке и сборника произведений ингушских поэтов и писателей[122]. Однако удовлетворение культурных потребностей большинство этноса связывало с возвращением к родным очагам.

В выработке решений о возвращении депортированных народов в места прежнего проживания большую роль играли руководители республик и областей, на территории которых трудились бывшие спецпоселенцы. Секретарь ЦК КП Узбекистана А. Ниязов в своей записке в Верховный Совет СССР предлагал оставить на поселении в Узбекистане крымских татар «в связи с тем, что среди этих спецпоселенцев много проявляется враждебных настроений и совершается уголовных преступлений» (из 1188 осужденных в 1952–1953 гг. в Узбекистане спецпоселенцев – 1020 крымских татар)[123].

Секретарь Свердловского обкома Кутырев отмечал, что среди спецпоселенцев «менее устойчивы и имеют склонность к антисоветским проявлениям переселенцы из Прибалтики и крымские татары»[124]. Секретарь КП Казахстана П. Пономаренко предлагал оставить в местах поселения «сроком на 5 лет... чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, оуновцев, басмачей, крымских татар, дашнаков, немцев, репатриантов и кулацких элементов, выселенных из Белоруссии» (общее количество спецконтингента, находящегося в Казахстане, составляло 1 010 610 человек – 15% к общему количеству населения республики). Наиболее опасными Пономаренко считал чеченцев и ингушей, среди которых «широко распространены настроения к возврату к прежним местам жительства и враждебное отношение к русским и грузинам, которых они считают виновниками своего выселения»[125].

Истинной причиной преимущественно негативного (возможность возвращения бывших спецпоселенцев допускали немногие, к примеру, ЦК КП и Совет Министров Киргизии[126]) отношения местной власти к проблеме возвращения депортированных этносов домой, по всей видимости, было опасение срыва выполнения народнохозяйственных

---

[120] РГАНИ, л. 115.
[121] Там же, л. 105.
[122] Там же, л. 37.
[123] ГАРФ, оп. 85, д. 35, л. 196.
[124] Там же, л. 214.
[125] Там же, л. 210–211.
[126] Там же, л. 113.

планов при вероятном массовом отливе трудовых ресурсов из «их регионов». Комиссия по карачаевскому вопросу признавала, к примеру, что партийные органы Казахстана считают нежелательным выезд карачаевцев из республики, «мотивируя это недостатком рабочей силы»[127]. А руководители Алтайского края в своем желании удержать «трудовые ресурсы» согласны были даже на предоставление автономии калмыкам: «Через один-два года можно сконцентрировать всех калмыков на юге края в 3–4 района, построить 30–40 совхозов и решить вопрос об автономии»[128].

Власть в местах предполагаемого возвращения к приезду бывших жителей относилась негативно, справедливо полагая, что это приведет к резкому обострению не только социально-экономической ситуации в регионе, но и всей системы межнациональных отношений. Даже Кабардинский обком партии, в июне и сентябре 1956 г. принявший постановления о возможности возвращения всех балкарцев, высказался против восстановления прежнего наименования «Кабардино-Балкарская АССР» и балкарской автономии. Процесс возвращения, считали в обкоме, должен происходить в два срока – весной 1957 г. и весной 1958 г. – и закончиться к сентябрю 1958 г.[129]

В ЦК КПСС осенью 1956 г. сложилось мнение, что «в Калмыцкой и Карачаевской областях... можно принять и трудоустроить все население, которое было оттуда выселено», в то время как в Грозненской области – «примерно третью часть чечено-ингушских семей». Власть понимала, что «в случае возвращения всего их населения потребуется переместить в другие места живущих там переселенцев»[130]. Поэтому еще весной 1956 г. заведующий отделом партийных органов по союзным республикам ЦК КПСС Е. Громов и заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС В. Золотухин полагали, что целесообразно изучить мнение ЦК компартий союзных республик, «что если бы встал вопрос о восстановлении той или другой автономной области, то сделать это следовало бы в пределах указанных выше союзных республик»[131].

В большинстве случаев инициаторами в обращении к властям выступали представители творческой интеллигенции и бывшие руководящие работники. Так, в 1956 г. была создана «инициативная» группа крымских татар, в которую вошли бывший секретарь Бахчисарайского райкома партии В. Муртазаев, бывший третий секретарь Крымского обкома Р. Мустафаев, бывший секретарь Ялтинского райкома М. Селимов, бывший секретарь отделения Союза писателей Крыма Ш. Алядинов, бывший секретарь журнала «Совет эдабияти» Ю. Болат[132]. Среди прибывших летом 1956 г. в Москву с целью убедить власть восстановить автономию калмыков были бывший председатель СНК Калмыцкой АССР

[127] РГАНИ, д. 56, л. 111.
[128] Там же, л. 133.
[129] Там же, л. 117.
[130] Там же, л. 113.
[131] Там же, л. 42.
[132] Там же, л. 209.

Н. Гаряев, писатель А. Сусеев и другие представители интеллигенции и бывшей партноменклатуры (Санджиев, Бембеев, Саврушев, Бачаев)[133].

Наконец, 24 ноября 1956 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект постановления ЦК КПСС о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Партийное руководство отмечало, что проведенные мероприятия по снятию народов с учета спецпоселения не решают задачи полной реабилитации и «при большой территориальной разобщенности и отсутствии автономных объединений не создается необходимых условий для всемерного развития этих наций»[134]. Власть констатировала, что «тысячи бывших спецпоселенцев самовольно возвращаются на прежние места жительства»[135]. Было решено восстановить Калмыцкую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР, Чечено-Ингушскую АССР в составе РСФСР, преобразовать Черкесскую автономную область и Кабардинскую АССР в соответственно Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР и Кабардино-Балкарскую АССР в составе РСФСР[136].

Мероприятия по возвращению и устройству калмыцкого, карачаевского и балкарского народов планировалось «провести в организованном порядке в течение 1957–1958 годов, а чечено-ингушского населения в течение 1957–1960 годов», а начать переселение предполагалось «не ранее весны 1957 года» и производить «в организованном порядке небольшими группами, строго по разрешениям соответствующих оргкомитетов»[137]. Партийные органы тех мест, в которых проживали реабилитируемые народы, обязывались «принять неотложные меры к прекращению самовольного возвращения»[138].

В постановлении ЦК КПСС признавалось нецелесообразным предоставление национальной автономии «татарам, ранее проживавшим в Крыму» и ничего не говорилось о немцах. Аргументом против крымско-татарской автономии выступало то, что «бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения, и что в составе РСФСР имеется татарское национальное автономное объединение – Татарская АССР, а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР и заселена». Крымские татары наделялись правами «поселиться на территории Татарской АССР»[139].

На заседании Президиума ЦК КПСС 5–6 января 1957 г. были утверждены проекты указов Президиума Верховного Совета РСФСР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области и Президиума Верховного Совета СССР о пе-

---

[133] РГАНИ, л. 97, 98.
[134] Там же, ф. 89, пер. 61, д. 13, л. 2.
[135] Там же, л. 4.
[136] Там же.
[137] Там же, л. 5.
[138] Там же, л. 7.
[139] Там же, л. 6.

редаче части территории Душетского и Казбегского районов из Грузинской ССР в состав РСФСР[140].

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР признал необходимость восстановления национальной автономии балкарского народа и рекомендовал Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, что было незамедлительно выполнено[141].

В этот же день Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа, а Президиум Верховного Совета РСФСР преобразовал Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область Ставропольского края, и 15 января 1957 г. утвердил административно-территориальный состав области, переименовав при этом город Клухори в Карачаевск[142].

Указ Президиума Верховного Совета СССР о необходимости восстановления национальной автономии калмыцкого народа последовал также 9 января 1957 г. Тогда же последовал указ Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края и включении в нее территории Ставропольского края, Астраханской, Сталинградской и Ростовской областей. 12 января 1957 г. город Степной был переименован в город Элиста[143].

Вопреки встречающимся до сего времени ошибкам в литературе о том, что якобы калмыцкой автономии уже в 1957 г. был придан статус автономной республики[144], следует сказать, что преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую автономную ССР произошло только в июле 1958 г. 8 июля 1958 г. был готов проект указа Президиума ВС СССР № 108/1[145]. Население Калмыкии составляло в 1958 г. уже 170 тысяч человек, в том числе калмыков – 68 тысяч человек, а переезд еще продолжался. По переписи 1939 г. в этой автономии проживало 220,6 тысячи человек и калмыки составляли 75% населения. Мотивировка указа 29 июля 1958 г. («Идя навстречу пожеланиям трудящихся Калмыцкой автономной области, руководствуясь принципом свободного развития национальностей...»[146]) вряд ли свидетельствует об истинных причинах решения о возвращении калмыкам довоенного статуса.

9 января 1957 г. была восстановлена и Чечено-Ингушская АССР.

Ноябрьское 1956 г. постановление ЦК КПСС и январские указы Президиума Верховного Совета СССР, утвержденные Советом Союза и Советом Национальностей, открыли шлюзы на пути возвращения ряда переселенных народов на свою родину.

---

[140] ГАРФ, д. 7, л. 1.
[141] Там же, оп. 75, д. 364, л. 2–5.
[142] Там же, л. 2–6.
[143] Там же, л. 5.
[144] См., напр.: *Лыжиков А. В.* Указ. соч. С. 183.
[145] ГАРФ, д. 526, л. 1,3.
[146] Там же, л. 1, 4.

Возвращение чеченцев, ингушей на прежнее местожительство в значительной мере было вынужденным, поскольку власть, как ни старалась сдержать стремление народов вернуться на родину, сделать этого не смогла. Она достаточно быстро согласилась и с возвращением балкарцев, калмыков, карачаевцев, поскольку прежние территории проживания этих народов не были к тому времени еще заселены настолько, чтобы возникли серьезные проблемы после того, как они были бы вновь вселены в эти районы.

Решения о разрешении этим народам вернуться в родные места сопровождались восстановлением утраченных при депортации прав на образование национально-территориальных автономий. Действуя в прямом соответствии с принятым на заре советской власти курсом на наделение национальными квартирами определенных этносов, власть пошла навстречу стремлениям национальных элит ряда ранее депортированных народов не только вернуться на прежнее местожительство, но и получить сразу же на этих территориях утраченный ранее политический и экономический приоритет.

Данное решение власти неизбежно должно было привести к возникновению конфликтной ситуации в межнациональных отношениях в местах возвращения и в стране в целом, поскольку слабо учитывало не только изменившуюся национальную структуру во вновь создаваемых автономиях и фактически изменившиеся в ряде мест национально-территориальные границы, но и содержало в себе явную переоценку возможностей государства сдержать нарастание напряженности в грядущих этноконфликтах.

3.4. Обострение межнациональных отношений в ходе реабилитации ряда «наказанных народов»

С прибытием бывших спецпоселенцев резко обострилась ситуация в Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши стали прибывать в Грозненскую область, Дагестанскую АССР и Северо-Осетинскую АССР еще до указа Президиума ВС СССР о восстановлении автономии, что вызывало негативную реакцию тех, кто занял дома и земли депортированных. Недовольны были и местные органы власти.

Так, показательная реакция Председателя Совмина Северо-Осетинской АССР Б. Зангиева, который в письме от 31 октября 1956 г. председателю Коста-Хетагуровского (Назрановского) райисполкома С. Хадарцеву сетовал на то, что «...ингуши-спецпоселенцы, возвратившиеся из восточных районов страны, у колхозников, проживающих в Пригородном, Коста-Хетагуровском, Малгобекском и других районах Северо-Осетинской АССР, покупают дома или по договоренности с ними снимают квартиры», и категорически запретил «учреждениям и частным лицам продавать дома или снимать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, аннулировать документы купли и продажи»[147].

[147] ГАРФ, оп. 106, д.565, л.37.

Возвращение чеченцев и ингушей взорвало обстановку на Северном Кавказе. В июне 1957 г. секретарь Грозненского обкома партии А. Яковлев сообщал в ЦК КПСС, что задолго до решения ЦК КПСС во второй половине 1956 г. большие группы чеченцев и ингушей стали прибывать в Грозненскую область, а после решения ноября 1956 – января 1957 г. о восстановлении автономии «самовольный их приезд в республику увеличился»[148]. Сразу же сложилась нездоровая обстановка между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и проживавшими в республике аварцами, даргинцами, кумыками, осетинами, русскими. Более того, отмечал Яковлев, чеченцы и ингуши в большом количестве стали покупать ружья и кинжалы, а в ряде случаев – нарезное оружие.

Поскольку вместо планируемых 78 тыс. человек к июлю 1957 г. вернулось уже 116 тыс., обком партии и отдел парторганов ЦК КПСС по РСФСР просил партийное руководство прекратить дальнейший приезд чеченцев и ингушей в республику до весны 1957 г.[149]

Власть не бездействовала. Министр внутренних дел Дудоров докладывал в ЦК Л. И. Брежневу, что только с 22 по 28 декабря 1956 г. снято с поездов и самолетов около 5 тысяч чеченцев и ингушей, которые пытались самовольно переселиться в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР. После того, как им объяснили, что все они будут переселены в организованном порядке, чеченцев и ингушей отправили в места прежнего проживания[150].

Однако это не останавливало тех, кто стремился вернуться на родину. Весной 1957 г. поток переселенцев возрастает. Министр внутренних дел Казахской ССР Кабыжбаев телеграфировал Н. П. Дудорову, что в областных центрах республики скопилось большое количество чеченцев и ингушей, «которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда»[151].

Напрасно А. Яковлев и председатель Совета министров Чечено-Ингушской АССР М. Гайербеков предупреждали ЦК КПСС, что в ноябре 1958 г. из Казахстана и Киргизии в воссозданную республику предусматривается возвращение до 50 тысяч чеченцев и ингушей и просили «организовать переезд и контролировать выезд тех семей, у кого разрешение на выезд»[152]. Министр Н. П. Дудоров 18 ноября 1958 г. даже утверждал очередной «план мероприятий по предотвращению неорганизованного переселения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ»[153]. Но к 22 июня 1957 г. вместо 78 тысяч по плану прибыло 131 188 чеченцев и ингушей, среди которых «значительная часть – без разрешения»[154]. Переселение мало походило на организованное и строго контролируемое.

---

[148] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 81, л. 62.
[149] Там же, л. 73.
[150] Там же, д. 80, л. 1
[151] Там же, л. 10.
[152] Там же, д. 108, л. 99.
[153] Там же, л. 129, 130.
[154] Там же, д. 80, л. 180.

Инспектор ЦК КПСС Б. Руссак после командировки в Чечено-Ингушскую АССР докладывал, что там «участились случаи резких антисоветских и националистических проявлений, активизировалась враждебная деятельность мусульманского духовенства», которое «призывает жить «по законам» адата, создает религиозные общины и секты».

За 6 месяцев 1957 г. в республике было зарегистрировано 932 уголовных преступления, среди которых 24 убийства, 30 разбойных нападений. Национальную направленность преступлений ярко демонстрирует тот факт, что «среди пострадавших русских – 516 человек, чеченцев и ингушей – 39, других национальностей – 66»[155]. Во втором полугодии 1957 г. число преступлений увеличилось до 1229, в том числе убийств – до 31, разбои до 59. За пять месяцев 1958 г. было совершено 1031 преступление, в том числе 22 убийства, 44 разбоя, 145 краж государственного имущества, 287 краж личного имущества[156].

Секретарь обкома А. Яковлев так объяснял рост преступности: в республику прибыло «значительное количество уголовного преступного элемента». К тому же борьба с преступниками осложнялась тем, что чеченцы и ингуши «придерживаются старых пережитков и обычаев: не выдают преступников, отказываются от дачи показаний, сильно развита круговая порука, бытует еще и кровная месть»[157].

Такими настроениями были заражены и некоторые руководители коренной национальности. Например, из прокуратуры Назрановского района сообщили, что на районном активе в апреле 1958 г. второй секретарь обкома партии Чахкиев на ингушском языке «клялся богом и кораном», что он такой же ингуш, как и все, что когда «организуется у нас Совет Министров», можно ставить вопрос «об открытии мечетей», а в настоящий момент «кто хочет молиться богу, то молитесь у себя дома»[158].

Противостояние между прибывающими чеченцами и ингушами и проживавшими на территории республики представителями других национальностей становилось все более напряженным. В мае 1958 г. министр обороны Р. Я. Малиновский получил письмо из с. Колхозное Шалинского района Чечено-Ингушской АССР от бывших фронтовиков Сиволапова, Гончаренко, Кваши, Юдина, Цаплина, которые писали, что «убийства, грабежи, воровство стали частыми явлениями на территории Чечено-Ингушетии», что «убит путем отрезания головы участник войны комбайнер В. Ф. Клюшин», а «бывший партизан Музыкин М. И. получил тяжелые ножевые ранения». И вообще «чеченское население носит при себе холодное оружие», которое «пускает в ход при первом удобном случае». Малиновский немедленно направил письмо Н. С. Хрущеву с припиской о том, что в нем сообщается «о безнаказанных убийствах, грабежах, насилиях в ЧИ АССР, совершаемых лицами чеченской национальности»[159].

---

[155] РГАНИ, л. 182, 187.
[156] Там же, д. 108, л. 21.
[157] Там же, л. 22.
[158] Там же, л. 9, 10.
[159] Там же, л. 15, 16, 17.

Конечно, не все преступления оказывались безнаказанными. А. Яковлев обращал внимание на то, что в 1957 г. – 11 человек, а за шесть месяцев 1958 г. – 5 человек были приговорены к высшей мере наказания[160]. Реакция тех, кто населял Грозненскую область до возвращения сюда чеченцев и ингушей, не заставила себя долго ждать. Во второй половине 1950-х гг. начинается отток инонационального населения из Чечено-Ингушетии. Командированный в Чечню корреспондент «Правды» Черемисин докладывал редактору газеты Л. А. Слепову, что «выехало более 70 тысяч русского и украинского населения, более 20 тысяч осетинов и около 100 тысяч дагестанцев»[161].

Там, где исконные земли возвращающихся были заняты, начались новые межнациональные конфликты. Наиболее известным и изученным является межэтническое столкновение между русским населением Грозного и чеченцами и ингушами в августе 1958 г.[162] Точка зрения чеченцев на эти события, хоть и достаточно спорная и плохо аргументированная, в литературе представлена слабо.

Чеченцы полагали, что местные власти «сгущали краски» и все антиобщественные проявления в республике «перекладывали на чеченцев и ингушей». Так, член партии Дагаева в октябре 1958 г. писала в ЦК КПСС, что когда в Шалинском районе 2 мая 1958 г. «неизвестным был убит один русский», казаки провели митинг с «антисоветскими выкриками», а когда в с. Шали русский застрелил чеченца, «чеченцы никакой демонстрации не устраивали, в Урус-Мартане убито русскими 3 чеченца, и там против русских никто не поднимался»[163].

Та же Дагаева события 26–28 августа 1958 г. называла контрреволюционным путчем, а убийство Степашина, «совершенное чеченцем в поселке Чернореченский в драке», – провокацией. Она писала, что труп Степашина несколько дней «держали специально подо льдом» и «устраивали над ним антисоветские выступления». В числе возглавивших «путч» автор письма называла секретарей горкома Шепелева и Костюченко, председателя горсовета Брыкина, секретарей обкома партии «местной национальности» Чахкиева, Гаярбекова, Сагаева. Дагаева акцентировала внимание партийного руководства на «антисоветском характере» августовского выступления и деятельности избранного 27 августа «народного комитета защиты», от имени которого распространялись листовки с призывами «Долой Хрущева!», «Да здравствует основатель Грозного и казачества Ермолов!»[164].

Письмо Дагаевой, несмотря на всю его субъективность и политическую ангажированность, в данном случае выступает как еще одно доказательство острейшей конфронтации между чеченцами и ингушами и остальным населением республики, возникшей после возвращения спецпоселенцев. Тот факт, что Дагаева была вызвана в отдел партор-

---

[160] РГАНИ, л. 23.
[161] Там же, л. 90.
[162] См., напр.: *Козлов В. А.* Указ. соч.
[163] РГАНИ, л. 93.
[164] Там же, л. 95.

ганов ЦК КПСС по РСФСР и имела там беседу, свидетельствует об озабоченности советского руководства создавшимся положением в республике[165].

Слабо изученными остаются напряженные отношения между кавказскими этносами после возвращения из ссылки депортированных народов. Так, резко обострились отношения между чеченцами, лакцами и аварцами в Дагестане. Дагестанский обком партии также надеялся на планомерное переселение чеченцев из Казахстана и Киргизии. Однако «наряду с плановым переселением 500 чеченских семей в республику прибыло 1850 самовольно»[166].

Решением обкома партии чеченцев начали подселять в Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизилюртовском районах и к июню 1958 г. из 2350 семей было расселено и трудоустроено 1880. Однако чеченцы потребовали, чтобы их селили на территории бывшего Ауховского района (к тому времени его территория была поделена между вновь созданным Новолакским и двумя колхозами Казбеговского района, где проживали среди других 2 838 семей лакцев и аварцев, переселенных сюда в 1944 г.), где «находятся могилы их предков»[167].

Заведующий отделом парторганов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев в июне 1958 г. просил руководство страны поддержать предложения Дагестанского обкома о поселении чеченцев в Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизилюртовском районах, а также санкционировать «применение строгих административных мер, вплоть до предания суду и выселения обратно» по отношению к чеченцам, которые ведут «дезорганизаторскую и провокационную деятельность»[168].

В феврале 1957 г. В. Чураев информировал ЦК КПСС, что чеченцы, переселяемые в Дагестан, «ведут себя вызывающе, оскорбляют местных жителей, самовольно вселяются в ранее принадлежащие им дома, скупили оружие, ходят большими группами, устраивают стрельбу, провоцируют аварцев и даргинцев на ответные действия». Аварцы и даргинцы в свою очередь тоже стали приобретать оружие. После убийства в Цумадинском районе чеченцами чабана Тахутдинова, колхозника Саадуева в селении Тандо Вединского района 17 января 1957 г. было спровоцировано массовое побоище между чеченцами и аварцами. Не случайно Чураев делал вывод о том, что между даргинцами, аварцами и чеченцами «могут произойти серьезные столкновения и резня», что «дагестанцы заверяют, что они не могут жить вместе с чеченцами в силу исторически сложившихся натянутых взаимоотношений и неправильного поведения чеченцев»[169].

Существовала и другая точка зрения, также доведенная до сведения ЦК КПСС. Например, после командировки в Дагестан корреспондент «Правды» Черемисин предлагал: «Необходимо выселить лакцев из Новолакского района, аварцев из двух колхозов Казбе-

[165] РГАНИ, л. 96.
[166] Там же, л. 28.
[167] Там же.
[168] Там же, л. 29, 30.
[169] Там же, д. 80, л. 2, 3, 4.

говского района. Только так можно устранить несправедливость по отношению к чеченцам и ингушам»[170]. По всей видимости, практика депортаций как средство национальной политики была за эти годы хорошо усвоена многими партийными и советскими работниками.

Чеченцы, до выселения проживавшие «в 8 сельских советах» Ауховского района, жаловались на дагестанское руководство, которое «создает недовольство между чеченцами, лакцами и аварцами», «установив между ними границу и особый режим». Руководители Новолакского, Казбеговского районов, по их мнению, «...издеваются над чеченцами, став на путь национализма. Например, в 1957–1958 гг. допущены в аулы около 300 семей, до сих пор не приняты в колхозы членами»[171].

Жители с. Дуги Новолакского района Дагестанской АССР, лакцы по национальности, переселенные «в начале весны 1944 года после того, как были выселены с Кавказа чеченцы, в один из районов, входящих в состав Дагестана, до выселения занятый чеченцами», смотрели на эти события иначе. В 1957 г., рассказывали они в своем письме на имя А. И. Микояна и главного редактора «Известий» А. И. Аджубея, в село «стало прибывать бывшее его население», встреченное, по их мнению, радушно («...в Хасавюртовском районе для чеченцев... заново организовали два крупных совхоза, другую часть поселили в других совхозах того же Хасавюртовского района, а большую часть – в самом городе Хасавюрт... наш колхоз принял 6 хозяйств»)[172].

Однако чеченцы выстроили дома отдельно, в стороне от села, «организовав себе хутор». Инициатор этого С. Атиев начал расширять хутор «за счет отдельных чеченцев... под лозунгом «борьба за отцовские земли», после чего чеченцы стали бесконтрольно использовать колхозные земли, заниматься «организованной формой хищения хлеба, сена, скота». 12 апреля 1964 г. «в середине ночи... в село прибыло более 900 чеченцев», которые потребовали от председателя колхоза Б. Омарова «под угрозой убийства» принимать в колхоз чеченцев «столько, сколько их прибывает в село». Кровопролитие предотвратили милиционеры из Хасавюрта, воинские подразделения, партийно-советские работники из соседнего Ножайюртовского района Чечено-Ингушской АССР[173].

12 мая 1964 г. в этом же районе «более 1000 человек чеченского населения на машинах в ночное время приехало в расположение... колхоза «Правда» и «попытались вытеснить колхозников этого села и любыми путями занять село... и жить там»[174]. Колхозники требовали положить конец этим беззакониям, «ибо дело кончится трагическим кровопролитием»[175].

---

[170] РГАНИ, д. 108, л. 90.
[171] ГАРФ, оп. 83, д. 422, л. 7, 8.
[172] Там же, л. 32.
[173] Там же, д. 821, л. 32, 33.
[174] Там же, л. 39.
[175] Там же, л. 42.

Факты нападения чеченцев на колхозы в Новолакском районе подтверждало и дагестанское руководство, на мнение которого ссылался А. И. Микоян в своем письме Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Н. Г. Игнатову в сентябре 1964 г. А. И. Микоян обращал внимание российского руководства на межнациональную напряженность в республике, обвиняя в этом прежде всего чеченцев, которые «своими угрозами дезорганизуют работу колхозников», и отмечал, что Дагестанский обком партии уже обращался в ЦК КПСС и «просил рассмотреть ряд вопросов, связанных с самоуправным поселением чеченцев в Дагестанской АССР»[176].

Таким образом, там, где земли депортированных народов были заняты переселенцами и национальная структура изменилась кардинальным образом, в результате слабо контролируемого государством процесса возвращения бывших спецпоселенцев на прежние места жительства возникли ожесточенные этноконфликты. Прежде всего в конфликты за «земли предков» оказалось вовлеченным население Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Дагестанской автономных республик.

Государство, активно реагировавшее на каждый конфликт в отдельности и стремящееся погасить возникающие спорадически в разных местах Северного Кавказа очаги межнациональной напряженности, не сумело в то же время выработать единой и цельной политической линии в отношении как возвращающихся реабилитированных народов, так и переселенного в эти места преимущественно славянского населения. Курс на консервацию межнациональных противоречий в образовавшихся после реабилитации ряда народов «горячих точках», способствуя решению сиюминутных задач, вряд ли мог в дальнейшем обеспечить межнациональный мир и стабильность в этих регионах.

3.5. Рождение национальных движений советских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и их борьба за полную реабилитацию

Реабилитация депортированных народов во второй половине 1950-х – 1960-е гг. имела половинчатый и непоследовательный характер. Восстановив в правах чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев, калмыков, власть не сделала этого в отношении ряда других наказанных народов. 13 декабря 1955 г. были сняты ограничения по спецпоселениям с немецкого народа. Однако права возвращаться на прежнее местожительство и права на свою собственную государственность они не получили, равно как и материальную компенсацию за ущерб, причиненный депортацией[177]. Речь шла о судьбе почти двухмиллионного этноса. В справке, подготовленной ответственным работником аппарата Президиума Верховного Совета СССР Н. Ф. Викулиным, количество немцев в Советском

[176] ГАРФ, л. 30.

[177] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 177.

Союзе оценивалось в 1619200 человек, в том числе в РСФСР – 819 тысяч, Казахстане – 660 тысяч, Киргизии – 39,9 тысячи, Таджикистане – 32,6 тысячи, Украине – 23 тысячи. В РСФСР больше всего немцев проживало в Алтайском крае (142,7 тысячи), в Омской области (105,7 тысячи), Новосибирской (78,8 тысячи), Кемеровской (65 тысяч), Свердловской (53 тысячи), Красноярском крае (66,7 тысячи).[178] К 1969 г., по данным приемной Президиума ВС СССР, в Казахской ССР проживало 800 тысяч человек немецкой национальности, Алтайском крае – 143 тыс., Омской области – 140 тыс., «в Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Новосибирской областях – от 50 до 80 тысяч, в Томской, Оренбургской, Тюменской областях, Красноярском крае, Узбекской и Таджикской ССР – в пределах от 20 до 40 тыс. человек»[179].

После указа от 13 декабря 1955 г. среди немцев преобладали «автономистские настроения». В качестве места для воссоздания своей автономии немцы предпочитали указывать территорию бывшей Автономной республики немцев Поволжья, однако не исключали возможности образования республики и на других территориях, в частности «в составе Алтайского края, т. е. Барнаульская обл.»[180] и т. д.

Несмотря на запрет, немцы возвращались в родные места. В справке, подготовленной А. И. Микояну юридическим отделом Президиума Верховного Совета СССР, отмечалось, что «руководители Волгоградской области дважды, в 1957 и 1958 годах, обращались в центральные органы с просьбой о прописке значительных групп советских граждан немецкой национальности». «МВД РСФСР в 1955 г. дало разрешение на прописку 800 человек и в 1959 г. – 500 человек. По указанию секретаря обкома КПСС в этот период было прописано около 2000 человек». К 1965 г. в Волгоградской области проживало 8 417 граждан немецкой национальности, в то же время «за 1956–1957 годы отказано в прописке 535 семьям»[181].

Ситуация в Саратовской области складывалась иная, поскольку здесь «граждане немецкой национальности прописывались только в порядке исключения». В период с 1956 по 1965 гг. по вопросу прописки обратились 897 граждан немецкой национальности, а разрешение получили 419 человек, «отказано – 478 (53,1%)». И хотя к январю 1965 г. в Саратовской области проживало более 4 тыс. граждан немецкой национальности, «из них свыше 50% не выселялось из пределов области по причине смешанного брака»[182].

Как сообщал заместитель начальника управления охраны общественного порядка Саратовского облисполкома Дегтярев, «согласно составленным в январе 1949 г. поименным спискам в городе Саратове проживал 901 человек немецкой национальности», а «с

[178] ГАРФ, оп. 83, д. 422, л. 8.
[179] Там же, оп. 121, д. 139, л. 13.
[180] Там же, оп. 83, д. 181, л. 225.
[181] Там же, д. 1136, л. 90.
[182] Там же, л. 90.

1949 по 1959 г. в городе Саратове число немцев увеличилось на 224 человека, а за 6 последующих лет (1959–1964) еще на 58 человек»[183].

Конечно, местные руководители понимали, что «ограничительные меры в отношении немцев себя изжили и должны быть отменены», но опасались, что массовое переселение немцев в родные места «вызовет постановку вопроса о создании автономии». Такое мнение в начале 1960-х гг. высказывали секретари Саратовского обкома КПСС А. И. Шибаев, В. Я. Герасимов, председатель Саратовского облисполкома А. П. Бочкарев, секретарь Волгоградского обкома КПСС А. М. Школьников и др.[184]

Местная власть к тому же стремилась приуменьшить масштабы притязаний немцев на автономию. Начальник Волгоградского КГБ Ильичев 22 января 1965 г. сообщал в Президиум ВС СССР о том, что «подавляющее большинство немецкой молодежи предпочитает жить, работать и учиться там, где они устроились, безразлично относясь к явлениям ассимиляции»[185]. Его саратовский коллега Ломов в докладной от 27 января 1965 г. утверждал, что никаких вопросов немцы «организованно перед местными органами власти не ставили и... враждебных проявлений с их стороны не отмечалось»[186].

Обзор писем немцев в Верховный Совет, проведенный заведующим приемной Президиума М. Скляровым, свидетельствует о широком распространении автономистских настроений среди немецкого населения (об этом писали в 1960 г. Кнауб, Литнер из Томской области, в 1961 г. – В. И. Гофман из Москвы, О. Б. Вебер из Киргизии, в 1962 г. – Я. В. Штейнбрехер из Казахстана, в 1964 г. – Г. Г. Берхард из Казахской ССР и многие другие)[187].

Не случайно возможность обсуждения вопроса о восстановлении немецкой автономии была признана в Верховном Совете СССР. В докладной записке Ф. Калинычева в отдел партийных органов ЦК КПСС в июне 1964 г. содержится указание на возможные мероприятия в отношении «населения бывшей Автономной республики немцев Поволжья»: «...обсудить вопрос о восстановлении национальной государственности (на новой территории или вопрос о культурной автономии этого населения на территории нынешнего расселения немцев),... отменить Указ от 28 августа 1941 г.»

Однако «вопрос о возвращении немцев к прежнему месту жительства решить положительно, по-видимому, не представляется возможным». Рекомендации Ф. Калинычева сводились к пресловутому сюжету «об оказании помощи немецкому населению в национально-культурном и хозяйственно-экономическом строительстве»[188].

24 июля 1964 г. в юридическом отделе Президиума ВС СССР под председательством Л. И. Мандельштама состоялось совещание, посвященное обсуждению проекта указа «О

---

[183] ГАРФ, д. 423, л. 108.
[184] Там же, д. 1136, л. 92.
[185] Там же, д. 423, л. 67.
[186] Там же, л. 78.
[187] Там же, д. 1136, л. 23.
[188] Там же, л. 49–51.

снятии обвинений в отношении немцев Поволжья». 13 августа 1964 г. «огульные обвинения» были признаны «неосновательными» и отменены. Решение проблемы автономии вновь откладывалось, поскольку «немецкое население укоренилось по новому месту жительства»[189].

Разочарование немцев и их реакция на данный указ не заставили себя долго ждать, и уже 16 декабря 1964 г. Ф. Калинычев докладывал А. И. Микояну: «В поступающих письмах вновь ставится вопрос о восстановлении АССР немцев Поволжья и о разрешении немцам возвращаться на постоянное место жительство в места, откуда они были выселены». Вывод для немецкого населения был вновь неутешительным: «В настоящее время после издания Указа... возвращаться к вопросу о восстановлении АССР НП, по-видимому, нет оснований...»[190].

Права на восстановление своей автономии в Крыму не получили и крымские татары. Несмотря на отмену спецпоселенческого статуса Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г., политически они не были реабилитированы, и им, как и указанным в этом же документе «туркам – гражданам СССР, курдам и хемшинам и членам их семей», было запрещено возвращаться «в места, откуда они были выселены»[191].

Среди прочих факторов, вызвавших нежелание властей восстановить крымскотатарскую автономию, особое место занимал факт передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. После депортации татар и других этносов Крым усиленно заселялся прежде всего русскими и украинцами. Один из активистов крымскотатарского движения Д. А. Акимов позже, на суде, такую политику охарактеризует как «шовинизм»: «Тридцать лет шовинисты лихорадочно заселяют Крым переселенцами-славянами, ...недобитый революцией шовинизм возобновил политику славянской колонизации Крыма, которая, как известно... предусматривает захват проливов, Константинополь и дальнейшую колонизацию Востока»[192].

Передача Крыма Украине 19 февраля 1954 г. по случаю празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией в научной литературе рассматривается как попытка Н. С. Хрущева в ходе борьбы за политическое лидерство «подкупить» украинскую партийную верхушку. В том, что инициатива этого «широкого жеста» принадлежала первому секретарю ЦК КПСС, мало кто сомневается.

Хорошо информированный Д. Т. Шепилов указывает, что «Хрущеву хотелось от себя преподнести Украине подарок на золотом блюде, чтобы вся республика знала о его щедрости и постоянной заботе о преуспевании Украины», «он хотел, чтобы после перевода его в Москву украинский народ видел в нем своего щедрого «шефа» и покровителя»[193]. Отмечая, что в действиях Хрущева «была явная печать заискивания перед украинскими кад-

[189] ГАРФ, л. 68–69.
[190] Там же, л. 23.
[191] Там же, оп. 106, д. 1047, л. 2.
[192] Там же, д. 600, л. 10.
[193] *Шепилов Д.* Указ соч. С. 303.

рами», Шепилов прямо называет факт передачи Крыма «одной из мер «завоевания» на свою сторону Украины»[194].

Действительно, налицо стремление Хрущева не только загладить личную вину за санкционированные в 1938–1940 гг. репрессии, жертвами которых стали 167 465 жителей Украины, но и тонкий политический расчет нового лидера на поддержку представителей республики в Президиуме ЦК КПСС, а также на 36 голосов из 175 в ЦК КПСС.

Не вызывают удивления и «единодушные и слаженные» действия руководителей Верховных Советов УССР и РСФСР. Шепилов был очевидцем того, как во время перерыва «одного из многочисленных тогда совещаний по сельскому хозяйству» членам Президиума и секретарям ЦК КПСС Хрущев предложил передать Крым Украине. «От Крыма до России далеко, – сказал он, – Украина ближе. Легче будет вести всякие хозяйственные дела. Я уже кое с кем говорил на этот счет. У украинцев, конечно, слюнки текут, они будут рады-радешеньки, если мы им Крым отдадим. С Федерацией Российской тоже, я думаю, договоримся. Надо только обставить это все с умом: чтобы Верховные Советы обеих республик просили союзный Верховный Совет сделать такую передачу. А Ворошилову надо все это провести по-доброму через Президиум Верховного Совета СССР. Я думаю – возражений не будет?» Н. Булганин, А. Микоян, А. Кириченко, Л. Каганович и другие откликнулись возгласами: «Правильно! Принять! Передать!» Только В. Молотов «сказал, ни к кому не обращаясь: Конечно, такое предложение является неправильным. Но, по-видимому, придется его принимать»[195].

Официальная аргументация («учитывая общность их (Крыма с Украиной. – *А. М.*) экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи») и официальная оценка этого события («является... свидетельством безграничного доверия великого русского народа к украинскому народу»)[196] являются с точки зрения национально-государственных интересов России абсурдными и циничными. Что в таком случае мешает Украине в настоящий момент по тем же соображениям вернуть Крым России?

В Верховный Совет поступали письма с осуждением действий властей по передаче Крыма, свидетельствующие о существовании в советском обществе устойчивой негативной оценки этого факта. Даже по прошествии десяти лет после волевого решения властей о передаче Крыма советские люди задавали советским депутатам резонный вопрос: «Как может Россия, имея самую лучшую, самую большую ценность, составляющую ее украшение – Крым, по территории превышающую Бельгию или Швейцарию, это целое государство – отдать... Как же могли подарить эту русскую драгоценность, русское достояние без ведома русского народа?» Авторы письма Н. Филиппова, Е. Бакунина, И. Хаипова предполагали, что «русский человек не мог подарить Крым. Это антигосударственный акт, направленный к опасной цели». Крым, по их мнению, подвергается «безумной украи-

[194] *Шепилов Д.* Указ соч. С. 303.

[195] Там же. С. 304–306.

[196] ГАРФ, оп. 58, д. 1316, л. 4, 7.

низации и калечению подрастающего поколения» (данное суждение мало отличалось от претензий крымских татар по поводу «славянской колонизации»), а выход из создавшегося положения они видели в отмене решения Верховного Совета как «ошибочного», в противном случае предлагали поставить этот вопрос на референдум[197].

Бесспорно одно – передача Крымской области привела к долговременным негативным последствиям, осложняющим по сей день российско-украинские отношения.

Пример передачи Крыма не единичен. В феврале 1956 г. из Казахской в Узбекскую ССР передали Бостандыкский район и часть земель Голодной степи, затем из Узбекской в Таджикскую ССР – земли южной части Дальверзинской степи[198]. В духе проповедуемой идеи о стирании национальных различий Н. С. Хрущев в 1959 г. утверждал: «Если вы спросите теперь русского, украинца, белоруса, является ли у них актуальным вопрос об административных границах их республик, ...у большинства людей такой вопрос вызовет недоумение»[199].

Свое влияние на негативное отношение властей к вопросу восстановления крымскотатарской автономии оказывали идеологические структуры, достаточно умело создававшие образ врага. Так, в коллективном письме от 6 октября 1956 г. в адрес Верховного Совета (Н. Измайлов и др.) крымские татары характеризовали Крым как «арену разгула великодержавного шовинизма и украинского национализма». Образ предателей и изменников – крымских татар создавали и литературные произведения, воспоминания бывших командиров партизанских отрядов в Крыму.

Уже весной 1956 г. крымские татары начали кампанию обращений в высшие органы власти с требованиями и предложениями о реабилитации и восстановлении автономии в Крыму, что на долгие годы станет определяющей формой их борьбы. В 1957 г. в адрес ЦК КПСС было направлено письмо, заверенное 14 000 подписей крымских татар. В 1958 г. поток писем увеличивался. А. И. Микоян 17 марта 1958 г. принял представителей крымских татар в Кремле и заверил их, что «крымско-татарский вопрос решится и что он лично доложит обо всем Н. С. Хрущеву».

На этом же приеме Микояну вручили письмо «за подписями 16000 крымских татар». В августе того же года в ЦК КПСС поступило новое письмо с 18000 подписями. Спустя полгода в адрес подготовительной комиссии XXII съезда КПСС подано письмо с 8000 подписей. В ответ, как писали члены инициативной группы за возвращение на родину, «наших представителей выпроводили из Москвы в тот день, когда на съезде провозглашалась программа КПСС». К концу 1964 г. от крымских татар было «сдано уже 24 тома писем и документов, скрепленных более чем 100 000 подписей»[200].

Крымско-татарское движение было хорошо организовано. Сбором подписей, например, занимались «инициативные группы», большую роль играли бывшие ответственные

[197] ГАРФ, оп. 83, д. 182, л. 178, 179.
[198] Там же, оп. 78, д. 699, л. 8.
[199] Пребывание Н. С. Хрущева в ГДР. М., 1959. С. 86.
[200] ГАРФ, оп. 83, д. 491, л. 34.

работники партийных органов, интеллигенция, известные всей стране люди, такие, как дважды Герой Советского Союза Аметхан Султан. Наряду со сбором протестных писем крымские татары устраивали митинги и демонстрации, приурочивая их чаще всего к знаменательным датам.

Власть отвечала репрессиями, разгоняя митинги и демонстрации, арестовывая активистов. Так, в 1962 г. в Узбекистане были арестованы М. Омертов и С. Умертов, активные участники попытки создания массовой организации «Союз крымских татар».

Одной из оригинальных форм борьбы с крымско-татарским движением стала попытка власти «вычеркнуть» данный этнос из списка советских народов, отождествить их с татарской нацией в целом. В опубликованных итогах всесоюзной переписи населения 1959 г. в данных о распределении населения по национальностям число крымских татар, проживающих в СССР, не указывалось, хотя численность их учитывалась. Как сообщил заместитель начальника управления по проведению всесоюзной переписи населения ЦСУ СССР Г. М. Максимов, при проведении переписи 1959 г., согласно утвержденной инструкции, численность крымских татар учитывалась. Всего по СССР крымскими татарами назвали себя 49 710 человек, в том числе в Узбекской ССР 46 829 человек.

При опубликовании итогов переписи было решено численность крымских татар не выделять, показав ее в общей графе «татары»[201]. Сами крымские татары полагали, что «публикацией материалов переписи 1 января 1959 г., скрывшей от советской и мировой общественности полумиллионную (в границах СССР) нацию крымских татар, миру было объявлено..., что в первой стране социализма завершена ликвидация фактически существующей одной из древних тюркских наций»[202].

Не случайно при подготовке указа о крымских татарах в Верховном Совете СССР в 1967 г. игнорировался вывод справки, запрошенной от Института этнографии АН СССР и подготовленной С. И. Бруком, о том, что «крымские татары – народ смешанного и весьма сложного происхождения»[203], и рекомендовалось, чтобы «в зависимости от контекста в проекте можно было бы употребить термины «татарское население Крыма» – применительно к прошедшему времени, либо «татары, проживавшие в Крыму» – применительно к настоящему времени»[204].

Власти Узбекистана, основного места ссылки крымских татар, проводили в целом ту же политику. В письмах крымских татар в Верховный Совет СССР приводятся многочисленные факты игнорирования их интересов узбекскими властями. Показателен рассказ о выступлении секретаря ЦК КП Узбекистана Р. Н. Нишанова на собрании партактива в Ташкенте: «Предупредив стенографисток, чтобы его речь не записывали, он обрушился на крымских татар, как на «несознательный народ», который, видите ли, хочет вернуться к

[201] ГАРФ, д. 1136, л. 141.
[202] Там же, оп. 106, д. 487, л. 59.
[203] Там же, оп. 83, д. 1136, л. 136.
[204] Там же, л. 41.

себе на родину... Они хотят в Крым, – сказал Нишанов, – но там их никто не ждет. Если хотят уезжать, то пусть катятся к себе в Казань»[205].

Еще более откровенно звучит высказывание председателя Президиума ВС Узбекской ССР Я. С. Насриддиновой, которая в Ленинске заявила: «Я категорически отвергаю утверждение о неравноправии крымских татар... Ваш национальный вопрос давно решен, вы реабилитированы... Ваш народ хорошо живет в Узбекистане. Дай бог, чтобы узбеки жили так же... Что касается возвращения в Крым, там вам места нет, он перенаселен... Вы вечно будете жить в Узбекистане... Вы нам нравитесь... Мы вас не хотим отпускать...»[206]. «Знатоки» национального вопроса Нишанов и Насриддинова в будущем будут возглавлять Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

Борьба крымских татар заставила власть рассмотреть вероятность принятия какого-либо законодательного акта с целью разрядить ситуацию. 16 декабря 1964 г. заведующий юридическим отделом Президиума ВС СССР Ф. Калиничев сообщал А. И. Микояну о том, что поток писем от крымских татар с требованием восстановления Крымской АССР продолжает нарастать: «...в течение ноября и первой половины декабря таких писем получено до 20». Ф. Калиничев предлагал «принять какой-либо акт, которым были бы сняты обвинения в целом против татарского населения Крыма, примерно так же, как это сделано в отношении немцев Поволжья». Но как и при решении вопроса о немцах, он предлагал заявить от лица власти о невозможности «возвращения в Крым и восстановления Крымской АССР»[207].

В начале 1960-х гг. активизировалось движение турок-месхетинцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 г. переселение граждан турецкой национальности (постановлением Государственного Комитета Обороны от 31 июля 1944 г. в среднеазиатские республики было выселено свыше 80 тыс. турок) было признано неправильным, «с них были сняты все ограничения и им предоставлено право по их желанию переехать на постоянное жительство в Азербайджанскую ССР, поскольку районы их прежнего жительства были заселены»[208].

Однако таким решением турки-месхетинцы не были удовлетворены, и в высшие органы власти стали поступать многочисленные заявления о разрешении туркам вернуться на историческую родину в Грузию. Подобные просьбы направлялись и в Совет Национальностей Верховного Совета СССР. Из Совета Национальностей турки получали ответы, сводившиеся к тому, что решением их вопроса занимается грузинское руководство. Так, 20 декабря 1963 г. один из помощников Я. В. Пейве Бандура сообщил, что «по поручению председателя Совета Национальностей» заявление турок-месхетинцев направлено в «Грузинский ЦК»[209]. 18 января 1964 г. Председатель Совета Национальностей Я. В. Пейве

[205] ГАРФ, д. 491, л. 42.
[206] Там же, л. 66, 67.
[207] Там же, оп. 109, д. 183, л. 5, 8.
[208] Там же, оп. 121, д. 49, л. 1.
[209] Там же, оп. 83, д. 182, л. 166.

направил в ЦК КП Грузии уже «четвертое заявление грузин-мусульман Одабашева Э. М. и Изотова А. В. ..., поступившее в Верховный Совет СССР на мое имя»[210]. Руководство Совета Национальностей предпочитало данную проблему решать усилиями местных властей, с чем, безусловно, было согласно и партийное руководство.

В Грузии с такой постановкой вопроса не соглашались, апеллируя, в свою очередь, к центральным властям. Летом 1963 г. делегация месхов посетила Тбилиси, однако им было заявлено, что их судьба может быть решена только в Москве. Ситуация для изгнанного со своей родины народа становилась тупиковой.

6 января 1964 г. во время встречи с делегацией турок-месхетинцев в ЦК КП Киргизии прозвучало утверждение о том, что они свободны и могут ехать в Грузию[211]. В феврале 1964 г. месхи съехались на съезд в поселок Буку Ташкентской области и вновь потребовали вернуть их на историческую родину. Сложившееся положение они характеризовали как ликвидацию «народности, нации, культуры, этнографии, языка», как «вынужденную ассимиляцию», а политику советских властей сравнивали с «политикой турецких завоевателей»[212].

На этом съезде была образована делегация из 25 человек с целью добиться приема у Н. С. Хрущева, создан организационный комитет по возвращению на родину в составе 35 человек во главе с Э. М. Одабашевым. Однако власти (прежде всего, грузинское руководство) решить эту проблему в 1950-е – начале 1960-х гг. не смогли.

Проблема восстановления автономий крымских татар, советских немцев, равно как и возвращения в Грузию турок-месхетинцев, сложна и запутанна. Вряд ли можно ограничиться лишь сетованиями на неудачный исход борьбы за полную реабилитацию и обвинениями в адрес грузинского или украинского руководства, не желавших возвращения турок или татар.

Требования немцев восстановить республику на Волге, а крымских татар – в Крыму при положительном решении этого вопроса объективно создавали ситуацию, во многом похожую на ситуацию на Северном Кавказе после возвращения туда чеченцев и ингушей. Крым и территория бывшей республики немцев Поволжья были заселены быстро и довольно-таки плотно. Вернуть на эти территории проживавшие там ранее народы даже с технической точки зрения было крайне затруднительно, что в целом, как представляется, и удерживало власть от подобного решения.

При условии воссоздания автономий ситуация могла быть усугублена, поскольку в соответствии с устоявшейся советской практикой национально-государственного строительства переселенное в 1940-е – начале 1950-х гг. преимущественно русское население оказывалось в положении инонационального компонента, в то время как реабилитированные народы могли приобрести статус «титульного» этноса в данном национально-

---

[210] ГАРФ, л. 164.
[211] Там же, л. 166.
[212] Там же, д. 181, л. 290.

территориальном образовании. Вряд ли с таким положением «теперь уже местное» население могло смириться, а пойти на «новое» перемещение – переселение – депортацию власть возможностей не имела.

В этих условиях выдвижение немцами и крымскими татарами требования воссоздания автономий как непременного условия полной реабилитации (при учете характера советской иерархической федерации только так и могла выглядеть «полная реабилитация») рассматривалось местными и центральной властями как неизбежное возрастание межнациональной напряженности в масштабах даже больших, нежели на Северном Кавказе, поскольку затрагивало интересы более многочисленных этносов и социальных групп людей. Немаловажным фактором при выработке решения о запрещении возвращаться на прежнее местожительство выступала боязнь власти (равно как и ее трезвый расчет) столкнуться с той же проблемой образования национально-территориальной единицы через определенный период времени, но поставленной теперь уже от лица компактно проживающего там населения бывшей автономии.

Безусловно, требование воссоздания автономии предусматривало при положительном решении вопроса и значительную перестройку всей властной структуры на данных территориях, что также служило препятствием для его практической реализации.

Позиция же партийно-государственных структур власти тех регионов, где ссыльные народы стали не просто «укоренившимся населением», а важнейшим компонентом и условием успешного экономического развития национальной республики либо административной области, объективно легко объяснима: в случае отъезда значительных трудовых ресурсов регион ожидали экономические трудности, для отдельных мест, кстати, практически непреодолимые.

Национальные движения, во главу угла поставившие требование восстановления упраздненных автономий как непременного условия полной политической реабилитации народов, не до конца осознавали весь масштаб изменившейся реальности, что также являлось серьезным фактором непонимания между этносами и властью.

3.6. Проблемы национально-государственного статуса народов в советской федерации

Проблема национально-государственного статуса этносов СССР всегда являлась одной из определяющих для власти. Советское руководство, наделив определенные этносы разными уровнями государственности и лишив другие права на получение какого-либо национально-государственного статуса, крайне неохотно решалось на проведение реформ в этой области. Однако в 1950-е гг. власть сделала исключение в отношении одной из союзных республик.

В 1957 г. Карело-Финская ССР была понижена в своем статусе до уровня автономной республики (рассматривался вариант преобразования ее в автономную область в составе

РСФСР). Аргументами при этом выступали «искусственность образования» в свое время, а также то, что данное национальное образование не отвечало признакам союзной республики, как то: окраинное расположение, преобладание в составе населения компактного большинства этноса, давшего название республике, которая к тому же должна иметь не менее одного миллиона населения[213].

Карело-Финская ССР, образованная 31 марта 1940 г., включила в себя район Куолоярви и территорию Карельского перешейка, отошедшие от Финляндии к СССР по мирному договору 12 марта 1940 г. По имеющимся в Верховном Совете данным, в 1956 г. на территории Карело-Финской ССР проживало 615 тысяч человек, из них карелов и вепсов – 110 тысяч человек (17,8%), финнов – немногим более 13 тысяч (2,2%). Около 80% населения республики составляли другие национальности, главным образом русские[214].

Причем, как указывал один из руководителей республики О. Куусинен, «возрастающий объем производства... будет требовать притока значительного количества населения в нашу республику из других братских республик Советского Союза». Поэтому, заключал О. Куусинен, «нынешнее построение нашей республики в форме Союзной Карело-Финской республики не соответствует национальному составу населения»[215].

Подобное положение в национальной структуре, кстати, складывалось в еще одной союзной республике – Казахстане, где процесс освоения целинных и залежных земель привлекал все больше трудовых ресурсов, прежде всего из славянских республик. Однако это не вызывало со стороны власти желания реформировать статус данной республики, хотя и не оставалось незамеченным со стороны местной титульной национальной элиты. В январе 1956 г. в ЦК КПСС пришло письмо с характерным содержанием от «коммунистов из Казахстана». Авторы утверждали, что в республике «повсеместно... создалось явное недоверие казахским руководящим кадрам». Отмечалось, что в Карагандинской, Восточно-Казахстанской областях среди секретарей обкомов партии не осталось ни одного казаха, а в Кустанайской, Павлодарской, Акмолинской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской областях в составе секретарей обкомов «осталось или по одному казаху или никого нет»[216].

Больше всего «казахстанских коммунистов», по всей видимости, настораживало то, что первый секретарь ЦК КП Казахстана Л. И. Брежнев «занимается» переводом в республику «своих знакомых» днепропетровских, запорожских, молдавских товарищей, что естественным образом могло создавать угрозу власти местной национальной бюрократии. С большим сожалением они констатировали, что «великорусский национализм в настоящее время проявляется гораздо больше, чаще, чем местный национализм»[217].

---

[213] РГАНИ, оп. 31, д. 59, л. 34.
[214] ГАРФ, оп. 75, д. 353, л. 8.
[215] Там же, л. 17.
[216] РГАНИ, оп. 30, д. 58, л. 13.
[217] Там же, л. 16, 17.

Власть крайне осторожно относилась к различным проектам изменения статуса существующих национально-государственных образований. В начале 1960-х гг., в период подготовки новой Конституции, предложения о реформировании системы национально-государственного устройства СССР нередко поступали в высшие государственные органы страны. В мае 1961 г. заведующий отделом по вопросам работы Советов Верховного Совета СССР П. Туманов направил председателю Президиума Верховного Совета Л. И. Брежневу аналитическую записку с подобного рода предложениями. В частности, он отмечал, что ряд автономий достигли высокого уровня экономического и культурного развития, в них значительно возросла численность населения, «в ряде случаев превышающая численность населения других автономий, имеющих более высокую форму». Речь в данном случае шла о Карачаево-Черкесской автономной области, Коми-Пермяцком национальном округе. Туманов предлагал преобразовать «отдельные национальные автономии... из одной формы в другую, более высокую форму»[218].

Едва ли можно признать целесообразным, писал Туманов Брежневу, «дальнейшее существование в современных границах автономий, в которых коренная национальность составляет незначительное меньшинство проживающего в них населения». В качестве примера он приводил данные по Абхазской АССР, где абхазы составляли 15% населения, Бурятской АССР, в которой буряты составляли 20%, Еврейской автономной области и Ненецкому национальном округу, в которых этносы-эпонимы, т. е. давшие названия автономиям, составляли соответственно 8 и 10%. Указывая также на то, что ряд автономий «имеет населения коренной национальности от 25 до 50%», заведующий отделом предлагал «рассмотреть вопрос об изменении границ таких автономий или их преобразовании»[219].

В некоторых автономиях, продолжал Туманов, «отсутствует национальный признак, дающий право на существование автономии»: в составе Азербайджанской ССР находится Нахичеванская АССР, «основная национальность которой – азербайджанцы», а в составе Грузинской ССР – Аджарская АССР, население которой «отличается от остального населения Грузии только по религиозному признаку (магометане)». И в данном случае предлагалось рассмотреть вопрос о «целесообразности существования таких автономий»[220].

В это же время в Верховный Совет поступали ходатайства с мест о передаче Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджанской в Армянскую ССР. Так, еще в 1958 г. в ЦК КПСС поступали письма от М. Л. и Г. Л. Епископосовых, которые «суть всех нарушений прав национальных меньшинств в Азербайджанской ССР» усматривали в «насильственной ассимиляции (азербайджанизации)... в интересах пантюркистских элементов». Причем, писали они, находятся «горе-ученые, которые оправдывают под видом «консолидации, слияния наций и языков» азербайджанизацию на-

[218] ГАРФ, оп. 78, д. 699, л. 1.
[219] Там же, л. 2.
[220] Там же.

циональных меньшинств»[221]. Примеры «относительно сокращения русских секторов в вузах Азербайджана», закрытия армянских театров в Баку и Кировабаде, нарушения в деле подбора кадров свидетельствуют о небеспочвенности выводов авторов письма[222].

В Армении достаточно широко было развито движение за «воссоединение всех армянских земель». По сообщениям органов КГБ, в республике нередки факты распространения листовок с требованиями «не только возвратить территории, принадлежащие Турции, но и присоединить НКАО и Нахичеванскую АССР»[223]. В 1963–1964 гг. КГБ «вскрыл» антисоветские националистические группы, участники которых преследовали цели создать «независимую Армению» и присоединить к ней НКАО, Нахичевань, Ахалцикский и Ахалкалакский районы Грузии. Несмотря на это, среди интеллигенции и молодежи продолжали создаваться различные группировки, «ставящие задачу путем подстрекательства армянского населения побудить его к массовому выступлению за присоединение к Армении» вышеназванных районов[224].

В уже упоминаемой записке П. Туманова председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу от 16 мая 1961 г. затрагивался вопрос о НКАО. Заведующий отделом по вопросам работы Советов Верховного Совета СССР Туманов НКАО рассматривал как автономию, «имеющую большинство коренной национальности», однако «самостоятельное существование» которой «ничем не оправдано». Он полагал, что НКАО с населением в 130 тысяч человек, из которых 85% – армяне, и границы которой «прилегают к границам Армении», может быть включена в состав Армянской ССР[225].

Выдвигались также предложения о преобразовании Карачаево-Черкесской автономной области в АССР, а Татарской АССР в союзную республику (в ряде случаев при образовании Татарской ССР в нее предлагали включить Башкирию), о переименовании НКАО в Армянскую автономную область, об объединении Северо-Осетинской АССР с Юго-Осетинской автономной областью, об упразднении Аджарской АССР[226]. Совет Национальностей в данный период эти вопросы решить не сумел, как и проблемы с разработкой Положения об автономной области и автономном округе, несмотря на длительное, с 1946 г., изучение этого вопроса.

Проблему создания национально-территориальных автономий поднимали представители ряда других этносов. Так, учетчик бригады колхоза им. К. Маркса из Ташкентской области Ким Хен в письме от 22 сентября 1964 г. А. И. Микояну от имени корейцев, «которых проживает в Советском Союзе около одного миллиона», ставил вопрос о «получении национальной автономии, подобно другим национальным меньшинствам СССР». Местом создания автономии Ким Хен называл Приморский край.

---

[221] РГАНИ, оп. 31, д. 101, л. 46.
[222] Там же, л. 42.
[223] Там же, оп. 30, д. 487, л. 15.
[224] Там же.
[225] ГАРФ, оп. 78, д. 699, л. 2.
[226] Там же, л. 20.

В Президиуме Верховного Совета Узбекской ССР с Ким Хеном состоялась беседа, а отдел по вопросам работы Советов Верховного Совета СССР собрал материал по проблемам корейского населения от исполкомов Ташкентского, Сахалинского, Кзыл-Ординского областных и Хабаровского краевого Советов депутатов трудящихся. Заведующий отделом В. Васильев подготовил несколько справок аналогичного содержания на имя А. И. Микояна: «Вопрос о создании корейской автономии или национальных районов в Советском Союзе никогда не возникал в связи с тем, что корейцы не имеют компактной территории и проживают во многих районах ряда союзных республик». В. Васильев предлагал «закончить рассмотрение письма гражданина Ким Хена», поручив работникам Президиума ВС Узбекской ССР дать ему необходимые разъяснения[227].

В многочисленных письмах И. Б. Коваленка из Томска на имя председателя Совета Национальностей Я. В. Пейве приводилось много разнообразного материала по проблемам русификации украинцев и белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке, причем «спасение этносов» он видел в создании украинской и белорусской автономий в этих регионах[228].

К Совету Национальностей апеллировал один из представителей ассирийской интеллигенции И. И. Мар-Юхан, который требовал восстановления «всех культурно-просветительных прав» (конкретные предложения его сводились к наделению ассирийцев правом культурно-национальной автономии: «вернуть право преподавания... ассирийским детям их родного языка, разрешить издание на родном ассирийском языке учебников, газеты, литературы, ... исторических рукописей, организацию спортивных обществ и клубов, восстановить право иметь... руководящий культурно-просветительский центр, который был бы ответственным по всем внутренним вопросам, касающимся ассирийцев, проживающих в СССР»), которыми пользовались ассирийцы в СССР до 1938 г. и «которых они были несправедливо лишены»[229].

В ноябре 1963 г. Председатель Совета Национальностей Я. В. Пейве счел целесообразным письмо И. И. Мар-Юхана, а также письма А. Б. Ишоева, И.М. Абдалова и др. переслать председателю Совета Министров Армянской ССР А. Е. Кочиняну с поручением рассмотреть возможность реализации ряда поставленных в этих письмах мер в культурно-образовательной сфере и с просьбой «пригласить на беседу и дать им соответствующее разъяснение по существу затронутых в письме вопросов».

Я. В. Пейве также рекомендовал рассмотреть суть просьб, заключенных в письмах Мар-Юхана, министру социального обеспечения Грузии М. Е. Топуридзе[230]. А вот на письме с требованием «практического осуществления» издания газеты на еврейском языке, обязательного преподавания еврейского языка в школах СССР для евреев в 1–11 классах, организации ежедневных радиопередач на еврейском языке, а также с просьбой рас-

[227] ГАРФ, оп. 83, д. 821, л. 3-9.
[228] Там же, д. 182, л. 51, 55, 59 и др.
[229] Там же, д. 181, л. 167.
[230] Там же, л. 156, 277.

порядиться, «что можно было бы купить еврейскую газету в киосках», председатель Совета Национальностей начертал резолюцию: «В дело»[231].

В данный период встречались и предложения о предоставлении еврейскому народу автономии на иной территории, а «в Биробиджане ЕАО упразднить», поскольку ее образование «было поспешным и оскорблением национальных чувств». Речь в данном случае идет о пункте программы Ленинской Коммунистической партии Советского Союза, опубликованной в виде газеты «Центральные сообщения органа ЦК ЛКПСС» за подписью первого секретаря ЦК ЛКПСС Алексея Попова и присланной из Харькова в адрес ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР в июне 1961 г. Председатель КГБ А. Н. Шелепин отнесся к данному проекту серьезно, переслал в ЦК документы и сообщил о розыске авторов[232].

В этой «программе» указывалось, что «ряд национальностей Советского Союза не имеют возможность развивать свою культуру ввиду отсутствия территориальной самостоятельности». Однако из многих национальностей, не имевших национально-государственного статуса, авторы называют «евреев и цыган». Для устранения такой «несправедливости» ЛКПСС предлагала «выделить в составе Молдавской ССР район, а в составе Украинской ССР область, например Львовскую, для создания на указанных территориях Цыганской и Еврейской автономных областей»[233].

Совет Национальностей занимался многими вопросами, даже изменениями в графе «национальность» в паспортах советских граждан. К примеру, москвич И. Ю. Мелехов, заявляя, что его «не волнует, какую национальность будет носить в паспорте... жена, ибо нам чужд национализм, шовинизм, все нации равны», из чувства «гордости и справедливости» требовал изменить в паспорте своей жены Т. А. Алхазовой запись «горская еврейка» на запись «татка».

Я. В. Пейве, заявляя, в свою очередь, что «граждане нашей страны пользуются равными правами независимо от своей национальной принадлежности», согласился с решением 87-го отделения милиции Москвы о невозможности изменения записи, «поскольку не подтверждается (ходатайство Мелехова. – *А. М.*) соответствующими документами»[234]. Пример показателен. С одной стороны, Совет Национальностей был вынужден заниматься вопросами, явно не соответствующими рангу и статусу этого государственного органа, с другой стороны, он являлся, вероятнее всего, последней, решающей инстанцией в глазах советских людей, пытающихся с его помощью решить существенный вопрос, суть которого и название государственного органа совпадали. К тому же данный эпизод демонстрирует боязнь местных органов власти решать такой «деликатный вопрос».

---

[231] ГАФР, л. 266.

[232] РГАНИ, д. 351, л. 11, 14.

[233] Там же, л. 14.

[234] Там же, л. 174, 181.

3.7. Национальные движения в Прибалтике (конец 1950 – начало 1960-х годов)

Одновременно Верховный Совет СССР был вынужден постепенно снимать правовые ограничения с членов националистического подполья и движений, а также с репрессированных в ходе «социалистической реконструкции» в Прибалтике, Молдавии, на Украине и в других регионах страны. В 1950–1960-е гг. националистическое подполье перестало быть определяющей формой национально-освободительного движения в Литве, Латвии, Эстонии, Западной Украине, хотя наличие различных националистических групп и кружков, в основном молодежных, оспорить невозможно.

В 1956 г. при подготовке проекта письма ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов» указывалось, что активизировали свою деятельность «националистические элементы» среди студенческой молодежи Литвы, выдвигаются требования буржуазно-националистического порядка, всячески разжигается национальная рознь, высказываются взгляды о ликвидации комсомола и замены его националистическими организациями[235].

В ЦК КПСС поступали сведения о широком обсуждении в среде литовской интеллигенции пресловутой теории «национал-коммунизма». Такой теорией, к примеру, руководствовалась подпольная группа студентов Каунасского политехнического института. Программа подпольной молодежной организации, созданной секретарем комсомольской организации курса Каунасского политехникума А. Ступасом, содержала требования выхода Литвы из состава СССР, изгнания русских компартии и республики[236].

Секретарь ЦК КП Эстонии И. Кэбин сообщал о раскрытии в декабре 1956 г. в Тарту группы учащихся средних школ «Дружина эстонской молодежи», одним из пунктов программы которой являлось требование «изгнания русских оккупантов»[237]. По мнению ректора профессора Клемента и работника КГБ Мюрка, в Тартуском университете насчитывалось около 20 преподавателей, воспитывающих студентов в националистическом духе. Профессор Илус, например, на лекциях заявлял, что «право стран народной демократии настолько запутано, что преподавать его студентам не нужно». Профессор Адамс на лекциях предлагал решать жилищную проблему в Тарту, изгнав «из города всех русских и коммунистов». Преподавание в университете велось на эстонском языке, за исключением двух небольших групп, что мешало «молодежи из других союзных республик получать образование в одном из старейших русских университетов»[238].

В ноябре 1962 г. в связи с призывом в Советскую Армию студента 2-го курса юридического факультета университета Р. Сеерда в общежитии были организованы проводы, в

[235] РГАНИ, ф. 89, пер. 6, д. 1, л. 10.
[236] Там же, ф. 5, оп. 31, д. 100, л. 12.
[237] Там же, д. 59, л. 200.
[238] Там же, д. 197, л. 160.

которых участвовали 25 человек, в том числе заместитель секретаря комсомола университета П. Рахи, профессор Э. П. Илус, второй секретарь Тартуского ГК ЛКСМ Эстонии К. Адамсон. На вечере исполнялись националистические песни. На следующий день вся группа с лозунгами «Тартуский университет нас продает», выкриками «Дадим пушечное мясо», «Куба – нет, янки – да!» проследовала от университета до горвоенкомата[239]. Тогда же генерал А. Епишев докладывал в ЦК КПСС об активизации деятельности националистических элементов в Эстонии, которые 31 октября 1962 г. разрушили могилы военнослужащих, погибших в 1961 г. при авиакатастрофе. Затем была обезврежена группа, «ставившая себе целью захват радиостанции одной из частей ракетных войск»[240].

Из Вильнюса сообщали, что в октябре–ноябре в местном университете распространялись листовки с антирусским содержанием, а на состоявшейся 28 ноября комсомольской конференции делегаты ставили вопрос об отмене обучения на русском языке и языках других национальностей, в состав нового комитета избрали только литовцев[241].

В 1961 г. в Литве органами госбезопасности была раскрыта подпольная националистическая группа «Свободная Литва». Еще в 1958 г. эта группа была организована учеником средней школы № 16 г. Вильнюса В. Шакалисом. К моменту ареста в нее входили 12 учащихся школы и студентов электромеханического техникума. На неслучайность образования такой группы указывали работники ЦК КП Литвы, установившие, что в техникуме «еще в 1958–1959 гг. проявилось явное недружелюбие между комсомольцами русской и литовской национальностей, были замечены националистические взгляды некоторых учащихся»[242].

«Свободная Литва» поставила перед собой цель бороться против Советской власти, за выход Литвы из СССР, создание независимого государства. В программе организации утверждалось, что от литовской нации «остались две трети. Другая треть уничтожена носителями «свободы». «Уж лучше пусть нами управляет культурная страна, – соглашались юные националисты, – нежели Россия, известная как тюрьма народов»[243].

Группа имела программу и устав, ее члены принимали присягу, платили членские взносы, собирались на собрания, писали призывы на стенах, изготовляли и распространяли листовки, похитили оружие, а также в разных местах организовали группы «самообразования»[244]. 5 активных участников организации были осуждены на различные сроки тюремного заключения.

На широко распространенную симпатию к «Свободной Литве» среди литовцев указывали факты «затушевывания» этих событий учителями школы. 25 мая 1961 г. во время судебного заседания над членами группы в Верховный суд Литовской ССР пришли их одно-

---

[239] РГАНИ, л. 155, 156, 161.
[240] Там же, л. 157.
[241] Там же, д. 59, л. 203.
[242] Там же, оп. 35, д. 181, л. 86, 87, 91, 92.
[243] Там же, л. 110.
[244] Там же, л. 100.

классницы с цветами. После задержания они объяснили, что цветы получили за хорошую учебу, решили зайти в зал суда, но они не знали что заседание суда над их одноклассниками закрытое[245]. Поскольку обстоятельства этого инцидента работники госбезопасности решили сообщить в ЦК КПСС, мало кто сомневался, для кого и зачем несли в здание суда цветы девушки.

Стали традицией после празднования советских праздников отчеты секретарей ЦК КП Латвии, Литвы и Эстонии о количестве сорванных во время торжеств государственных флагов СССР и союзных республик, обнаружении листовок националистического содержания[246]. Интересно, что в 1962 г. секретарь ЦК КП Белоруссии П. Машеров сообщал, что 6 и 7 ноября в Минске обнаружены листовки антисоветского содержания, а на чердаке одного из домов «был вывешен портрет Маленкова»[247].

Кстати, деятельность молодежных националистических организаций была характерна не только для Прибалтики. К примеру, в ЦК КПСС поступали сведения о появлении в Зугдиди нелегальных молодежных националистических групп, занимающихся распространением антисоветских листовок и обсуждением националистических произведений[248].

В феврале 1961 в ЦК КПСС поступила информация из КГБ о распространении в городах Грузии – Тбилиси, Кутаиси, Сухуми, Поти, Хоби, Цхакая – в январе 1961 г. более 1000 листовок «националистического толка». Была «вскрыта» группа, состоящая из молодежи во главе с организатором плотником А.П. Саная. Своей целью организация ставила «борьбу за отделение Грузии от СССР»[249].

Продолжалась работа спецорганов по изобличению и осуждению тех, кто участвовал в националистическом движении. В присылаемых в адрес Верховного Совета СССР секретных отчетах Верховного Суда СССР, Прокуратуры СССР и других ведомств о преступности и судимости в СССР и в 1960-е гг. часто встречаются указания на такого рода уголовные дела.

Так, в марте 1964 г. были арестованы Э. М. Граудиньш, Б. Я. Питарс, Я. Т. Арманис, которые «в 1945–1946 гг. состояли в антисоветской националистической банде, которая являлась частью так называемого «Латвийского партизанского национального соединения» и принимали непосредственное участие в совершении террористических актов над советскими активистами»[250]. В апреле 1964 г. органами КГБ при Совмине Латвийской ССР арестованы Грейслис Я. П., Бришка П. Ю., которые, «являясь участниками антисоветской националистической банды, в сентябре 1945 г. убили советского активиста Цакус Я. Я. и его жену», 8 июля 1964 г. участник антисоветской националистической банды С. Гузуускас

[245] РГАНИ, л. 114.
[246] Там же, л. 138.
[247] Там же.
[248] Там же, оп. 31, д. 222, л. 77.
[249] Там же, оп. 30, д. 351, л. 99, 100.
[250] ГАРФ, оп. 109, д. 426, л. 141.

осужден Верховным Судом Литвы за убийство советской активистки А. Тракимавичуте 23 февраля 1948 г.[251]

С 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР своими указами начал снимать ограничения со спецпоселенцев из Прибалтики. 19 мая 1958 г. ограничения были сняты с пособников националистического подполья и их семей, бывших кулаков и их буржуазных партий и правительств, 2 августа 1958 г. – с бывших военнослужащих армии Андерса, репатриированных из Англии, и членов их семей, с бывших участников басмаческих банд и дашнакских организаций, 7 января 1960 г. – с членов семей руководителей и участников националистического подполья, бывших торговцев, фабрикантов, помещиков, членов буржуазных партий и правительств, 18 апреля 1961 г. – с бывших участников националистического подполья, осужденных до 18-ти лет.

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР 2 марта 1962 г. установлен порядок рассмотрения ходатайств иеговистов Президиумами ВС тех республик, с территории которых производилось выселение, 6 декабря 1963 г. с режима спецпоселения освобождались руководители и участники националистического подполья, направленные на спецпоселение в соответствии с указом от 11 марта 1952г.[252] Участники религиозных сект от режима спецпоселения были освобождены указом от 30 сентября 1965 г.

Украинцы снимались с режима спецпоселения с момента подписания указов Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г., 27 марта 1956 г., 28 марта 1958 г., правда, без права возвращения к прежним местам жительства. После снятия ограничений самовольно в 1958–1964 гг. в Западную Украину возвратилось 45 360 человек. В Литву было разрешено вернуться 57 632 бывшим поселенцам, в Латвию к 1 ноября 1965 г. возвратилось 31 690 человек, в Эстонию в 1955–1956 гг. разрешили вернуться 12 000 человек[253]. К декабрю 1965 г. бывшие спецпоселенцы проживали в Коми АССР – 38 тысяч человек (из них приблизительно 20 тысяч из Украины), в Карагандинской области – 12 тысяч (из Украины – 10 тысяч, из Прибалтики – 2 тысячи), в Кемеровской области – 11 500 человек (из них 10 тысяч украинцев), в Иркутской области – 10 тысяч (из них 5 тысяч украинцев, 2 500 литовцев, 2 500 переселенных из Молдавии и Белоруссии), в Пермской области, Красноярском и Хабаровском краях – 3 450 человек[254].

Безусловно, возвращающиеся из ссылки бывшие участники националистического движения усиливали уже имеющееся негативное отношение к проводимой Кремлем национальной политике, прежде всего в Прибалтике и Западной Украине.

Тревогу у местного населения, в первую очередь в прибалтийских республиках, вызывал усиливающийся в связи с экономической стратегией советского государства поток миграции русских в Прибалтику. Так, в 1959 г. в ЦК КПСС поступило сообщение о разоблачении группы бывших руководящих работников, «проводивших буржуазно-

[251] ГАРФ, л. 142.
[252] Там же, д. 195, л. 62–65.
[253] Там же, л. 50–54.
[254] Там же, л. 59.

националистическую политику в Латвии». В группу входило 9 человек, в том числе бывший второй секретарь ЦК КП Латвии В. К. Круминьш, министр сельского хозяйства А. А. Никонов, директор деревообрабатывающего комбината «Балтия» Э. С. Мукин, бывший директор Института экономики АН Латвийской ССР П. П. Дзерве и другие.

При обсуждении проекта семилетнего плана эта группа требовала отказаться от расширения вагоностроительного и дизелестроительного заводов в Латвии и увеличить капиталовложения в легкую и пищевую промышленность. Аргумент приводился следующий: строительство и расширение действующих предприятий «потребует завоза рабочей силы из других республик, что приведет к увеличению нелатышского населения в Латвии». А. Я. Пельше, секретарь ЦК КП Латвии, просил ЦК КПСС отозвать участников этой группы для работы в других республиках, однако в Москве это предложение не поддержали, посоветовав латышскому руководству использовать их в других районах республики[255]. «Носители» подобных взглядов вряд ли нужны были в какой-либо другой национальной республике.

Негативную реакцию вызывали многие шаги союзного руководства, направленные на нивелирование национальных особенностей, что в свете появившейся концепции «советского народа как новой исторической общности» казалось естественным и закономерным. Поводом могло стать любое «неуклюжее» высказывание кого-либо из советского руководства. Так, находясь в Риге, Н. С. Хрущев «высмеял латышских товарищей за обычай отмечать праздник Лиго». Возможно, советский лидер был информирован о частых случаях использования религиозных праздников в Прибалтике для антисоветских и националистических акций. Так, в ноябре 1956 г. в Каунасе и Вильнюсе верующие католики собрались на кладбищах для отправления религиозных обрядов «задушного дня» (в Вильнюсе – 500 человек, в Каунасе – 20 тысяч) и выкрикивали лозунги: «Дайте свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон из Литвы!»[256].

С другой стороны, одним из первых указов Президиума Верховного Совета Латвии после установления Советской власти день Лиго (24 июня) был объявлен государственным праздником, а в марте 1957 г. ЦК КПСС дал согласие восстановить выходной день для празднования в республике дня Лиго. Однако для того чтобы перенести выходной день с воскресенья на пятницу – день праздника Лиго – ЦК КП Латвии в 1960 г. был вынужден обращаться в ЦК КПСС[257].

Критика Хрущевым празднования Лиго вызвала негодование среди латышей и поток писем в Совет Национальностей на имя его председателя латыша Я. В. Пейве, зачастую на латышском языке. Персональный пенсионер П. Н. Фолкман писал Пейве о том, что праздник Янки Купалы Лиго не имеет никакой связи с религией и существует в Латвии сотни лет: «Если отдельные атеисты пытаются доказать, что украшение венками является

[255] РГАНИ, оп. 31, д. 147, л. 88, 89, 90, 92.
[256] Там же, д. 59, л. 205.
[257] Там же, д. 147, л. 62.

религиозным суеверием, то такое определение в народе рассматривают как пустомелю, а само действие как великодержавный шовинизм, направленный на орусение Латвии....Не секрет, что на отдельных госпредприятиях к выразившим открыто свое возмущение санкционировано применение силы»[258].

Пейве, отвечая на письмо Я. Я. Карклиня от 27 января 1965 г. по тому же поводу, вынужден был оправдываться, что «ни правительство Латвийской ССР и ни Союзное правительство не принимало каких-либо постановлений, запрещающих латышам отмечать праздник Лиго», и заверял, что «любая семья имеет право приглашать к себе в этот день гостей и предложить гостям сыр и пиво в деревянных кружках, ...молодежь может петь песни, танцевать у костров и плести венки, ...все Яны могут отмечать свои именины и выслушивать хорошие песенки». Правда, этот праздник, признавал председатель Совета Национальностей, «никогда не был советским государственным праздником», это – «частное дело граждан», поэтому «Совет Национальностей... не находит оснований для принятия каких-либо решений по этому вопросу»[259].

Таким образом, разгром националистического подполья в Прибалтийских республиках не означал прекращения национального движения за выход из состава СССР и обретение суверенитета. В различных националистических кружках и группах Литвы, Латвии и Эстонии преобладала молодежь, изменились формы и методы сопротивления, сводившиеся в целом к неприятию советской модернизации экономики и культуры народов этих республик. Главную опасность для межнациональных отношений в стране представляло то, что негативный образ центральной власти в прибалтийских регионах принимал более понятный для населения этнический оттенок, а сама борьба представала в форме сопротивления русификации.

Усиливали национал-сепаратистские устремления в Прибалтийских республиках и национальные элиты, получившие мощную подпитку в результате попыток бериевской коренизации партийно-государственного аппарата, а также возвращения из ссылок бывших участников националистического подполья. Сложность «управления Прибалтикой» для центральной власти обусловливалась и недавним «буржуазным» прошлым этого региона, что также усиливало общие неприязненные стереотипы поведения прибалтийских народов по отношению к другим советским народам, в первую очередь русскому.

---

[258] ГАРФ, оп. 83, д. 184, л. 31.

[259] Там же, д. 183, л. 41.

3.8. «Интернационализация» в сфере национально-языкового строительства в СССР

Власть внимательно следила и за языковыми процессами, протекающими в СССР, все больше убеждаясь, что в данной сфере «интернационализация» продвигается успешно, а роль русского языка усиливается, и он все больше становится языком межнационального общения. Данные ЦСУ достаточно красноречиво свидетельствовали о сокращении удельного веса численности детей, обучающихся на своем родном языке за счет увеличения удельного веса учащихся, обучающихся на русском языке (табл. 1).

Таблица 1

Количество учащихся, обучающихся на родном и русском языках по республикам СССР

Республика / язык обучения	Удельный вес, %					
	1940/41 уч. г.	1950/51 уч. г.	1953/54 уч. г.	1958/59 уч. г.	1959/60 уч. г.	
РСФСР русский язык	92	92	94	94	94	Рост 2
УССР укр. язык русский язык	80 16	80 19	77 22	70 29	69 30	Сниж. 11 Рост 14
БССР бел. язык русский язык	91 11	87 13	83 17	75 25	73 27	Сниж. 18 Рост 16
УзССР узб. язык русский язык	73 16	70 19	70 19	67 23	66 24	Сниж. 7 Рост 8
КазССР каз. язык русский язык	34 63	32 65	34 63	26 72	25 73	Сниж. 9 Рост 10
ГССР груз. язык русский язык	67 13	74 16	71 18	67 22	66 22	Сниж. 1 Рост 9
АзССР азерб. язык русский язык	69 19	70 20	69 22	68 25	69 25	Сниж. нет Рост 6

Окончание табл. 1

Республика/ язык обучения	Удельный вес, %					
	1940/41 уч. г.	1950/51 уч. г.	1953/54 уч. г.	1958/59 уч. г.	1959/60 уч. г.	
ЛитССР						
лит. язык	81	85	83	84	84	Рост 3
русский язык	2	12	10	11	11	Рост 9
МССР	67					
молд. язык	27	69	67	64	65	Сниж. 2
русский языке		28	31	34	33	Рост 6
ЛатвССР						
латв. язык	77	71	69	63	61	Сниж. 16
русский язык	18	29	31	37	39	Рост 19
КиргССР						
кирг. язык	58	43	41	39	38	Рост 1
узб. язык	9	8	10	10	10	Сниж. 20
русский язык	38	49	49	50	51	Рост 13
ТаджССР						
тадж. язык	63	60	60	57	56	Сниж. 7
узб. язык	26	22	23	23	23	Сниж. 3
русский язык	10	16	16	18	19	Сниж. 9
АрмССР						
арм. язык	86	86	86	83	83	Сниж. 3
азерб. язык	10	7	6	6	6	Сниж. 4
русский язык	4	7	8	11	11	Рост 6
ТуркмССР						
туркм. язык	68	73	74	70	71	Рост 3
узб. язык	9	5	5	5	5	Сниж. 4
русский язык	19	20	19	23	22	Рост 4
ЭстССР						
эст. язык	91	83	80	75	76	Сниж. 15
русский язык	8	17	20	25	26	Рост 16

Примечание. Цит. по: РГАНИ, ф. 5, оп. 35, д. 181, л. 8, 9.

В 1959/60 учебном году в школах СССР обучение велось на 58 языках народов СССР. Больше всего языков обучения насчитывалось в РСФСР – 49, Узбекистане и Грузии – 7, Таджикистане – 6, Украине и Казахстане – 5, Азербайджане, Молдавии, Киргизии и Туркмении – 4, Литве и Армении – 3, Белоруссии, Латвии и Эстонии – 2. ЦСУ констатировало общую тенденцию национально-языкового развития в СССР – сокращение числа языков, на которых в союзных республиках велось обучение. Так, на Украине в 1940/41 уч. г.

обучение велось на 11 языках, а в 1959/60 уч. г. – на 5; прекратилось обучение на армянском, узбекском, киргизском, татарском, туркменском, чешском языках. Не преподавали также и на еврейском языке, хотя в 1940/41 уч. г. на этом языке обучалось 44 377 человек. В Белоруссии и Литве в 1940/41 уч. г. обучение велось на 6 языках, а в 1959/60 уч. г. в Литве в качестве языков обучения осталось – 3, в Белоруссии – 2[260].

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики в 1953 – 1960 гг. сократилось на Украине, в Белоруссии, Казахстане и других республиках, кроме Литвы, Азербайджана (табл. 2).

Таблица 2

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики

Национальность	Число обучающихся на языке коренной национальности, %						
	От общего числа населения СССР на 15.01.1959	От общего числа населения союзных республик на 15.01.1959	Считают язык своей национальности родным языком, от общего числа населения союзной республики на 15.01.1959	От общего числа учащихся СССР на 1.09.1959	От общего числа учащихся союзной республики на 1.09.1959		
				1953/54	1959/60	1953/54	1959/60
Русские	54,65	83	83	62,36	66,67	94	94
Украинцы	17,84	77	72	15,58	12,90	77	69
Белорусы	3,79	81	76	3,69	2,96	83	73
Узбеки	2,88	62	61	3,55	3,51	70	66
Казахи	1,73	30	30	1,61	1,40	34	25
Грузины	1,29	64	64	1,63	1,39	71	66
Азербайджанцы	1,41	67	66	1,54	1,58	69	69
Литовцы	1,12	79	79	1,20	1,14	83	84
Молдаване	1,06	65	64	0,97	1,09	67	65
Латыши	0,67	62	61	0,65	0,58	69	61

[260] РГАНИ, л. 9, 10, 11.

Окончание табл. 2

Национальность	Число обучающихся на языке коренной национальности, %						
	От общего числа населения СССР на 15.01.1959	От общего числа населения союзных республик на 15.01.1959	Считают язык своей национальности родным языком, от общего числа населения союзной республики на 15.01.1959	От общего числа учащихся СССР на 1.09.1959	От общего числа учащихся союзной республики на 1.09.1959		
				1953/54	1959/60	1953/54	1959/60
Киргизы	0,46	41	40	0,46	0,46	41	38
Таджики	0,67	53	53	0,86	0,84	60	56
Армяне	1,34	88	87	1,22	1,08	86	83
Туркмены	0,48	61	61	0,57	0,60	74	71
Эстонцы	0,47	75	74	0,40	0,40	80	74

Примечание: РГАНИ л. 12, 13.

Во всех республиках наблюдалась одна и та же тенденция – число обучающихся на русском языке превосходило численность населения русской национальности, проживающего в данной республике (табл. 3).

Таблица 3

Число обучающихся на русском языке в союзных республиках СССР

Республика	Численность населения русской национальности, % к общей численности населения республики	Численность обучающихся на русском языке, % к общей численности учащихся республики	
	15. 01. 1959	1953/54	1959/60
РСФСР	83	94	94
УССР	17	22	30
БССР	8	17	27
УзССР	13	19	24
КССР	43	63	73
ГрССР	10	18	22

Окончание табл. 3

Республика	Численность населения русской национальности, % к общей численности населения республики	Численность обучающихся на русском языке, % к общей численности учащихся республики	
	15. 01. 1959	1953/54	1959/60
АзССР	14	20	25
ЛССР	9	10	11
МССР	10	31	33
ЛатССР	27	31	39
КССР	30	49	51
ТаджССР	13	16	19
АрмССР	3	8	11
ТуркмССР	17	19	22
ЭССР	20	20	26

Примечание: Цит. по: РГАНИ, л. 14.

Для прибалтийских народов очень остро стоял вопрос о сохранении и развитии родного языка. В ноябре 1956 г. секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин сообщал в ЦК КПСС о том, что при обсуждении на бюро ЦК вопроса об изучении русского и латышского языков первый секретарь Рижского горкома партии Берклав «предложил срок изучения латышского языка установить в два года, а тех кто... в этот срок не изучит... освободить от работы и предложить им выехать из республики», а Председатель Президиума Верховного Совета Латвии Озолинь заявил, что «партийная организация, благодаря преобладанию русских, не ведет работу на национальном языке, становится сектантской»[261].

Заместитель председателя Совета Министров Латвии Круминьш заявил «о засилье русских кадров, что г. Рига превращается в русский город и теряет свой национальный облик, в республике игнорируется латышский язык»[262]. На предприятиях нередкими были случаи, когда не принимали заявления на русском языке, зато ведомости на зарплату, несмотря на наличие русскоязычных рабочих, составляли, к примеру, на литовском языке[263].

Бывший председатель КГБ В. Е. Семичастный, работавший в то время в ЦК партии, участвовал в проверке по данному факту и указывал, что Берклав и Круминьш «были прожженными националистами» и оказывали большое воздействие на Калнберзина. Они, писал Семичастный, дело закрутили в Латвии так, что «Вечерняя газета» Риги в разделе

[261] РГАНИ, оп. 31, д. 59, л. 59, 60.
[262] Там же, л. 58.
[263] Там же, д. 100, л. 13.

объявлений, уведомлений и прочего опубликовала сообщение, смысл которого состоял вот в чем: русских больше не будут прописывать в Риге»[264].

Эти два деятеля создали в республике, особенно в Риге, резко антирусский настрой: изгоняли всех русских секретарш из приемных, перевели все делопроизводство на латышский язык. За то, что в республике «процветали националистические настроения, Я. Э. Калнберзин был перемещен на должность председателя Президиума Верховного Совета Латвии, а на его место был поставлен бывший секретарь ЦК по пропаганде А. Я. Пельше. Позднее, отмечал Семичастный, «Берклава мы отправили «на перевоспитание» во Владимирскую область завотделом культуры облисполкома. Круминя тоже отправили куда-то, поручили заниматься кинофикацией...»[265].

Не случайно при обсуждении законопроекта «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в стране» в комиссии законодательных предположений Совета Национальностей в 1958 г. депутаты из Прибалтики предложили ввести в стране обязательное девятилетнее образование. Депутат от Эстонии Кярбер аргументировал это предложение тем, что в национальных республиках приходится изучать три языка (русский, родной и иностранный). Дополнительный аргумент был найден депутатом от Латвии М. К. Дзервите, которая считала, что девятилетнее образование необходимо не только для изучения языков, но и потому, что «нужно изучать и историю, и географию своей республики дополнительно»[266].

Проблемы национально-языкового строительства были крайне актуальны и значимы для других этносов. Так, в начале 1960-х гг. в Аджарии была выявлена националистическая группа «общество по сохранению чистоты грузинского языка», в которую входили работники Батумского пединститута. С марта 1961 г. с членов общества за употребление в разговоре негрузинских слов взимался штраф. На собраниях этой группы присутствовал первый секретарь Аджарского обкома ЛКСМ Лордкипанидзе, который «неоднократно увеличивал штраф»[267].

В адрес Я. В. Пейве приходили письма, в которых высказывалась озабоченность судьбой украинского языка. Так, уже упоминавшийся И. Б. Коваленок настаивал на том, что в Сибири и на Дальнем Востоке украинцы и белорусы, подвергавшиеся русификации, не имеют возможности изучать в школах родной язык: «учителя и профессора... отрицают в школах национальные языки многих народов, открыто преследуют их, изживая в школах и семьях», и предлагал в данном регионе «считать обязательным знание наряду с русским одного из родственных – украинского или белорусского – языков для руководящих работников учреждений»[268].

---

[264] *Семичастный В. М.* Указ. соч. С. 100.
[265] Там же. С. 102.
[266] ГАРФ, оп. 45-а, д. 40, л. 115–116.
[267] РГАНИ, д. 222, л. 38.
[268] ГАРФ, оп. 83, д. 182, л. 107.

А письмо киевлянина Д. Порхуна о проблемах украинского языка Я. В. Пейве переадресовал в Президиум Верховного Совета Украины с просьбой рассмотреть на месте отдельные предложения автора об усилении роли украинского языка в республике и припиской, что «Украинской ССР... предоставлены все возможности для свободного развития украинского языка, следовательно, нет необходимости принимать какие-либо специальные решения Союзного правительства по этому вопросу»[269].

Председатель Совета Национальностей, безусловно, был знаком с положением дел в этой области, и его утверждение нельзя назвать голословным. О языковом либерализме могли бы свидетельствовать данные справки, подготовленной ответственным работником аппарата Верховного Совета СССР Н. Ф. Викулиным в отдел партийных органов ЦК КПСС, согласно которым к тому времени (справка подготовлена в январе 1964 г.) в Украинской ССР кроме украинских и русских школ имелись до 100 венгерских школ, 3–4 школы на польском языке, а в Закарпатской области издавались газеты на русском, украинском, венгерском языках[270].

Показательно, что незнание языка титульного этноса республики могло послужить серьезным политическим обвинением. К примеру, первого секретаря ЦК КП Армении Г. Арутюнова в декабре 1953 г. сняли с должности не только из-за близости к Берия, но и за недостаточное знание армянского языка и за неумение выступать на армянском языке[271].

Одним из главных мероприятий в национально-языковой области в период «хрущевской оттепели» стала школьная реформа 1958 г. До последнего времени это мероприятие не привлекало внимания исследователей. Реформа предоставила родителям свободу выбора между русскими и национальными школами и сделала второй язык факультативным. Все наблюдатели, пишет В. М. Алпатов, отмечают, что именно после этого количество национальных школ резко сократилось[272].

Ю. Слезкин считает, что школьная реформа 1958 г. стала единственным практическим шагом в направлении слияния наций, хотя «теоретически казахам разрешили не изучать русский; практически русских больше не заставляли изучать казахский»[273]. Главное, по всей видимости, заключалось в том, что родители, обладая правом выбора языка обучения, могли руководствоваться при этом простым желанием дать детям образование на том языке, который бы способствовал их последующей карьере. Полноценно выучить русский язык, дающий возможность «устроиться в жизни», в национальной школе не представлялось возможным, поэтому предпочтение и стало отдаваться русской школе.

---

[269] ГАРФ, оп. 83, д. 182, л. 140.
[270] Там же, д. 1136, л. 55.
[271] Там же, оп. 85, д. 239, л. 194–195.
[272] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 107.
[273] *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 362.

Реакцию в национальных республиках на закон 1958 г. еще предстоит исследовать, но уже в настоящее время можно утверждать, что процесс сокращения национальных школ коснулся «не только РСФСР, но даже республик Прибалтики»[274].

Ю. Слезкин полагает, что «этнически однородные и уверенные в себе элиты Армении и Литвы не выразили особого беспокойства, «малочисленные» национальные аппараты внутри РСФСР смирились с неизбежным, а демографически ущемленные, но политически крепкие элиты Латвии, Украины и Азербайджана дали бой»[275].

Несомненно одно: многие национальные школы держались больше на поддержке сверху со стороны прежде всего местных национальных элит, в то время как снизу шло стремление к переходу на обучение на русском языке, что, в свою очередь, не исключало изучение родного языка в качестве обычного учебного предмета. Объективно это увеличивало интегрирующую роль русского языка в Советском Союзе и способствовало его превращению в реально действующий язык межнационального общения. Одновременно создавалось положение, при котором обучение на родном языке затрудняло или по крайней мере не способствовало овладению более важным государственным языком.

Следует отметить, что эти достаточно объяснимые и объективные для любого многонационального государства процессы могли быть в любой момент использованы национальными элитами в политических целях и стать фактором обострения межнациональных отношений.

Изучение механизма взаимодействия власти и этносов в период хрущевской оттепели позволяет сделать вывод о том, что в 1953–1964 гг. произошла несомненная либерализация национальной политики, выразившаяся в реабилитации депортированных народов, возвращении некоторых из них в родные места и воссоздании их автономий, отказе от репрессивной политики в межнациональных отношениях.

Однако сохранение в стране идеологического примата классового признака над национальным, усиление внимания в идеологии к стиранию социальных и в том числе национальных различий продолжало генерировать межнациональные противоречия. В западных регионах страны, Закавказье, Средней Азии коммунистическая идеология и система рассматривались как национально враждебные, несмотря на очевидный социально-экономический прогресс и широко декларированную идею фактического равенства советских народов. Поэтому борьба с этой идеологией чаще всего означала борьбу с колонизаторами, в роль которых привычно возводились русские.

Антирусская направленность национальных движений, активизировавшихся в рассматриваемый период, не была единственной их этнической доминантой. Важным было стремление республик к получению большей политической и экономической самостоятельности. В основе появления многих национальных движений были исторические территориальные споры, религиозно-культурные, правовые, демографические, экологиче-

[274] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 107.

[275] *Слезкин Ю.* Указ. соч. С. 362.

ские причины. Однако в многонациональном Советском Союзе любой внутренний конфликт мог объективно обрести этническую окраску.

В 1950-е – начале 1960-х годов усиливается процесс коренизации партийно-хозяйственной номенклатуры и этнизации местной интеллигенции. Осуждение высшим руководством страны мероприятий, проведенных в мае–июне 1953 г. по инициативе Л. П. Берия, не помешало в дальнейшем созданию в национальных республиках этнических элит, являвшихся основой национал-сепаратистских настроений в республиках.

Национал-сепаратизм стимулировал и положенный в основу административного устройства СССР национально-территориальный принцип. Восстановление ранее упраздненных автономий без учета изменившейся на их прежних территориях национальной структуры и межнациональной ситуации привело к обострению межнациональных отношений на Северном Кавказе. Национальные движения советских немцев, крымских татар, ставящих во главу угла требование воссоздания своих автономий, также объективно были нацелены на усиление национал-сепаратизма в стране.

В условиях, когда власть и режим были достаточно сильны, а коммунистическая идеология господствовала безраздельно, сепаратистские устремления национальных движений и этнических элит не без труда, но все же подавлялись. Однако в целом межнациональная напряженность в СССР в 1953–1964 гг. оставалась существенным фактором его развития.

Одной из причин такого положения является, безусловно, недостаточно эффективная и противоречивая деятельность Совета Национальностей – органа, призванного вырабатывать в государстве национальную политику и в то же время, в силу специфики данного государства, имеющего ограниченный выбор в формировании этой политики.

ГЛАВА 4

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» (1965–1985)

В начале 1960-х гг. национальный вопрос стал составной частью концепции «ускоренного строительства коммунизма по широкому фронту». Теория изображала будущее общество строго унифицированным, без противоречий и, в общем-то, без различий. Слияние всех форм собственности в единую общенародную собственность создавало экономические предпосылки для слияния наций. В целом сближение и слияние наций рассматривалось как один из главных критериев успеха «коммунистического строительства». Правда, признавалось, что стирание национальных различий, в особенности, языковых, – более длительный процесс, чем стирание классовых различий. Национальную политику партия обязывалась вести, ориентируясь на принципы пролетарского интернационализма, не допуская как игнорирования, так и преувеличения национальных особенностей, по-прежнему обеспечивая фактическое равенство наций. Тогда же появилось и положение о построении в СССР новой исторической общности.

Во второй половине 1960-х гг., отказавшись от концепции «развернутого строительства коммунизма» в пользу теории «развитого социализма», власти сохранили новацию хрущевского периода о новой общности. Определенную роль сыграли при этом решения XXIII съезда КПСС. Видный исследователь истории и теории национальных отношений в СССР М. С. Джунусов отмечал, что «после Октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года был подвергнут критике субъективизм. В связи с этим отдельные товарищи усомнились в правильности понятия «советский народ» и высказывали опасение: не несет ли этот термин забегания вперед и предлагали везде и всюду говорить «народы СССР». Такова была обстановка на теоретическом фронте по данному вопросу накануне XXIII съезда КПСС»[1].

На XXIII съезде КПСС в 1966 г. формулировка о новой исторической общности была уточнена. Был применен термин «многонациональный советский народ», что исключало отождествление его с «советской нацией», «супернацией», «выковывающейся единой коммунистической нацией». Концепция новой исторической общности была закреплена в решениях и резолюциях последующих партийных съездов, огромном количестве книг и статей советских ученых.

Принятая в 1977 г. Конституция СССР характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех соци-

[1] *Джунусов М. С.* О некоторых актуальных теоретических вопросах национальной политики КПСС // Интернациональное воспитание трудящихся. Рига, 1967. С. 37.

альных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей – советский народ». Народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. В Конституции декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности, утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс»[2].

Понятие «советский народ» в официальной идеологии трактовалось как более широкое по сравнению с категорией «нация», как явление, отражавшее процесс всестороннего сближения советских наций и народностей, а также рост их интернациональных, общесоветских черт (советские патриотизм, характер, семья, образ жизни...).

Упрочение «новой исторической общности» представлялось главной целью национальной политики советского государства. Ю. В. Андропов такое понимание национальной политики ярко продемонстрировал на встрече с крымскими татарами в Президиуме Верховного Совета СССР 21 июля 1967 года. В ответ на требования крымских татар о восстановлении национальных прав народа он заявил: «Вы начали с татарской декларации потому, что для вас главный вопрос – крымский. Но есть еще более главный вопрос – это советский вопрос, а не татарский. Вы ведь не только татары, но и советские люди... Четыре недели тому назад могло случиться так, что не было бы ни татарского, ни какого-либо другого вопроса». Андропов призвал татар «заботиться об интересах не только своей нации, но и всего советского народа»[3].

Понимание «советского народа как новой исторической общности людей» было неоднозначным как среди ученых и партийных идеологов, так и в обществе «развитого социализма». Устойчиво было восприятие «новой исторической общности» как формирующейся советской нации, некоего суперэтноса. Характерным в данном отношении представляется письмо из Удмуртии от М. А. Фарваева, направленное в адрес председателя Совета Национальностей В. П. Рубена в декабре 1982 года. Фарваев сообщил Рубену о своей беседе с заведующим отделом пропаганды и агитации Удмуртского обкома партии О. К. Шибановым и заведующей сектором печати, радио и телевидения К. Н. Дзюиной: «они хорошо знают политику КПСС в национальном вопросе... Шибанов заявил, что через сотни лет не будет классов и наций, т.е. будет одна нация в СССР». Автор письма соглашался, что «в РСФСР дело идет к этому, т.е. краху наций», подкрепив свое мнение ссылкой на евреев как «более благоустроенную нацию в СССР», «просвещенный народ», «хорошо знающих политику КПСС» и именно поэтому «покидающих СССР», поскольку хотят «остаться евреями». Правда, Фарваев все же «допускал», что и в рамках «советского народа» в «Грузии и Армении и прибалтийских республиках останутся свои нации»[4].

Ингуши А. О. Костоев, И. М. Базоркин, С. Х. Плиев называли секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Х. Х. Бокова, ингуша по национальности, «теоретиком местного космополитизма». Боков, по их словам, утверждал, что ингушам не нужна «своя национальная самобытность», «ибо в советской стране сложился уже единый советский народ, а

[2] Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1977. С. 13, 35, 22, 26.
[3] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 93, л. 77.
[4] Там же, оп. 136, д. 34, л. 81.

национальные особенности противоречат этой новой исторической общности». Поскольку, продолжал секретарь, «все мы... живем в едином социалистическом государстве», не имеет значения «какой характер носит автономия того или иного народа»[5].

Многие видели в «новой исторической общности» прежде всего неизбежность потери национальной самобытности этносов. Советские «немцы старшего поколения» из молдавского города Тирасполь в 1976 г. утверждали в своем обращении в Верховный Совет, что «процесс ассимиляции советских немцев... зашел так далеко, что настоящий немецкий театр нужен людям старшего возраста», поскольку «люди среднего и младшего возраста... обучены и воспитаны по-русски»[6]. Еврей В. Фельдман называл евреев «людьми новой социалистической формации», поскольку процесс «добровольной ассимиляции еврейского населения в СССР... обрел форму политического, экономического, культурного и демографического слияния евреев с другими братскими народами Советского Союза»[7].

В научной литературе довольно часто «новая историческая общность» характеризовалась как уже сложившаяся[8] либо складывающаяся[9] советская нация. Не исключали возможность превращения советского народа в этническую общность и многие советские этнографы, связывавшие возникновение подобного рода общностей с «процессами так называемой межнациональной (межэтнической) консолидации» и называвшие «новую историческую общность» этнополитической общностью[10]. Не противоречило этому сужде-

---

[5] ГАРФ, оп. 106, д. 565, л. 61.

[6] РГАНИ, ф. 5, оп. 1, д. 303, л. 6.

[7] ГАРФ, л. 61.

[8] Н. С. Сарсенбаев на Всесоюзной научной конференции в Москве в 1972 г. заявил, что советский народ «уже обладает многими этническими признаками единой советской социалистической нации» (Актуальные вопросы развития национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 48). Тогда же В. И. Козлов подчеркнул, что советский народ «уже отвечает всем признакам нации: он имеет общность языка..., общность советской культуры, советского характера, самосознания и т. п.» (*Козлов В. И.* Нация и национальная государственность (к истории национального строительства в СССР) // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь, 1972. С. 21). Р. Ф. Итс в 1974 г. отмечал, что советский народ «уже сейчас частично» можно считать «этнической общностью» (*Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974. С. 44). Подобные взгляды воспроизводились многими авторами и в дальнейшем.

[9] Ю. И. Семенов полагал, что «этнические общества, существующие в СССР, окончательно перестанут быть нациями и единственной исторической общностью, отвечающей всем признакам нации, окажется лишь советский народ в целом» (*Семенов Ю. И.* Место советского народа среди исторических общностей людей // Народы Азии и Африки. 1973. № 5. С. 56). Б.И. Осокин предполагал, что советский народ представляет собой «движение, развитие новой исторической общности от уровня дружбы народов к монолитной целостности народа, к целостности, характеризующейся общенародным языком и советской социалистической культурой, сложившихся на основе... стирания различий между классами и нациями» (*Осокин Б. И.* Советский народ – новая историческая общность людей // Торжество ленинской национальной политики в СССР. Горький, 1974. С. 33). Подобные выводы делали и другие исследователи.

[10] *Бромлей Ю. В.* Этнические аспекты современных национальных процессов // История СССР. 1977. № 3. С. 22; *Брук С. И.* Основные тенденции национальных процессов в развивающихся странах // Национальные процессы в современном мире. Тезисы докладов симпозиума. М., 1972. С. 14; *Гур-*

нию и положение о советском народе как разновидности «метаэтнической общности» (такие общности представлялись как совокупности этносов и находились в состоянии перехода, изменения состояния)[11].

Большинство советских обществоведов идеи о советском народе как новой «супернации» отвергали, однако в научную полемику предпочитали не вступать. Чаще всего отмечалось, что подобные суждения «льют воду на мельницу буржуазной лженауки», «дают пищу для фальсификаций о русификаторской политике Коммунистической партии»[12]. Подобное положение, отмечалось, «связано с неправильным пониманием процесса сближения наций как идентичного их слиянию»[13] и «может породить превратное представление, будто бы образование и развитие советского народа означает не что иное, как растворение существующих наций и народностей»[14]. Говоря о советском народе как нации, полагали многие ученые, «затушевывается» качественное отличие новой общности от нации, которое состоит в «глубоко интернациональном характере новой общности, диалектически сочетающей национальное и интернациональное во всех проявлениях своей жизнедеятельности»[15].

М. И. Куличенко, подчеркивавший, что сторонники данной точки зрения грубо искажают содержание национальной политики КПСС, которая на самом деле «заключается в том, чтобы и обеспечить всесторонний прогресс каждого народа, его расцвет и в то же время неуклонное сближение»[16], не мог в таком случае отрицать очевидного тезиса о «неизбежности заключительной фазы сближения наций – слияния», что в свою очередь должно было противоречить заключению о «безмерности и бесконечности» процесса расцвета наций.

Несмотря на то, что в Конституции «советский народ» представал на словах единым, реально этому противоречило закрепление ею же суверенитета союзных национальных республик. За каждой союзной республикой сохранялось право свободного выхода из СССР, союзная и автономная республики имели право учреждать свою Конституцию, учитывающую их «особенности», в соответствии с главным законом страны территория республик не могла быть изменена без их согласия[17].

вич Н. С. Современные направления этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1972. № 4. С. 16; Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 541; и др.

[11] *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Метаэтнические общности // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 17, 38–39.

[12] *Рузимурадов А.* Советский народ как новая историческая общность людей и буржуазные фальсификаторы // Актуальные вопросы развития национальных отношений. М., 1976. С. 82.

[13] *Цамерян И. П.* Советское многонациональное государство – орудие строительства коммунизма // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Махачкала, 1973. С. 69.

[14] *Иордан М. В., Свирин Г. М., Семенов В. М.* К вопросу о месте советского народа в ряду исторических форм общностей людей // Научный коммунизм. 1980. № 5. С. 30.

[15] *Серцова А. П., Терехова М. А.* Несостоятельность буржуазных измышлений о советском народе // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. философия. 1974. № 3. С. 47.

[16] *Куличенко М. И.* Актуальные вопросы борьбы против фальсификаторов теории и политики КПСС в области национальных отношений // Вопросы истории КПСС. 1976. № 2. С. 103.

[17] Конституция (Основной Закон) СССР. С. 57, 60, 63.

Противоречие новой Конституции, признававшей союзную республику суверенным государством и одновременно провозглашавшей, что «суверенитет СССР распространяется на всю его территорию»[18], было настолько явным, что на эту «дихотомию» власти сразу же указали в письмах советские граждане. Председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубену в ноябре 1977 г. В. Д. Петухов из Ленинграда писал, что «Конституции 1924 и 1936 гг. предусматривали ограниченный суверенитет союзных республик, и это правильно». В новой Конституции, продолжал он, «налицо противоречие», поскольку «на одну и ту же территорию накладывается два суверенитета, что никак нельзя признать правильным»[19].

«Советский народ» юридически оказывался «разрезанным» на различные «суверенные» части, что в целом ничуть не противоречило в свою очередь большевистскому духу Декларации прав народов России, провозгласившей не только «равенство и суверенность народов России», но и их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»[20]. Если характеризовать империю такими признаками, как средоточие суверенитета в едином центре и четкое различение метрополии и провинций, управляющего и управляемых этносов, то вряд ли оправдано идентифицировать (что в общем-то стало обычным явлением в научных и публицистических изданиях) СССР как «советскую империю». Во всяком случае Россия не только не являлась метрополией, но и не ощущала себя ею, да и союзные республики Россия не воспринимала как колонии. Возможно, Россия не была готова воспринимать русских в национальных республиках как колонистов, что и стало в дальнейшем причиной «забывчивости» российских властей в отношении более 20 миллионов этнических русских в республиках бывшего СССР.

В «новой исторической общности» этносы явно различались по возможностям реализации своего суверенитета. В СССР входило 15 союзных республик. 5 союзных республик имели в своем составе национально-государственные и национально-территориальные образования, по статусу серьезным образом отличавшиеся от союзных республик. В РСФСР входили 16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов, в Узбекскую ССР – одна автономная республика, в Грузинскую ССР – две автономные республики и одна автономная область, в Азербайджанскую ССР – одна автономная республика и одна автономная область, в Таджикскую ССР – одна автономная область. Таким образом, на этапе развитого социализма СССР имел сложную иерархическую систему национально-государственного устройства: 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов.

Интересно, что в четырех автономных образованиях было по два «титульных» этноса – в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, в Ханты-Мансийском автономном округе. В то же время у осетин было два автономных образования, причем одно в России, другое – в Грузии, а у бурят и ненцев даже – по три. Дагестанскую АССР населяли 26 «коренных» народов, а «русские» края и области в РСФСР не имели официаль-

[18] Конституция... С. 57.

[19] ГАРФ, оп. 117, д. 145, л. 29.

[20] Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 72.

ного национального статуса. Многие этносы своих территориальных национальных образований не имели.

Ситуацию еще больше запутывало отсутствие единого мнения о соотношении наций, народностей, этнических и национальных групп. Из 123 общностей, выявленных переписью 1979 г., известный советский исследователь М. И. Куличенко к нациям относил 36, к народностям – 32, национальным группам – 37, к этническим группам – 23[21]. Существование других, существенно различавшихся между собой вариантов типологизации общностей, свидетельствовало об отсутствии ясных представлений о критериях подобного рода классификаций.

Разные возможности для реализации своих жизненных интересов, которые имели «титульные» и «нетитульные» народы, национальные большинства и меньшинства, естественно порождали у представителей различных этносов резонные вопросы к власти. Нелегко было аргументировать ответ на вопрос, обращенный С. В. Пилипенко в июне 1974 г. к руководству Совета Национальностей: «Немцев у нас около 2-х миллионов, и по количеству населения они могли бы иметь не только автономную республику, а союзную республику – ведь имеется, например, Эстонская ССР, которая имеет населения меньше, чем количество немцев?»[22].

Сфера межнациональных отношений в так называемые «застойные годы» была закрытой и «запретной» темой. Допускались лишь дифирамбы, здравицы в честь «нерушимой дружбы», рапорты о «сближении» и «расцвете». Причины всех проблем в сфере взаимодействия этносов сводились к пережиткам прошлого, влиянию зарубежной пропаганды, слабому интернациональному воспитанию.

Конечно, во властных структурах были те, кто мог публично заявить о проблемах в национальных отношениях. Неоднократно на заседаниях высших руководящих партийных органов поднимались вопросы национальной политики. В своих воспоминаниях бывший первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест отмечает, что 2 сентября 1965 г. на заседании президиума ЦК при обсуждении его записки в ЦК по внешнеполитическим вопросам ряд других членов Президиума высказали ему упреки, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо. Проявления национализма видели в том, что в «республике «слишком много говорят на украинском языке», что на Украине сильно чтят Т. Г. Шевченко, а в городе русской славы – Севастополе – «есть надписи на украинском языке». «Оголтелый шовинизм», отмечает Шелест, проявился прежде всего в выступлениях Шелепина, Суслова, Демичева, Косыгина. По его словам, «Брежнев непростительно издевательски высказывался об украинском языке, а это значит о культуре и украинском народе»[23].

30 марта 1972 г. на заседании политбюро ЦК КПСС П. Е. Шелест вновь был подвергнут критике за национализм. Поводом послужило издание книги Шелеста «Украина наша

---

[21] *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. М., 1983. С. 170.

[22] ГАРФ, оп. 106, д. 600, л. 40.

[23] См.: *Шелест П. Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 251.

советская» на украинском языке. По поводу этой книги Л. И. Брежнев подал несколько реплик: «Мол, в этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм». М. С. Соломенцев вновь обратил внимание на то, что на Украине много вывесок и объявлений на украинском языке и выступил против установления гербов городов, экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. А. Н. Косыгин проявлением национализма назвал «создание в свое время совнархозов». Книга Шелеста была изъята из продажи, сам автор, несмотря на попытки переубедить Брежнева в том, что «всегда был и остаюсь интернационалистом», 27 апреля 1973 г. «пошел на отдых по состоянию здоровья»[24].

На июньском пленуме ЦК КПСС в 1967 г. первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев заявил о том, что, хотя «отношения между нациями становятся все богаче и многообразнее», «порой в этих отношениях могут возникать и какие-то сложные явления», тем более что национальный вопрос «уже несколько десятков лет не разрабатывается», а «глубокое теоретическое исследование национального вопроса в целом может быть очень полезно». В некоторых республиках проявились, отмечал Егорычев, «осложнения в кадровой политике, несколько ухудшилось отношение местных национальностей к русскому населению», проявились «такие отвратительные явления», как «сионизм и антисемитизм». В целом, вспоминал Егорычев, в практической работе межнациональные противоречия «мы начали ощущать, и они нас беспокоили»[25].

Определенное значение могла иметь и прозвучавшая в одном из выступлений Л. И. Брежнева начала 1970-х гг. оговорка, что национальный вопрос в СССР решен в том виде, в котором он достался нам от прошлого (дореволюционного). По мнению известного политолога, входившего в группу консультантов-спичрайтеров при трех генеральных секретарях ЦК КПСС (Брежневе, Андропове и Черненко), В. А. Печенева эта формулировка, «как казалось идеологам КПСС», давала «возможность снять табу с анализа тех реальных проблем и противоречий, которые в 70-е годы начали нарастать во взаимоотношениях наций и народов СССР под громкий треск юбилейных речей о сближении всех наций в условиях так называемого развитого социализма»[26]. Сам же Печенев, правда, и признает, что «в действительности научное и политическое значение этой оговорки было иллюзорным»[27].

По свидетельству В. А. Печенева была все же сделана попытка «распутать» одну из реальных межнациональных проблем: рабочая группа политбюро ЦК КПСС по подготовке Конституции 1977 г. предложила поднять статус Нагорно-Карабахской автономной области до автономной республики. Однако политбюро ЦК КПСС отвергло это предложение: возобладало мнение, «что лучше не трогать межнациональные проблемы... – авось все как-нибудь уляжется»[28].

С приходом к власти Ю. В. Андропова у ряда близких к власти людей, прежде всего ученых, появились надежды на то, что государство обратит внимание на неблагополучие

---

[24] *Шелест П. Е.* ... Да не судимы будете... С. 579.

[25] См.: *Егорычев Н. Г.* Направлен послом... // От оттепели до застоя. М., 1990. С. 171.

[26] *Печенев В. А.* Указ. соч. С. 62.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 62–63.

в сфере межнациональных отношений и на необходимость принятия срочных мер. По воспоминаниям одного из видных специалистов по национальным проблемам Э. В. Баграмова, он в 1983 г., являясь консультантом ЦК КПСС, направил Андропову записку «О некоторых вопросах национальной политики КПСС». В этой записке были подвергнуты анализу тревожные демографические и социально-психологические тенденции, обозначены конфликтные ситуации во взаимоотношениях грузин и абхазов, осетин и ингушей, армян и азербайджанцев из-за НКАО, сложные межэтнические проблемы в Эстонии, Карачаево-Черкесии, крымско-татарская проблема. Ученый обращал внимание на то, что в работе по укреплению дружбы народов «много парадности, шумихи, декларативности», существует неправильное представление об отсутствии реальных проблем в национальной сфере, отсутствуют органы, специально занимающиеся разрешением проблем в межнациональных отношениях, хотя ранее этими вопросами занимались Наркомнац, а в ЦК был подотдел национальных меньшинств[29].

Было сделано предложение начать перестройку всей работы в области межнациональных отношений, «предусмотреть создание специальной группы в центральном партийном аппарате», которая разрабатывала бы рекомендации в национальной сфере, создать специализированный орган при Президиуме Верховного Совета СССР, который также занимался бы национальными отношениями, начать издание специального печатного органа[30]. Однако на прием к Генеральному секретарю Баграмов так и не попал, его приняли секретари ЦК М. В. Зимянин и И. В. Капитонов, которые против выводов ученого не возражали, однако заявили, что поскольку «провалов в национальной политике нет», то не стоит и беспокоиться[31].

В докладной записке о беседе с ученым, направленной Ю. В. Андропову секретарями ЦК, отмечалось, что «выдвинутые предложения о создании органов, занимающихся национальным вопросом в ЦК, Президиуме Верховного Совета, а также о печатном органе нецелесообразны». Проблемы национальных отношений рекомендовалось решать «в контексте развития социально-политических отношений, что естественно и правомерно»[32].

В 1984 г. научный руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ профессор Д. Валентей обратил внимание секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на усложнение демографических проблем в стране, прямо указывая, что «недостаточный учет роли демографического фактора в практике социального и экономического планирования негативно сказывается на разработке реалистических оценок перспектив развития народного хозяйства страны». Горбачев эти предложения направил для обсуждения в рабочей группе по подготовке новой редакции программы КПСС, и, как сообщил заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС В. Захаров, они были «частично учтены»[33].

---

[29] РГАНИ, оп. 89, д. 10, л. 25, 26, 27.

[30] Там же, л. 28.

[31] См.: *Баграмов Э.* Как делалась национальная политика // Независимая газета. 1992. 24 янв.

[32] РГАНИ, л. 29.

[33] Там же, оп. 90, д. 123, л. 42–47.

Определенную подвижку в отношении национального вопроса в период нахождения Ю. В. Андропова у власти все же можно заметить. В докладе Андропова о 60-летии СССР прозвучала мысль о том, что успехи в решении национального вопроса не означают, что исчезли все проблемы в межнациональных отношениях, что их надо разрешать своевременно, иначе они могут обостряться. На июньском пленуме ЦК КПСС в 1983 г. в докладе К. У. Черненко прозвучало положение о том, что «решение национального вопроса в том виде, в каком он достался от прошлого, отнюдь не означает, что национальный вопрос вообще снят с повестки дня».

В. А. Печенев указывает также на то, что в проекте новой редакции Программы КПСС, работа над которой началась после апрельского (1984 г.) заседания секретариата ЦК, говорилось о том, что на современном этапе «национальный вопрос не снимается с повестки дня, имеет свое содержание и формы»[34]. По свидетельству Печенева, «противником даже таких гибких формулировок» выступил М. С. Горбачев, курировавший деятельность рабочей группы по подготовке Программы. В качестве доказательства Печенев, сохраняя стиль, приводит выдержку из хранящегося у него письма Горбачева: «когда мы говорим о национальном вопросе на современном этапе и что речь идет о нем в том виде, как он существует в условиях развитого социализма, тут, как мне кажется, имеется подтекст, который мы должны избежать»[35]. Навязать такую позицию секретариату ЦК КПСС Горбачеву труда не составляло.

Сам М. С. Горбачев оценивает свою роль в работе над последней Программой КПСС «при Черненко» иначе. Называя главным действующим лицом при разработке этого документа Р. И. Косолапова, он заявляет, что уже тогда обнаружил в тексте «такие нелепости, такие насилия над естественными процессами, что диву даешься до сих пор». В качестве примера Горбачев приводит разрабатываемый тезис: «давай слияние наций – и все. Сливай все в один кувшин, перебалтывай и делай своеобразный коктейль. И аргумент: когда-то Ленин сказал о слиянии». На практике, дает оценку советской национальной политике 1970-х гг. бывший президент СССР, «требовали форсировать процесс» сближения наций, «не считаясь со временем и обычаями отдельных народов», а «это приводило к отчуждению и вражде». «При любом национальном сближении, – заключает М. С. Горбачев, – всегда остается граница, которую не следует переходить»[36].

Пройдет всего несколько лет, и все поймут, что представления власти о беспроблемности национальных отношений в СССР – всего-навсего иллюзии. Тем более что противоречия в национальной сфере и в рассматриваемый период довольно часто выходили из латентного состояния на поверхность общественной жизни и становились объектом пристального внимания со стороны высших государственных органов страны.

При абсолютной монополии КПСС на власть в государстве, орган, призванный регулировать межнациональные отношения и проводить политическую линию с учетом национальных особенностей, – Совет Национальностей Верховного Совета СССР, увы, имел

---

[34] *Печенев В. А.* Указ. соч. С. 65.

[35] Там же.

[36] Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 135–136.

ограниченные возможности влиять на протекающие в национальной области процессы. К сожалению, этому способствовало не только падение влияния и престижа высшего государственного органа в стране, коим по Конституции являлся Верховный Совет, но и отсутствие у Совета Национальностей реальных рычагов управления сложным механизмом межэтнического взаимодействия.

Однако очевидно, что Совет Национальностей являлся достаточно информированным в вопросах межнациональных отношений государственным органом, и его деятельность не ограничивалась лишь тем, чтобы два раза в год собраться в Кремле, «утвердить» разработанные в ЦК и политбюро проекты законов и главный закон страны – о госбюджете, стоя поаплодировать партийным вождям. Тем более что используя практически единственную форму связи власти и общества в эпоху «застоя» – индивидуальные и коллективные обращения, советские люди разных национальностей обращали внимание Совета Национальностей на волнующие их проблемы в национальной области. Пытаясь не превратиться в апелляционный орган, Совет Национальностей был вынужден реагировать на эти обращения.

4.1. Борьба крымских татар, турок-месхетинцев, советских немцев, курдов за свои национальные права

В середине 1960-х гг. активизировалась борьба крымских татар за возвращение в Крым и воссоздание там национальной автономии. 7 августа 1965 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян сообщал в ЦК КПСС, что им были приняты представители крымских татар. На этой встрече Микоян высказал позицию советского руководства, которая сводилась к следующему: депортацию народа власть осуждала как произвол, но вернуть его на родину в Крым считала невозможным, поскольку «сейчас в Крыму проживает значительно больше населения, чем проживало до их выселения», к тому же выезд татар из Узбекистана (на данный момент там их находилось около 160 тысяч человек) повлек бы за собой «большой ущерб народному хозяйству»[37].

Требования крымских татар, оглашенные на данной встрече, по форме напоминали ультиматум властям: «...попытки представления «культурно-национальной автономии» или другой формы автономии или же любое иное решение без возвращения в родной край – ...видимость разрешения нашего вопроса»[38]. В марте 1966 г. секретарь Президиума М. П. Георгадзе сообщал, что «представители крымских татар проживают в Москве с лета 1965 г. поочередно сменяя друг друга», практически осаждая высшие государственные органы своими требованиями[39].

Тревожные вести приходили и из Узбекистана. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов в записке в Верховный Совет указывал, что «положение среди переселенцев из Крыма осложнилось и приняло опасный характер к осени 1966 г. Главари «движе-

[37] ГАРФ, оп. 109, д. 93, л. 1.
[38] Там же, л. 7.
[39] Там же, л. 12.

ния за возвращение татар в Крым», отмечал Рашидов, предприняли попытки к организации новых провокаций, приурочив их к 45-летию со дня подписания декрета об образовании Крымской АССР, провели митинги в городах Чирчике, Андижане, Фергане, Коканде (Рашидов преуменьшал масштабы выступлений, поскольку 8 и 18 октября прошли демонстрации крымских татар еще и в Бекабаде, Кувалае, Ташкенте, Самарканде, Учкудуке, Янгикургане[40]), грозят обратиться в ООН и организовать забастовки[41]. Власть действовала привычными методами. Как докладывал в Верховный Совет СССР первый заместитель Генерального прокурора СССР М. Маляров в январе 1967 г., «в Узбекской ССР привлечено к уголовной ответственности за антиобщественные проявления на националистической почве 59 человек из числа крымских татар»[42].

Давление со стороны татар, однако, нарастало, и власти приняли решение о проведении новой встречи с активистами крымско-татарского движения в Президиуме Верховного Совета СССР. Встреча состоялась 21 июля 1967 г. На ней присутствовали секретарь Президиума М. П. Георгадзе, председатель КГБ Ю. В. Андропов, Генеральный прокурор Р. А. Руденко, министр охраны общественного порядка Н. А. Щелоков, от национального движения татар 22 человека, в том числе Р. Сафаров, М. Исмаилов, М. Маметов, Османов, Рамазанов и другие. Наиболее активную позицию на этой встрече занимал Ю. В. Андропов, в самом начале разговора заявивший, обращаясь к крымским татарам: «Скажите прямо, что вы требуете? Отделения от Советского Союза?»[43]

Ссылаясь на то, что вопрос о крымских татарах неоднократно рассматривался в ЦК партии, а в Узбекистан для изучения проблемы выезжал председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Андропов заявил, что положение с крымскими татарами власти хорошо известно и его «нельзя признать нормальным». Далее он заверил собравшихся, что «в ближайшее время, видимо, будет принят документ о политической реабилитации крымских татар,... ставится вопрос об образовании автономии для крымских татар». Однако сам Андропов считал, что решить вопрос об автономии «нереально, так как в настоящее время в Крыму проживает большое число украинского и русского населения», и даже если бы татары переселились полностью, они все равно «будут составлять меньшинство». «Нельзя же считать разумным, – заключал он, – чтобы 10% населения определяли судьбу 90% остальных, которые никакой автономии не хотят»[44].

По итогам встречи Ю. В. Андропов, М. П. Георгадзе, Н. А. Щелоков, Р. А. Руденко направили письмо в ЦК КПСС, в котором, констатируя, что целесообразно принять в ближайшее время указ о снятии «огульных обвинений» с крымских татар, все же полагали, что проживать в Крыму татары могут только временно «для обучения в учебных заведениях, отдыха, лечения», и предлагали организовать помощь татарам в хозяйственном и культурном строительстве, но в Узбекистане, а не в Крыму[45].

---

[40] См.: *Пономарев В.* Общественные волнения в СССР. М., 1990. С. 5.
[41] ГАРФ, л. 19, 20.
[42] Там же, л. 44.
[43] Там же, л. 74.
[44] Там же, л. 82.
[45] Там же, л. 91.

Возвратившись из Москвы, татарская делегация 27 августа провела двухтысячное собрание с представителями народа о результатах встречи, которое властями было запрещено и разогнано. В знак протеста 2 сентября 1967 г. в Ташкенте состоялась демонстрация крымских татар, которая также была разогнана. В это время движение крымских татар сблизилось с правозащитным движением, в его защиту стал выступать известный генерал-диссидент П. Григоренко. Энергичные действия активистов и участников движения заставили власти принять-таки указ. Правозащитница Л. М. Алексеева по этому поводу писала: «То, чего не удалось добиться за восемь лет смиренных просьб, было вырвано за три года энергичных всенародных протестов»[46].

5 сентября 1967 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «огульные обвинения» с крымских татар были сняты. Однако вопрос о возвращении в Крым и воссоздании автономии вновь откладывался на неопределенное время. Тысячи людей стали возвращаться на родину, не дожидаясь разрешений.

По мнению бывшего начальника 5-го управления КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, негативную роль в судьбе крымско-татарского народа сыграло украинское руководство. Бобков писал, что если бы не было столь щедрого подарка Хрущева Украине, татары «уже давно спокойно жили бы в Крыму». Под большим нажимом, сообщает Бобков, украинское руководство согласилось принимать в год двести-триста татарских семей, однако «вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма». Это делалось, утверждает высокопоставленный чиновник, по «решению руководства Украины»[47].

Крымско-татарский народ продолжил борьбу с властью. Вновь возобновилась «подписная кампания». После издания указа к 10 октября 1967 г. в адрес Президиума Верховного Совета СССР поступило 1068 писем с требованием организованного возвращения в Крым, компактного расселения там и восстановления автономии[48]. Вскоре, правда, поток писем несколько ослаб: «...если в 1966 г. – свыше 9 тыс. таких писем, то за 9 месяцев 1969 г. – несколько более 1 тысячи»[49].

В 1970-е гг. «бомбардировка» государственных органов власти письмами с требованиями решить крымско-татарскую проблему продолжилась. В декабре 1973 г. письмо татар с 7238 подписями из Херсонской области поступило в адрес комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР. От лица всего народа татары утверждали, что «захват его национальной Родины и суверенитета под предлогом... относительной малочисленности наносит серьезный удар по престижу великого русского народа»[50]. Курс властей в национальном вопросе характеризовался как продолжение «старой политики насильственно-расовой и культурной ассимиляции в отношении крымских татар»[51], как «демагогия шовинизма, что якобы перспектива сближе-

---

[46] См.: *Алексеева Л.* Указ соч. С. 97–98.
[47] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 300–303.
[48] ГАРФ, л. 98.
[49] Там же, л. 101.
[50] Там же, оп. 106, д. 487, л. 62.
[51] Там же, д. 529, л. 2.

ния наций в интересах социализма требует и дает право растоптать малые народы, захватить их территории и ликвидировать как нации»[52].

Участились обвинения в адрес славян. В декабре 1974 г. в обращении крымских татар (6100 подписей) указывалось, что «в вывороченных могилах, разграбленных, вырубленных и погубленных садах и виноградниках есть доля активного участия славян-переселенцев, которым предназначается роль колонистов и которые по существу и являются ими»[53].

Часто в своих требованиях татары предлагали создать в Алупке дом-музей Аметхан Султана, изъять «клеветнические произведения», обязать крымские издательства не использовать слово татарин в качестве прилагательных к словам «предатель», «изменник», освободить лиц, связанных с национальным движением (П. Григоренко, М. Джемилева, А. Сейтумерову, С. Халибаева, А. Ибрагимова, С. Мустафаеву и др.), предоставить прописку в Крыму[54]. Раздавались также требования отменить «результаты сфальсифицированной переписи 1959 г.» и провести «перепись крымских татар по всей стране в конце 1971 – начале 1972 г.» «Если в 1971 г. не будут приняты меры к проведению такой переписи, – утверждалось в письме от 30 октября 1971 г., под которым подписались 5 232 человека, – крымский народ вынужден будет провести самостоятельно такую перепись»[55].

Из Узбекистана приходили письма с протестами против местных властей, проводивших обыски и изымавших документы национального движения. Узбекские власти к 50-летию образования СССР создали новую область – Джизакскую, во главе которой, как характеризовали лидеры национального движения, «национальные предатели и ренегаты марксизма, отщепенцы с Таировым во главе... Джизак – антикультурная и антинациональная автономия отщепенцев»[56].

«Узбекистан хорош для узбекского народа..., но он для нас остается мачехой», – утверждали татары в письме в Верховный Совет в апреле 1975 г. (1450 подписей)[57]. Кстати, мнение об изучении вопроса о «целесообразности национально-государственных образований немецкого и крымско-татарского народов в союзных республиках, где граждане указанных национальностей расселены наиболее компактно», неоднократно возникало в Верховном Совете, к примеру при подготовке указа от 3 ноября 1972 г. о снятии ограничений в выборе мест жительства в отношении немцев, а также греков, болгар, армян, выселенных из Крыма[58].

И все же центр движения крымских татар постепенно смещался в сторону Крыма. Непосредственно после выхода указа о снятии обвинений с крымских татар 29 сентября 1967 г. заместитель министра ООП СССР М. Усков сообщал в Верховный Совет, что в Крымскую область в последнее время прибыло около 800 татар, которые «занимают мало

---

[52] ГАРФ, д. 600, л. 13.
[53] Там же, л. 11.
[54] Там же, д. 529, л. 5.
[55] Там же, д. 487, л. 63.
[56] Там же, оп. 101, д. 600, л. 14.
[57] Там же, оп. 106, д. 968, л. 2.
[58] Там же, оп. 109, д. 93, л. 11.

приспособленные для жилья помещения, устанавливают палатки, строят шалаши»[59]. Власти Узбекистана препятствовали выезду («в Узбекистане «деликатно» запрещают покупку домовладений у татар»), а крымские власти – въезду и поселению крымских татар («в Крыму – владельцам домов... запрещена продажа домов для татар,...нотариальные договоры не оформляют, ...в прописке отказывают»)[60].

Среди информации, распространяемой активистами национального движения в 1970-е гг., все большее место занимают сообщения о действиях властей против попыток крымских татар утвердиться в Крыму. Так, в информации № 121 о работе, проделанной национальным движением крымских татар за период с апреля по август 1978 г., главное место занимает «Протест погромным операциям в Сакском районе», которые характеризуются ими как «оголтелый ультиматум принципам и устоям Советской власти, предъявленной бандой великодержавного шовинизма и украинского буржуазного национализма..., действующей по плану операций антитатарских погромов, управляемых Бойко (глава района. – *А. М.*) и руководством административных органов района»[61].

23 июня 1978 г. в пос. Донское (татары называли его «Беш-Терек») Симферопольского района покончил жизнь самосожжением отец троих детей 46-летний Муса Мамут. Это был, как писали татары в письме от 25 августа1978 г. в Верховный Совет, «акт гневного протеста против вопиющих нарушений наших национальных прав и в первую очередь права жить на своей Родине»[62].

Ранее, в 1972 г., большой резонанс имели похороны Ромаса Каланты, 18-летнего юноши из Каунаса, совершившего акт самосожжения в знак протеста против «советской оккупации Литвы». 18–19 мая в Каунасе произошли столкновения демонстрантов с войсками, в результате которых было задержано около 400 человек[63].

Протесты же крымских татар, проживавших в среднеазиатских республиках, не прекращались и в первой половине 1980-х гг., о чем красноречиво свидетельствует информация с мест в ЦК КПСС. Так, 25–26 августа 1984 г., сообщал секретарь ЦК КП Таджикистана Р. Набиев, имела место спровоцированная активистами крымско-татарского движения «антиобщественная акция» у здания Ленинабадского обкома партии. И вообще, указывает секретарь, в последнее время движение автономистов активизировалось, в него вовлекаются дети и женщины, члены КПСС и комсомольцы. В связи с этими событиями как и прежде было принято постановление бюро ЦК КП Таджикистана от 10 октября 1984 г. «Об организационно-пропагандистских мероприятиях по усилению идейно-воспитательной работы среди граждан крымско-татарской национальности»[64], вряд ли имевшее серьезное влияние на ход событий.

Несколько иное направление приняло национальное движение советских немцев. Власти, приняв указ 29 августа 1964 г. о снятии «огульных обвинений» в предательстве с

---

[59] ГАРФ, оп. 117, д. 531, л. 97.
[60] Там же, д. 637, л. 2–3.
[61] Там же, л. 9.
[62] Там же, л. 160.
[63] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 41.
[64] РГАНИ, д. 103, л. 15, 16.

немецкого народа, вряд ли полагали, что этим они смогут хотя бы на время ослабить накал претензий немецкого населения. Непрекращающийся поток писем заставил Президиум Верховного Совета СССР подготовить предложения о разрешении Саратовскому и Волгоградскому облисполкомам прописывать граждан немецкой национальности, переселенных в 1941 г. с территорий этих областей «при возможности их трудового использования и бытового устройства»[65].

5 марта 1965 г. А. И. Микоян сообщал в ЦК КПСС о том, что «предложения о возможности прописывать граждан немецкой национальности на территории Саратовской области, как и Волгоградской, обсуждалось на совещании в Президиуме Верховного Совета СССР с участием Н. Г. Игнатова, А. Ф. Горкина, Р. А. Руденко, В. С. Тикунова, которые высказались в том же направлении. С этим предложением согласился в беседе по телефону секретарь Саратовского обкома КПСС тов. Шибаев А. И.»[66].

После снятия запрета на возвращение к прежнему месту жительства с крымских татар, азербайджанцев, курдов, турок, хемшинов (решения Верховного Совета от 5 сентября 1967 г. и 30 мая 1968 г.) власти вернулись к вопросу о подобном постановлении в отношений немцев. В докладных записках приемной Президиума Верховного Совета СССР в конце 1960-х гг. указывается на целесообразность снятия запрета на возвращение немцев в родные места, при этом отмечался факт того, что в порядке исключения органы внутренних дел Саратовского и Волгоградского облисполкомов разрешают немцам селиться на бывшей территории автономии[67].

Показательна роль Совета Национальностей в решении судьбы «наказанных» народов. Участники «первого форума немецкой молодежи Киргизии и Казахстана», до которых «дошли слухи», будто Я. В. Пейве – «почти единственный, кто хоть кратко и лаконично позволил себе ответить советским немцам на их письмо», в конце 1965 г. обратились к руководителю палаты с вопросом: «Разве Вы, как председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, не могли бы воспользоваться своим правом выдвинуть на повестку дня вопрос о советских немцах?»[68]

Действительно, только в 1966 г. из 461 поступившего на имя Пейве и сменившего его в середине года Ю. Палецкиса письма в 77 речь шла о реабилитации советских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев[69]. Все эти письма направлялись в высшие партийные инстанции. Руководители Совета Национальностей, конечно, осознавали, кому в Советском Союзе принадлежало право решать подобные вопросы. Однако нельзя преуменьшать и роль тех посреднических функций между этносами и властью, исполнение которых служило свидетельством определенной значимости и компетентности Совета Национальностей в глазах многих советских людей. Доказательством данного положения может послужить непрекращающийся поток апелляций с национальной тематикой в адрес Совета Национальностей и в дальнейшем.

---

[65] ГАРФ, оп. 106, д. 968, л. 8.
[66] Там же, оп. 83, д. 1136, л. 93.
[67] Там же, оп. 121, д. 139, л. 3.
[68] Там же, оп. 83, д. 183, л. 232.
[69] Там же, д. 184, л. 1–12.

Материалы по письмам немцев также направлялись в это время в КГБ СССР на имя Ф. Д. Бобкова с предложениями о целесообразности снятия запрета на возвращение немцев на прежнее местожительство. К 1970 г. в СССР проживало «около 2-х млн немцев, в том числе: в Казахской ССР – 800 тысяч человек, Алтайском крае – 143 тысячи, Омской области – 140 тысяч, в Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Новосибирской областях и Киргизской ССР – в пределах от 50 до 80 тысяч, в Томской, Оренбургской, Тюменской областях, Красноярском крае, Узбекской и Таджикской ССР – в пределах от 20 до 40 тысяч человек». Причем отмечалось, что 45% – это «бывшие переселенцы, прибывшие на жительство в 1941–1942 гг., а также репатриированные из Германии в послевоенное время»[70].

В июле 1970 г. Н. В. Подгорный, Ю. В. Андропов, И. В. Капитонов, Р. А. Руденко, А. Ф. Горкин, Н. А. Щелоков направили письмо в ЦК КПСС, в котором обращали внимание на продолжающиеся обращения немцев в центральные органы власти с просьбой о разрешении вернуться на историческую родину и признавали, что «эти просьбы заслуживают внимания». Однако, полагали они, решение этого вопроса не должно повлечь за собой массового переселения немцев, поскольку это «не вызывается ни государственными интересами, ни политической целесообразностью».

Большинство немцев, подчеркивали они, «обосновались на новых местах жительства и не выражают желание выезжать в другие места»[71]. Подготовка документа о разрешении немцам возвращаться в родные места заняла период с 1969 по 1972 гг. Наконец, 3 ноября 1972 г. указ Президиума Верховного Совета СССР, подготовленный К. Колибабом (министерство юстиции), Л. Седовым (Генпрокуратура), И. Удальцовым (МВД), Н. Казакевичем и И. Барским (КГБ), А. Ивановым (ЦК КПСС), наделил советских немцев «правом избирать место жительства на всей территории СССР». Причем в справке, подготовленной в Верховном Совете в сентябре 1972 г., указывалось, что «следовало бы также изучить вопрос о целесообразности» образования национальной автономии немецкого народа в той союзной республике, где наиболее компактно в данный момент он проживает[72].

Однако указ 1972 г. в силу своей ограниченности и половинчатости имел обратные последствия. На рубеже 1960–1970-х гг., как сообщали в ЦК КПСС Ю. В. Андропов и Н. А. Щелоков, в «Казахстане, Эстонии, Киргизии и в некоторых других районах страны имели и продолжают иметь место факты организованной деятельности экстремистски настроенных элементов, стремящихся создать «национальные комитеты» и развернуть среди немцев широкое движение за выезд на жительство в ФРГ»[73]. Как отмечали Андропов и Щелоков, органами МВД рассмотрены в 1970 г. 1809 ходатайств немцев о выезде в ФРГ, в 1971 г. – 2617 ходатайств, а в 1972 г. количество таких ходатайств увеличилось до 5 тысяч.

Причем заявления на выезд поступали от граждан, проживающих в 10 союзных республиках и 31 АССР, краях и областях РСФСР. Разрешение на выезд получили 2247 граж-

[70] ГАРФ, оп. 121, д. 139, л. 7, 13.
[71] Там же, л. 22.
[72] Там же, оп. 106, д. 968, л. 11.
[73] РГАНИ, оп. 66, д. 105, л. 4.

дан, «отказано в выезде 2664 заявителям (54%) по мотивам государственной безопасности, отсутствия у них близких родственников в ФРГ»[74]. Подобной информацией обладал и Верховный Совет. Приемная ВС СССР учла за 1973 г. более 3,5 тыс. писем. Под письмом 18 мая 1973 г. было около 35 тыс. подписей. За январь-март 1974 г. поступило около 300 писем немцев.

Из писем видно, указывалось в докладной Приемной, что «националистически настроенные граждане создают различного рода незаконные объединения, общества, инициативные группы, ассоциации, организуют проведение «съездов», «совещаний» и т. д., которые, по мнению авторов некоторых писем, должны принудить органы власти разрешить немцам выезд в ФРГ»[75]. Письма немцев направлялись главным образом на рассмотрение в МВД СССР, некоторые – председателям Президиумов Верховных Советов союзных республик, где проживали авторы этих заявлений.

Андропов и Щелоков предлагали, как и прежде, разрешать немцам выезжать «только в целях воссоздания разрозненных семей, обеспечивая при этом строгий индивидуальный подход»[76].

Пытаясь организовать давление на власть с целью получения права на беспрепятственный выезд из страны, немцы использовали различные методы. В июне 1975 г. председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов докладывал в ЦК КПСС о том, что «отдельные немецкие экстремисты» из Казахстана и Молдавии намеревались «инспирировать» среди советских немцев в случае отказов их ходатайств о выезде в ФРГ «групповое неучастие» в выборах в Верховные Советы республик и местные Советы депутатов трудящихся. В этих целях «активисты» вели «поиск лиц, готовых написать официальные заявления об отказе от советского гражданства и участия в выборах»[77].

Одновременно в предвыборные дни один из активных участников «Движения за выезд немцев в ФРГ» Лейс организовал коллективные посещения немцами МВД и КГБ Молдавии с требованиями выезда из СССР, а «экстремисты» из Казахстана подготовили обращения в международные организации «с коллективными подписями» и пытались направить своего представителя в Москву для вручения их иностранным корреспондентам или передачи на Запад «через А. Д. Сахарова»[78]. Так, 7 июня 1975 г. на станции Джамбул у «активиста» Термера, направлявшегося в Москву, были изъяты «обращения в ООН, к Женевскому совещанию, канцлеру ФРГ и в другие адреса от имени 900 семей немцев (более 6 тысяч человек), в которых содержалась информация о положении немцев в СССР и просьбы об оказании содействия в выезде в ФРГ»[79].

Проблема немецкой эмиграции прежде всего коснулась Казахстана, где проживало в начале 1970-х гг. 858 тысяч немцев, что составляло 6,6% всего населения республики. В январе секретарь ЦК КП Казахстана В. Месяц сообщал в ЦК КПСС, что эмиграционные

---

[74] РГАНИ, л. 4, 5.
[75] ГАРФ, д. 600, л. 38.
[76] РГАНИ, оп. 66, д. 105, л. 5.
[77] Там же, ф. 89, пер. 37, д. 13. л. 1.
[78] Там же, л. 1.
[79] Там же, л. 2.

настроения широко распространились с конца 1972 г. в Алма-Атинской, Джамбульской, Карагандинской, Джезказганской и Актюбинской областях, где в 1971 г. было подано 488 ходатайств о выезде в ФРГ, в 1972 г. – 1119, в первом полугодии 1973 г. – 1924 ходатайства[80].

В. Месяц указывал также на попытки организовать массовые выступления с требованиями разрешить выезд в ФРГ в г. Иссык Алма-Атинской области, пос. Рудник Джезказганской области, г. Караганде[81]. Секретарь ЦК КП Казахстана эмиграционные настроения прежде всего связывал с немцами, высланными «из временно оккупированных фашистами ряда областей Украины», а также репатриантами, «многие из которых в годы войны принимали германское подданство и сотрудничали с гитлеровцами». А те, кто «выступал за восстановление автономии в пределах СССР», по его мнению, «подпали под их влияние».

Однако, перечисляя претензии немецкого населения в Казахстане, Месяц невольно называл истинные причины желания выехать из СССР: отсутствие автономии, разобщенность этноса, слабое представительство немецкого населения во властных структурах, неполное разрешение проблем советских немцев в указах Президиума Верховного Совета СССР, наличие «отдельных случаев неприязненного отношения к лицам немецкой национальности», нанесение им «незаслуженных оскорблений со стороны представителей других национальностей»[82].

Несмотря на дальнейший рост эмиграционных настроений, часть немецкого народа не утратила надежд на воссоздание автономии. В обращении 17 мая 1978 г. «по поручению сотен немцев» в Верховный Совет указывалось, что «в настоящее время, когда резко возросли националистические тенденции в основных местах проживания немцев (Казахстан, Киргизия, Узбекистан), нам становится невозможно жить среди них»[83]. Восстановление немецкой республики, по мнению авторов письма, следовало бы рассматривать как «не одолжение, а долг русского народа!». Обращает на себя внимание содержащееся в письме предостережение : «История повторяется и, как знать, не будет ли это зачтено, когда будет решаться вопрос о свободе самого русского народа?!»[84]

По свидетельству Ф. Д. Бобкова, в 1976 г. с идеей воссоздания немецкой автономии и разрешения немцам выезжать на родину выступило 5 управление КГБ. Ф. Д. Бобков полагает, что вопрос с немецкой автономией не решался не только в связи с отсутствием политической воли у ЦК, но и из-за нежелания и сопротивления руководства Казахстана, понимающего размеры экономического ущерба, который повлечет за собой выезд из республики столь трудолюбивого народа. Бобков сообщает, что Д. А. Кунаев раздражался по данному поводу: «Сами немцы не хотят автономии, а вы им ее навязываете»[85].

6 августа 1976 г. ЦК КПСС поручил специальной комиссии изучить вопрос о создании автономии для немецкого населения. В течение двух лет комиссия изучала докумен-

---

[80] РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 105, л. 13.
[81] Там же, л. 14.
[82] Там же, л. 14.
[83] ГАРФ, оп. 117, д. 637, л. 7.
[84] Там же.
[85] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 306.

ты и материалы, обменивалась мнениями с местными руководителями и в августе 1978 г. Ю. В. Андропов, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, З. Нуриев, Н. А. Щелоков, Р. А. Руденко, М. П. Георгадзе, В. М. Чебриков направили в ЦК КПСС докладную записку о том, что в настоящее время к вопросу о создании немецкой автономии «можно было бы отнестись положительно»[86].

На основании того, что более половины немцев – 936 тысяч человек – проживало в Казахстане и в республике насчитывалось около 230 населенных пунктов с численным преобладанием немецкого населения, они предложили автономию немецкого населения «образовать в составе Казахстана в форме автономной области». Вопреки мнению Ф. Д. Бобкова, было указано на положительное отношение к данному предложению со стороны ЦК КП Казахстана и Д. А. Кунаева[87].

Автономистские настроения достигли пика весной 1979 г. К этому времени были уже подготовлены проекты указов Президиумов Верховного Совета СССР и Казахской ССР об образовании Немецкой автономной области в составе Казахской ССР, а также проект закона Казахской ССР об образовании Немецкой автономной области. Предполагалось включить в состав вновь образуемой автономной области по району из Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской, Целиноградской областей, сделав центром области г. Ерментау Целиноградской области. 31 мая 1979 г. решение об образовании Немецкой автономной области одобрило политбюро ЦК КПСС, поручив ЦК КП Казахстана решать конкретные вопросы об образовании области[88].

15 июня 1979 г. ЦК КП Казахстана «вошел с конкретными предложениями в ЦК КПСС о составе и границах Немецкой автономной области, о структуре и штатах ее партийных органов»[89]. Однако 16 и 19 июня в Целинограде появились рукописные листовки, прошли молодежные манифестации, в которых главную роль играли студенты пединститута. Были выдвинуты лозунги о том, что «Казахстан един и неделим, нет места немецкой автономии в Казахстане, о возможном принудительном переселении немцев на территорию создаваемой области и выселении оттуда казахов»[90]. Имевшие место высказывания «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Отобрать у них дома и машины», «Восстановить спецкомендатуру», а также поступавшие коллективные письма против образования автономии свидетельствовали о негативном отношении местного населения к идее появления новой национально-территориальной единицы.

Эти события, безусловно, усилили эмиграционные настроения немецкого населения, хотя многие из них продолжали надеяться на создание автономии в Поволжье либо в другом месте. Активистов немецкого движения попросили подождать, а студентам объяснили, что вопрос об автономии вообще не поднимался[91]. Для проведения подготовительной работы и создания общественного мнения в пользу образования немецкой автономии,

---

[86] См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 190–192.
[87] Там же. С. 191.
[88] Там же. С. 194–195.
[89] Там же. С. 196.
[90] Там же.
[91] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 306. См. также: ГАРФ, оп.145, д. 2142, л. 14.

как заявил Д. А. Кунаев, «потребуется определенное время»[92]. Однако в феврале 1980 г. Кунаев предложил вопрос об образовании Немецкой автономной области с контроля ЦК КПСС снять[93].

Настойчивость, с которой немцы отстаивали право на создание автономии в Казахстане, объясняется не только многочисленностью и компактностью проживания там немецкого населения, но и осознанием огромного вклада в экономику республики, который вносил этот трудолюбивый народ. Так, в письме писателя Д. Гельмана, направленном в марте 1973 г. в Президиум Верховного Совета СССР отмечалось, что «казахстанский миллиард хлеба – в большей мере заслуга тружеников-немцев. Это факт, но это не признается». Зато часто приходилось слышать, что «мы обязаны казахам, что они приютили нас на своей земле»[94]. Справедливость такого рода суждений наиболее ярко подтвердила публикация итогов переписи 1979 г.

В начале 1980 г. в Политиздате вышла брошюра «Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.», подготовленная ЦСУ СССР. Однако данные о советских немцах не приводились в разделах о национальном составе союзных и автономных республик. Даже в Казахстане, где советских немцев насчитывалось до 1 млн человек, указывалась численность уйгуров (148 тысяч), корейцев (92 тысячи), дунган (22 тысячи), а немцы были включены в графу «другие национальности». Республиканская газета «Лениншил жас» 22 марта 1980 г. опубликовала статью известного демографа М. Татимова о национальной структуре Казахстана, в которой немцы старательно не упоминались. Член СП СССР, известный немецкий писатель Г. Бельгер, работавший в то время над статьей о расцвете немецкой культуры в Казахстане, недоумевал: «Вдруг редактор скажет: «Какие еще немцы?...ясно сказано, что в Казахстане таковых нет». Только в сентябрьском номере за 1980 г. журнал «Вестник статистики» опубликовал подробные данные о переписи[95].

Движение за возвращение на родину турок-месхетинцев еще в начале 1960-х гг. раскололось на два направления. Представители движения за возвращение в Грузию в 1962 г. основали «Комитет по возвращению на родину». Разрешение селиться в Азербайджане они считали одним из этапов борьбы за возвращение домой. В 1964 г. месхетинцы создали Временный организационный комитет освобождения (ВОКО), члены которого рассматривали переселение в Азербайджан как один из путей решения месхетинской проблемы.

В середине 1960-х гг. движение турок-месхетинцев активизировалось. Так, 18 ноября 1967 г. месхетинцы направили в Верховный Совет СССР письмо, в котором подчеркивали, что они в 18-й раз приезжают в Москву по вопросу возвращения в Грузию. Это заявление подтверждал и заведующий Приемной Президиума Верховного Совета СССР М. Скляров, сообщавший, что начиная с 15 ноября 1967 года Приемную вновь стали посещать большие группы месхов по 80–90 человек. По этому же вопросу, отмечал он, «за последние две недели» в Президиум Верховного Совета СССР поступило более 800 писем.

---

[92] См.: История российских немцев в документах. С. 197.
[93] Там же. С. 199.
[94] ГАРФ, оп.106, д. 566, л. 3.
[95] РГАНИ, оп. 77, д. 112, л. 2, 3, 5.

В поступившем в Верховный Совет 22 ноября 1967 г. письме Н. Поладов, А. Баширов, А. Изотов указывали, что они в составе делегации в количестве 90 человек «не намерены выезжать из столицы без положительного результата»[96]. Еще в октябре 1967 г. на встрече с месхетинцами в Президиуме Верховного Совета СССР один из заместителей председателя Президиума Искендеров заявил, что желающие переехать в Закавказье могут поселиться в Азербайджанской ССР, где многие их соотечественники уже проживают и трудятся. Месхи это предложение отвергли[97].

Месхетинцы не требовали создания для них автономии, хотя в воззвании «Комитета по возвращению на родину» от 30 января 1966 г. говорилось, «что если руководство КПСС и правительство сочтут нужным и... образуют Месхетинскую АССР или же автономную область в рамках Грузинской ССР, то этому народ будет рад»[98].

Настроения переселиться на родину подстегивали слухи о принятии указа о реабилитации крымских татар. Министр охраны общественного порядка СССР Н. А. Щелоков сообщал в Президиум Верховного Совета СССР, что 27 апреля 1968 г. в совхозе Халкабад Янгиюльского района Ташкентской области около 400 месхов из Узбекской, Казахской, Киргизской ССР организовали массовые выступления с требованием вернуть их на родину. Милиционеры и курсанты Ташкентской высшей школы Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР препятствовали проведению демонстрации, задержали 15 человек, отняли прокламации. 28 апреля месхи собрались у здания милиции, требуя освобождения задержанных. Толпу удалось разогнать, были возбуждены уголовные дела[99].

30 мая 1968 г. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР снимались все ограничения в отношении турок-месхетинцев, курдов, хемшинов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузии и признавалось их право на выбор места жительства в пределах страны[100]. Однако фактически это постановление не действовало и положение месхетинцев не изменилось.

По поручению Н.В. Подгорного в Верховном Совете 8 декабря 1968 г. были приняты представители национального движения Ю. Фахрадов, С. Мурадов, Р. Аскар-Оглы, А. Райимов, И. Асланов, которые заявили, что они посланы в Москву выразить неудовлетворенность постановлением 30 мая 1968 г. Грузинские власти, заявили делегаты, не только не разрешают им вернуться на прежнее место жительства, но и препятствуют посещению проживающих там родственников и знакомых, а также мест захоронения их близких.

Спустя 6 месяцев после постановления ни одному месхетинцу не разрешили проживать на территории Грузии. А. Райимов отметил, что он в июле 1968 г. в составе делегации был на приеме в ЦК КП Грузии, где им заявили о невозможности вернуться на родину.

---

[96] ГАРФ, оп. 121, д. 49, л. 19, 20.
[97] Там же, л. 1,2.
[98] Там же, оп. 83, д. 492, л. 17.
[99] Там же, оп. 121, д. 49, л. 21, 22.
[100] Там же, л. 27.

Правда, небольшому числу месхов пообещали возможность трудоустройства на строительстве Ингури ГЭС и в районе строительства ирригационной системы в Колхидской низменности, но и эти обещания не были выполнены[101]. Ф. Д. Бобков утверждал, что грузинские руководители В. Мжаванадзе и Э. Шеварднадзе препятствовали возвращению месхетинцев, аргументируя это решение тем, что «земли месхетинцев уже заняты другими, во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой и поэтому пограничники возражают против их возвращения»[102].

Та же судьба постигла и 13 семей курдов из Джамбульской области, которые приехали в Самтредийский район Грузинской ССР, «но были оттуда выдворены в сопровождении милиции». На станции Самтредиа курдам даже «не разрешили выйти из вагонов и попутным товарным поездом выдворены с территории Грузии»[103].

Месхи на декабрьском приеме в Верховном Совете СССР заявили в ультимативной форме, что они будут вынуждены «подавать заявления о выходе из советского гражданства и ставить об этом в известность мировую общественность»[104]. Н. В. Подгорный после ознакомления с докладной запиской рекомендовал грузинскому руководству в лице В. Мжаванадзе, Г. Дзоценидзе, Г. Джавахишвили «в интересах дела... какое-то количество (месхов. – *А. М.*) прописать и трудоустроить в Грузинской ССР»[105]. Налицо стремление властей отстраниться от реального решения проблемы и мелкими уступками снизить накал претензий месхетинцев. Не случайно это замечание председателя Президиума ВС СССР не возымело действие, и 10 ноября 1969 г. М. Скляров сообщал Н. В. Подгорному о том, что большие группы турок были выселены в июне 1969 г. из Гальского района Абхазской АССР, где они по договорам работали в совхозах[106].

В конце 1960 – начале 1970-х гг. месхетинцам было разрешено переселяться малыми группами в отдаленные районы Северного Кавказа. В основном они селились в Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР, Карачаево-Черкесской АО. Селиться в Грузии, несмотря на заверения в Москве (Э. Одабашев в своем письме в Верховный Совет в июне 1971 г. указывал, что 17 мая 1971 г. ответственный работник ЦК КПСС Старченко принял 7 месхетинцев и заявил им, что можно селиться в Грузии, «высылать больше не будут») не удавалось[107].

В начале 1970-х гг. предпринимались попытки месхетинцев апеллировать к мировой общественности. Представители ВОКО, опираясь на принятое в мае 1970 г. постановление шестого народного собрания, заявляли о том, что «в случае отказа удовлетворить законное право народа» они будут ставить вопрос о выезде в Турецкую республику, поскольку, как они подчеркивали, «нас довели до того, что мы готовы на все». Члены ВОКО

---

[101] ГАРФ, л. 28–29; оп. 109, д. 93, л. 103.
[102] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 310. См. также: ГАРФ, оп. 121, д. 49, л. 28, 29.
[103] ГАРФ, оп. 109, д. 93, л. 103.
[104] Там же, оп. 121, д. 49, л. 28, 29.
[105] Там же.
[106] Там же, оп. 109, д. 93, л. 103.
[107] Там же, оп. 106, д. 487, л. 10.

неоднократно пытались обратиться в посольство Турции с просьбой позволить желающим выехать в Турцию, однако эти попытки закончились безрезультатно[108].

Только после того, как 9 января 1974 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о праве турок-месхетинцев на местожительство в любом районе СССР, Грузия стала принимать на постоянное местожительство отдельные семьи месхетинцев, но в различные районы республики, чтобы избежать их концентрации в каких-либо местах. В апреле 1979 г. ЦК КП Грузии принял постановление о репатриации месхов в Грузию. Стали создавать села, где могли бы проживать месхетинцы. Однако ситуация не менялась, и в основной своей массе турки-месхетинцы продолжали проживать в Узбекистане, где межнациональное противостояние турок с местным населением не являлось секретом для власти. Трагедия 23 мая – 6 июня 1989 г. в Фергане неумолимо приближалась.

Национальные движения советских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев, курдов по своим целям и характеру в 1964–1985 гг. не претерпели существенных изменений. Главным оставалось требование к властям вернуть их в места прежнего проживания, восстановить упраздненные автономии. Крымские татары и советские немцы в данный период в качестве главной цели своих движений сделали борьбу за автономию, причем, если первые добивались ее восстановления исключительно в Крыму, то вторые в большинстве своем были согласны на предоставление в качестве места будущей республики как территории бывшей немецкой автономии на Волге, так и других районов страны.

В воссоздании своей национальной государственности, в обретении «обязательного атрибута социалистической нации» – национально-территориальной автономии – видели решение национального вопроса эти народы. Диссиденты, поддержавшие требования «восстановления исторической справедливости» в отношении ранее депортированных народов, по сути подобным образом представляли «демократическое» решение национального вопроса в СССР.

Однако события 1979 г. вокруг образования Немецкой автономной области в Казахстане, даже при известном допущении факта их спровоцированности со стороны местных властей, не в интересах которых был предполагаемый дележ власти и подчиненных им территорий, показали, что в результате положительного решения вопроса об автономии межнациональные противоречия не ослабляются, а обостряются. Вопрос воссоздания автономии как непременного условия достижения равенства народов при социализме для одних превращался в проблему разного приоритета прав наций на одной территории для других.

Тупиковость подобного рода решения национальных проблем вынуждала народы искать другие формы борьбы: нелегальное проникновение в Крым и строительство там палаточных городков крымскими татарами, выезд немцев в ФРГ, апелляция к мировой общественности турок-месхетинцев.

Наличие подобного рода национальных движений опровергало главный постулат идеологии «застойного» периода об отсутствии противоречий в обществе, в том числе и сфере межнациональных отношений. Это противоречило и выводу о создании в СССР

[108] ГАРФ, л. 12.

новой исторической общности людей как некоего социального единства, целого, вбирающего в себя, по крайней мере, однородные и равноправные части.

Власть, «стремящаяся» не замечать специфичности и сложности решения «деликатного» национального вопроса, рассматривала национальные движения как своеобразную форму инакомыслия, мало отличающуюся от диссидентской формы протеста против советской системы. По всей видимости, в разработке и принятии ответственных решений в отношении крымских татар и немцев, курдов и турок большую роль играли наряду с партийными структурами органы госбезопасности, нежели Совет Национальностей, которому в силу формальной иерархии советской власти должно было принадлежать право управленческих решений в этой сфере.

4.2. Еврейское национальное движение и его эволюция в рамках «новой исторической общности»

Еврейское национальное движение приняло иную форму, нежели движение крымских татар, советских немцев, турок-месхетинцев. Во второй половине 1960-х гг. рождается, а в 1970-е и первой половине 1980-х гг. становится существенным фактором развития межнациональных отношений в СССР движение евреев за право покинуть Советский Союз, право на эмиграцию и на алию, или репатриацию в Израиль.

Одним из поводов, способствовавших резкому нарастанию эмиграционных настроений, по всей видимости, можно считать жесткую проарабскую позицию советского руководства, которую оно заняло во время и после арабо-израильской войны 1967 г. Власти отказывают евреям в выезде, и так появляется постоянно растущая группа отказников, «взявшая на себя миссию воссоздания еврейского национального бытия»[109].

Еврейская эмиграция вызвала в жизни советского общества неоднозначную реакцию со стороны различных слоев общества, что отнюдь не способствовало межнациональному спокойствию и согласию. Власть стремилась свести проблему еврейской эмиграции к частным фактам несогласия отдельных советских граждан еврейской национальности с советским образом жизни, объяснить это сионистской пропагандой, показать, что социальных и национальных корней это явление не имеет.

Не случайно председатель Совета Национальностей В. П. Рубен в своем интервью корреспонденту «Литературной газеты» от 1 декабря 1976 г. отмечал, что в СССР дискриминации евреев по национальному признаку не существует и они имеют возможность полностью удовлетворить свои национально-культурные потребности. Евреи широко представлены, подчеркивал Рубен, в выборных органах власти. Естественно, статья вызвала определенный общественный резонанс, и отклики на нее со стороны еврейской общественности не замедлили появиться.

Так, трижды к Рубену с просьбой разъяснить содержащиеся в статье неточности обращался ленинградец Л. С. Шапиро. В частности, Шапиро недоумевал по поводу появляющихся в советской прессе разночтений в оценке численности евреев в советах разных

[109] См.: Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 152.

уровней. Если Рубен приводил цифру в 35 тысяч, то в «Известиях» за 24 декабря 1976 г. сообщалось, что среди депутатов выборных органов власти, начиная с Верховного Совета и заканчивая местными советами, 8 тысяч депутатов – евреи.

Шапиро просил Рубена дать разъяснения через официальную печать, почему в Ленинграде, где проживает около 170 тысяч евреев (10% еврейского населения СССР) «за последние 5 лет ни одного раза не было выступления ни одного еврейского ансамбля или исполнителя еврейских песен»? Еще один вопрос председателю Совета Национальностей касался возможности обучения детей «родному еврейскому языку, учитывая, что еврейских школ в СССР нет»[110].

Проблема численности еврейского населения в СССР является достаточно сложной и неоднозначной. По данным переписи, проведенной в январе 1970 г., в СССР насчитывалось 2151 тыс. евреев, по переписи 1979 г. евреев в стране проживало 1811 тыс., однако в своих письмах евреи эту цифру завышают, зачастую значительно. Дело в том, что еврейская традиция (галаха) считает евреем рожденного от матери-еврейки и (или) исповедующего иудаизм. Среди советских евреев широко была распространена практика учитывать критерии израильского «Закона о возвращении», согласно которому каждый человек, у которого дед или бабка были евреями, имел право на репатриацию в Израиль. Численность евреев, таким образом становилась на 100–150% больше, чем учитывала официальная перепись[111], а по некоторым оценкам достигала 10 млн человек.

Настойчивость Шапиро и нежелание Рубена втягиваться в дискуссию вынудили редколлегию «ЛГ» искать аргументы против позиции наблюдательного читателя. В ответе газеты указывалось, что «ЛГ» рассказывала о еврейской литературе, но не располагает сведениями об исполнителях еврейских песен в стране, и что вопросом о еврейских школах автор письма подменяет вопрос о праве проблемой его реализации. В СССР, подчеркивалось, «никто не запрещает Вам обучать своего ребенка родному языку», тем более что «у нас издаются журналы, выпускаются книги на идиш». Однако «ЛГ» признала, что подобные вопросы ставит не один Шапиро[112]. Председатель Совета Национальностей предпочел не ввязываться в дискуссию о «неравноправном положении евреев в СССР».

Аргументы тех, кто требовал обеспечить право евреев на беспрепятственный выезд из СССР, сводились к простейшему умозаключению: «СССР не является еврейским государством. Еврейская автономная область вообще не является государством. Существует одно еврейское государство – Израиль... Запретить им выезд в Израиль – ...лишить их права на самоопределение»[113].

Б. В. Ефимов из Москвы в письме, направленном в октябре 1971 г. в Верховный Совет СССР, отмечал, что «если существует несколько национальных очагов, каждый представитель нации имеет право индивидуально выбирать любой из них», тем более что «большинство евреев не хотело строить Еврейскую автономную область». «Каждая нация в СССР, – полагал он, – должна иметь право на создание собственной союзной республики. Однако

---

[110] ГАРФ, оп. 117, д. 145, л. 186.
[111] См.: Народы России. С. 152.
[112] ГАРФ, л. 190.
[113] Там же, оп. 106, д. 488, л. 9.

в настоящее время в СССР только 15 наций получили право на создание своей союзной республики. Это – отступление от принципа равноправия наций». Ефимов предлагал Верховному Совету принять «Закон о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения», а также «Закон о выезде из СССР»[114].

Сторонники движения отказников резко выступали против того, что «официальная пропаганда распространяет недоброжелательные и необоснованные сведения об идее репатриации и о сионизме». «Сионизм, – подчеркивал в своем обращении в мае 1971 г. в Президиум Верховного Совета один из лидеров Комитета защиты прав человека в СССР В. Н. Чалидзе, – это не более чем идея еврейской государственности..., возрождение и устранение трагических для еврейского народа последствий расселения и есть цель сионизма». Заботы сионизма, заключал Чалидзе, «сугубо национальны».

На этом обращении свою приписку сделали академик А. Д. Сахаров и один из будущих руководителей возникшей в 1973 г. русской секции «Международной амнистии» А. Н. Твердохлебов, заявившие, что они согласны с доводами Чалидзе и присоединяются к призывам «прекратить преследования репатриантов и не нарушать право покидать страну»[115].

В 1972 г. при Президиуме АН СССР была создана постоянная комиссия по координации научной критики сионизма. Правда, академик М. А. Коростовцев, исполнявший обязанности председателя комиссии, в 1977 г. сообщал секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину, что комиссия бездействует. Однако, считал академик, среди ряда исследователей преобладает установка, «будто сионизм возник из-за стремления евреев к мировой власти», а империализм является порождением сионизма, который, в свою очередь, имеет своим истоком иудаизм, «худшую из религий».

Коростовцев полагал, что в подобного рода работах содержатся «обидные для евреев выпады», а их авторы «ставят целью активизировать выезд евреев из СССР, считая их всех потенциальными «предателями». Поэтому и критика сионизма должна вестись так, чтобы удар приходился по еврейскому буржуазному национализму, а не по евреям»[116]. Однако никаких конкретных доказательств того, что в СССР «якобы преобладают установки таких исследователей, работы которых часто содержат обидные для евреев выпады», ни вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, ни заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Н. Кузьмин в письме Коростовцева не увидели, о чем сообщили в ЦК КПСС[117].

Власть, в том числе и аппарат Верховного Совета СССР, последовательно учитывала и обобщала разнообразные отклики на проблему еврейской эмиграции, дабы, как представляется, при подготовке каких-либо нормативных актов, касающихся этого вопроса, апеллировать в том числе и к мнению общественности. К примеру, решение увеличить размер пошлины за выезд из СССР, которая выросла с 22 сентября 1970 г. с 90 до 900

[114] ГАРФ, л. 14, 15, 16.
[115] Там же, л. 51.
[116] РГАНИ, оп. 73, д. 377, л. 2.
[117] Там же, л. 119, 120.

руб. на человека, нашло одобрение среди определенных социальных слоев советского общества.

«Все евреи, – считал И. П. Обломов из Москвы, – которые получили у нас высшее и среднее образование и выезжают из СССР, должны оплатить затраты на их обучение»[118]. В. В. Скворцову из Свердловска представлялось «несправедливым по отношению ко всему советскому обществу», «когда евреям разрешают уезжать без значительной материальной компенсации»[119].

Такого рода суждения опирались на широко распространенное убеждение об особом, привилегированном, материально более обеспеченном положении еврейского народа среди других этносов СССР. И. Бурда из Киева писал в Верховный Совет, что «власть на местах принадлежит евреям, вся медицина и доходные места в их руках»[120]. Зато, полагал И. Иванов с Горьковского автозавода, «их нет в шахтах, нет на металлургических заводах»[121]. Из Светлогорска Гомельской области сообщали, что евреев в городе «всего 500 человек», но они «занимают важнейшие участки общественной жизни города, нет ни одного учреждения или организации в городе, чтобы в нем не было руководящего еврея»[122], а из Ленинграда писали, что евреи «почти все имеют отдельные квартиры, легковые машины, дачи... эти люди лучше живут нас, русских»[123].

Аппарат Верховного Совета скрупулезно фиксировал приходящие в его адрес и откровенно антисемитские высказывания, в частности, рекомендации председателю Совета Национальностей не допускать назначения «больше 6 (шести %) начальников из евреев»[124].

В письме Е. Шароварникова евреи характеризовались как «нация – давно перевернутая страница истории», а «великий русский народ ничего общего с евреями не имеет, которые политически чужды и биологически несовместимы», даже национальные движения в Прибалтике и на Украине, по его мнению, не что иное, как глубоко законспирированные сионистские движения[125]. В обращении некоего комитета борьбы с сионизмом и жидомасонством в СССР содержался призыв создать «Лигу защиты советского народа от евреев»[126].

В письме, поступившем в Верховный Совет СССР в октябре 1976 г. из Харькова, обострение отношений между русским и украинским народами связывалось с происками сионистов и «полуевреев, или замаскированных евреев», к которым причислялись и кандидат в члены политбюро ЦК КП Украины В. Маланчук, директор Института истории при ЦК КП Украины Юрчак и другие, «при непонятном нейтралитете В. В. Щербицкого»[127].

---

[118] ГАРФ, л. 41.
[119] Там же, л. 43.
[120] Там же, л. 8.
[121] Там же, оп. 117, д. 558, л. 21.
[122] Там же, оп. 106, д. 567, л. 42.
[123] Там же, л. 34.
[124] Там же, оп. 117, д. 145, л. 206.
[125] Там же, оп. 106, д. 488, л. 60, 61, 72, 76.
[126] Там же, л. 126.
[127] Там же, оп. 117, д. 588, л. 123.

Таким образом, сионизм и сопутствующий ему как реакция и одновременно как протест против этой идеологии, в большей степени распространявшейся из-за рубежа, антисемитизм стали серьезной проблемой в советском обществе.

Среди социально активной части еврейского населения СССР, без сомнения, существовали различные подходы к проблеме эмиграции и развития этноса. Наиболее распространенной позицией являлась та, которой, к примеру, придерживалась В. В. Кремер, писавшая в Верховный Совет в октябре 1973 г.: «Все мои помыслы связаны с Израилем, а в эти дни войны у меня еще более неодолимое желание уехать и быть рядом с моим народом и, если потребуется, вступить в израильскую армию»[128].

Но были и те, кто считал, что эмиграционные настроения части народа бросают тень на весь этнос и заставляют все остальные советские народы с недоверием относиться ко всем евреям, живущим в СССР. Так, полковник Советской Армии из Волгодонска еврей В. Л. Фельдман полагал, что «необратимый процесс добровольной ассимиляции еврейского населения в СССР стал закономерностью и обрел форму политического, экономического, культурного и демографического слияния евреев с другими братскими народами Советского Союза».

Причинами возникновения у «отдельных лиц» эмигрантских настроений он называл «последствия сионистской пропаганды», «националистические предрассудки», «пережитки прошлого и частнособственнические интересы у некоторой, незначительной части еврейского населения». «Во имя межнационального доверия» к евреям автор письма предлагал советским властям запретить эмиграцию и создать антисионистское общественное движение, задачами которого должны стать борьба с «концепциями сионизма», «двойного гражданства» и «двойного патриотизма», борьба против эмиграции, «пропаганда и распространение идей советского патриотизма и добровольной ассимиляции еврейского населения в среде братских советских народов»[129].

Обращения евреев-отказников в Верховный Совет ярко демонстрируют формы борьбы за право выезда из СССР: от попыток нелегального перехода границы и различных акций солидарности с теми, кто был осужден за эти попытки (начиная с первого Ленинградского процесса 1970 г. над «группой преступников», пытавшихся угнать советский самолет[130]), голодных и массовых сидячих забастовок (после одной из таких, проведенной в феврале 1971 г. в приемной Верховного Совета, разрешение на выезд получила сразу большая группа евреев) до рассылки писем западным журналистам и в диссидентские издания, создания еврейского самиздатовского журнала со знаменательным названием «Исход», демонстраций протеста.

На 25 октября 1971 г. сионисты с целью усиления давления на партийные и советские органы наметили провести «всесоюзный поход евреев» к зданию ЦК КПСС. Андропов, Щелоков, Руденко обратились в ЦК за разрешением «эмиграционно настроенных лиц еврейской национальности из других городов задерживать и принудительно возвращать к их месту жительства». В результате принятых мер органам МВД и КГБ удалось «внести

[128] ГАРФ, оп. 106, д. 567, л. 1.
[129] Там же, л. 9, 10, 14.
[130] Там же, л. 41.

определенный раскол в ряды экстремистов, изолировать на время подстрекателей и главарей (В. С. Слепак, В. Г. Польский, Л. Л. Золотушко и др.), удержать заблуждающихся и колеблющихся лиц еврейской национальности». В результате к приемной ЦК КПСС 25 октября явилось лишь 86 человек, которые были задержаны и «профилактированы» в органах госбезопасности[131].

Представители сионистского движения старались реагировать на все акции, совершаемые против государства Израиль, чем вызывали немедленную негативную реакцию со стороны власти. Так, после террористического акта против израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене «группа лиц еврейской национальности в количестве 36 человек» собралась у голландского посольства, где «намеревалась передать представителю посольства соболезнование» по поводу мюнхенских событий, а затем прибыла к ливанскому посольству. 43 человека было задержано, среди них академик А. Д. Сахаров, член-корреспондент АН СССР А. Я. Лернер, член СП СССР Д. П. Маркиш, сотрудник Института конкретных социальных исследований В. С. Рашковский. После бесед все были отпущены[132].

О демонстрациях в обществе, где такая форма протеста была запрещена, евреи чаще всего предупреждали власти заранее. Обычной, к примеру, была такая ситуация. 13 июля 1973 г. евреи Ш. и Р. Брондоманы, Е. и С. Ленчики, Э. и Р. Литваки сообщали председателю Одесского горисполкома В. Шурко о том, что они вынуждены провести демонстрацию протеста 25 июля у здания областного УВД и 27 июля у здания обкома КП Украины с плакатами размером 40х40 см^2 следующего содержания: «Отпустите к матери в Израиль», «Долой волокиту – отпустите в Израиль», «Не знаю никаких секретов – отпустите в Израиль», «Хочу видеть своих родителей – отпустите в Израиль»[133].

Безусловно, ряд отказников подвергался репрессиям. Однако, по официальным сведениям, эмиграционный поток из СССР с 1967 г. постоянно возрастал и привел к отъезду около 800 тыс. евреев, из них около 500 тыс. переехали в Израиль, остальные – в западные страны, главным образом в США. В рассматриваемый период эмиграция трижды достигала максимального уровня: в 1973 г. выехало 33 500 человек, в 1978 г. – 36 000, в 1979 г. – 51 300[134]. Причем, среди эмигрировавших из СССР евреев были и евреи грузинские (к концу 1970-х гг. из 43 тысяч грузинских евреев, зафиксированных переписью 1970 г., выехало из страны около 70%), евреи среднеазиатские, евреи горские, караимы, крымчаки.

В годы «отказного» движения в крупных городах СССР сложились «основы для неподконтрольного властям функционирования еврейской общественной жизни и культуры»[135]. Возникали и действовали кружки изучения иврита, религии, истории, философии еврейского народа, клубы знакомств.

Впрочем, достаточно аргументирована позиция исследователей, полагающих, что «советская власть отменила черту оседлости и подняла в элиту массу евреев». Они предпо-

---

[131] РГАНИ, ф. 89, пер. 17, д. 50, л. 3, 5, 12.
[132] Там же, пер. 37, д. 47, л. 1.
[133] ГАРФ, л. 131.
[134] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 131.
[135] Народы России. С. 157, 158, 132, 182, 210.

читают говорить не об антисемитизме, а об «этносоциальном неравенстве», выразившемся в принадлежности 90% евреев к интеллигенции (здесь красноречивы такие сравнения, как численность докторов наук, которых в 1982 г. среди евреев было в 17,5 раз больше, чем среди русских, в 29 раз больше, чем среди украинцев, в 37,6 раз больше, чем среди белорусов) и слабом представительстве в других социальных слоях общества. Исходя из этого, еврейское национальное движение рассматривается прежде всего как «культурное и политическое течение, сыгравшее важную роль в кризисе и гибели советского строя»[136].

Еврейская проблематика оказалась связана прежде всего с оживлением сионизма в Советском Союзе. Органы госбезопасности довольно часто фиксировали активную деятельность сионистских организаций с довольно четкой структурой и программой. Так, в апреле 1970 г. Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС данные о существовании в Ленинграде «сионистской организации, состоящей из пяти групп националистически настроенных граждан по шести человек в каждой». Руководители групп инженер-химик Д. И. Черноглаз, главный инженер «Ленжилпроекта» С. Г. Дрейзнер, механик Г. И. Бутман составляли «Комитет» данной организации[137].

Задачами этой организации, подчеркивал председатель КГБ, являлись «разжигание эмиграционных настроений и склонение евреев к выезду в Израиль», «пропаганда сионистской идеологии», организация сбора подписей под обращением в ООН лиц, которым отказано в выезде в Израиль, создание курсов («ульпанов») по изучению древнееврейского языка и «воспитание слушателей в произраильском духе». Андропов докладывал, что на совещании «Комитета» 26 апреля 1970 г. Бутман предложил провести «акцию», содержание которой держалось в строгом секрете, привлечь к «акции» еврейских националистов из Риги, а перед этим постараться «получить санкцию у израильских правящих кругов»[138].

Свою роль сыграл и процесс над «самолетчиками», когда внимание с конкретного террористического акта мировая общественность сумела переключить на проблему свободы эмиграции из СССР. По всей видимости, под давлением заграницы власти СССР пошли на уступки и количество разрешений на выезд из СССР стало расти из года в год.

Поскольку евреи составляли почти 80% всех эмигрантов, в советском общественном мнении складывалось представление об исключительности «еврейской нации»: несмотря на чинимые препятствия, еврейский этнос – единственный из советских народов – имел право на выезд из СССР. Причем, «тяга к земле обетованной» чаще всего выступала как официальный повод к выезду из социалистической страны. С 1977 г. число выехавших из СССР евреев в Израиль стало уступать численности евреев, выехавших в другие страны. К примеру, по данным израильского исследователя М. Кана в 1977 г. выехало в Израиль 8 300 евреев, в другие страны – 8 400, в 1978 г. эти показатели расходятся больше – 12 200 и 16 800, в 1979 г. – 17 600 и 33 700, в 1980 г. – 7 600 и 13 900 и т.д.[139]. Объективно возникала питательная среда для сопоставления: евреям – можно, нам – нельзя.

---

[136] См., *Кара-Мурза С. Г.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. С. 7.
[137] РГАНИ, д. 21, л. 1.
[138] Там же, д. 21, л. 2.
[139] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 10, д. 108, л. 98.

Большую роль играл и тот факт, что среди участников диссидентского движения значительную долю составляли евреи: «Все евреи – диссиденты, все диссиденты – евреи»[140]. Учитывая, что наиболее существенным фактором развития диссидентства в стране было противопоставление русскому началу, вряд ли можно рассматривать это движение с национальной точки зрения как толерантное. Не случайно наиболее авторитетный среди лидеров движения диссидентов А. Д. Сахаров среди всех прочих прав и свобод человека на первый план выдвинул право на эмиграцию, право на выезд из страны.

4.3. Межэтнические конфликты на Кавказе и их воздействие на процесс развития «советского народа как новой исторической общности»

На Северном Кавказе продолжал разгораться межнациональный конфликт, истоком которого явилось перераспределение земель и границ между вновь воссозданными и существовавшими ранее национальными автономиями. Острота отношений между осетинами и ингушами во второй половине 1960 – начале 1980-х гг. была очевидна и для советского руководства, ограничивающего поле своей деятельности пресловутым «изучением вопроса», стремящегося избежать радикальных и решительных шагов по разрешению конфликтной ситуации и законсервировать ее в вялотекущей стадии.

4 930 ингушей из Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии в октябре 1972 г. направили в высшие государственные органы страны, в том числе и в Верховный Совет СССР, письмо с требованием вернуть им правобережную часть Орджоникидзе, Пригородный район со всеми населенными пунктами, Кескеленские хутора, земли у станицы Вознесенской, с. Ольгинское, аул Гвелети. Предлагалось возвратить «к прежним местам жительства осетин, завезенных в Пригородный район из Южной Осетии»[141]. Из 120 тыс. гектаров пахотных земель, принадлежащих ранее ингушам, отмечалось в обращении, «54% (65 тыс. га) остались у осетин». Ингуши считали себя коренными жителями Северного Кавказа, а осетин – «пришельцами». В то же время из «75 тысяч ингушей, являющихся коренными жителями Пригородного района, смогли вернуться лишь 25 тыс., а остальные находятся на положении палестинских арабов». Если сохранится существующее положение вещей, подчеркивалось в письме, то ингуши обречены «на уничтожение как нация, что совершенно неравнозначно естественному процессу слияния наций», причем такая постановка вопроса характеризовалась как «защитная реакция малого народа», а не как «национализм ингушей»[142].

Характер открытого противостояния подтверждали факты, в обилии приводимые в многочисленных письмах ингушей, в частности, в Верховный Совет. Так, в письме от 28 декабря 1972 г. (Д. Картоев, И. Базоркин и др.) приводились данные о восьми убийствах осетинами ингушей и одном поджоге в с. Чермен, выселении ингушей из Пригородного

---

[140] См.: *Кара-Мурза С. Г.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм.
[141] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 528, л. 90, 99.
[142] Там же, л. 94. См. также: ГАРФ, д. 565, л. 31.

района в Казахстан или Чечено-Ингушетию, запрете прописываться и покупать дома в Пригородном районе[143].

В ноябре 1972 г. группа ингушей сообщала в Верховный Совет СССР о так называемой «лошадиной операции осетинских националистов»: угоне 69 лошадей из ингушского селения Али-Юрт Назрановского района 11 октября 1971 г.[144] В лице секретаря Чечено-Ингушского обкома партии Х. Бокова, ингуша по национальности, активисты ингушского национального движения усматривали сторонника осетин и выразителя позиции советского руководства. Именно этому руководителю приписывались национал-нигилистические взгляды, Боков считал, что «не важно, к какой республике относится тот или иной район», «не имеет значения, какой характер носит автономия того или иного народа», поскольку все народы живут в едином социалистическом государстве[145].

Позитивный выход из конфликтной ситуации такие активисты ингушского движения, как журналист А. Костоев, писатель И. Базоркин видели в выходе Ингушетии из состава Чечено-Ингушетии, создании Ингушской АССР с центром в правобережной части города Орджоникидзе. В качестве второго варианта ими же рассматривалась вероятность создания Осетино-Ингушской АССР с центром в Орджоникидзе, причем в пользу этого варианта, считали они, «говорит опыт развития многонациональных автономных республик по признаку общности или смежности территории» – Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарии и т.д.[146]

Вторая линия межнационального противостояния на Северном Кавказе прослеживается не менее отчетливо, чем первая. Это постоянно растущая напряженность между коренными народами и переселившимися сюда в силу разных причин представителями других этносов, прежде всего русских. Так, в «сознательной и последовательной изоляции коренного населения от участия в решении вопросов политики, экономики, и культуры», в замедлении процесса «становления автономии чечено-ингушского народа» группа коммунистов из Чечено-Ингушетии в письме в Верховный Совет СССР и политбюро ЦК КПСС в апреле 1972 г. обвиняла «сильную и спаянную группировку» из русских руководителей республики. В эту группировку были зачислены первый секретарь обкома С. Апряткин, заведующие отделами обкома В. Варлашкин, Ю. Юрченко, Н. Поляков, Г. Калачов, заместители председателя Совета Министров Чечено-Ингушетии А. Слюсарев, С. Синельников, председатель Госплана республики Е. Брыксин, прокурор К. Бурмистров, председатель Верховного Суда автономии Н. Кузнецов, секретари райкомов и председатели райисполкомов Н. Правенький, Г. Истомин, В. Цызман, Ю. Сухоруков, Д. Санько, А. Чайкин и др.

Чеченцам и ингушам, по мнению авторов письма, отведена второстепенная роль в партийном и советском аппаратах. Например, в аппарате обкома они составляют 25%, в 60 министерствах и ведомствах – 17 руководителей коренной национальности, слабо они

---

[143] ГАРФ, д. 565, л. 61.
[144] Там же.
[145] Там же.
[146] Там же, л. 67, 68.

представлены в органах суда, прокуратуры, МВД, КГБ, «а в военкоматах их вообще нет»[147]. Указывалось и на «хищническую эксплуатацию нефтяных скважин», на использование богатых пастбищ в горах республики «частниками Грузинской ССР, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР», на культивирование мнения о том, что специалисты из числа чеченцев и ингушей «являются неполноценными по своим инженерным знаниям и деловым качествам», что они «не умеют работать и не любят землю»[148].

Особо раздражали авторов письма «бедственное положение чеченского и ингушского языка», препятствия, чинимые при поступлении в вузы республики лицам коренной национальности. Возмущало их и то, что в центре Грозного «возвышается памятник царскому сатрапу, душителю свободы и жестокому колонизатору, палачу чеченского народа генералу А. П. Ермолову» и еще один памятник поставлен поэту А. И. Полежаеву, «видимо, на том основании, что он воспевал вандализм Ермолова и его сподвижников». Этими фактами объяснялось, что «часть чечено-ингушского народа... впадает то в карьеризм и стяжательство, то в мистику и религиозный фанатизм»[149].

Однако до руководства страны доводилась и иная, противоположная позиция, согласно которой наибольшую опасность в Чечено-Ингушской АССР представлял постоянно нарастающий национальный экстремизм чеченцев и ингушей. Примечательно в данной связи письмо из Грозного от члена КПСС с 1941 г., члена Союза писателей СССР З. Мутамебова, присланное в январе 1973 г. в ЦК КПСС. С письмом ознакомились М. Соломенцев и П. Демичев, направившие его, в свою очередь, А. Яковлеву с просьбой внимательно разобраться.

В своем письме в ЦК он приводил факты убийства «чеченским бандитом» министра лесного хозяйства республики Колотушкина, русского по национальности, жестокого избиения «ингушским бандитом» полковника Байбакова. Автор письма привел сведения о сходе «религиозных сектантов и мюридов» на Назрановском кладбище, где было принято «решение из десяти пунктов», разъясняющих «правила сватовства, дачи и получения калыма за проданную девушку, регистрации брака по шариату, правила кровной мести, похорон, поминок, свадеб, т. е. свод законов, противостоящий советским законам».

Русским, пишет Мутамебов, предлагают: «Уходите в Россию, оставьте Кавказ для кавказцев»; происходит нападение «чеченского населения одного села на русское население в Заводском районе Грозного, антиосетинские волнения в ингушских селах и районах»[150].

Эти факты нельзя объяснить личной обидой писателя, тем более они находят подтверждение в докладной записке заместителя заведующего отделом пропаганды Ю. Склярова и заведующего сектором отдела организационно-партийной работы Г. Лапчинского в ЦК КПСС. В записке отмечается, что в ряде районов Чечено-Ингушской АССР и Пригородном районе Северо-Осетинской АССР «националистически настроенные лица допускают оскорбления, угрозы, хулиганские действия, насилие в отношении граждан других национальностей, особенно русских, что вынуждает их выезжать за пределы

[147] ГАРФ, л. 6, 7, 9, 11.
[148] Там же, л. 29, 39, 41.
[149] Там же, л. 48, 55, 57, 60, 67.
[150] РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 139, л. 3, 4, 5, 6.

республики». В качестве примера приводится ситуация, сложившаяся только в одном Сунженском районе Чечено-Ингушской АССР, из которого только за последние три года выехало около 9 тысяч русских, причем в первом квартале 1973 г. – 780 человек[151].

Особую активность, отмечали Скляров и Лапчинский, проявляет мусульманское духовенство. Имеется большое количество нелегальных мечетей, «где шейхи и муллы проводят сборища верующих, обрабатывают их в религиозном, националистическом духе». В республике действует более 300 мюридских групп. ЦК был информирован о самозахватах общественных земель в Чечено-Ингушской АССР (в одном Шалинском районе насчитывалось 180 случаев самозахвата), о том, что «некоторые лица имеют в личном пользовании от 1 до 2 гектаров земли, ...в горной местности самовольно создано более 70 хуторов», о том, что многие чеченцы и ингуши нигде не работают, содержат по 300–400 голов овец, по 15–20 голов крупного рогатого скота»[152].

События 15–19 января 1973 г. стали закономерным следствием сложившейся на Северном Кавказе взрывоопасной ситуации. Ингуши, требовавшие возврата Пригородного района, более трех суток держали здание обкома КПСС Грозного в осадном положении, а «районы Ингушетии бросили работу и все население находилось в Грозном»[153]. После окончания беспорядков и принятия постановления ЦК КПСС «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном» в Чечено-Ингушскую АССР и Северо-Осетинскую АССР выехала группа работников аппарата ЦК и Совмина РСФСР. Из членов КПСС было исключено 23 человека, из членов ВЛКСМ – 18, освобождены от руководящей работы 9 человек. 14 наиболее активных участников выступления привлечены к уголовной ответственности. Более 450 человек были обсуждены в коллективах. На собрании писателей республики были осуждены националистические взгляды ингушского писателя И. Базоркина[154].

Однако собрания в коллективах показали, что многие придерживаются мнения о справедливости требований собравшихся в Грозном и борьба за «ингушские земли» будет продолжена. Как сообщал в мае 1971 г. в отдел пропаганды ЦК КПСС секретарь Грозненского обкома партии Х. Боков, требования о присоединении Пригородного района были повторены в совхозе «Ингушский» Малгобекского района, на Назрановском заводе «Электроинструмент», Назрановской трикотажной фабрике и других предприятиях и учреждениях.

Боков докладывал, что на собраниях, проходящих в республике, разъясняется, что притязания ингушей о возврате им домов и другого имущества не имеют под собой никаких оснований. Уже после возвращения из ссылки чеченцам и ингушам была оказана помощь для строительства домов, обзаведения скотом. Кредиты для этих нужд составили свыше 36 млн рублей, «в том числе ингушскому населению Назрановского, Малгобекско-

[151] РГАНИ, л. 35.
[152] Там же, л. 36.
[153] Там же, л. 8;
[154] Там же, л. 33, 35.

го, Сунженского районов более 8 млн руб.». 30 млн руб., кстати, было списано, в том числе по этим трем районам – 7 млн рублей.[155]

Противостояние из-за спорных территорий сохранялось и в последующие годы. В селах Октябрьском, Камбилеевском, Чермен Пригородного района Северо-Осетинской АССР» в конце 1970 – начале 1980-х гг. «неоднократно собирались многолюдные сборища, на которых высказывались националистические требования о насильственном выселении ингушей за пределы республики, распространялись провокационные листовки»[156]. Однако ни один человек в республике за националистические действия не был привлечен к уголовной или какой-либо другой ответственности.

В конце концов все это привело к новому взрыву в 1981 г. 24–26 октября в Орджоникидзе прошли антиингушские выступления осетинского населения. Поводом послужило убийство в ингушском селении шофера-осетина К. И. Гаглоева, а «также несколько других преступлений»[157].

Похоронная процессия превратилась в демонстрацию, гроб с телом убитого пронесли по всему городу, а затем толпа митингующих ворвалась в здание обкома. Прибывшие вечером курсанты училища МВД попытались вытеснить демонстрантов из здания. В ответ в здании обкома был учинен погром, беспорядки вылились на улицы города. «Подстрекаемые националистическими призывами бесчинствующие элементы нападали на общественные и государственные учреждения, пытались дезорганизовать работу городского транспорта, допускали оскорбительные выпады и угрозы в отношении жителей-ингушей». В течение нескольких дней нормальная жизнь города и работа на отдельных предприятиях «была нарушена»[158].

После приезда в город М. Соломенцева и Ю. Чурбанова состоялся митинг, на котором обличался «разгул преступности ингушей». Только войска сумели остановить толпу радикальных демонстрантов, двинувшихся на ингушские районы. После того, как 26 октября был пущен слух о разрешении войскам применять огнестрельное оружие, беспорядки пошли на спад. Было осуждено 26 человек[159].

От обязанностей первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии был освобожден Б. Е. Кабалоев. ЦК КПСС признал, что предыдущее постановление от 26 апреля 1979 г. об улучшении идеологической и политико-воспитательной работы в Северо-Осетинской АССР не выполняется, и по событиям 1981 г. было принято новое постановление, содержащее призыв «строго пресекать любые проявления национализма», усилить интернациональное и коммунистическое воспитание[160].

В новом постановлении ЦК КПСС о крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома партии от 12 января 1982 г. было записано и два «протокольных» пункта: Совету Министров СССР поручалось рассмотреть вопрос о временном ограниче-

---

[155] РГАНИ, л. 42.
[156] Там же, ф. 89, пер. 23, д. 33, л. 3.
[157] Там же, л. 3.
[158] Там же, л. 3.
[159] См.: Источник. 1995. № 6. С. 151.
[160] РГАНИ, л. 4.

нии прописки граждан, «прибывающих на постоянное жительство в Пригородный район Северо-Осетинской АССР», а МВД СССР – принять меры к «изъятию огнестрельного и холодного оружия, незаконно хранящегося у населения Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР»[161].

Мирного пути разрешения осетино-ингушского конфликта к этому времени, пожалуй, уже не существовало, и вряд ли можно согласиться с мнением известного ученого А. Г. Здравомыслова, который утверждал, что «несмотря на наличие социально-психологических предпосылок конфликта, в 80-е годы еще сохраняется возможность мирного решения вопроса на основе традиций кавказского добрососедства». Здравомыслов полагал, что эта возможность не получила поддержки со стороны официальных структур[162]. Исторический опыт свидетельствует, что территориальные претензии оказываются сильнее чувств гостеприимства и добрососедства даже у северокавказских этносов.

Ухудшение обстановки наблюдалось в первой половине 1980-х гг. среди чеченского населения в Хасавюртовском, Казбековском, Новолакском районах Дагестанской АССР. Сменивший Андропова на посту председателя КГБ В. М. Чебриков в декабре 1983 г. докладывал руководству страны о намерениях чеченцев в Дагестане организовывать «массовые сборища», случаях самовольного захвата чеченцами земель под застройку, об участившихся конфликтах между чеченцами и «другим населением республики», в частности, аварцами и лакцами.

Органами КГБ в Хасавюрте была пресечена деятельность двух молодежных группировок, участники которых обсуждали вопросы «ущемленного положения чеченцев в Дагестане»[163]. В январе 1984 г. секретарь Дагестанского обкома партии М. Юсупов в письме в ЦК подтвердил данные КГБ, отметив при этом, что «требования о восстановлении Ауховского района усилились в последние 3–4 года». Чеченцы, указывал он, пишут обращения в государственные органы власти, вовлекают в это движение молодежь, а «30 семей самовольно захватили земли под дома». За национализм, подчеркивал партийный чиновник, 3 человека исключены из партии, 18 «профилактировано органами КГБ», 4 чеченцев привлечено к уголовной ответственности[164].

В целом ситуация на Северном Кавказе к середине 1980-х гг. категорически опровергала все утверждения о решении национального вопроса и усилении процесса консолидации советских народов в новую историческую общность. В 1984–1986 гг. было зафиксировано «свыше ста националистических проявлений»: «избиения и убийства на почве неприязненных отношений между ингушами и осетинами, осквернение русских кладбищ, хулиганские действия по отношению к сельской интеллигенции некоренных национальностей»[165].

---

[161] РГАНИ, л. 6.

[162] См.: *Здравомыслов А. Г.* Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998. С. 45.

[163] РГАНИ, ф. 5, оп. 89, д. 874, л. 5.

[164] Там же, л. 10, 11.

[165] Там же, ф. 89, пер. 11, д. 192, л. 3.

В Чечено-Ингушской АССР за эти годы сократилось количество учителей русской национальности на 300 человек, из направленных в республику медицинских работников половина вынуждена была уехать, не проработав и года. В Назрановском и Малгобекском районах Чечено-Ингушетии, Пригородном районе Северной Осетии продолжала усиливаться однородность национального состава трудовых коллективов, в некоторых населенных пунктах действовали раздельные по национальному признаку школы[166].

Большую роль продолжал играть ислам. Из 400 опрошенных студентов Чечено-Ингушского университета и пединститута почти 80% отметили, что соблюдают религиозные обряды и праздники, каждый третий назвал себя верующим. Среди ингушей, особенно в мюридских общинах, участились призывы не родниться с осетинами. Более половины браков чеченцев и ингушей заключались по шариату и ежегодно в органах загса «устанавливалось отцовство» свыше четырех тысяч детей, родившихся от «неузаконенных» браков[167].

С 1982 по 1986 г. были похищены и выданы замуж более 100 учениц 7–9 классов. В состоянии кровной вражды находилось свыше 60 тейповых групп, нередкими были убийства на этой почве. Опасная конфликтная ситуация возникла в этот период между враждующими тейпами Яндиевых, Хадзиевых и Албаковых, проживавших на границе автономных республик. Местные органы власти способствовали исполнению религиозных обрядов, выделяя служебный транспорт, к примеру, для подвоза паломников к «святым местам», в решении важных вопросов прибегали к помощи религиозных авторитетов[168].

Большая часть преступлений в Чечено-Ингушетии совершалась с использованием боевого оружия, в Северной Осетии росла групповая преступность, в обеих республиках чрезвычайно острой становилась проблема наркомании. В Чечено-Ингушской АССР широкие масштабы приобрело использование наемного труда лиц славянской национальности в хозяйствах лиц коренных национальностей. В Ачхой-Мартановском, Сунженском и Шалинском районах в первой половине 1980-х гг. было выявлено 65 так называемых «батраков»: у Эктумаевых, например для ухода за личным подворьем, насчитывающим до 500 овец, 27 голов крупного рогатого скота, 29 лошадей, использовались Абрамов, Александров, Соболев, у Хашиевых – Новиков, Котов. Такие лица содержались в хозяйствах секретаря партийной организации, депутата Ореховского сельсовета Хачукаевой, завхоза школы Мурадова[169].

Социальное неравенство стало приобретать большие масштабы. В общей численности трудоспособного населения Чечено-Ингушской АССР удельный вес лиц коренных национальностей составлял к середине 1980-х гг. 62%, однако среди промышленно-производственного персонала они составляли менее трети, зато в торговле – более 70%. Лица коренных национальностей меньше были представлены на инженерно-технических факультетах (например, в горно-металлургическом и нефтяном институтах – 37%), зато они преобладали на гуманитарных факультетах (в университете – от 63 до 80%). Уровень

[166] РГАНИ, л. 4.
[167] Там же, л. 5.
[168] Там же.
[169] Там же, л. 6.

жизни разных национальностей также существенно различался: в ингушских и кумыкских селах Северо-Осетинской АССР материальная база учреждений культуры, народного образования, сферы обслуживания была развита хуже[170].

Одной из наиболее напряженных точек межнационального противостояния в период «развитого социализма», безусловно, являлась Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской ССР, но населенная в основном армянами. По переписи 1979 г. в НКАО, население которой составляло 162 тысячи человек, проживало 123 тысячи армян (75,9%), 37 тысяч азербайджанцев (22,8%)[171]. Протесты, заявления, петиции армян, проживавших в Карабахе, Армянской ССР и других союзных республиках, о передаче НКАО в состав Армении стали привычными для высших государственных органов страны.

24 апреля 1965 г. в связи с 50-летием геноцида армян в Турции в Ереване состоялось несанкционированное стотысячное шествие под лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос». Как сообщал председатель КГБ В. Е. Семичастный секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, «отдельным националистически настроенным лицам» удалось использовать этот день «для поднятия территориального вопроса»[172].

И после событий 24 апреля в КГБ Армении продолжали поступать сведения о нездоровых процессах, проходящих в интеллигентской и студенческой среде. В ноябре 1966 г. заместитель председателя КГБ СССР С. Банников сообщал в ЦК КПСС, что в Армении продолжают создаваться различные группы, ставящие задачей «побудить население к массовому выступлению за присоединение к Армении Нагорно-Карабахской автономной области и Нахичеванской АССР, а также Ахалкалакского и Ахалцихского районов Грузии»[173].

За 1965–1966 гг. в Армении было зафиксировано 277 случаев распространения листовок. Органы госбезопасности пресекли деятельность нескольких националистических организаций: «Армянского молодежного союза», состоящего из 38 участников во главе со студентом 5 курса истфака госуниверситета коммунистом С. А. Матевосяном и ответственным секретарем газеты завода «Каназ» С. А. Айрапетяном; «Общества по армянскому вопросу» во главе со студентом 2 курса философского факультета госуниверситета Р. Петросяном; националистической группы из 20 человек в Вединском районе[174].

В сентябре 1967 г. к председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному обратились 55 армянских ученых, среди которых были члены АН Армянской ССР А. Иоаннисян, С. Еремян, А. Аракелян, Э. Агаян, К. Мелик-Оганджанян, А. Ганаланян, В. Ристуни, 14 докторов наук и 34 кандидата наук.

Политику азербайджанского руководства по отношению к армянам Карабаха они характеризовали как политику «заведомого и обнаженного ассимиляторства и национального забвения», а цель азербайджанского руководства видели в «вышавливании армянского населения из НКАО», для того, чтобы добиться «изменения соотношения в национальном

---

[170] РГАНИ, л. 8, 10.
[171] См.: *Брук С. И.* Население мира. М., 1981. С. 216.
[172] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 95.
[173] Там же, оп. 58, д. 19, л. 31.
[174] Там же, л. 32, 33, 34.

составе края», что в целом, по мнению армянских ученых, им, проводящим «линию национального разобщения в культурной и экономической жизни края», удается[175].

Армяне из НКАО позицию руководства Армянской ССР были склонны рассматривать как политику невмешательства, игнорирования национализма в Азербайджане, поэтому чаще апеллировали к высшим союзным органам власти. О высокой степени напряженности отношений между армянами и азербайджанцами свидетельствуют факты убийств на национальной почве, в обилии приводимые в письмах из НКАО[176], причем подобные отношения между соседствующими этносами наблюдались не только в Карабахе, но и в Шамхорском, Дашкесанском, Хангарском, Шеванском районах Азербайджана[177].

Ненормальность ситуации, по мнению армянской стороны, заключалась также и в положении Нахичеванской АССР, которая «будучи расположена на армянской территории, входит в состав Азербайджана на правах автономной республики, хотя надлежало бы быть наоборот, т.е. иметь азербайджанское автономное управление в составе Армении»[178] (по данным переписи 1979 г., в Нахичеванской АССР с населением в 240 тысяч человек азербайджанцы составляли 95,8% (230 тысяч), а армяне – 1,4% (3,4 тысячи)[179]).

Если азербайджанская позиция исходила из принципа невозможности изменения границ между республиками и неприкосновенности и неотчуждаемости этнических территорий, то армяне ставили перед советскими властями резонный вопрос: «Почему воссоединение украинских, белорусских, среднеазиатских земель рассматривается как бесспорно законное дело и встречает всеобщее одобрение, а воссоединение Нахичевани и Карабаха с Советской Арменией признается нецелесообразным и разговоры о нем характеризуются как националистическое явление?»[180]

Отношения между армянами и азербайджанцами оставались очень напряженными весь рассматриваемый период. В 1976 г. эту проблему вновь поднимал в своем письме в Министерство обороны и Министерство иностранных дел профессор МГУ, доктор философских наук Г. Л. Епископосов, обращавший внимание на продолжающиеся нарушения национальной политики в Азербайджанской ССР, на «рецидивы великодержавного азербайджанского национализма», который неизбежно «смыкается с пантюркизмом» и несет опасность для южных рубежей СССР[181].

Тогда же подобные вопросы поднимали лауреат Госпремии, писатель С. Ханзадян в своем письме к Л. И. Брежневу, писатель Л. Гурунц, обратившийся в «Правду» с просьбой напечатать «открытое письмо на имя президента США Д. Картера»[182]. Руководство республик не стремилось хоть как-то разрядить напряженную ситуацию. К примеру, в июне 1969 г. в с. Баян Дашкесанского района АзССР секретарь райкома Сулейманов разрушил созданный по проекту скульптора из Армении Р. Исраеляна памятник воинам-армянам,

[175] ГАРФ, оп. 121, д. 49, л. 7.
[176] Там же, л. 8, 12, 13.
[177] Там же, оп. 117, д. 558, л. 2.
[178] Там же, оп. 121, д. 49, л. 6.
[179] См.: *Брук С. И.* Указ. соч. С. 215.
[180] ГАРФ, л. 56.
[181] РГАНИ, оп. 69, д. 581, л. 3.
[182] Там же, оп. 75, д. 161, л. 4, 9.

павшим в годы Великой Отечественной войны, посчитав, что «на памятнике – фигура дашнака»[183]. В Нахичеванской АССР в 1970-е гг. не осталось ни одного христианского памятника, а в Шуше было «раскурочено» армянское кладбище. Бакинский армянский пединститут был переведен из столицы в 30-тысячный Степанакерт[184].

На отношения между этносами влияли самые безобидные, на первый взгляд, события. К острой вспышке еще только словесной войны между двумя республиками привел выпуск почти одновременно в Баку и Ереване «научных» трудов, доказывающих, что библейский Ной, оставивший следы своего пребывания во время потопа на горе Арарат, был по национальности в одном случае армянином, в другом – азербайджанцем. Специальная комиссия из Москвы выезжала в национальные республики мирить ссорящиеся стороны[185]. Желание власти оставить «все на своих местах» подчеркивало в данном случае не только «застойный» характер всей политической линии государства, но и наличие «двойных стандартов» в советской национальной политике.

Конфликты на этнической почве на Северном Кавказе и Закавказье серьезным образом затрудняют представление об отсутствии в «развитом социалистическом» обществе открытых проявлений межнациональной розни. Попытки властей скрыть от населения все более усиливающееся противостояние ряда этносов на Кавказе за «земли предков» и тем самым загнать эти противоречия вглубь грозили неминуемым взрывом.

Принятие в основном закрытых партийных постановлений об «усилении интернационального воспитания» свидетельствовало о наличии у власти довольно узкого набора средств и методов совершенствования межнациональных отношений в стране. Открытые вооруженные противостояния на Кавказе в 1973 и 1981 гг., когда власть в течение нескольких дней контролировалась экстремистскими, националистическими элементами, показали, что союзный центр запоздало реагирует на подобные конфликты, ведет себя нерешительно. Данное обстоятельство, представляется, придавало уверенности националистическим силам в необходимости повторения экстремистских акций и возможности достижения успешных для них результатов.

4.4. Складывание национальных кланов в республиках и их влияние на межнациональные отношения в стране

Чаще всего недовольство в национальных республиках и автономиях вызывали диспропорции по национальному признаку в руководящих кадрах. Так, разбирательство на высшем партийном уровне вызвало анонимное письмо из г. Нукус, в котором сообщалось, что первый секретарь Каракалпакского обкома КП Узбекистана К. Камалов «на руководящие посты выдвигает главным образом каракалпаков, не учитывая при этом национальный состав автономной республики»[186] (по данным переписи 1979 г., каракалпаки

[183] РГАНИ, оп. 69, д. 581, л. 7.
[184] Там же, оп. 75, д. 161, л. 6, 7, 8.
[185] См.: *Грачев А.* Кремлевская хроника. С. 34–35.
[186] РГАНИ, оп. 64, д. 70, л. 15.

составляли 31,1% населения республики, узбеки – 31,5%, казахи – 26,9%, туркмены – 5,4%, русские – 2,3%[187]).

Секретарь ЦК КП Узбекистана В. Ломоносов был вынужден доказывать руководителям центрального партийного аппарата, что сообщение из Каракалпакии о том, что «лица некаракалпакской национальности якобы преследуются и изгоняются, не соответствует действительности». Приведенное в качестве доказательства процентное соотношение между работниками обкома партии (каракалпаки – 40,9%, узбеки – 20,6%, казахи – 20,3%, русские – 8%)[188] больше свидетельствует об укоренившейся партийной линии в кадровой политике, согласно которой преимущественное право занимать руководящие должности в республике дается представителям этноса, давшего название этой республике.

Такая политика со всей очевидностью обнаруживала в «недрах развитого социализма» в союзных республиках среди политической элиты уже сложившиеся мощные национальные кланы.

Например, заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, ссылаясь на письма, поступающие в КГБ СССР, в декабре 1972 г. писал в ЦК, что «за последние годы в Киргизии получили широкое распространение ранее искорененных обычаев, пережитков, реакционных традиций», а подбор и расстановка кадров проводятся «по родоплеменным признакам», причем «на многие ключевые позиции выдвинуты родственники ранее репрессированных националистов»[189]. Доказательства приводились следующие: племянница жены первого секретаря ЦК КП Киргизии Усубалиева являлась секретарем ЦК ЛКСМ Киргизии, тесть Усубалиева Худайбергенов – «бывший нарком юстиции и прокурор республики, трижды осуждался за антисоветскую деятельность», а работники ЦК КП республики К. Молдобаев, Д. Турсунов, А. Омурова «родились в Нарынской области, откуда родом и Усубалиев»[190].

Политика национальных кланов, «густо замешанная» на коррупции и других пороках советской системы, неизбежно должна была привести к нарастанию сепаратизма в их действиях, стремлению освободиться от опеки центра и получить полную свободу в управлении «своей республикой», что, в свою очередь, способствовало отождествлению центра и государствообразующего этноса, коим в национальных образованиях, естественно, считали русскую нацию. Таким образом, в интересах пришедших к власти национальных кланов в республиках подпитывался не только национализм, но и откровенная русофобия.

Яркий пример в данной связи являл собой Узбекистан. В октябре 1972 г. председатель Совета Национальностей Я. Насреддинова, узбечка по национальности, получила от своих земляков–членов Академии наук Узбекской ССР В. Кабулова, Я. Таракулова, Н. Набиева, Х. Фазылова письмо с «сигналом... в отношении национализма, процветающего в республике». Узнав, что в Узбекистан приезжает комиссия из ЦК КПСС для проверки идейно-воспитательной работы, академики обратились в Совет Национальностей. По

---

[187] См.: *Бруж С. И.* Указ. соч. С. 215.
[188] РГАНИ, оп.64, д. 70, л. 15.
[189] Там же, л. 77.
[190] Там же, л. 78.

всей видимости, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что обратились они к своей землячке.

Обращения из Узбекистана в Совет Национальностей, в бытность его председателем Насреддиновой, составляли значительную часть всех обращений в этот орган. Однако в основном эти обращения представляли собой просьбы о выделении квартиры, машины, путевки в санаторий, назначении персональных пенсий, переписку с будущим председателем этого органа Р. Нишановым об «устройстве» его родственников, что менее всего характеризовало Совет Национальностей как орган власти, определяющий национальную политику в стране, зато лучше всего дающее представление о развитии таких явлений, как землячество, клановость.

По всей видимости, реагировать на письмо академиков из Узбекистана не входило в планы председателя одной из палат Верховного Совета СССР и письмо благополучно перекочевало в ЦК КПСС.

Академию наук Узбекской ССР, сообщается в письме, «заполонили родственники секретаря ЦК тов. Рашидова», для которых «абсолютно чуждо чувство интернационализма», в то время как русские ученые, живущие в Узбекистане и достойные быть членами Академии, туда не допускаются. Авторы письма привели имена И. Муминова – вице-президента АН, который «пользуясь родством с Рашидовым (сын Муминова был женат на дочери Рашидова), практически отстранил от руководства президента А. Садыкова и «под соусом суверенности республики» исповедует «махровый национализм». «Считая себя философом, он исподволь развивает в подрастающем поколении ненависть к русским».

Приемный сын Рашидова У. Арипов, который «держит в полном повиновении отделение биологических наук», был известен по деятельности «в вытеснении всех русских профессоров из стен медицинского института». К. Зуфаров, женивший своего сына на дочери Арипова, «таким образом породнившись с Рашидовым», был в свое время снят с должности ректора мединститута за создание в стенах института антирусского общества «Любители гор и долин». Председатель Госплана Узбекской ССР, член АН и ближайший друг Рашидова С. Зиядуллаев известен тем, что рассказывал «в узких кругах антисоветчину и анекдоты о «белых ушах» – русских».

Сын Рашидова «через несколько дней после демонстрационного выступления против русских на стадионе «Пахтакор» лично разбрасывал националистические листовки в старом здании театра эстрады»[191].

В данном случае имелись в виду события 27 сентября 1969 г. в Ташкенте, когда во время и после футбольного матча между местным «Пахтакором» и куйбышевским клубом «Крылья Советов» после того, как судья не засчитал гол в ворота гостей, произошли столкновения между русской и узбекской молодежью. О подготовленности этого выступления свидетельствует тот факт, что после злосчастного свистка судьи одновременно в 20 местах стадиона появились плакаты «Самарские, убирайтесь домой». Самарскими в Ташкенте звали всех русских, в большинстве своем переехавших сюда еще в 1920-е гг. из Поволжья, в том числе и из Самары. Стычки продолжались на улицах города еще несколько дней. Арестовано было более 1000 человек. Общеизвестно и то, что Ш. Рашидов сделал

[191] ГАРФ, оп.106, д. 101, л. 62, 63, 64.

все возможное, чтобы эти события скрыть от Москвы и всячески преуменьшить их масштабы[192].

Авторы письма подчеркивали: они не удивятся, «если возникнет вопрос о самоопределении Узбекистана в самостоятельное государство»[193]. Несмотря на «доносительский» характер письма, опасность мести со стороны клана Рашидова (можно, конечно, предположить, что авторы письма представляли интересы противоборствующего клана) вряд ли способствовала искажению фактов со стороны авторов.

Подобная ситуация наблюдалась и в других среднеазиатских республиках. Многочисленные проверки подтвердили, что первый секретарь Горно-Бадахшанского обкома компартии Таджикистана Х. Давляткадамов «избирает людей по признакам землячества, родства и личной преданности». Сам Давляткадамов утверждал, что многие его земляки и родственники были назначены на руководящие должности «до его избрания первым секретарем обкома», хотя до этого он шесть лет работал секретарем обкома, председателем облисполкома и «оказывал определенное влияние на решение кадровых вопросов». Секретарь ЦК КП Таджикистана Д. Р. Расулов, сообщая в Москву о том, что Давляткадамову в 1973, 1975, 1978 гг. уже указывали на эти «недостатки»[194], подтверждал тем самым, по всей видимости, наличие «высокого покровительства» (что, собственно, равнозначно факту вхождения в замкнутую и слабо контролируемую центром местную национальную элиту) у «непотопляемого» секретаря.

Мало чем отличалось и положение в закавказских республиках. Обращение «старых коммунистов» из Армении содержало вывод о том, что в республике «пока рано говорить о развитом, зрелом социализме»[195]. Большое количество трудоспособных людей в республике не работало (по данным ЦСУ СССР, таковых насчитывалось 333 тысячи человек[196]), процветала «спекуляция, эксплуатация чужого труда, правонарушения». Авторы письма называли и фамилии повинных в этом «первых лиц» республики, людей с «чуждым социальным положением»: секретаря ЦК КП Армении Г. М. Восканяна, первого секретаря Ереванского горкома Л. Нерсесяна, заместителя председателя Президиума Верховного Совета Армении О. Багдасаряна, министров Р. Парсамяна, С. Туманяна, Ахуманяна. В мае 1978 г. Ю.В. Андропов, докладывая в ЦК КПСС К.У. Черненко об этом письме, подтвердил, что, по имеющимся у КГБ данным, все приводимые в нем факты «соответствуют действительности»[197].

Несмотря на то, что секретарь ЦК КП Армении П. Анисимов данные факты попытался опровергнуть (посылаемые в республики вторые «русские» секретари, по всей видимости, чаще всего предпочитали жить интересами местных национальных элит, в ущерб

---

[192] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 322.
[193] ГАРФ, л. 64.
[194] РГАНИ, оп. 75, д. 158, л. 29, 30.
[195] Там же, д. 161, л. 40.
[196] Там же, л. 57.
[197] Там же , л. 16, 57, 58.

исполнению «представительских функций центра»), КГБ подтверждал и серьезность претензий к первому секретарю ЦК КП Армении Демирчяну[198].

Проблема взаимоотношений политических лидеров национальных образований с центральным руководством – особая, пока малоизученная тема. Чаще всего им приходилось лавировать между давлением центра, стремящегося к еще большей унификации новой исторической общности, и все возрастающим стремлением к сепаратизму и независимости местных политических элит. П. Е. Шелест, снятый, по его словам, с должности первого секретаря республиканской партийной организации в 1973 г. за возвеличивание казачества в книге «Наша Советская Украина», выступал за предоставление республикам самостоятельности, обвиняя при этом М. А. Суслова в том, что он «очень настаивал на быстрейшем слиянии наций, их языков и культур»[199].

Политика украинизации, проводимая Шелестом, легко угадывается и в кадровой политике: в ЦК КПСС пришло письмо из Одессы об освобождении от должности секретаря обкома Н.И. Зотова, «последнего русского убрали». Проверка установила, что действительно среди секретарей Одесского обкома партии до 1970 г. было два русских, а в 1972 г. кроме украинцев не было ни одного секретаря других национальностей. И это несмотря на то, что среди населения области 45% составляют русские и другие национальности, «а в областной партийной организации представителей других национальностей – 51,2%, из них русских – 48,5%»[200].

Наиболее сложное положение было у руководителей прибалтийских республик. При поддержке местной национальной элиты, используя личные связи в Москве, А. Снечкус, П. Гришкявичус, И. Кэбин сумели добиться в своих республиках относительного «режима наибольшего благоприятствования» со стороны центра. Подчинение своему влиянию кадров, присланных из Москвы, фактический саботаж многих поступающих директив при видимости их исполнения, пробивание для республик дополнительных льгот и привилегий, сохранение и изучение национальной культуры и языка позволяло сохранять и компактное в национальном отношении население, и развивать без большого ущерба природе промышленность, и обеспечивать на более высоком уровне потребление[201].

Со стороны КГБ СССР такая политика осознавалась адекватно и характеризовалась как «двусмысленная»[202]. Не случайно решение центра поставить во главе Эстонии родившегося в Сибири и недостаточно хорошо владеющего эстонским языком К. Вайно вызвало крайне негативную реакцию в республике и, по всей видимости, эта причина не была последней в попытке покушения в 1979 г. на него со стороны группы национал-экстремиста И. Аракаса.

Партийные секретари кавказских и среднеазиатских республик отличались большей изощренностью эпитетов в адрес генсека и московской власти, более пышными приемами, организуемыми при посещениях чиновников из центра, богатством преподносимых

---

[198] РГАНИ, л. 57, 60–64.

[199] См.: *Шелест П. Е.* О Хрущеве, Брежневе и других // От оттепели до застоя. С. 100–101.

[200] РГАНИ, оп. 64, д. 52, л. 42, 43.

[201] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 38, 39, 57.

[202] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 315.

подарков и количеством людей, выводимых на улицы для демонстрации «народного ликования».

Так, Э. А. Шеварднадзе произвел «неизгладимое впечатление» на партийных бонз, когда на одном из торжественных приемов, заверяя русский народ в вечной дружбе, заявил, что для Грузии «солнце восходит не на востоке, а на севере», и пообещал срыть Кавказские горы, если они будут мешать полному расцвету этой дружбы[203]. Впрочем, мало кто сомневался, что делается это для гарантии «неприкасаемости» «князей гор и долин» для юридических законов и возможных расследований комиссии партийного контроля, а также для получения мандата на суверенное правление вверенными им территориями, а зачастую и «кормления» на них.

Острота ситуации довольно убедительно характеризуется в современной исторической литературе. О. А. Платонов, к примеру, полагает, что «чем больше та или иная национальная республика неоправданно потребляла за счет ресурсов русского народа, тем сильнее были ее мафиозные и националистические организации (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Эстония)». В Грузии, пишет он, мафиозные и националистические организации, тесно переплетенные между собой, стали влиятельной силой общества, а их лидеры – образцом для подражания молодежи, особенно студенческой. В Армении мафиозно-националистические кланы уделяли особое внимание «воспитанию» молодежи и с малых лет внушали идеи об исключительности армянской нации[204].

Представляется, что окончательное оформление национальных кланов в период «развитого» социализма при явном попустительстве центральной власти, отдающей в обмен на политическую лояльность все больше привилегий в национальные республики, создало к периоду перестройки непреодолимый фундамент национал-сепаратизма. Стремление к национальной замкнутости и ограниченности объективно усиливалось параллельно возрастанию коррупции и других признаков морального разложения национальных руководящих элит, делало их независимыми от центра, создавая тем самым реальные предпосылки дезинтеграционных процессов в СССР.

4.5. Рост межобщинных противоречий в национальных республиках – характерная черта «развитого социализма»

В рассматриваемый период особенно сильны были антирусские настроения в национальных республиках. Власть безусловно была осведомлена о широком распространении на местах русофобии. Посредником между властью и этносами в данном случае зачастую выступала печать, прежде всего центральная партийная пресса. Газета «Правда» составляла регулярные сводки писем из национальных регионов и под грифом «совершенно секретно» направляла в ЦК КПСС. О наличии недружелюбных, зачастую враждебных отно-

---

[203] См.: *Грачев А.* Указ. соч. С. 20.

[204] См.: *Платонов О. А.* Терновый венец России: История русского народа в XX веке. М., 1997. Т. 2. С. 481.

шений к русским свидетельствует обзор писем за ноябрь – декабрь (два месяца! – *А. М.*) 1978 г., посланный главным редактором «Правды» В. Афанасьевым в ЦК на имя И. В. Капитонова и М. В. Зимянина.

Так, Л. Мельникова из Чимкентской области писала о том, что у них «в Арыси русских третируют, как хотят, ...все более-менее ответственные посты в руках казахов. Даже милиционеры открыто нам говорят: «Зачем приехали в Казахстан, возвращайтесь в свою Россию»[205]. В 1983 г. из Алма-Аты приходят письма с утверждением о том, что там живут «в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который пышно расцвел в годы правления Д. А. Кунаева»[206].

По сообщениям КГБ СССР напряженные отношения между титульной казахской нацией и русским населением, превосходящим по численности давший название республике этнос, сохранялись на протяжении длительного времени. Председатель КГБ В. Е. Семичастный в 1965 г. сообщал, что в Актюбинском медицинском институте вечера отдыха проводились отдельно для русской и казахской молодежи, студенты вели разговоры, «затрагивающие национальные чувства казахов и русских»[207].

В июне 1965 г. в г. Семипалатинске произошла групповая драка между студентами-казахами зооветеринарного института и русскими – учащимися ПТУ, во время которой раздавались выкрики: «Мстить русским за пролитую кровь», на второй день пять студентов-казахов избили двух русских, а затем, преследуя других, ворвались в дом гражданина Бойко и избили его. Аналогичный случай имел место в г. Павлодаре, когда во время групповой драки между русскими и казахами было избито 26 человек, 6 из них получили телесные повреждения[208].

В период революционных ноябрьских праздников в Казахстане в 1965 г. были разбиты вывески с текстом на русском языке, в том числе на здании приемной Президиума Верховного Совета Казахской ССР, порезаны лозунги на русском языке. В мае 1965 г. казах Тукан Аменов писал и посылал письма о необходимости образования самостоятельного казахского государства в связи с тем, что якобы «русские презирают казахов», а украинец шофер И. М. Скобельский, обращаясь в различные редакции газет, «допускал шовинистические суждения в адрес казахского народа». Заместитель начальника главного управления по делам колхозов министерства сельского хозяйства Казахской ССР А. М. Бектасов направил в ЦК КП Казахстана письмо «о будто бы существующем в Казахстане скрытом великодержавном шовинизме и оборонительном местном национализме»[209].

КГБ довольно часто фиксировал в Казахстане недовольство лиц «из числа казахской интеллигенции и студентов» тем, что делопроизводство и учеба во всех вузах и большинстве школ Казахстана ведутся на русском языке, что многие руководящие должности в

---

[205] РГАНИ, оп. 75, д. 259, л. 3.
[206] Там же, оп. 83, д. 10, л. 11.
[207] Там же, ф. 89, пер. 6, д. 29, л. 1.
[208] Там же, л. 1.
[209] Там же, л. 2.

партийно-государственном аппарате и других учреждениях занимают русские[210]. События в Алма-Ате в 1986 г., открывшие череду межнациональных конфликтов в период перестройки, явились логичным результатом межнациональной напряженности в республике.

Группа военнослужащих из Северо-Осетинской АССР утверждала, что «национализм в Орджоникидзе процветает довольно пышно», приводя в качестве доказательства проявления бытового национализма (военные, к примеру, вынуждены были выйти из трамвая, когда пассажиры «стали публично оскорблять: «Русские хамы, убирайтесь вон»), а также случаи нападения и даже убийства, жертвами которых, «как правило, становятся русские»[211]. В. Коновал возмущался порядками в Баку (повсеместное распространение «неофициальных» платных услуг), в ответ на свои протесты услышал: «Здесь вам не Россия»[212].

Из Еревана сообщали о нежелании молодых людей армянской национальности работать, «аргументирующих» свое поведение заявлениями о том, что «пусть русские работают», а из г. Зугдиди Грузинской ССР – о неприязненном отношении на работе и в быту к русским («чужая, мол, приезжая»), писала З. Швыдкова[213]. Группа работников стройтреста № 8 из узбекского города Ферганы, заявляя, что «национализм – это зло живуче и многолико», приводят факты целенаправленного захвата крымскими татарами управленческих должностей в Узбекистане и изживании под разными предлогами русских специалистов, называя все это «националистическим угаром»[214].

Из Сырдарьинской области группа преподавателей коммунально-строительного техникума сообщала в «Правду» о фактах коррупции и круговой поруки среди узбеков, направленных против русских. В письмах из Узбекистана встречаются упоминания о фактах открытого призыва к русским «Убирайтесь в свою Россию», а также предположения о том, что «не дай бог конфликт с Китаем, так Узбекистан – это нож в спину Советской власти»[215].

Кульминацией русофобских настроений можно считать вспышку террора на национальной почве в 1977 г. в Москве. Позже члены подпольной армянской националистической группы Степанян, Багдасарян, Затикян признаются на следствии, что приехали в Москву бороться с русскими людьми. В субботу, 8 января, во время школьных каникул ими были взорваны три бомбы – в вагоне метро, в продмаге и неподалеку от ГУМа на ул. 25-го Октября. Результатом было 37 погибших и раненых. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне 7 ноября 1977 г. преступники были арестованы[216]. А. Д. Сахаров, протестуя против нарушения принципа гласности судопроизводства, не исключал, что это – провокация КГБ, а Л. М. Алексеева делает намек на то, что

---

[210] РГАНИ, л. 3.
[211] Там же, ф. 5, оп. 75, д. 259, л. 3.
[212] Там же, л. 4.
[213] Там же.
[214] Там же, л. 5.
[215] Там же, л. 6, 7.
[216] См.: *Удилов В. Н.* Записки контрразведчика: Взгляд изнутри. М., 1994. С. 116; *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 288–291.

взрывы могли произвести русские рабочие, протестующие против нехватки продовольствия[217]. Не ясно только, зачем для этого русским потребовалось убивать русских?

Вероятно, наибольшее распространение антирусские, даже антиславянские (поскольку «русскими в Литве называют не только русских, но и белорусов, украинцев»[218]) настроения приобрели в прибалтийских республиках. Прежде всего, обращается внимание на «преднамеренно недоброжелательное» отношение к русским. Только «побывав в Эстонии, Латвии и Литве, начинаешь понимать, – писали в «Правду» в сентябре 1973 г. группа москвичей, – что такое национализм. Спрашиваешь в магазине по-русски – молчат...»[219].

Н. Волков из Вильнюса, правда, отмечал, что «большинство людей, враждебно относящихся к русским, встречаются не среди колхозников и рабочих, а среди литовской интеллигенции»[220]. Среди русских в Литве устойчивым было убеждение в том, что в республике невозможно «дать своим детям высшее образование», поэтому они «в последнее время чувствуют себя неуютно и некоторые покидают республику»[221].

Русских в Прибалтике возмущало то, что в «Шяуляе названия улиц на литовском и русском сохранились лишь на двух-трех центральных», а в новых районах «только на литовском» и в автобусах «надписи с указанием маршрута только по-литовски»; что «в Пренойском районе «21 февраля 1973 г. на башне водопровода был поднят флаг буржуазной Литвы»; что в рижском магазине в ответ на просьбу показать литературу, связанную с юбилеем Вооруженных Сил СССР, можно услышать: «В Риге литературы о Красной Армии нет»; что в санатории г. Друскининкай к русским отношение плохое, а «стоит появиться представителям прибалтийских народностей, как отношение сразу меняется,... чувствуют себя хозяевами»[222].

Открытые антирусские выступления в Прибалтике фиксировались во время футбольных матчей местных команд. К примеру, в октябре 1977 г. после победных игр «Жальгириса» над славянскими командами «Двина» из Белоруссии и смоленской «Искрой» в Вильнюсе прошли многотысячные демонстрации с требованиями «Долой конституцию оккупантов», «Свободу Литве», «Русские, убирайтесь вон!». Демонстранты даже выбили окна в здании ЦК КП Литвы[223].

Удобным случаем заявить об аналогичных требованиях были и концерты национальных музыкальных коллективов. Так, осенью 1980 г. в Таллинне, Тарту, Пярну прошли молодежные демонстрации после запрета (в связи с имеющимися в текстах песен националистическими мотивами) выступления поп-оркестра «Пропеллер». Демонстранты требовали отставки русского министра образования Андреевой, несли транспаранты с призывами «Русские – вон из Эстонии», «Свободу Эстонии»[224]. Конечно, в ЦК «оперативно»

---

[217] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 77–78; *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 288–291.
[218] РГАНИ, оп. 66, д. 109, л. 20.
[219] Там же.
[220] Там же, л. 18.
[221] Там же.
[222] Там же, л. 19, 20, 2; оп. 75, д. 259, л. 5.
[223] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 42–43.
[224] Там же. С. 60.

реагировали на все эти сигналы, однако в отношениях русских с представителями коренных наций в республиках негативный запал продолжал нарастать.

Не исключением были и автономии, входившие в состав РСФСР. КГБ, внимательно отслеживавший рост национализма в союзных республиках, был хорошо информирован и о положении дел в российских автономиях. Не случайно Ю.В. Андропов в августе 1974 г., получив письмо из Уфы от «группы коммунистов», утверждавших, что во многих республиках «уже многие годы стали делить людей на «наших» (местной национальности) и «не наших» (русские и другие)[225], счел необходимым особо обратить внимание руководства страны на излагавшиеся в нем факты. Председатель КГБ подчеркивал, что «авторы письма утверждают, что в последние годы в союзных и автономных республиках резко усилились националистические проявления, что выражается в отходе от русского языка, замещении руководящих должностей национальными кадрами, предоставлении лицам местной национальности льгот при поступлении в вузы, в неуважительном отношении к русским», причем «неофициальный толчок» этому дается местными руководителями»[226].

Напряженность по линии коренные – некоренные, мигранты, приезжие сказывалась не только на русских в национальных республиках. Рецидивы пресловутого «приоритета коренной нации» широко были распространены в это время в большинстве республик Союза, исключая, пожалуй, административно-территориальные области РСФСР, но отнюдь не национальные автономии, входящие в ее состав.

Одним из показательных примеров положения инонационального населения в национальных республиках являла собой Грузия. Азербайджанцы, проживавшие в Грузии (в республике, по данным переписи 1979 г., проживало 3433 тысячи грузин – 68,8%, 448 тысяч армян – 9,0%, 372 тысячи русских – 7,4%, 256 тысяч азербайджанцев – 5,1%, 160 тысяч осетинов – 3,2%, 95 тысяч греков – 1,9%[227]), сообщали в 1972 г. в Верховный Совет о том, что «проживавшие в Грузии другие национальности» не испытывали «такого морально-духовного давления, оскорбления и национального ограничения раньше, чем в настоящее время», а «лозунг «Дружба между народами» превращается в скрытой форме в национальную ненависть друг к другу»[228].

В районах Думаниси, Болониси, Марниули, Кардабани, Тетро-Цхари, представляющих места компактного проживания азербайджанского населения, руководящие посты заняли грузины, «которые не знают языка местного населения», «все районные газеты переименованы грузинским именем и 50% текста газеты издаются на грузинском языке», «имеющиеся в этих районах средне-педагогические и сельскохозяйственные техникумы были ликвидированы». Грузинские азербайджанцы в связи с этим предлагали, чтобы все районы, где они составляли большинство, стали «автономными» и развивались бы «под руководством своих местных кадров без «национализации» грузинами»[229].

---

[225] РГАНИ, оп. 67, д. 971, л. 114.
[226] Там же, л. 113.
[227] См.: *Брук С. И.* Указ. соч. С. 210.
[228] ГАРФ, д. 930, л. 8.
[229] Там же, л. 14.

Подобная практика отношения к национальным меньшинствам наблюдалась и в автономных республиках, входящих в состав Грузии. В августе 1972 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов направил заведующему общим отделом ЦК КПСС К. У. Черненко письмо группы коммунистов из Сочи. В этом письме первый секретарь Абхазского обкома партии В. Кобахия характеризовался как «узколобый националист, организатор националистических бунтов», как «предводитель воинствующих националистов, провоцирующих народ лозунгами: «Абхазия – для абхазов», «Предоставление Абхазии прав союзной республики». Имелись указания на то, что Кобахия «организовал в Сухуми открытые националистические бунты абхазского населения». Среди активных националистов называли и поэта Чачхалия, который «вел открытую националистическую пропаганду среди своих земляков в г. Ткварчели», и доцент Сухумского пединститута Т. Шакрыл, которая «открыто руководила бунтом»[230].

После проверки данных фактов в ЦК КПСС были вынуждены признать, что «Кобахия... проходит мимо фактов националистических проявлений»[231]. Так, этносы, давшие названия своим национальным образованиям, настаивали на приоритете своих прав над правами национальных меньшинств.

Абхазия вообще была одной из горячих точек на национальной карте СССР. В марте 1967 г. в течение двух недель в Абхазии прошли массовые выступления с требованием приоритетного развития абхазского языка, предоставления абхазам привилегий в трудоустройстве и при поступлении в вузы, а также преобразования автономии в союзную республику и выделения ее из состава Грузии. По ночам закрашивались грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях. В сентябре 1967 г. в Москву прибыла группа деятелей культуры из Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что «абхазской национальности вообще не существует; абхазы – это грузины, принявшие когда-то мусульманство». После этих событий секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место были рекомендованы абхазцы, в Тбилисском университете было открыто отделение абхазского языка и литературы, грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими[232].

Аналогичные выступления были зафиксированы и весной 1978 г. в связи с включением в конституцию Абхазии трех государственных языков – абхазского, русского, грузинского[233]. Парадокс ситуации заключался в данном случае в том, что абхазские националисты, требуя в Абхазии исключительных прав для абхазов, в рамках Грузии наталкивались на подобные суждения грузинских националистов. Подобные противоречия были далеко не единичны на советских просторах, где постепенно из таких ситуаций вызревали зерна будущих этнических конфликтов, каковым являлся и является грузино-абхазский конфликт.

---

[230] РГАНИ, оп. 64, д. 70, л. 18, 19.

[231] Там же, л. 42.

[232] См.: *Козлов В. А.* Указ. соч. С. 405; *Медведев Р.* Неизвестный Андропов. М., 1990. С. 5.

[233] Там же. С. 404–405.

Пожалуй, можно согласиться с оценкой О. А. Платонова, подчеркивающего, что распространению антирусских настроений способствовали местные партийные власти, которые «совершенно отчетливо проводили политику на обособление групп населения по национальному признаку. В Эстонии, например, оно начиналось с детских садов, которые делились на эстонские и русские, школа строилась по такому же признаку. Даже отдельные предприятия и рабочие коллективы были либо русскоязычные, либо эстонские»[234].

Следует признать, что национальные проблемы в СССР в 1970-е гг. усугублялись вмешательством западных спецслужб. О. А. Платонов пишет, что «ЦРУ усилило финансовые вливания в антирусскую деятельность «Организации украинских националистов» с центром в США. Платные агенты этой организации сумели создать в разных местах Малороссии целый ряд подпольных националистических ячеек, боровшихся не столько за сохранение «украинской самобытности», сколько против России». Благодаря западным спецслужбам была выпущена огромными тиражами книга И. Дзюбы «Интернационализм, или русификация», ставшая «своего рода программой борьбы против Великой и Неделимой России». При поддержке западных спецслужб осуществлялось разжигание националистических настроений в Прибалтике. На Эстонию и другие республики работали специальные каналы финского и шведского телевидения, при финансовой помощи ЦРУ постоянно осуществлявшие антирусскую пропаганду[235].

Проблему взаимоотношений титульного этноса и русского населения в национальных республиках, включая и взаимодействие русских и «коренных» в российских автономиях, следовало бы рассматривать в рамках сложной и противоречивой иерархической системы отношений по линии «титульный этнос – национальное меньшинство (для периода «развитого социализма» инонациональное население в Казахстане составляло, по данным переписи 1979 г., 64%, в Киргизии – 52,1 %, в Башкирской АССР – 75,7%, Татарской АССР – 52,3%, Абхазской АССР – 82,9%, что по отношению к данным национально-территориальным образованиям делает термин «национальное меньшинство» вполне применимым к этносу, давшему название этому образованию. В целом такая ситуация в данных регионах могла придавать большую остроту в сфере межнациональных отношений)».

Итак, в 1964–1985 гг. в СССР в рамках национально-территориальных государственных образований интенсивно реализовывался механизм межэтнического взаимодействия, получивший название «приоритет коренной нации». Этот механизм проявлялся в различных сферах общественной деятельности, и прежде всего, в преимущественном доступе представителей национальных элит к исполнению властных полномочий на тех территориях и в тех республиках, название которых совпадало с этнической принадлежностью этих элит. Обладание «этнической территорией» в данном случае выступало как определяющий фактор приоритета данного этноса во власти даже в тех случаях, когда этот этнос мог составлять меньшинство в республике. Так созданная большевиками национально-территориальная иерархия в Советском Союзе неизбежно приводила к торжеству теории «приоритета коренной нации» и закладывала мину под все государственное здание.

---

[234] См.: *Платонов О. В.* Указ. соч. С. 482.

[235] Там же.

4.6. Национально-языковые проблемы «развитого социализма»

В 1970-е и первой половине 1980-х гг. обострились и национально-языковые проблемы. Этот период характеризовался прежде всего государственной поддержкой русского языка. «В условиях, когда вопрос об удовлетворении потребности взаимопонимания был главным, речь не могла идти о равенстве языков, несмотря на формальные декларации»[236].

Определенную роль в усилении роли и влияния русского языка в стране сыграли рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции «О мерах по дальнейшему совершенствованию преподавания и изучения русского языка в школах, высших и средних специальных учебных заведениях», состоявшейся в октябре 1975 г. в Ташкенте. ЦК КП Узбекистана 25 января 1978 г. принял в связи с этим постановление «О некоторых дополнительных мерах по дальнейшему повышению уровня подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР», центральным пунктом которого было резкое усиление внимания к обучению узбекской молодежи русскому языку[237].

В Узбекистане были введены дополнительные занятия по изучению русского языка в школах, ПТУ, средних специальных учебных заведениях (ссузах), организованы курсы для юношей допризывного и призывного возрастов[238]. Для Узбекистана, как и для ряда других национальных республик, где незнание русского языка прежде всего сельской молодежью становилось серьезным препятствием для межнационального общения, к примеру в Советской Армии (одним из факторов, способствовавших созданию советского народа как новой общности, в которой этническое все больше уступало место общесоветскому), это решение имело большое значение[239].

31 мая 1978 г. в ЦК КПСС был подготовлен проект постановления «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках». В докладной записке к данному постановлению отмечалось, что в стране обучение ведется на 45 языках народов СССР, в национальных школах обучалось 15 млн школьников, которые наряду с родным изучали и язык межнационального общения – русский язык. Однако состояние преподавания русского языка и практическое владение им учащимися современным требованиям отвечало не везде, значительная часть выпускников из числа лиц коренных национальностей слабо знали русский язык[240].

Недостаточное знание русского языка создавало для таких молодых людей затруднения при переходе к активной деятельности на производстве и прохождении службы в Советской Армии, ограничивало использование их возможностей в других республиках и регионах страны. В записке отмечался недостаток 6,5 тысячи учителей русского языка в национальных школах, разнобой в его преподавании в различных союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, Литве и Эстонии изучение русского языка начиналось не с

---

[236] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 112.

[237] РГАНИ, оп. 75, д. 158, л. 1, 2. См. также: *Галаганов З. П.* Межнациональные отношения в СССР. Кемерово, 1996. С. 44.

[238] РГАНИ, оп. 75, д. 158, л. 2.

[239] Там же, л. 4.

[240] Там же, ф. 89, пер. 23, д. 30, л. 4, 5.

первого, а второго года обучения; время, отводимое на изучение русского языка в первом классе, варьировалось от 1,5 часа в неделю в Туркмении, Латвии, Молдавии, Узбекистане до 4 часов в Армении[241].

ЦК КПСС признал необходимым улучшить обучение русскому языку в школах страны и обеспечить свободное владение русским языком всех учащихся. Для этого к 1980 г. планировалось разработать единые типовые программы по обучению русскому языку, обеспечить фундаментальную подготовку учителей-словесников, предусматривалось при этом увеличение необходимых ассигнований на эти мероприятия. Секретные пункты постановления предусматривали для лиц, подлежащих призыву на службу в армию и слабо владеющих русским языком, прохождение 2–3-месячной языковой подготовки, а также организацию преподавания начальной военной подготовки во всех учебных заведениях страны исключительно на русском языке[242].

Широкое и повсеместное обучение русскому языку, что в рамках единого государства было естественным и целесообразным процессом, в национальных регионах приходило в противоречие с необходимостью сохранения и развития родных языков населяющих страну этносов. Не было ни фактического, ни даже юридического равноправия языков, несмотря на то, что в Конституции СССР русский язык не именовался государственным.

При подготовке Конституции 1977 г. предлагалось в законодательном порядке придать русскому языку статус общегосударственного языка, однако в Верховном Совете сочли, что данное предложение принимать нецелесообразно, «поскольку оно противоречит принципам ленинской национальной политики по вопросам языка»[243]. Характерно при этом, что Конституция 1977 г., в отличие от Конституции 1936 г., говорила не о праве, а лишь о возможности образования на родных языках.

В Конституциях АзССР, АрмССР, ГССР, правда, имелись восходящие еще к первым годам советской власти формулировки о соответственно азербайджанском, армянском и грузинском языках как государственных. Следует согласиться с мнением известного исследователя этноязыковых процессов в СССР В. М. Алпатова, который полагал, что «вряд ли можно считать, что от этого языковая ситуация в данных республиках принципиально отличалась от других, хотя в целом положение указанных трех языков было одним из самых благополучных»[244].

Не случайно угроза исключения записи о грузинском языке как государственном привела к массовым акциям протеста 14 апреля 1978 г. в Тбилиси, в результате которых грузинское руководство пошло на уступки демонстрантам и оставило в Конституции запись об одном государственном языке – грузинском. Союзное руководство, в частности Верховный Совет, вяло отреагировали на эти события. Никто из руководивших демонстрацией не пострадал, Тамрико Чхеидзе, наиболее активно участвовавшая в подготовке акции протеста, продолжила обучение в университете.

---

[241] РГАНИ, л. 6, 7.
[242] Там же, л. 13, 14, 15, 17.
[243] ГАРФ, оп. 136, д. 1174, л. 198.
[244] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 112–113.

Аналогичные события, хоть и в меньших масштабах, с меньшим накалом страстей, в Армении привели к аналогичным результатам: армянскому языку был оставлен статус государственного[245].

В решении национально-языковых проблем заметную роль играл Совет Национальностей, в адрес которого предпочитали обращаться с жалобами и предложениями советские граждане различных национальностей, которые в той или иной степени считали себя ущемленными по языковому принципу.

Проблемы, конечно, остро стояли в Прибалтике, на Украине... Жители Белоцерковского района Киевской области «с гневом и возмущением» воспринимали то, что митинг передовиков сельского хозяйства, посвященный успешному выполнению обязательств по продаже хлеба государству в 1976 г., проходил на русском языке, а ведь в Киевской области «в селах живут одни украинцы». В качестве доказательства «принижения... чувства национальной гордости» приводились факты «непонимания украинского языка» первым секретарем обкома, председателем облисполкома, первым секретарем обкома ЛКСМ Безрутченко, «который вообще не любит ни украинцев, ни украинского языка»[246].

Правда, во второй половине 1960-х гг. в республике интеллигенция достаточно резко ставила вопросы изменения языковой политики на Украине. К тому же выступление партийного лидера республики П. Е. Шелеста на V съезде писателей Украины касалось бережного и уважительного отношения к украинскому языку.

В апреле 1967 г. председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный переслал в ЦК КПСС анонимное «Открытое письмо» П. Е. Шелесту, распространяемое на Украине. Авторы письма, констатируя тот факт, что еще Сталин приостановил украинизацию, а современная официальная пропаганда ведет дело к неизбежности слияния языков и наций на основе русификации, предлагали «ввести украинский язык как обязательный в абсолютном большинстве яслей, детских садов и школ республики,...сделать обязательными вступительные экзамены в вузы на украинском языке»[247].

Заместитель председателя КГБ СССР С. Банников вскоре сообщил, что это письмо имеет хождение среди творческой интеллигенции, и после того, как его подпишут известные люди Украины, «его пошлют в инстанции»[248]. Сам же Шелест мог учинить разнос командующему Прикарпатским военным округом за то, что «объявление о партконференции было написано на русском языке»[249]. Знаменательно, что в партийной среде политика Шелеста всегда противопоставлялась политической линии его преемника В. В. Щербицкого, которому молва приписывала обязательство, якобы данное Суслову, в пятилетний срок покончить с украинским языком[250].

Проблемы языка были актуальны и для Молдавии. В ноябре 1965 г. секретарь ЦК КП Молдавии М. Бодюл сообщал в ЦК КПСС, что на состоявшемся в октябре съезде писателей

---

[245] См.: *Бобков Ф. Д.* Указ. соч. С. 321; *Алексеева Л.* Указ.соч. С. 84-85.
[246] ГАРФ, оп. 117, д. 558, л. 107.
[247] РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 56, л. 67, 80.
[248] Там же, л. 107.
[249] ГАРФ, д. 144, л. 128, 129, 130.
[250] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 89.

Молдавии литераторы Бусуйон, Маларчук, Друце, Осмотеску, «правильно затрагивая вопросы развития молдавского языка, сохранения памятников культуры, в националистическом тоне трактовали факты и недостатки в этом деле». Писатель И. Друце заявил, что «не надо торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией». М. Бодюл отрицал наличие тенденции к замене современной письменности, поскольку 80% населения Молдавии получили образование при советской власти, а 35% «русских, украинцев, болгар, евреев... обучают своих детей и говорят в основном на русском языке». Однако он был вынужден признать, что в Молдавии проявляется недовольство тем, что «на собраниях недостаточно выступают на молдавском языке», «как недостаток говорят о вывесках только на русском языке, и в последнее время резко увеличилась подписка на румынскую периодику. Секретарь ЦК КП Молдавии предлагал в связи с этим ограничить приток румынской литературы в республику»[251].

Несомненно, близость с Румынией влияла на межнациональную ситуацию в республике. По сведениям, которыми располагал секретарь ЦК КП Молдавии Ю. Мальков, при посещении приграничных районов Румынии дружественными делегациями из Молдавии «отдельные румынские товарищи пытались распространить националистические настроения среди наших людей». Так, в 1972 году в городе Бырладе молдаване в тире увидели мишень с единственным изображением в виде контуров СССР, а при беседе румынские «партийные товарищи» интересовались у своих коллег из СССР, «как случилось, что река Прут стала границей между двумя частями бывшей Молдавии», предлагали спеть сообща песню «Хора унирий», которая была написана по случаю объединения Валахии и Запрутской Молдовы в 1859 г.[252]

Достаточно показательна реакция на проблемы языка со стороны литовской интеллигенции. В ноябре 1976 г. председатель Совета Национальностей В. П. Рубен «для разъяснения и информирования» отправил поступившее в его адрес письмо Л. В. Жеймантаса, в котором выражалось несогласие с требованием «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» о предоставлении всех документов по присуждению ученых степеней в ВАК СССР на русском языке, председателю комиссии В. Г. Кириллову-Угрюмову. Председатель ВАК данное обстоятельство, однако, не считал ущемлением прав национальных языков, поскольку «соискатель при согласии оппонентов и совета может защищать диссертацию на родном языке», но поскольку все делопроизводство в ВАК СССР ведется на русском языке, советы оформляют и представляют аттестационные дела на русском языке[253].

Известно также выступление в 1980 г. 364 представителей грузинской интеллигенции, подписавших протест против требований защиты диссертаций и оформления документации на русском языке[254]. Эти примеры доказывают, насколько болезненными для национальных чувств являлись вопросы языка.

---

[251] РГАНИ, оп. 36, д. 148, л. 189, 190, 191, 192, 193.
[252] Там же, оп. 64, д. 52, л. 67, 68.
[253] ГАРФ, оп. 117, д. 144, л. 129, 130.
[254] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 89.

Понятной в связи с этим становится реакция руководства Совета Национальностей даже на частные проблемы языкового режима. К примеру, из Адыгеи В. П. Рубену сообщали, что представители национальных меньшинств, выезжая за пределы своих национальных образований, лишены возможности выписывать и читать газеты и журналы на родном языке, ведь «человек, теряя контакт с родным языком, как известно, ассимилируется, а кому это надо?» Несмотря на настойчивые просьбы председателя Совета Национальностей изменить ситуацию в данной области, руководство «Союзпечати» посчитало, что удовлетворить такую просьбу не представляется возможным[255].

В ряде регионов языковые проблемы невозможно было решить в рамках двуязычия, поскольку перед человеком, живущим, к примеру, в автономной республике, вставала задача знать не только родной и русский языки, но и язык союзной республики, в которую данная автономия входила.

В связи с подобным положением наиболее остро национально-языковые проблемы вставали в российских автономиях. Не случайно татарин М. А. Фарваев из Ижевска Удмуртской АССР в письме к В. Рубену в 1982 г. перспективу родных языков в России оценивал как «трагедию малых народов», как «страшное время, когда не встретишь ни одного соотечественника и не услышишь родные песни и мелодии». Автора письма устраивал другой вариант языковой политики: «В РСФСР народы закабалены русским языком, но это не сделано в Грузии, там народ пользуется родным языком, а русский как вспомогательный»[256].

Более острые ситуации в национально-языковой области возникали там, где одной из задач становилось достижение реального троязычия. Министр народного образования Башкирской АССР Р. Гарданов вспоминал, что в 1974–1979 гг. более 1100 национальных школ автономной республики были переведены на русский язык обучения – «без преподавания родного языка даже как предмета»[257]. Затем прошла вторая волна, вызвавшая особое возмущение со стороны татар, проживавших в Башкирии (в республике, по данным переписи 1979 г., проживало 936 тысяч башкир – 24,3%, 940 тысяч татар – 24,5%, 1548 тысяч русских – 40,3%[258]). В школах северо-западных районов Башкирии, где проживало татароязычное население, волевым путем было введено изучение башкирского языка как предмета, а в некоторых начальных школах даже обучение на башкирском языке.

Это решение вызвало поток жалоб в Совет Национальностей. Чаще всего это решение характеризовалось как прямое нарушение 36-й статьи Конституции СССР и связывалось с «националистической великодержавной тенденцией»[259]. Жители деревни Тульгузбаш Аскинского района Башкирской АССР приводили В. П. Рубену факты давления башкирских властей с целью изменить языковой режим в регионе в пользу башкирского языка (заставляли выписывать периодическую печать на башкирском языке), хотя «башкирской разговорной речи в деревнях невозможно услышать», и соглашались с тем, что

---

[255] ГАРФ, л. 156, 158.
[256] Там же, оп. 136, д. 34, л. 82, 87.
[257] См.: Советская Россия. 1989. 22 авг.
[258] См.: *Брук С. И.* Указ. соч. С. 212.
[259] ГАРФ, л. 92.

«лучше с первых классов перейти на русский язык обучения, чем на башкирский (все равно другой, но пользы будет больше)»[260].

Кстати, и татары в Татарской АССР были недовольны языковой ситуацией в республике. Так, С. Б. Галеев из Казани писал в Совет Национальностей в 1982 г., что «обучение детей татар родному языку в Татарской республике вызывает сожаление и является пародией на обучение». В Казани, писал он, где около половины населения татары, имеется одна татарская школа и в трех школах имеются татарские классы, в русских школах для детей татар созданы группы по изучению родного языка по два часа в неделю, при этом изучение родного языка не обязательное, без сдачи экзамена. Отношение Минпроса Татарии и РСФСР, которые не удостоили автора письма ответом, характеризовалось им как «негативное... к национальным чувствам народа». Отношение к родному языку, заключал Галеев, свидетельствует о «пренебрежении одними к национальному достоянию других»[261].

В. П. Рубен настойчиво просил разобраться в этой ситуации и решить вопрос в соответствии с законом министра просвещения РСФСР Г. Веселова. Министр, несмотря на заверения о том, что «для преподавания родных языков в школах созданы необходимые условия», дал указание местным органам народного образования повсеместно проверить состояние изучения родных языков и принять меры, исключающие подобные недостатки[262].

Проверку в Башкирии проводил в начале 1983 г. начальник отдела национальных школ Минпроса РСФСР С. А. Чехоев совместно с работниками обкома партии и Минпроса Башкирской АССР. Комиссия выявила «определенные упущения», объяснив причины их тем, что «вопросы обучения на родном языке решались без глубокого и всестороннего изучения предложений родителей учащихся, а лишь на основании данных переписи населения 1979 г.»[263]. После данной проверки министр заверил В. П. Рубена, что ситуация с преподаванием родного языка в северо-западных районах Башкирии нормализована[264].

Реагировал председатель Совета Национальностей и на сигналы о пренебрежительном отношении к языкам тех этносов, которые не имели национально-государственного статуса на территории РСФСР. Так, получив письмо о «дискриминации армянских школ и армянского языка» в районах проживания армянского населения в Сочи Краснодарского края, он поручил разобраться с этим вопросом руководству Совмина РСФСР. Правда, заместитель председателя Совмина РСФСР В. Кочемасов, направивший в июле 1982 г. ответ Рубену, опасений председателя Совета Национальностей не разделял и факты дискриминации армянских школ и языка не подтверждал, хотя и счел необходимым укрепить руководство школ, где обучались армянские дети, специалистами армянской национальности. Да и в открытии страницы на армянском языке в газете «Черноморская здравница», ссылаясь на мнение местных органов власти, заместитель министра необходимости не видел,

---

[260] ГАРФ, л. 93.
[261] Там же, д. 32, л. 163, 164.
[262] Там же, д. 34, л. 80, 94.
[263] Там же, л. 95.
[264] Там же, л. 94.

ведь в газете на русском языке «находит полное отражение трудовая и общественная деятельность трудящихся города, представителей более 50 национальностей»[265].

Большое значение для национально-языковой политики имела сформированная в 1920-е гг. система территориально-национальных образований. Если в 1920–1930-е гг. реальная иерархия языков значительно отличалась от их формальной, связанной со статусом соответствующего образования, иерархии, то в период «развитого социализма» окончательно сложилась прямая зависимость уровня развития того или иного языка от национально-государственного статуса его носителя.

Несмотря на неопределенность юридического статуса русского языка, представляется, что именно русский язык находился на вершине языковой иерархии в СССР. Объяснение этому явлению, пожалуй, не следует искать в политической сфере, поскольку использование русского языка в едином государстве было необходимым по причине практического удобства. «Применение национальных языков во всех видах делопроизводства, финансовой и прочей отчетности и служебной переписке... нецелесообразно», поскольку «повлечет дублирование большого объема информации и усложнит функционирование соответствующих сфер общественной деятельности»[266]. Собственно, русский язык играл в СССР роль, идентичную той роли, которую играл английский язык в США, и тем самым подтверждал общие для многонациональных государств тенденции в языковой сфере.

По данным переписи 1989 г., из этнических русских при общем количестве в 145 млн родным языком назвали не русский, а какой-либо другой всего лишь 320 тысяч человек, преимущественно на Украине и в Литве, а в РСФСР – всего лишь 55 тысяч[267]. В официальном делопроизводстве на союзном уровне, международных отношениях, в армии, во многих сферах техники и естественных наук употреблялся исключительно русский язык.

Однако знание русского языка в союзных республиках было неодинаковым. Так, по примерным подсчетам М. Н. Губогло, людей, не владевших русским языком в Молдавии, было не более 5%[268]. Подобная ситуация наблюдалась в РСФСР, Украине, Белоруссии, Прибалтике, Казахстане, Грузии, Азербайджане. В Закавказье худшие показатели знания русского языка наблюдались в наиболее моноэтничной Армении[269].

Население же Средней Азии, прежде всего «большинство сельского населения с низким образовательным уровнем владеет и пользуется просторечными и диалектными формами родных языков и не знает русского языка»[270]. Согласно данным переписи 1989 г., русским языком свободно владели лишь 20,7% каракалпаков, 23,8% узбеков, 27,6% туркмен, 35,2% киргизов[271].

---

[265] ГАРФ, л. 225, 226.

[266] *Баскаков А. Н.* Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 35.

[267] См.: Этнополис. 1992. № 1. С. 137–138.

[268] См.: *Губогло М. Н.* Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979. С. 7.

[269] См.: Население СССР. С. 37–39.

[270] См.: *Баскаков А. Н.* Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 157.

[271] См.: Население СССР. С. 37–39.

Второй уровень составляли региональные, или точнее, языки титульных этносов союзных республик. Эти языки устойчиво использовались в сфере устного общения внутри соответствующего этноса, активно применялись в местном делопроизводстве, СМИ и художественной литературе, а также выступали в качестве языка межнационального общения среди населения республики. Никакого статуса за пределами «своих» республик эти языки не имели, практически не обслуживали русскоязычное население республики. Наиболее характерным в связи с этим было положение казахского языка. По данным социолингвистического исследования М. М. Копыленко и С. Т. Саиной, родным языком казахи пользовались в семье, на работе при общении с казахами-коллегами, предпочитали свой язык в СМИ и художественной литературе[272]. Однако лишь 0,9% русского населения Казахстана, по данным переписи 1989 г., владели казахским языком[273]. Достаточно благополучным было положение грузинского, азербайджанского и армянского языков, которые согласно республиканским конституциям имели статус государственных.

В наиболее неблагоприятном положении оказались украинский и белорусский языки (к началу 1980-х гг. в Белоруссии сохранилась лишь одна средняя школа с полным циклом образования на белорусском языке). Вряд ли это можно объяснить лишь официальной политикой советского государства, тем более русификация снизу, особенно в Белоруссии, часто опережала русификацию сверху. Этнолингвисты обращают внимание зачастую на особо неблагоприятную роль в данном случае двух факторов: особая близость украинской и белорусской культуры с русской и слишком большое сходство языков.

Языки автономных республик, автономных областей и округов составляли третий уровень, представляя собой языки бытового общения. Перед носителями данных языков часто вставала задача овладеть трехъязычием (живущие в Абхазской АССР абхазы, к примеру, должны были изучать три языка: родной, язык союзной республики и русский язык). Очень важно при этом обратить внимание на тот факт, что из языков автономных республик ближе всего к статусу региональных, т. е. языков титульных этносов союзных республик, подходили не наиболее развитые языки, а прежде всего языки автономий со сравнительно национально однородным и мало контактирующим с русским населением, прежде всего якутский и тувинский[274].

Следует выделить и четвертый «языковой» уровень в СССР – языки этносов, не имевших своих национально-территориальных образований. Носители данных языков зачастую оказывались перед необходимостью изучать не три, а четыре языка (армянин, проживавший в Абхазской АССР, должен был изучать родной, русский, грузинский – язык союзной республики, абхазский – язык автономной республики, входящей в состав союзной республики). Если имевшие автономии абхазы, южные осетины, каракалпаки, несмотря на давление со стороны титульных этносов союзных республик могли развивать свои языки, опираясь на свои права самоопределившегося с национально-государственной точки зрения, то мегрелам и сванам в Грузии, талышам и лезгинам в

---

[272] См.: *Копыленко М. М., Саина С. Т.* Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.

[273] См.: Население СССР. С. 43.

[274] См.: *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. С. 106.

Азербайджане, ягнобцам и памирским народам в Таджикистане просто отказывали в праве считаться отдельными народами и развивать свои языки; часть этих народов перестала отражаться в переписях.

Наличие языковых противоречий в СССР по схеме: русский язык – все остальные, трудно отрицать. Однако жесткая ассимиляторская политика в Грузии или Таджикистане опровергает тезис о том, что эти противоречия являлись главными и единственными. Положение в языковой сфере в период развитого социализма свидетельствует, что наряду с объективно реализуемой центральной властью политикой русификации набирала силу тенденция превращения СССР в пятнадцатиязычное государство.

4.7. Проблемы статуса и места национально-территориальных автономий в советской иерархической федерации

Во второй половине 1940-х гг. перед Советом Национальностей была поставлена задача разработать положения об автономных областях и округах. Однако ни в 1950-е, ни в 1960-е гг. такого положения создать не удалось. Подготовительную работу во второй половине 1960-х гг. провели Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР, Институт государства и права при участии представителей Верховного Совета РСФСР и Совмина РСФСР. В 1969–1970 гг. был даже подготовлен рабочий проект «Положения о национальных округах». Однако дальнейшая разработка проекта затянулась.

В Совет Национальностей поступали интересные предложения к законопроектам об автономных округах и областях. Так, кандидат исторических наук из Новосибирска Ю. Б. Стракач в записке в Совет Национальностей в ноябре 1969 г. предлагал исходным принципом для образования национального округа считать «принадлежность выделяемой народности или этнотерриториальной группы к числу аборигенной на занимаемой территории и минимальную ее численность, независимо от остального населения, порядка 1 тысячи человек». По его мнению, целесообразна также «группировка нескольких народностей или этнотерриториальных групп, по характеру тяготеющих к территории автономного округа», а для немногочисленных, менее тысячи человек, расселенных компактно, но изолированно от автономной области либо округа или республики «могут быть созданы усиленные по сравнению с обычными сельские Советы»[275].

В феврале 1972 г. Стракач вновь поставил перед Советом Национальностей вопрос о необходимости разработки и принятия «Положения о национальном округе», причем он полагал, что «существу округа как национально-государственной формы более точно отвечал бы термин «автономный», поскольку все современные округа в той или иной степени многонациональны, а иных округов, например административных, не существует.

[275] ГАРФ, оп. 106, д. 960, л. 12.

Среди ряда других выделялось предложение увеличить представительство национальных округов в Совете Национальностей Верховного Совета СССР до двух человек[276].

На ненормальность правового положения автономных областей указывал в своем письме в Совет Национальностей А. Мухидинов из Ростовского госуниверситета. Заметив, что 5 автономных областей РСФСР входят в края и, таким образом, «отданы на откуп краям», в то время как остальные 3 входят в другие союзные республики и находятся в их подчинении, он предлагал изменить «слишком парадоксальное... административное подчинение автономных областей, входящих в РСФСР», тем более что «по количеству населения и по развитию экономики некоторые автономные области РСФСР далеко оставили позади целый ряд АССР»[277].

Полагая, что национальный принцип в определении границ и административно-территориального устройства национально-государственных образований постепенно теряет свое значение, а «увеличение многонационального состава населения всех районов СССР является закономерным и безусловно прогрессивным явлением», он предлагал либо упразднить автономные области, либо «дать республиканское подчинение». А возможно, полагал он, «автономные области уже доросли и до АССР?»[278]

Материал по проблемам автономных областей в начале 1970-х гг. был передан Н. В. Подгорному, который направил его российскому руководству. Председатель Совмина РСФСР М. Соломенцев и председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. Яснов, признавая, что Положение об автономных областях подготовить и утвердить необходимо, отрицательно отнеслись к выделению автономных областей РСФСР из состава краев, «поскольку это привело бы к нарушению сложившихся экономических и социально-культурных связей краев и автономных областей»[279]. В феврале 1973 г. это мнение было доложено Подгорному, а разработка «Положения» вновь остановилась.

О поступающих рекомендациях разработать и принять Закон о принципах социалистической национальной автономии, в котором следовало бы изложить научно обоснованные критерии и признаки автономной республики, автономной области, автономного округа, а также автономного района для малых этнических групп, в 1977 г. докладывал заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета СССР П. Гуреев секретарю Президиума М. П. Георгадзе. При подготовке новой Конституции предлагалось также предусмотреть Закон о порядке преобразования автономного округа в автономную область, автономной области в автономную республику, автономной республики в союзную республику.

Правда, тот же Гуреев указывал, что «принципы социалистической национальной автономии, а также признаки автономной республики, автономной области, автономного округа закреплены в новой Конституции», а вот конкретизировать вопросы национально-государственного устройства должны в Конституциях союзных и автономных республик

---

[276] ГАРФ, л. 7, 8.
[277] Там же, л. 2, 3, 4.
[278] Там же, л. 6.
[279] Там же, д. 695, л. 25.

либо в законах союзных республик об автономных областях и автономных округах[280]. Тем самым признавалось, что Совет Национальностей, как и Верховный Совет СССР в целом, несмотря на многолетнее обсуждение, так и не смог создать закон или положение об автономных округах и областях.

Для практической деятельности Совета Национальностей вопросы образований и преобразований автономий различного уровня были важны и ставились неоднократно. Например, в 1983 г. в Совет Национальностей обратился Г. М. Никонов из Ростова-на-Дону с предложением образовать автономию для цыган[281]. Еще ранее в материалах, связанных с подготовкой Конституции 1977 г., обнаруживались призывы «усилить борьбу... с цыганами, которые нигде не работают» (М. Подручик, Волгоград), ввести «строгий закон, который бы заставил принудительно цыган честно трудиться» (А. Бородин, Читинская область), «определить цыган на постоянное место жительства» (Н. Гулеватый, Киев), «установить для цыган оседлый образ жизни» (И. Прохоров, Ульяновская обл.)[282].

Никонов признавал, что цыгане «остановились в своем развитии», большая часть их живет «за счет спекуляции, гадания, просто попрошайничества», однако они насчитывают «не меньше, чем, допустим, эвенки, которые имеют свою автономию»[283]. В. П. Рубен проявил серьезное отношение к проблеме и поручил заведующему отделом по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР Д. Никитину подготовить предложения по данному вопросу. По данным переписи 1979 г. в стране насчитывалось 209 тысяч цыган, причем в городах проживало 125 тысяч, а в сельской местности – более 83 тысяч, 60% всего этноса находилось в пределах РСФСР.

По мнению Никитина, ставить вопрос о какой-либо автономии для цыган было нецелесообразно, поскольку они «не живут крупными компактными поселениями в определенных регионах, а расселены небольшими по численности группами по многим республикам и областям страны»[284]. Это мнение, собственно как позиция руководства Совета Национальностей, было направлено председателю Ростовского облисполкома Н. Иваницкому для разъяснения заявителю. Вопрос об автономии для цыган был закрыт.

Неразработанность критериев определения национально-государственного статуса советских этносов отвечала интересам власти. Постановка вопроса о признаках, правах, структуре национально-государственного образования любой формы неизбежно должна была привести к необходимости пересмотра статуса ряда этносов, что, в свою очередь, могло привести в движение и другие социальные, национальные и прочие процессы в советском обществе. Считая существовавшую иерархическую систему национально-территориальных образований в целом законченной и совершенной, власть не желала, вопреки даже изменившимся социально-экономическим, политическим, культурным реалиям, что-либо менять в этой области. Попытки через Совет Национальностей придать этой проблеме общественное звучание окончились безрезультатно.

---

[280] ГАРФ, д. 960, л. 21, 33.
[281] Там же, оп. 136, д. 33, л. 192.
[282] Там же, оп. 117, д. 1174, л. 191.
[283] Там же, оп. 136, д. 33, л. 192.
[284] Там же, л. 194.

4.8. Вопросы неравенства в отношениях между республиками в период «роста единства советского народа как новой исторической общности людей»

Отличительной особенностью общественно-политической жизни СССР рассматриваемого периода было широкое развитие диссидентского движения, включавшего в себя людей, не согласных с ценностями советской системы и в той или иной форме выступающих против ее проявлений. Среди самых разных идей, выдвигаемых диссидентами, превалировали, по всей видимости, националистические идеи.

Большинство раскрываемых органами КГБ подпольных антисоветских групп на Украине действовало в западной ее части, где была еще жива память об оуновских националистах (в Ивано-Франковской области были арестованы в 1967 г. члены Украинского национального фронта, в 1973 г. раскрыт «Союз украинской молодежи Галичины»; во Львове в 1973 г. – «Украинский национально-освободительный фронт» из 50 студентов и старшеклассников). На национальной тематике сосредоточились возникшие в ноябре 1976 г. и апреле 1977 г. Украинская Хельсинская группа, Армянская Хельсинская группа (одними из главных требований которой являлись требования воссоединения армянских земель и использование армянского языка во всех сферах жизни в Армении), в январе 1977 г. – Грузинская Хельсинская группа, объединившая национал-экстремистов З. Гамсахурдия и М. Коставу и братьев-евреев Гольдштейнов.

Московская Хельсинская группа была тесно связана с крымско-татарским движением и движением евреев-отказников. Один из лидеров крымско-татарского движения М. Джемилев был среди основателей Московской инициативной группы, а известные правозащитники П. Григоренко, И. Габай, А. Лавут, А. Сахаров (письмо 52 крымских татар А. Д. Сахарову с просьбой не вмешиваться в их дела: «дорогу в Крым мы найдем без Вас и Ваших друзей», Л. Алексеева считает инспирированным властями) выступали в защиту требований крымских татар[285].

Большую роль в период «развитого социализма» играло русское национальное движение. Несмотря на то, что русские национально-патриотические течения в 1960–1980-е гг. так и не набрали силу и не смогли оказать существенного влияния на власть и развитие общества, все же следует учитывать, что, как и в 1920–1930-е гг., русское движение, стремящееся к защите интересов самого многочисленного из советских этносов, по мнению властей, представляло наибольшую опасность для коммунистической системы. Лучше всего характеризует тревогу власти по поводу набирающего силу движения «русистов» утверждение Ю. В. Андропова о том, что оно угрожает коммунистическим устоям больше, чем диссиденты. В своей записке в политбюро ЦК КПСС 28 марта 1981 г. Ю. В. Андропов движение «русистов» представлял «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя»[286].

---

[285] См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 104.

[286] *Семанов С. Н.* Андропов. Семь тайн генсека с Лубянки. М., 2001. С. 376.

Эта записка привела к увольнению с поста главного редактора журнала «Человек и закон» С. Н. Семанова, аресту известного в патриотических кругах публициста А. М. Иванова, разгрому редакции журнала «Наш современник», критике русских писателей В. Белова, В. Чивилихина и т.д.[287]

Представляется, что власть довольно внимательно отслеживала процессы национальной дифференциации в среде интеллигенции, более чутко реагирующей по своей природе на различные элементы национального неравенства. О серьезности отношения власти к данной проблеме свидетельствует, к примеру, анонимное письмо одного из новосибирских писателей, побывавшего на пленуме СП РСФСР в 1966 г., направленное в ЦК КПСС секретарем Новосибирского обкома партии Ф. Горячевым.

В этом письме анонимный автор довольно детально характеризует положение в среде российских писателей. В результате бесед и разговоров с писателями и поэтами Д. Зориным, Н. Родичевым, В. Туркиным, В. Петелиным, В. Чивилихиным, А. Прокофьевым, В. Фирсовым и другими у автора сложилось убеждение в том, что среди «московских писателей царит групповщина, что они разделены на две группы – на так называемых «левых» и «правых»[288].

К правым, полагал он, относятся все те, с кем автор беседовал. Они считают, что «отстаивают истинно русский дух и принципы социалистического реализма». «Левые», которых «правые» называли «еврейско-нигилистической» группой, захватили в литературных журналах и издательствах главные ключевые посты и, как выразился Чивилихин, «нигде нет продыху, в литературе существует что-то вроде еврейского ига, которое будет продолжаться дольше, чем татарское». «Левые», предполагает аноним, «вроде бы собираются, вырабатывают общую линию», оценивают то или иное произведение, того или иного писателя, но «идеологи» «левых» К. Симонов, В. Катаев, К. Паустовский, И. Эренбург «остаются в тени»[289].

Зорин и Родичев, по информации автора письма, ближайшую цель «левых» представляют как стремление «выхолостить из советской литературы ее реалистический, партийный, русский дух, сделать «общечеловеческой», «мировой», а сверхзадачу видят в том, что «рано или поздно в литературе и искусстве будут главенствовать представители только еврейской национальности, ибо евреи – раса самая высокоинтеллектуальная в мире». Причем аноним отказывается считать Зорина и Родичева антисемитами, более того, Зорина называет «человеком трудной судьбы, репрессировался, вроде бы его допрашивал сам Берия»[290].

Фирсов рассказывал, передавал автор письма, что «левые ненавидят Шолохова, пакостят по мелочам». В дни 65-летия «буквально изводили телефонными звонками – анонимы издевательски поздравляли его с присвоением звания Героя Социалистического Труда». Чивилихин рассказывал, «что левые затирают Л. Леонова»[291].

---

[287] *Семанов С.* Юрий Владимирович. М., 1995. С. 41; *Платонов О. А.* Указ соч. С. 431.
[288] РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 56, л. 9.
[289] Там же, л. 9.
[290] Там же, л. 10.
[291] Там же, л. 10, 11.

В дни пленума СП РСФСР в фойе Центрального дома литераторов был вывешен большой стенд, посвященный 25-летию разгрома фашистов под Москвой, с четверостишием В. В. Маяковского:

«Москва для нас не державный аркан,
Ведущий земли за нами.
Москва – не как русскому мне дорога,
А как огневое знамя».

Фирсов, как писал новосибирский «аноним», отреагировал на это следующим образом: «Смотри, уже не стесняясь, прямо в лоб нам бьют»[292].

В 1978 г. М. А. Шолохов в письме на имя Л.И. Брежнева высказал мнение о неудовлетворительном положении русской культуры, о враждебном наступлении на ее позиции, проявлении пренебрежительного отношения к историческому и культурному наследию России[293].

П. Демичев, И. Капитонов, М. Зимянин, Е. Тяжельников, В. Шауро, Г. Марков подписались под рекомендательным письмом ЦК КПСС (было решено никакого постановления не принимать), в котором признавалось, что «есть отдельные проявления неправильного отношения к русской культуре и культуре других народов»: «в распространении и чтении русской литературы по отдельным союзным республикам все еще существует неравномерность», «современная русская драматургия в некоторых национальных театрах представлена еще слабо», «существуют некоторые психологические и языковые трудности, которые подчас ощущают работники культуры и писатели русской национальности, живущие в других союзных республиках». Отмечалось, что недостаточно внимания уделяется отдельным периодам истории России, тем или иным литературным памятникам, таким, как «Слово о полку Игореве», просветительской роли таких деятелей, как Сергий Радонежский, нет всесоюзного музея, посвященного движению декабристов[294].

Однако партийные идеологи утверждали, что «мнения о пренебрежении к истории русского быта не имеют под собой серьезных оснований», и что неправомерно оценивать все, к примеру, кинофильм «Как царь Петр арапа женил», «как злонамеренную антирусскую диверсию»[295].

Проведенный анализ национального состава авторов литературных журналов за 1976–1978 гг., по мнению авторов письма, негативных моментов не выявил. Из 236 авторов «Нового мира» 147 являлись русскими, 29 – евреями, 14 – эстонцами, 10 – татарами, 7 – грузинами, 6 – украинцами, 5 – белорусами, 4 – молдованами. В журнале «Октябрь» были напечатаны произведения 196 авторов, из них русские составляли 138, евреи – 12, украинцы – 12, белорусы – 4, народности РСФСР – 19[296].

---

[292] РГАНИ, л. 11.
[293] Там же, ф. 89, пер. 16, д. 16, л. 3.
[294] Там же, л. 7, 10, 13, 14.
[295] Там же, л. 9, 10.
[296] Там же, л. 13.

Не насторожило партийных чиновников и то, что в РСФСР издавалось 57 республиканских журналов, в то время как на Украине – 75, в Грузии – 24, Эстонии – 23, Литве – 26[297].

Было принято решение ограничиться постановкой вопроса «о более всестороннем исследовании исторической картины развития духовной жизни России и ее культуры, в том числе и сложных периодов, противоречивых фигур», «о возможности улучшения работы по реставрации памятников истории и культуры, созданию новых памятников и музеев», об «ускорении создания центрального музея русского быта»[298].

Безусловно, у М. А. Шолохова имелись основания утверждать, что в общественно-политической и литературно-художественной сферах проявилось «пренебрежительное» отношение к историческому и культурному прошлому русского народа. В середине 1970-х годов разгорелась довольно бурная полемика вокруг книги казахского писателя О. Сулейменова «Аз и Я».

В своей записке в ЦК КПСС председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин указывает, что О. Сулейменов в своей книге, «справедливо выдвигая вопрос о более глубоком и всестороннем изучении культуры тюркоязычных народов», «впадает в крайность, стремясь представить эту культуру чуть ли не основополагающей для всего славянского мира». Сулейменов полагал, что Киев основан хазарами, половцы прикрывали Русь с юга и востока, культура славян «предельно насыщена ароматом степного этноса» и что Русь – двуязычная страна, а половцы принесли на Русь «новую мораль», даже великий эпос «Слово о полку Игореве» частично написан на половецком языке[299].

Возражения Б. И. Стукалина вызвали положения последнего раздела книги, в котором автор рассуждал о величии древнееврейской культуры, о заимствовании христианами древнееврейских слов и выражений, о «глубокомыслии семитских знаков», к восприятию которых «были не готовы «славянские общества»[300]. В докладной записке М. В. Зимянину 16 апреля 1976 г. было высказано предположение о возможности «сколачивания диссидентов-националистов» (О. Сулейменов указывал на то, что у него имеются «последователи среди писателей Казахстана»). Дело явно выходило за рамки литературной и исторической полемики и принимало политическую окраску[301].

Книга «Аз и Я» была обсуждена на совместном заседании бюро Отделения литературы и языка и бюро Отделения истории АН СССР 13 февраля 1976 года. На этом заседании академик Б. А. Рыбаков заявил, что О. Сулейменов «особенно и не скрывает» «антирусскую направленность» и «издевается над патриотической наукой». На заседании было также отмечено, что «политически неуместна фразеология и символика в отношении исторической миссии еврейского народа», сделан вывод о том, что «в научном отношении книга несостоятельна, а в идейно-теоретическом плане ошибочна»[302].

---

[297] РГАНИ, л. 11.
[298] Там же, л. 13, 16.
[299] Там же, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 4.
[300] Там же, л. 7.
[301] Там же, л. 11.
[302] Там же, л. 24, 25.

ЦК КП Казахстана «осудил ошибки» О. Сулейменова, сам писатель также «признал допущенные им серьезные ошибки, а заместитель заведующего отделом пропаганды Г. Смирнов, заведующий отделом науки и учебных заведений С. Трапезников и заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро в своей докладной записке указали, что «ошибочные выводы, содержащиеся в книге, наносят ущерб делу интернационального воспитания»[303].

Несмотря на заверения власти о полном и окончательном решении национального вопроса и достигнутом равенстве наций при социализме, на деле углублялось неравенство в самых различных сферах жизни советской страны, о чем ярко свидетельствуют сравнительные данные по союзным республикам. Эти данные, доступные для исследователей в период «развитого социализма», показывают существовавшее неравенство среди «титульных этносов», что дает основание предположить о наличии еще более разительных расхождений в уровнях развития среди всех наций и народностей, населявших СССР.

Тревогу прежде всего должен был внушить властям «демографический перекос». О «неравномерном росте народонаселения» писал в 1983 г. Ю. В. Андропову доктор философских наук Э. А. Баграмов, отмечавший, что «прирост населения среди народов Азербайджана, Средней Азии и Казахстана в 4–5 раз выше, чем среди славянского населения»[304].

Действительно, численность только «титульных этносов» в период с 1959 г. по 1989 г. увеличивалась с радикальной «неодинаковостью»: латыши – на 4,2%, эстонцы – на 3,8%, украинцы – на 18,6%, белорусы – на 26,8%, русские – на 27,2%, литовцы – на 31,9%, зато грузины – на 47,9%, молдаване – на 51,4%, казахи – в 2,2 раза, азербайджанцы – в 2,3 раза, киргизы – в 2,6 раза, туркмены – в 2,7 раза, узбеки – в 2,8 раза, таджики – в 3 раза[305]. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией.

Парадоксальной являлась ситуация с расселением этносов и их представленностью на «территориях своей государственности», прежде всего в РСФСР. 50% территории России официально объявлялись «государственными территориями определенного этноса» для 7% российских граждан, в то время как другие народы, в том числе и русский, составлявший более 80% населения РСФСР, никакого политико-правового статуса не имели. Система национально-территориальных автономий не решала и проблем «титульных этносов». Все народы, имевшие в 1989 г. свои автономные образования, вместе взятые, насчитывали 17,7 млн человек, что составляло 12% населения союзной республики. Из них в пределах своих автономных образований проживало 10,3 млн человек (7% населения РСФСР). Лишь 6 «титульных» этносов составляли большинство населения в своих автономиях. По существу, народы, давшие название большинству российских автономий, являлись в них «титульными» меньшинствами. Многие этносы в значительной части прожива-

[303] РГАНИ, л. 27.
[304] Там же, оп. 89, д. 10, л. 22.
[305] См.: Размещение населения в СССР. М., 1986. С. 40.

ли за пределами своих этнотерриториальных образований: 99,4% евреев, 73% мордвы, 73% татар, 52% марийцев, 51% чувашей, 44% осетин, 40% башкир, 40% карел и т.д.[306]

Подобная ситуация, при которой этнос, давший название той или иной республике, являлся «титульным меньшинством», наблюдалась в ряде других советских национально-государственных образований. По данным переписи 1979 г., казахи в Казахстане составляли 36% населения, киргизы в Киргизской ССР – 47,9%, абхазы в Абхазской АССР – 17,1%, каракалпаки в Каракалпакской АССР – 31,1%[307]

Величину произведенного национального дохода в расчете на одного занятого в народном хозяйстве (в процентах к среднесоюзному уровню, принятому за 100%) РСФСР увеличила со 105% в 1970 г. до 108% в 1979 г., Белоруссия – с 89,3 до 101%, Латвия – со 117,4 до 120%, Эстония – со 119,8 до 123%, Литва – со 102,8 до 104%, в то время как Казахстан снизил этот же показатель с 94 до 78%, Узбекистан – с 83,3 до 77%, Киргизия – с 85,2 до 72%, Таджикистан – с 74,8 до 62%, Туркмения – с 92,8 до 85%[308].

Советский исследователь М. Н. Патраш обращал внимание на соотношение между такими показателями, как произведенный национальный доход на душу населения и средним размером семьи (данные 1979 г.). Оказалось, что в Эстонии, Латвии, России, Литве, Белоруссии и Украине, занимавших первые 6 мест по первому показателю, средний размер семьи колебался в пределах от 3,1 до 3,3 человека (10–15-е места по второму показателю), зато в ТаджССР (15-е место по первому показателю), УзССР (13), ТССР (12), АзССР (10), КазССР (11), КиргССР (14) средний размер семьи достигал от 4,1 до 5,7 человек (1–4, 6–7-е места по второму показателю)[309].

Радикально республики различались по уровню экономического развития. Если принять общесоюзный уровень за 1,0, то в 1970-е гг. выше этого уровня были показатели России, Латвии, Эстонии, Казахстана, а показатели Таджикской, Армянской, Молдавской, Туркменской, Киргизской союзных республик опустились до 0,750. Индекс индустриального развития (общесоюзный – 1,000) в Эстонии равнялся 1,150, в России – 1,138, в Латвии – 0,999, а в Грузии он опускался до 0,629, Киргизии – до 0,560, Узбекистане – до 0,521, Молдавии – до 0,489, Туркмении – до 0,435, Таджикистане – до 0,403. Индекс сельскохозяйственного развития общесоюзный показатель превышал в Казахстане, Армении, Эстонии, Молдавии, Латвии, Литве, Белоруссии, России, Азербайджане, зато был ниже в Грузии, Узбекистане, Киргизии, Украине, Таджикистане, Туркмении, причем разрыв составлял примерно 1:4. Производительность труда превышала общесоюзный уровень (100%) в Латвии (124%), Эстонии (120%), в России равнялась 100%, на Украине – 98%, а в среднеазиатских республиках этот показатель был значительно ниже общесоюзного. Различались и темпы роста различных экономических показателей. Если темпы роста в сельском хозяйстве в 1966–1974 гг. в прибалтийских республиках составили от 7,8 до 9,5%, то в Узбекистане – 2,2%, в Киргизии – 2,8%. По общему уровню экономического

---

[306] См.: *Вдовин А. И.* Российская нация. М., 1996. С. 230–236.

[307] См.: *Брук С. И.* Население мира. С. 207–217.

[308] См.: Размещение населения в СССР. С. 40.

[309] См.: *Патраш М. Н.* Некоторые методические вопросы относительного сближения уровней развития республики и роль межреспубликанских связей. М., 1981. С. 7, 56.

развития советские республики выстраивались в следующей последовательности: ЭССР, ЛатвССР, РСФСР, КазССР, УССР, БССР, ЛитССР, ГССР, АрмССР, АзССР, КиргССР, ТССР, УзССР, МССР, ТаджССР[310].

Сохранялись различия в социальной сфере. Так, доля рабочих коренной национальности в республиканском отряде рабочего класса в России достигала 63% как по данным переписи 1970 г., так и по переписи 1979 г., в Казахстане в 1970 г. удельный вес рабочих коренной национальности составлял 65% (в 1979 г. – 64%), в Эстонии в 1970 и 1979 гг. – 57%, в то время как в Туркмении в 1970 г. – 32%, в 1979 г. – 39%, в Молдавии в 1970 г. – 32%, в 1979 г. – 54%, в Грузии в 1970 г. – 41%, в 1979 г. – 49%. Удельный вес колхозников коренной национальности в РСФСР, Казахстане, Эстонии колебался в пределах 12–18% в 1970 г., 6–10% – в 1979 г., а Таджикистане, Киргизии, Узбекистане, Туркменистане, Молдавии соответствующий показатель равнялся 44–61% в 1970 г., 24–45% – в 1979 г.[311]

Все это, безусловно, было известно высшему руководству страны. Скрыть нарастающее экономическое неравенство республик не удавалось даже официальной статистике. Ежегодно депутаты Совета Национальностей и Совета Союза принимали законы о государственном бюджете, «узаконивающие» еще один вид неравенства: разные отчисления от общесоюзных налогов и доходов в бюджеты союзных республик. Так, Российская Федерация могла оставить себе в 1971 г. – 36,8%, в 1975 г. – 42,3%, в 1982 г. – 37,9% собранного на ее территории налога с оборота, Украина – соответственно 32,3, 43,3, 55,2%, Латвия – 33,2, 45,6, 37,3%, Эстония – 41,9, 59,7, 54,4%, зато Туркменистан – 100, 100, 90,9%, Казахстан – 100, 100, 39,3%, Таджикистан – 100, 99,1, 58,0%, Узбекистан – 95,8, 99,8, 92,3%, Киргизия – 83,5, 93,2, 96,7%. В бюджеты Узбекистана, Казахстана, Литвы, Киргизии, Таджикистана в 1970-е гг. чаще всего поступал весь подоходный налог с населения. Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза превышали аналогичные показатели для России[312].

Все эти диспропорции становились предметом активного обсуждения в обществе «развитого социализма». Характерными для исследуемого периода стали письма в высшие государственные органы власти, основной целью которых становилось стремление обратить внимание на неравенства между этносами в различных сферах жизнедеятельности общества. К примеру, в декабре 1976 г. председатель Совета Национальностей В. П. Рубен ознакомился с содержанием анонимного письма, в котором господствующей нацией СССР «признавались» армяне. Указывалось, что армяне «более значительно обеспечены материально и благодаря коррупции занимают ключевые позиции в большинстве отраслей промышленности, в культуре, науке, искусстве, печати, спорте, и всюду и везде, где можно нажиться без особого труда... за счет всех других народов СССР и особенно за счет

---

[310] См.: Национальные отношения в СССР на современном этапе. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. М.,1970. С. 85–114.

[311] См.: *Арутюнян Ю. В.* Коренные изменения в социальном составе советских народов // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 23; Совершенствование национальных отношений в СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1988. С. 134.

[312] См.: Закон СССР о Государственном бюджете Верховного Совета СССР: Стенограмма. М., 1970; Закон СССР о государственном бюджете // Сессия Верховного Совета СССР: Стенограмма. М., 1974; Закон о государственном бюджете // Сессия Верховного Совета СССР: Стенограмма. М., 1981.

РСФСР». Им всегда, продолжал автор, «отпускались максимальные дотации», которые шли на «миллиардной стоимости туннели для спасения ими же загубленного Севана»[313]. Недостаточно аргументированные, излишне эмоциональные, зачастую противоречивые обращения свидетельствовали о нарастающем процессе накопления обид и раздражения в межнациональной сфере. Игнорировать эти настроения в обществе власти становилось все труднее.

Обобщая все эти данные, можно утверждать, что вывод руководства страны о достигнутом фактическом равенстве между социалистическими нациями, сделанный еще в конце 1930-х гг., был поспешным и вряд ли объективно отражал сложившиеся диспропорции между советскими народами. Можно предположить, что этим выводом партийные идеологи попытались всего лишь скорректировать активно и целенаправленно проводимую политику *возврата долгов русской нацией ранее угнетаемым ею народам* (курсив мой. – *А. М.*).

Диспропорции же не удалось устранить и в период «развитого социализма», а «испытанный и надежный» метод для достижения «фактического равенства», выражавшийся в продолжавшейся политике эксплуатации ресурсов русского народа и России в интересах пресловутого достижения одинакового уровня социально-экономического развития всех советских народов, по всей видимости, использовать становилось все труднее и труднее. Ресурсы русского народа и России, как оказалось, не беспредельны, да и очередные попытки привлечь их для решения «общесоветских» задач, что наиболее наглядно проявилось в проекте «переброски сибирских рек», стали вызывать усиливающийся протест со стороны широкой патриотической общественности.

Таким образом, несмотря на широковещательные и успокоительные заверения советского руководства о торжестве дружбы народов и ленинской национальной политики, об успешном завершении создания в СССР «советского народа – новой исторической общности людей», об отсутствии межнациональных противоречий в стране, сфера межнациональных отношений представляла собой крайне сложную и противоречивую систему взаимоотношений этносов, более похожую на бурлящий и готовый к взрыву этнический котел.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. практически завершился процесс национального обособления союзных республик и сформировалось несколько линий межэтнических противоречий: между титульными нациями и национальными меньшинствами (противоречие многослойное, поскольку необходимо учесть, что титульные нации были еще и в автономных республиках, входивших в союзные), между русскими и русскоязычными, с одной стороны, и «коренным населением», с другой. Были сформированы и передовые отряды в «борьбе за независимость» – национальные элиты, национализм которых был к тому же хорошим прикрытием их коррупционности и клановости.

Иерархическое национально-государственное построение внутри СССР усиливало эти противоречия многократно и делало их многослойными. Фактическое неравенство между советскими этносами в экономической, социальной и других сферах, юридически закрепленное и конституционно оформленное иерархическим строением советской фе-

[313] ГАРФ, оп. 117, д. 145, л. 184.

дерации, на деле опровергало вывод партийных идеологов о достигнутом единстве внутри «новой исторической общности». Несмотря на это, процесс накопления ею общесоветских черт и признаков (реальное наполнение такого рода дефиниций, как «советский характер», «советский патриотизм», «советский образ жизни», широкое усвоение этносами русского языка и т. д.) не исключал как один из вариантов развития превращение общности в советскую «супернацию».

Межнациональному спокойствию мешали и незавершенный процесс реабилитации ряда ранее депортированных народов, и неустраненные территориальные претензии между когда-то переселявшимися этносами. Тем более что национальные движения, выступающие за полную реабилитацию народов, насильственно переселенных в 1940-е гг., в данный период продолжали настаивать на разрешении «своего национального вопроса» в рамках «ленинско-сталинской национальной политики», т. е. во главу угла ставили проблемы национально-государственного определения. Позитивной программы решения национального вопроса не предложили и диссиденты, поддержавшие национальные движения крымских татар и советских немцев прежде всего в их стремлении к национальным приоритетам в виде национальных территорий, границ, государственности.

Несмотря на заверения власти о достигнутом равенстве народов СССР, сохранялись различия в уровне экономического и общественного развития, что предопределяло неравномерность социальных, демографических и, в конечном счете, политических процессов в стране.

Политика консервации межнациональных противоречий, «устранения» их путем принятия бесконечных постановлений об усилении интернационального воспитания и проверок «эффективности» этих постановлений на местах комиссиями из центра себя исчерпала. Деятельность органа государственной власти, отвечающего за проведение политической линии в межнациональных отношениях, – Совета Национальностей – сводилась преимущественно к участию в реализации намеченных политбюро и ЦК мероприятий в области национальных отношений и посреднической деятельности в конфликтных ситуациях, возникающих между властью и этносами. Это приводило к тому, что в огромной многонациональной стране практически не было ни одной государственной организации, которая бы эффективно занималась разрешением назревших проблем в данной сфере. Предпосылки «национального взрыва», приведшего к краху союзное государство, были налицо.

ГЛАВА 5

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1985–1989)

С середины 1980-х гг. начинается последний, наиболее драматичный период советской истории. Предшествующий период развития СССР, названный официальными идеологами «развитым социализмом», несмотря на ряд попыток стабилизировать систему с помощью реформ, наиболее перспективной из которых была предпринятая в 1965 г., не принес ожидаемых результатов. В стране сохранялись основы партийно-государственного монополизма, и это вело к стагнации в экономике. Накапливались противоречия в политической и социальной сферах, в общественной жизни в целом, а с ними и предпосылки для системного кризиса.

«Политическая, социальная и экономическая структуры СССР создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные, монополизм власти стремился к абсолютному, монополизм экономики носил технологический характер, монополизм в культуре и информации проникал во все общественные сферы»[1].

«Послебрежневский» период (1982–1985), по мнению Р. Г. Пихоя, изрядно поубавил надежды на возможность «реформирования социализма», а «андроповский коммунистический фундаментализм» оказался непрочным, держался на страхе репрессий[2]. СССР столкнулся с всеобъемлющим структурным кризисом. Парадокс ситуации заключался в том, что успешное реформирование сложившейся системы могло начаться только изнутри и только усилиями правящей олигархии, поскольку ни военный разгром, ни массовый политический протест советскому государству не грозили. В СССР даже не существовало легальной оппозиции. Вероятно, национальные элиты и национальные движения к 1985 г. были единственной реальной оппозицией и федеральному центру, и советской власти в целом.

В зависимости от характера и направленности будущих реформ эти факторы грозили стать решающими и судьбоносными для огромной страны. Трудно возразить историку А. С. Барсенкову, высказавшему мнение о том, что глубокие преобразования сложившихся в СССР социально-экономических и политических отношений во второй половине

---

[1] *Шубин А. В.* От застоя к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 755.
[2] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 399.

1980-х гг. в СССР стали «возможными и в какой-то степени неизбежными» в силу прежде всего «трансформации советской политической элиты»[3].

В историографии уже предприняты попытки системного анализа заключительного этапа советской истории. Так, В. В. Согрин, автор появившейся в 1994 г. книги «Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина» (дополненной в 2001 г. главами, посвященными второму сроку президентства Б. Н. Ельцина и президентству В. В. Путина), в которой впервые были изложены наиболее важные события «перестройки», пришел к выводу о том, что «в свете теории модернизации» советское общество прошло в 1985–1991 гг. два этапа. На первом (1985–1986) руководство страны во главе с М. С. Горбачевым «использовали главным образом командно-административные методы реформирования, похожие на те, к которым уже прибегали Хрущев и Андропов». Однако они только усугубляли экономические и социальные проблемы страны, продемонстрировав полную «исчерпанность командно-административной модели реформ». На втором этапе (1987–1991), когда Горбачев попытался воспользоваться «своего рода советской моделью демократического социализма», экономические реформы не удались, а демократизация приобрела «собственную, неподвластную Горбачеву динамику», напора которой не выдержали ни командно-административная система, ни «реальный социализм», ни Советский Союз, ни сам «архитектор перестройки» М. С. Горбачев[4].

А. С. Барсенков полагает, что мероприятия 1985–1986 гг. следует рассматривать как «определенную целостную систему»: ускорение социально-экономического развития страны посредством перегруппировки и концентрации сил и средств на ведущих направлениях прежде всего за счет внедрения достижений НТП (машиностроение и другие прогрессивные наукоемкие отрасли), укрепление дисциплины, «кадровая революция», попытки проведения активной социальной политики, а также стремление переломить ситуацию в отношениях Восток – Запад[5].

А начало «собственно горбачевского этапа реформ, именуемых «перестройкой», Барсенков предлагает датировать 1987 г., называя период 1987–1988 гг. «ключевым, во многом предопределившим последующее развитие событий»: выработка стратегии преобразований и начало ее воплощения, гласность и демократизация привела к началу самоорганизации наиболее динамичной части населения. «Концентрация внимания главным образом на процессах в общественно-политической сфере привели к тому, что предпринятые шаги по экономическому реформированию имели половинчатый, некомплексный характер»[6].

Переломным историк считает 1989 год, когда складываются объективные предпосылки широкой антигорбачевской и антикоммунистической оппозиционности, негативные тенденции в развитии экономики приобретают необратимый характер, взрывается «национальная бомба», быстро эволюционирует идейно-политическая ситуация, происходит организационное оформление политической оппозиции, появляется «российский

---

[3] *Барсенков А. С.* Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002. С. 55.

[4] *Согрин В. В.* Политическая история современной России: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 6–7.

[5] *Барсенков А. С.* Указ. соч. С. 61, 68, 69.

[6] Там же. С. 112–113.

фактор»[7]. В 1990–1991 гг. СССР вступает в кризисную фазу развития, когда «негативные тенденции приобрели обвальный характер, ведя к разрушению всего государственного организма»[8].

5.1. Курс на ускорение социально-экономического развития страны и нарастание межнациональных противоречий (1985–1987)

Одним из главных факторов перестройки являлся национальный вопрос, выдвинувшийся окончательно на одно из главных мест в политической жизни СССР в 1988 г. В 1985–1986 гг. большого значения национальным вопросам «начинающие реформаторы» не придавали. В апреле 1990 г. М. С. Горбачев признавался, что появление национального вопроса для руководства страны было неожиданным: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет»[9].

Судя по воспоминаниям В. И. Воротникова, национальный вопрос был поднят 1 декабря 1986 г. на совещании у М.С. Горбачева, посвященном подготовке пленума по кадровым вопросам, причем сделал это не кто иной, как председатель КГБ СССР. В. М. Чебриков обратил внимание на неблагополучную ситуацию с национальной интеллигенцией и настаивал на вынесении на обсуждение будущего пленума национальных вопросов. Предлагал, в частности, «практиковать обмен национальными кадрами»[10].

По всей видимости, КГБ более реально представлял ситуацию в межнациональной сфере. Следует отметить, что партийным органам пришлось столкнуться с проявлениями эксцессов на национальной почве практически в самом начале перестройки. Речь идет о событиях конца марта – начала апреля 1986 г. в Якутске.

28, 29, 31 марта 1986 г. на катке вблизи Якутского университета и его общежитий произошли драки русских подростков со студентами-якутами университета. Несмотря на то, что обстановка накалялась, местные партийные органы, как позже установит комиссия, составленная из ответственных работников аппарата ЦК КПСС и КГБ СССР и возглавляемая заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Золотаревым, «не увидели в конфликте (вероятнее всего не захотели увидеть. – *А. М.*) межнационального оттенка, недооценили перерастания его в выступление националистического толка»[11].

Вечером 1 апреля после очередного столкновения на катке собралась большая группа студентов, которые стали требовать от прибывшего туда заместителя министра внутренних дел Якутской АССР В. Е. Дедикова наказания зачинщиков драк – русских подростков. Попытки организовать встречи студентов-якутов с работниками МВД 2 апреля не удались, и собравшиеся около университета студенты двинулись к центру города[12].

---

[7] *Барсенков А. С.* Указ. соч. С. 117.
[8] Там же. С. 157.
[9] Союз можно было сохранить. С. 104.
[10] *Воротников В. И.* А было это так: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 114.
[11] РГАНИ, ф. 89, пер. 23, д. 34, л. 9.
[12] Там же, л. 10.

У здания обкома партии группу студентов в количестве 250–300 человек удалось остановить и убедить вернуться к университету. На обратном пути толпа увеличилась до 600–700 человек, раздавались выкрики: «Якутия для якутов, долой русских!», «Разнесем площадь Орджоникидзе!» (здесь находилось здание МВД республики). На подходе к университету начались драки, был избит младший лейтенант милиции русский Телегин[13].

В 21.00 возбужденная толпа заполнила актовый зал университета и возник стихийный митинг, в котором приняли участие не только студенты ЯГУ, но и якутская молодежь города. Выступило 24 человека, возмущались бездеятельностью милиции. Студент ЯГУ В. Гоголев утверждал, что «на улицах города русские систематически избивают якутов», учащийся 9 класса В. Степанов говорил, что «русские завоевали Якутию и начали уничтожать якутов». Реплика члена комитета комсомола ЯГУ Сергиенко о том, что «нельзя всех русских огульно обвинять в шовинизме» поддержки не получила. Присутствовавшие в зале секретарь обкома по идеологии, первый секретарь горкома, первый секретарь райкома, другие партийные и комсомольские работники выступили «в роли пассивных наблюдателей»[14].

Проверка показала, что из аналогичных негативных проявлений среди студенчества Якутии в 1979 г. должных уроков не было извлечено. Комиссия обратила внимание ЦК на то, что среди принятых на первый курс ЯГУ постоянно возрастает доля лиц коренной национальности, которая в 1985 г. составила 80%. Комиссия также отмечала, что практически однонациональным (только из русских) стало речное училище, и «такой подход просматривался» при расселении в общежитиях, при комплектовании студенческих строительных отрядов и «даже нарядов патрульно-постовой службы милиции»[15].

Несмотря на то, что к уголовной ответственности было привлечено шесть человек, в том числе трое русских, татарин и два якута, межнациональная напряженность длительное время не спадала. Интересно, что обком партии в своем сообщении ЦК КПСС 3 апреля, «когда уже была ясна националистическая окраска событий», «квалифицировал их по существу как простое хулиганство»[16]. Представляется, что обком действовал в соответствии со сложившейся практикой сокрытия подобного рода националистических проявлений. В данной связи позиция руководства ЦК КПСС мало отличалась от позиции обкома, поскольку вся информация о якутских событиях в 1986 г. осталась известной узкому кругу людей в высшем партийном руководстве.

29 апреля 1986 г. на заседании секретариата ЦК КПСС Г. П. Разумовскому и А. Н. Яковлеву в связи с якутскими событиями было поручено подготовить проект постановления ЦК КПСС, которое и было одобрено на заседании 5 мая 1986 г. В постановлении вина за происшедшее возлагалась на партийное руководство республики и лично первого секретаря обкома Ю. Н. Прокофьева. Обкому, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Якутской АССР предписывалось всесторонне учитывать социальные, этнические и демографические процессы в республике, целенаправленно влиять на националь-

[13] РГАНИ.
[14] Там же, л. 11.
[15] Там же, л. 12, 13.
[16] Там же, л. 15.

ный состав трудовых и учебных коллективов, обратить внимание на воспитание высокой культуры межнационального общения[17].

Якутским событиям власть не придала должного значения, посчитав их, по всей видимости, локальными и не характерными для межнациональных отношений в стране в целом. Между тем, секретариат ЦК КПСС в связи с событиями в Якутии вынужден был обратиться к обсуждению национальных проблем после начала перестройки уже во второй раз. Впервые это произошло еще в 1985 г.

4 июля 1985 г. секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопрос «о фактах серьезных беспорядков среди призывников воинского эшелона, следовавшего маршрутом Батайск – Мары»[18]. Драки призывников-мусульман (в основном из республик Северного Кавказа) с немусульманами продолжались в течение двух дней и заставили партийное руководство обратить внимание на существовавшие в армии напряженные отношения между призывниками разных национальностей. Секретариат поручил отделам ЦК подготовить по этому поводу постановление, в котором причины неблагополучия в национальной сфере традиционно сводились к недостаткам нравственного и интернационального воспитания[19]. От общественности эти события, по обыкновению, были скрыты, призывники из республик Северного Кавказа, как отмечалось в докладной записке ЦК КПСС о положении в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, «о случившемся судят понаслышке и не всегда правильно». В ходе весеннего призыва 1986 г. в военкоматы не явилось около 200 человек[20].

У советского руководства не возникло сомнений в правильности национальной политики и после событий 16–19 декабря 1986 г. в Алма-Ате, хотя именно эти события впервые стали не только предметом партийного разбирательства, но и объектом пристального внимания всего советского общества. Национальные проблемы после алма-атинских событий декабря 1986 г. и для власти, и для всего общества явились во всей их остроте и сложности. Скрывать национальные противоречия и продолжать представлять межнациональную сферу общественных отношений как беспроблемную после декабря 1986 г. уже не имело смысла.

Как признавался М. С. Горбачев, после объявления об отставке первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаева он беседовал с отставником о возможном преемнике. Кунаев якобы дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР Н. А. Назарбаеву и вообще заявил, что среди казахов преемника не видит,...«на посту первого секретаря должен быть русский».[21] Уже вечером 16 декабря, после объявления об отставке Д. А. Кунаева и назначении на эту должность первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Г. В. Колбина, среди студентов в общежитии Алма-Атинского государственного театрально-художественного института начались волнения против назначения русского главой компартии Казахстана.

---

[17] РГАНИ, д. 15, л. 1, 2.

[18] Там же, пер. 11, д. 138, л. 1.

[19] Там же.

[20] Там же, д. 192, л. 4.

[21] См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498.

Протест поддержали студенты института иностранных языков, а утром 17 декабря на площади Брежнева начался митинг под националистическими лозунгами. При попытке разогнать его произошли стычки между демонстрантами и работниками милиции и КГБ. Беспорядки продолжились до 19 декабря, в ходе их погибли 2 сотрудника МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин. Для наведения порядка был мобилизован партийно-хозяйственный актив, созданы рабочие отряды. Политическое руководство в Москве вновь пыталось объяснить все провалами в «кадровой политике», обвиняя в организации беспорядков конкретных политических деятелей, в том числе Назарбаева и Кунаева. В то же время сами беспорядки безусловно характеризовались как «националистические проявления со стороны казахской молодежи»[22].

Реальный анализ дел в «лаборатории дружбы народов», как называли Казахстан в официальной советской пропаганде, мог бы показать власти, что в сфере межнациональных отношений в этой республике накопился целый комплекс проблем: от экологических и экономических до родоплеменных отношений, влиявших на распределение власти между местными национальными элитами, поделенными к тому же на родо-племенные организации – «жузы». Власть длительное время не обращала внимания на неуклонно нарастающую в конце 1970-х гг. миграцию русского населения из республики. По данным исследователя О. Комаровой, в 1975–1988 гг. из Казахстана в Россию выехало около 400 тыс. русских (6,6% общей численности русских в Казахстане)[23].

По всей видимости, прямым следствием алма-атинских событий явился массовый выезд в 1987 г. из Казахской ССР: из Джамбульской области выехало 46 тысяч, Карагандинской – 24 тысячи, Джезказганской – 26 тысяч, Кзыл-Ординской – 22 тысячи «граждан только русской национальности»[24].

Пройдет почти четыре года перестройки, и казахстанское руководство ревизует вывод о националистическом характере алма-атинских выступлений декабря 1986 г. 24 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР примет постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.» Националисты предстанут первыми борцами за перестройку, новоявленными «декабристами», а те, кто пытался препятствовать беспорядкам, будут обвинены в жестокости при разгоне «демократических демонстраций».

Народный депутат СССР, председатель Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещеряков, в 1986 г. занимавший пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, узнал о беспорядках после 14.00 17 октября 1986 г. от вышестоящих партийных органов. «В условиях начавшихся погромов и поджогов» он решил собрать дружинников и отправить их для оказания помощи работникам милиции. Дружинники были направлены для предупреждения развития массовых беспорядков лишь на

---

[22] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 464–465.

[23] *Комарова О.* Миграция русских: новые тенденции // Этнополитический вестник. 1995. № 5. С. 125.

[24] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 2201, л. 80.

следующий день, т.е. 18 декабря. Комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила Мещерякова в вооружении дружинников и в «организации избиения ни в чем не повинных людей»[25].

Ю. Мещеряков в письме к А. И. Лукьянову прямо указывал, что, «пытаясь оправдать хулиганов и погромщиков, в самой комиссии находились лица, которые допустили выступления студенчества, за что некоторые из членов комиссии были впоследствии наказаны», и свидетельствовал, что в результате сентябрьского 1990 г. решения Президиума Верховного Совета Казахской ССР в Павлодарской (безусловно, и в других областях Казахстана. – *А. М.*) области возникла напряженность между казахской частью населения и русскоязычной[26].

За четыре года перестройки национальная элита эволюционировала от состояния испуга понести ответственность за «неосмотрительные действия» молодежи до осознания своей силы, консолидированности, решимости довести «начатое в декабре 1986 г. на площади Брежнева дело до победного конца». Центральная власть к этому времени уже не реагировала на такие «мелочи».

Летом 1987 г. власть столкнулась с застарелой проблемой в сфере межнациональных отношений – устранением «исторической несправедливости» по отношению к крымско-татарскому народу. Акции протеста крымских татар с требованиями восстановления крымско-татарской автономии в Крыму заставили партийное руководство обсудить возможность восстановления автономии. На заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. С. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве «трещины в славянском ядре «социалистической империи». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено[27].

Крымско-татарская проблема и в обществе вызвала неоднозначную реакцию. Б. Ш. Окуджава и Е. А. Евтушенко подписывались в защиту требований крымских татар, а участник войны из Орехово-Зуева А. П. Лебедев в обращении в Совет Национальностей Верховного Совета указывал крымским татарам: «Нужна автономия – поезжайте в Казань»[28].

Только с апреля 1985 г. по апрель 1987 г. в Москве побывало 7 делегаций (121 человек) крымских татар, однако их не принял ни один из секретарей ЦК. А с 1956 по 1987 гг. крымско-татарский народ делегировал в Москву 8000 ходоков и направил 266 томов всенародных обращений, подписанных свыше 4 млн крымских татар (т.е. каждый взрослый подписывался в среднем 40 раз)[29]. В июне 1987 г. состоялось Всесоюзное совещание активистов национального движения крымских татар. Кроме требования воссоздать автоно-

---

[25] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 10, д. 111, л. 126, 127.
[26] Там же, л. 128.
[27] Союз можно было сохранить. С. 15.
[28] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 1665, л. 7.
[29] Там же, л. 20,21.

мию в Крыму, его участники приняли заявления по поводу положения репрессированных участников движения. В нем, в частности, выдвигались требования освободить из лагерей Якутской АССР Р. Аблаева, С. Кадырова, а из психбольницы – Ю. Османова и автора поэмы «Факел над Крымом» о самосожжении Мусы Мамута Григория Александрова[30].

В 1987 г. в Крыму было уже прописано 6041 человек крымско-татарской национальности. Многие из них также высказывали требования о восстановлении Крымской АССР, о возврате всех крымских татар в Крым, о возвращении домов, о необходимости установления для татар преимуществ перед другими гражданами в вопросах прописки, купли-продажи жилых домов, предоставления жилья[31]. С августа 1987 г. активизировалось движение крымских татар в местах их компактного проживания на территории Узбекской ССР, Краснодарского края и Херсонской области за возвращение в Крым[32].

Практически такое же положение, но в отношении немцев складывалось в Поволжье. Из Энгельса Саратовской области И. А. Герман писал в Совет Национальностей Верховного Совета и ЦК КПСС, что в Саратовской области уже живут 14000 немецких граждан, «и каждый день это число увеличивается». Однако «в магазинах Саратовской области нельзя найти хотя бы одну книжку наших писателей», «в краеведческом музее ничего не напоминает о том, что когда-то здесь была Немреспублика», «в книге «Город Энгельс» не упоминается о Немреспублике», «немцы как нация исчезают». Дополнительным аргументом в пользу восстановления АССР НП Герман считал тот факт, что «это мнение и многих русских товарищей»[33].

Существовали и другие мнения относительно дальнейшей судьбы немцев. Так, Э. Л. Бахмайер из Мюнхена в 1986 г. в письме к М. С. Горбачеву предлагал при определении территории исходить из реально сложившегося положения. Так как советские немцы, отмечал Бахмайер, в большинстве своем проживают в Казахстане, Сибири и на Алтае, в одном из этих районов и можно было бы создать автономию, равно как и «в одном из осваиваемых районов по Байкало-Амурской магистрали». Предпочтение, правда, при этом отдавалось «территории вокруг Славгорода» в Алтайском крае, поскольку «там большой процент немецкого населения», «издается газета «Роте Фане», «педагогическое училище готовит учителей начальных классов по специальности «немецкий язык как родной». По его мнению, это могло бы вызвать «обратный поток определенной части советских немцев, покинувших в разное время Советский Союз»[34].

По данному письму состоялся оживленный телефонный разговор заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС И. П. Кириченко, заведующего сектором Казахстана отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Ф. Мищенко, начальником секретариата Президиума Верховного Совета СССР Н. Ф. Рубцовым, помощником председателя

[30] ГАРФ, л. 30,31.
[31] Там же, д. 2201, л. 44, 45.
[32] Там же, л. 42.
[33] Там же, д. 2142, л. 14.
[34] Там же, л. 7, 8.

Президиума Верховного Совета СССР В. А. Мерзликиным[35]. Однако никакого решения не было принято.

Настойчиво боролись за свои права и турки-месхетинцы. В 1986 г. делегация турок-месхетинцев побывала на приеме у первого секретаря ЦК КП Грузии Д. Патиашвили, который пообещал начать прием турок летом. В октябре 1987 г. новая делегация из 5 человек вновь побывала у Патиашвили. Члены делегации даже выезжали в те 220 сел, откуда были выселены турки, и установили, что там в 84-х селах никто не живет, и выяснили, что в Грузии можно было бы безболезненно поселить 70 тысяч человек[36].

В декабре было принято постановление Совета Министров Грузинской ССР № 600, которым предусматривалось до 1989 г. переселить 300 семей турок-месхетинцев в южные и западные районы республики. Выполнение этого постановления было сорвано, сроки переселения грузинским руководством были вскоре продлены до 2000 г. По данным Верховного Совета Грузии, в период 1982–1988 гг. во все районы республики переехали 374 семьи, одновременно 138 семей выехали обратно[37].

Такое же положение существовало и по греческой проблеме. На запросы греков об отмене постановления СМ СССР от 24 ноября 1955 г. № 1963–1052 и разрешении вернуться на родину первый заместитель прокурора Грузинской ССР В. А. Размадзе в мае 1987 г. отвечал, что «такие лица не имеют права на возвращение на прежнее место жительства и права на возвращение имущества, конфискованного при выселении»[38].

В начальный период перестройки появляется «российский фактор», прежде всего, в плане неравнозначности положения РСФСР и ее регионов в советской национально-государственной структуре. В августе 1985 г. председатель Совета по комплексным проблемам территориальной организации советского общества при Президиуме Географического общества СССР, доктор географических наук Б. С. Хорев направил в ЦК КПСС докладную записку. В этой записке Хорев сделал вывод о том, что «будучи равны по масштабам больших союзных республик», областные регионы России «не имеют ни равной системы управления, ни – нередко – территориальных институтов». Предложения ученого сводились к выделению из РСФСР Сибирской ССР в составе Новосибирской, Омской, Тюменской, Кемеровской, Иркутской областей, Алтайского, Красноярского края, Тувинской АССР; Дальневосточной АССР в составе Хабаровского края, Читинской, Амурской, Магаданской, Камчатской, Сахалинской областей; а также к преобразованию Якутской и Бурятской автономных республик в Якутскую ССР и Бурятскую ССР[39].

Подобные проблемы поднимали и другие ученые – юрист М. А. Шафир, экономист В. В. Кистанов[40]. Записка Б. С. Хорева была отправлена на отзыв в Госплан СССР, АН СССР, Министерство юстиции СССР, Президиум Верховного Совета СССР. 29 декабря 1985 г. с ученым даже состоялась встреча в Президиуме Верховного Совета. Однако к

---

[35] ГАРФ, л. 11.
[36] Там же, ф. Р-9654, оп. 6, д. 123, л. 52.
[37] Там же оп. 10, д. 103, л. 18, 19.
[38] Там же, ф. Р-7523, оп. 145, д. 1665, л. 2, 4.
[39] Там же, д. 2141, л. 3.
[40] Там же, л. 10.

идее отнеслись прохладно, некоторые, к примеру секретарь Президиума Ментешашвили, высказывались откровенно против данных предложений[41].

В 1985–1987 гг. в высшие органы власти продолжали поступать предложения о территориальных изменениях, границах и спорах. Например, в декабре 1985 г. в Президиум Верховного Совета СССР направили свое обращение из Кишинева Герой Социалистического Труда писатель Е. Н. Буков, академик А. М. Лазарев и другие. В этом обращении содержалась просьба рассмотреть вопрос о границах Молдавской ССР и включении в ее состав всех территорий, принадлежащих ей в прошлом (в том числе и земли Северной Буковины): «городов и крепостей на Дунае и побережье Черного моря», находящихся на территории Одесской области, «города Хотин и местечка Татар-Бунар» на территории Одесской и Черновицкой областей с тем, чтобы «молдавская социалистическая нация полнее была охвачена в ее исторических границах»[42].

Постепенно обострялись армяно-азербайджанские отношения из-за Нахичевани и НКАО (первые волнения в Карабахе и Армении с требованием воссоединения начались уже в 1987 г.[43]), осетино-ингушские отношения из-за Пригородного района. О разраставшихся этнотерриториальных спорах власть предпочитала умалчивать, полагая, что все образуется само собой.

Стратегия социально-экономического ускорения не предусматривала политических реформ. Только на январском Пленуме ЦК в 1987 г. М. С. Горбачев в качестве главного средства слома «механизма торможения» предложил углубление социалистического демократизма, развитие самоуправления народа. Прозвучала на Пленуме и установка на реформирование избирательного процесса, обязательность выборов на альтернативной основе[44]. Было обращено внимание на необходимость повышения роли всех выборных органов. Как позже писал А. Н. Яковлев, на Пленуме «состоялось выдвижение концепции гласности»[45].

В 1985–1987 гг. политическая система оставалась в неизменном виде. Серьезного влияния на ход событий ни Верховный Совет в целом, ни Совет Национальностей пока не оказывали, несмотря на то, что поток апелляций с национальной тематикой к Совету Национальностей усилился.

По традиции к Совету Национальностей обращались с проблемами национальных школ и национальных языков. По-прежнему Совет Национальностей вел переписку по вопросам развития татарских школ в Башкирии, однако, как писал в марте 1986 г. А. Г. Гореев из с. Верхние Кичи Башкирской АССР, «в настоящее время почти все средние школы района превращены в школы с русским языком обучения»[46].

С просьбой восстановить обучение на родном языке «хотя бы до VI класса включительно» обращались к председателю Совета Национальностей А. Э. Воссу жители этого же

---

[41] ГАРФ, л. 6.
[42] Там же, л. 14.
[43] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 466.
[44] См.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. С. 323.
[45] *Яковлев А. Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 215.
[46] ГАРФ, д. 1265, л. 110.

села Г. Хамидуллин, Р. Галимов, М. Муфтахетдинов. Они обвиняли бывшего министра просвещения СССР Прокофьева в том, что он, «подрубив родной язык с корня малых народов», «пошел по антинародному пути вытеснения языков народов, калеча их культуру, язык, быт, обычаи, нравы». Указывая на сокращение языков народов СССР, они предлагали ученым открыть Красную книгу языков[47].

Напротив, из Латвии А. Э. Воссу сообщали о необъективном и несправедливом отношении к русскому языку, который вытесняется, по мнению авторов, из ссузов и вузов[48]. Реакция Восса на эти жалобы оставалась прежней: письма отсылались на места и в министерство образования с пометкой о необходимости соблюдения права обучаться на русском языке.

Как и прежде, Совет Национальностей принимал жалобы от представителей различных этносов на ущемление национальных прав. Так, цунгинцы, бежтинцы, генухцы из Западного Дагестана требовали включить в состав руководящих кадров республики их представителей[49], из Кемеровской области шорцы, которые «электрического света еще не видели», просили помочь «шорскому народу» в «емкостном отборе тока от ЛЭП для электроснабжения деревень»[50], из Тюменской области манси и коми жаловались на изнурительный ручной труд, уход молодежи из деревень[51].

Осетины из Грузии (не проживающие в Юго-Осетинской АО), жаловались на Д. И. Патиашвили, первого секретаря ЦК КП Грузии, за невнимательное отношение к их просьбам осуществить издание журнала, газеты, организовать телерадиопередачи на осетинском языке[52]. Разнообразие и многочисленность проблем в межнациональной сфере общественных отношений так и не заставили руководство Совета Национальностей поставить национальный вопрос в качестве первоочередной задачи при проведении реформ.

К концу 1987 г. обнаружилось, что тех средств и методов, которые использовались для поддержания стабильности, в том числе и в межнациональной сфере до 1985 г. и за первые годы реформ, было недостаточно для решения принципиально новых проблем, возникающих по мере роста национального самосознания многих народов СССР, их стремления к новому самоопределению, включая устранение «исторических несправедливостей». Это явно затрагивало основы и национально-государственного устройства Советского Союза.

Происходило и осознание того, что межнациональными отношениями необходимо заниматься специально, создавая для этого специфические государственные органы и институты. В частности, с августа 1987 г. начинается создание постоянных комиссий Верховных Советов союзных республик по вопросам межнациональных отношений. Перед комиссиями ставили задачи выявления и согласования специфических национальных во-

---

[47] ГАРФ, д. 1266, л. 90, 96.
[48] Там же, л. 71, 72.
[49] Там же, л. 111.
[50] Там же, л. 163.
[51] Там же, л. 178.
[52] Там же, д. 2169, л. 4, 5.

просов, возникающих в межнациональной сфере. К примеру, для решения этих задач в Верховном Совете Казахской ССР были созданы депутатские рабочие группы: 1) азербайджанская, курдская, турецкая; 2) крымско-татарская, 3) греческая; 4) корейская; 5) немецкая; 6) польская; 7) узбекская, таджикская; 8) уйгурская[53]. Интересно, что русской группы в Казахстанском парламенте создано не было.

5.2. Превращение национального фактора в одну из главных проблем политической жизни СССР (1988 – первая половина 1989)

В конце 1987 г. в союзных республиках начали формироваться движения на национальной основе, которые в первой половине 1988 г. стали приобретать характер массовых. В начале 1988 г. обозначился еще один поворот к реальному осознанию остроты межнациональных отношений: власть начала прислушиваться к мнению ученых-специалистов в области национальной политики.

В апреле 1988 г. заведующий группой научных консультантов при президиуме Верховного Совета В. И. Васильев написал заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР П.Н. Демичеву подробный отчет о состоявшемся в Институте этнографии АН СССР заседании научного совета по национальным проблемам. Темой заседания явилось обсуждение статьи доктора экономических наук Г. Х. Попова «Память и «Память», опубликованной в январском номере журнала «Знамя». Ученый высказался за придание должного внимания национальному вопросу и предложил создавать национальные землячества, Советы Национальностей при местных советах, развивать культурно-национальную автономию[54].

Мнения выступавших разделились. Если С. Т. Калтахчян характеризовал культурно-национальную автономию как «реакционную форму национализма»[55], то академик Ю. В. Бромлей полагал, что «в городах могут оказаться полезными различного рода клубы, культурные ассоциации национальностей»[56]. В ходе дискуссии было обращено внимание на то, что «слабо учитываются национальные интересы граждан, проживающих за пределами своих республик» (указывалось, что таковых насчитывается 55 млн человек)[57].

По поводу национальной структуры государства ясного представления не было даже у его главы – М. С. Горбачева. Например, в 1989 г. он утверждал, что в СССР за пределами границ «своих» национальных территорий проживают 50 млн человек[58], в апреле 1990 г. говорил о 60 млн[59], в феврале 1991 – о 75 млн человек[60].

---

[53] ГАРФ, д. 2201, л. 92.
[54] Там же, д. 4178, л. 2.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же, л. 3.
[58] Союз можно было сохранить. С. 73.
[59] Там же. С. 101.
[60] Там же. С. 136.

Не стоит, пожалуй, переоценивать уровень теоретических воззрений М. С. Горбачева в национальном вопросе. Как и все марксисты, он был убежден в подчиненности национального вопроса экономическим, социальным и политическим аспектам, однако самостоятельность национального вопроса явно недооценивал, более того, сужал его до рамок исключительно проблем федерации. Горбачев вряд ли имел устойчивую систему взглядов на национальные проблемы, часто прибегал к «двойным стандартам», его воззрения допускали использование различных принципов в отношении разных народов страны: «Наш Союз настолько разносторонен, что придется по-разному держать его разные части: одних – за ошейник, других – на коротком поводке, третьих – на длинном, и т. д.»[61] «Прораб» перестройки не допускал единой линии поведения к этносам в «союзе равных».

В ходе дискуссии выдвигались предложения вернуться к существовавшим ранее национальным Советам и национальным районам, обращалось внимание на проблему «проживающих на территории СССР национальных меньшинств» (ссылались при этом на 370 тысяч болгар, 400 тысяч греков, 1 млн поляков, 2 млн немцев), «не принадлежащих к категории «народов СССР»»[62]. Участники дискуссии отмечали и распространившееся в последнее время (что, безусловно, указывало на стремительно возраставшее национальное самосознание) явление, «когда развитие национальной культуры увязывается лишь с получением автономии». В качестве примера приводили этническую группу латгальцев в Латвии, требующих предоставления автономии[63].

П. Н. Демичеву поступали и докладные записки от специалистов в области национальных отношений. Ж. Г. Голотвин в мае 1988 г. из ИМЭЛ при ЦК КПСС обращал внимание власти на настоятельную необходимость «подключиться к изучению проблем национальных отношений в союзных республиках, особенно национально-территориальных вопросов». Эти вопросы, указывал ученый, актуальны и для Абхазской АССР, Северной и Южной Осетии, Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР, для таджиков Узбекистана, немцев Поволжья, крымских татар. «Главное, – утверждал Голотвин, – преодолеть социальную несправедливость по отношению к так называемым «некоренным народам», которые проживают на территории союзных республик, ибо... именно они – источник конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях». Также он предлагал подумать «относительно статуса ряда автономий, которые в теперешнем виде сохраняются более 60 лет»[64].

Руководству Верховного Совета через три дня после состоявшегося 13 июня 1988 г. заседания Президиума правления Советской социологической ассоциации доложили обсуждавшиеся там вопросы. В ходе состоявшейся дискуссии был сделан вывод о предкризисном состоянии межнациональных отношений (это прозвучало в основном докладе Л. М. Дробижевой).

В качестве доказательства приводились следующие факты: рост национального радикализма, резкое возрастание числа случаев напряженности при одновременном их

---

[61] Союз можно было сохранить. С. 95.
[62] ГАРФ, л. 3.
[63] Там же.
[64] Там же, л. 14, 15.

проявлении в различных регионах[65]. Сложность обстановки объяснялась еще и тем, что в стране «практически нет ни одной государственной организации, которая бы эффективно занималась решением назревших проблем в данной сфере». «Даже Совет Национальностей непродуктивно дублирует работу Совета Союза». Был вынесен приговор науке, которая не может «отрешиться от заздравной терминологии и деклараций о сближении наций»[66].

В сфере межнациональных отношений на первый план, по мнению участников дискуссии, вышли 8 проблем: проблема эффективности вклада каждой республики в общесоюзную «копилку» и ее отдачи; проблема соотношения интересов Союза и республик; осложнение демографической ситуации; проблема усиливающегося оттока русского населения из Средней Азии и северного Кавказа, «избиения русских в Алма-Ате и т. д. под рассуждения о защите малых народов», «усложняющаяся обязанность русских помогать и любить тех, кто их не любит»; проблема границ, не согласующихся с этническим составом населения; проблема национальных групп, не имеющих государственных образований (например, татары, немцы и т. п.); национальные аспекты экономических проблем и проблем двуязычия; проблема отчислений в пользу народов, на чьей территории идет добыча полезных ископаемых (нефти, алмазов)[67].

На заседании круглого стола в Группе научных консультантов при Президиуме Верховного Совета СССР на тему «Конституционные проблемы развития советской федерации» в декабре 1988 г. острый спор вызвала проблема форм самоопределения наций. И. О. Бишер из Латвии, к примеру, утверждал, что «в создании суверенитета были все-таки основные нации», чем вызвал недоумение М. Н. Губогло: «Чувствуется, что Вы настаиваете на том, что право на самоопределение имеет только нация?»[68] Н. М. Шаститко полагал, что «для народов некоренной национальности» совершенно справедлива постановка вопроса о культурно-национальной автономии, но С. А. Авакьян считал, что когда возникает вопрос о культурно-национальной автономии, то он «перекатывается на политическую плоскость»[69].

Г. В. Старовойтова высказалась за то, что «право наций на самоопределение выше принципа целостности территориальных и национально-государственных образований»[70].

Участники дискуссии критиковали ситуацию, когда союзной республике предоставлено право формального выхода из СССР, а автономной области «не предоставляется право даже перейти в соседнюю республику» (Ю. Г. Барсегов)[71]. Д. Л. Златопольский указал на автономии, «которые не выдерживают критики», в качестве примера отметил Аджарскую АССР, которая «существует для Грузии», а также Нахичеванскую АССР в составе Азербайджанской ССР и Горно-Бадахшанскую область в составе Таджикистана[72].

---

[65] ГАРФ, л. 21.
[66] Там же.
[67] Там же, л. 22.
[68] Там же, л. 28.
[69] Там же, л. 38, 39.
[70] Там же, л. 43.
[71] Там же, л. 41, 42.
[72] Там же, л. 98.

Безусловно, некоторые участники пытались использовать дискуссию для защиты или пропаганды политических позиций или платформ, требований. Так, И. О. Бишер сообщил, что латышская нация «уже становится национальным меньшинством», и в республике начат сбор подписей «недавно приехавших людей», которые ставят вопрос о превращении Латвийской ССР в автономную республику в составе РСФСР. Бишер также утверждал, что в существующем Верховном Совете, как в Совете Союза, так и в Совете Национальностей, нет реального обеспечения защиты интересов республики[73].

Высказывалось мнение о том, чтобы Совет Национальностей представлял все автономии и национальные образования и чтобы каждая нация – большая или маленькая – получила одинаковое количество мест, а в Совете Союза «субъекты федерации – союзные республики» должны иметь равное количество мест[74]. Г. И. Литвинова, чья записка «о пагубных последствиях для России и русских проводившейся до этого национальной политики» примерно в это время получила широкое распространение в среде московской и провинциальной интеллигенции, попыталась поставить вопрос о выравнивании условий, прав и реальных возможностей республик, включая РСФСР, которая должна иметь «равные властные и компетентные органы», свою прессу («русскоязычная пресса – это не русская пресса»). События в Алма-Ате Литвинова охарактеризовала «не столько как всплеск национализма, сколько как всплеск русофобии»[75].

Такого рода предложения поступали и ранее, однако реагировала власть на них вяло. В начале октября 1986 г. «соображения по национальному вопросу» М. С. Горбачеву предъявил его помощник Г. Х. Шахназаров. Прежде всего он предостерег от чрезмерного затягивания в решениях конкретных вопросов в национальной сфере. Шахназаров предлагал определить пределы, до которых можно пойти «в вопросах предоставления самостоятельности республикам», «а где надо стоять «насмерть», поскольку речь идет уже о целостности нашего государства». Он предложил провести специальное совещание с руководителями союзных и автономных республик для обсуждения вопросов республиканского хозрасчета, гражданства, языка, экологии и геральдики[76]. Эти предложения, как и многие другие, остались в то время без внимания.

Главным политическим событием 1988 г. стала XIX партийная конференция, на которой М. С. Горбачев в качестве обязательного условия успеха реформ обосновал необходимость изменения политической системы.

По воспоминаниям Г. Х. Шахназарова, идея политической реформы впервые прозвучала на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС. Затем «Горбачев и его ближайшее окружение» к ней вернулись в конце 1987 г., после того, как якобы «были испробованы практически все известные методы облагородить и ускорить развитие общества, не меняя системы»[77]. Тем самым Горбачев и реформаторы пренебрегли чрезвычайно мудрым и

---

[73] ГАРФ, л. 40,70.

[74] Там же, л. 70.

[75] Там же, л. 46.

[76] Г. Х. Шахназаров полагает, что «целью Горбачева как реформатора был демонтаж тоталитарной системы» (см.: *Шахназаров Г. Х.* С вождями и без них. М., 2001. С. 382).

[77] *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993. С. 369–370.

дальновидным предостережением своего предшественника у руля власти в СССР Ю. В. Андропова, который еще в середине 60-х годов говорил: «Но в чем я абсолютно убежден: трогать государство можно только после того, как мы по-настоящему двинем вперед экономику»[78].

Наиболее важным было решение о создании двух новых государственных институтов – Съезда народных депутатов и действующего на постоянной основе Верховного Совета советского парламента. Партия же должна была уйти из сферы оперативного управления всеми социальными процессами. Разделение власти между законодательными, исполнительными и судебными органами должно было стать решающим условием перехода к правовому государству[79].

Законы о госпредприятии и кооперации обозначили новый курс руководства в области экономики, однако усугубляющаяся ситуация в народном хозяйстве, и в особенности на потребительском рынке, свидетельствовала о хозяйственных неудачах реформ в СССР 1985–1988 гг. Уже с осени 1988 г. в стране заговорили о развале потребительского рынка в результате финансовых диспропорций. Призывая к рыночным реформам, руководство страны никак не могло их начать, и кризисная ситуация в социально-экономической сфере становилась все менее управляемой.

Закономерным было и то, что отсутствие успехов в социально-экономической области способствовало не только разочарованию в реформах, но и размежеванию и дифференциации политических сил в стране. Собственно «перестройка приобрела автономность от ее инициаторов»[80]. Резкая активизация митинговой деятельности, массовая политизация в стране также может быть объяснена этими факторами.

Политизация в Прибалтике в 1988 г. стала приобретать национальные черты. С. В. Чешко справедливо полагает, что «дарование Горбачевым гласности открыло легальные способы формирования национальной идеи, создания националистических политических организаций, которые стали заниматься пропагандой своих идей, давлением на республиканские власти»[81].

«Народные фронты» (наиболее крупные – Московский, Байкальский, Ивановский, Уральский) активизировали свою деятельность «в поддержку перестройки» именно летом 1988 г., однако национальная идея была выражена в их лозунгах очень слабо. «Народные фронты» в Прибалтике, прежде всего образованный в начале июня 1988 г. в Литве «Саюдис», первыми стали озвучивать не только лозунги демократизации, но и идеи расширения самостоятельности республики, защиты окружающей среды и национального возрождения. Эти лозунги привлекли в «народные фронты» в Прибалтике гораздо большую часть населения, чем в других регионах страны. Не случайно съезды неформалов России проводились большей частью в Прибалтике[82].

---

[78] *Шахназаров Г.* Цена свободы. С. 28, 29.

[79] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 года. Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1988. Т.1 С. 224.

[80] *Яковлев А. Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 130.

[81] *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 1996. С. 199.

[82] *Он же.* Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. С. 228.

Интересно, как в течение года изменялся тон сообщений из Прибалтики. В мае 1988 г. научный консультант Президиума Верховного Совета СССР Р. Е. Мешалкина сообщала после служебной командировки в ЭССР П. Н. Демичеву о том, что идея создания Народного фронта в поддержку перестройки «вызывает всеобщий интерес», цель Народного фронта – «активизация Советов», а его девиз – «социалистическая демократия и плюрализм, политический и экономический суверенитет республики, культурная автономия всех национальностей, защита гражданских прав и интересов трудящихся». Правда, «эстонцы озабочены, что в Народном фронте участвует мало русских»[83].

В ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в 1988 г. резко увеличилось число обращений именно в связи с деятельностью «Народных фронтов» в Прибалтике. В сентябре 1988 г. генерал-майор в отставке Н. М. Аксиник и полковник в отставке Н. В. Соловей писали, что особую тревогу вызывают призывы лидеров НФ Эстонии «к борьбе за государственную независимость эстонского народа, т.е. выхода из состава СССР». Авторы письма отмечали, что 23 августа 1988 г. НФ организовал большой митинг в крупнейшем зале Таллинна в связи с очередной годовщиной «оккупации» Эстонской республики, а 11 сентября организовал грандиозный митинг, замаскированный под концерт «Песни Эстонии – 88», который СМИ назвали «поющей революцией», и предупреждали о том, что 1 и 2 октября состоится съезд НФ Эстонии, где юридически будет оформлено создание самого влиятельного в республике движения – партии[84].

Уже в ноябре 1988 г. члены Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведев, Н. Н. Слюньков, В. М. Чебриков сумели сами убедиться в «настроении» Латвии, Литвы и Эстонии, когда во время поездки в эти республики их встречали с плакатами «Русские, убирайтесь вон!» и «Немедленный выход из Союза» и т.п.[85]

В 1988 г. проявились практически все типы противостояния в национальных отношениях. Резко активизировалось движение крымских татар. В июле 1987 г. была создана Госкомиссия по крымским татарам во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, а в местах проживания крымских татар возникли рабочие комиссии из их числа. Рабочую комиссию в Узбекистане посетило «около 100 тысяч крымских татар, которые в один голос высказывали свое желание о возвращении в Крым»[86].

Изучив обстоятельства выселения и современное положение крымских татар, комиссия А. А. Громыко сделала выводы о «нецелесообразности создания Крымской АССР» и «о дальнейших мерах по развитию социально-культурных нужд крымских татар на местах». Участники встречи представителей инициативных групп Национального движения крымских татар, состоявшейся в ноябре 1988 г. в крымском селе Новокленово (Уч-Коз), квалифицировали деятельность комиссии Громыко как «усилия к насильственной ассимиляции их на местах нынешнего проживания», а ее значение усматривали «в еще большем обострении и искусственном осложнении проблемы»[87].

---

[83] ГАРФ, д. 4178, л. 18, 19.
[84] Там же, д. 2204, л. 37, 39.
[85] *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 12.
[86] ГАРФ, ф. Р-9654, оп 10, д. 105, л. 79.
[87] Там же, л. 67.

Если на 1 июня 1987 г. в Крыму проживало 2 802 семьи крымских татар, то к 31 мая 1988 г. их число возросло до 20 590, причем массовый приезд зафиксирован именно в 1988 г. Он составил 6 139 человек. Всего за 5 месяцев 1988 г. в Крыму было прописано 6471 человек. Крымский облисполком образовал областную комиссию по проблемам крымских татар во главе с первым заместителем председателя облисполкома Н. А. Федуличевым (были также образованы городские и районные комиссии), которая постоянно рассматривала вопросы о крымских татарах на своих заседаниях. В марте 1988 г. комиссия Федуличева провела работу по организованному переселению в текущем году 200–300 семей из Узбекистана в степные районы Крыма[88].

Однако крымские татары считали эти меры недостаточными и использовали «любой повод для организации митинга, шествия или объявления голодовки». С августа 1987 г. по 1 июня 1988 г. в Крыму ими было проведено 11 митингов, 5 демонстраций, организовано 3 палаточных лагеря, о голодовках заявили 59 человек. Крымские власти не разрешили 5 митингов и 2 демонстрации[89]. Активизировалось движение крымских татар в Узбекской ССР, Краснодарском крае, Херсонской области. Митинги крымских татар прошли в Чимкентской области Казахстана[90].

В Узбекистане не прекращались митинги месхетинцев, в июне 1988 г. стихийный митинг турков-месхетинцев прошел в Иссыке Алма-Атинской области[91].

В 1988 г. в связи с резким обострением межнациональных отношений в Армении «приблизительно 18 тысяч курдов покинули свои очаги и уехали из Армении в Краснодар, около 5 тысяч – в республики Средней Азии». Курды, выехавшие в Узбекистан, «через месяц были вынуждены уехать»[92].

Разгорелся в этом году и армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Тлеющий все годы советской власти межэтнический конфликт приобрел в 1988 г. характер межгосударственного конфликта в рамках СССР. В период гласности тема геноцида армянского народа 1915 г., «насильственного отторжения армянских земель» стала центральной темой армянских газет. 28 ноября 1988 г. в Армении был принят закон «Об осуждении геноцида армян 1915 г. в османской Турции»[93]. Требование воссоединения армян становилось главным в политической жизни как Армении, так и армян Нагорного Карабаха.

Прибытие в январе 1988 г. делегации армян Нагорного Карабаха в Москву, обещание центральных властей рассмотреть обращение о присоединении автономной области к Армении было расценено армянами как долгожданное положительное решение вопроса, по крайней мере, как «знак надежды»[94].

---

[88] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 2201, л. 42, 43, 44.
[89] Там же, л. 45.
[90] Там же, л. 82.
[91] Там же.
[92] Там же, ф. Р- 9654, оп. 6, д. 114, л. 25.
[93] Там же, ф. Р-7523, оп. 145, д. 4213, л. 1, 2.
[94] *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 193–195.

Начавшиеся в Нагорном Карабахе волнения привели к принятию 20 февраля 1988 г. внеочередной сессией областного Совета НКАО обращения к Верховным Советам Азербайджана и Армении с просьбой о передаче области в состав Армении. Это дестабилизировало обстановку теперь уже в Азербайджане: в Баку и Сумгаите прошли манифестации под лозунгами «НКАО – неотъемлемая часть Азербайджана». Взаимоисключающие позиции лидеров Армении и Азербайджана, отсутствие у них желания пойти на взаимный компромисс заставили центр во избежание конфликта с республиканскими элитами, впервые открыто игнорирующими позицию Кремля, искать выход из ситуации на основе сохранения status quo[95].

Несмотря на это, власть не сумела полностью сохранить нейтралитет. 26 февраля 1988 г. М. С. Горбачев принял представителей армянской литературы З. Балаяна и С. Капутикян, с которыми обсуждал положение армян НКАО и Нахичевани. Заверяя их в том, что будет сделано все необходимое для разрешения конфликта, он просил: «Не поднимайте только территориального вопроса»[96]. В условиях превращения карабахского конфликта в «обязательную тему» советских СМИ, встреча только с представителями армянской общественности становилась как бы признанием правоты одной из сторон.

В этот же день в пригороде Баку Сумгаите начались погромы армянского населения, продолжавшиеся до 29 февраля. Погибло 32 человека, более 100 было ранено, разграблены многие квартиры, людей избивали, насиловали. Р. Г. Пихоя, исследовавший рабочую запись заседания политбюро ЦК КПСС от 29 февраля 1988 г., полагает, что даже после Сумгаита у Горбачева сохранялась надежда на возможность мирной договоренности между азербайджанским и армянским руководством[97]. Ситуация, наоборот, усугублялась и выходила из-под контроля и влияния центра. Во всяком случае, комитет «Карабах» оказывал не меньшее воздействие на развитие ситуации, превращаясь в неформальный центр власти в Армении.

14 июня Верховный Совет Армении дал согласие на включение НКАО в состав Армении, а через три дня Верховный Совет Азербайджана подтвердил, что Нагорный Карабах остается в составе Азербайджана[98]. Несмотря на замену партийных лидеров в противоборствующих республиках, ситуация имела тенденцию к осложнению и обострению. Становилось ясно, что партийный аппарат сам активно участвует в националистических движениях. Партия начинала делиться по национальному признаку раньше, нежели страна.

4 ноября 1988 г. 9-я сессия Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов приняла резолюцию, в которой критике подверглась действующая Конституция СССР, которая «фактически устанавливает примат союзной республики над инонациональной по отношению к ней автономией». Такая политическая система, указывалось на сессии, «закрепляет право и возможность одной нации распоряжаться и довлеть над дру-

---

[95] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 467.
[96] Союз можно было сохранить. С. 18–20.
[97] *Пихоя Р. Г.* Указ соч. С. 469.
[98] Союз можно было сохранить. С. 26.

гой нацией»[99]. Поэтому депутаты из НКАО предлагали дополнить Конституцию СССР статьями, которые позволили бы всем национальным автономиям любого уровня «иметь альтернативу существующему положению (в частности, право на непосредственное подчинение центральной государственной власти)»[100].

Сессия поддержала решение депутатов об утверждении армянского языка в качестве официального языка автономной области[101]. Разгорающийся конфликт привел к появлению беженцев – нового явления для «перестраивающегося» Союза. С территории Армении массовый отток азербайджанцев начался еще с начала года. С ноября 1988 г. в Москву стали прибывать «семьи армянской национальности в основном из крупных городов Азербайджанской ССР». Всего было зарегистрировано 1264 семьи[102].

23 ноября 1988 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР», наделяющий сотрудников внутренних дел и внутренних войск правом «в местностях, в которых введен комендантский час, задерживать в административном порядке на срок до 30 суток лиц, разжигающих... национальную рознь»[103]. Уже к этому времени стало очевидно, что власть опаздывает в решении такой сложной проблемы. Была упущена возможность и силового разрешения ситуации, что для событий января–февраля 1988 г. могло стать эффективным методом для перелома складывающейся ситуации в позитивную сторону.

Партийное руководство все еще полагало, что межнациональные конфликты можно «тушить» путем дозирования информации о них. В декабре 1988 г. политбюро ЦК КПСС поручило идеологическому отделу совместно с подотделом межнациональных отношений организовать группу по координации выступлений центральной печати по вопросам межнациональных отношений и «контролировать их содержание». Главлиту СССР поручалось «временно ввести цензуру» на все выступления местных СМИ в Армении и Азербайджане[104].

Еще в мае 1988 г. Ж. Г. Голотвин высказывал свои предложения по проблеме НКАО тогдашнему руководству Президиума Верховного Совета СССР. Необходимо освободить, писал ученый, «скомпрометировавших себя первых секретарей ЦК КП Азербайджана и Армении, поскольку нагнетание напряженности повод, используя который можно отвлечь внимание трудящихся Армении и Азербайджана от коррупции»[105]. В качестве следующего шага Голотвин предлагал «передать НКАО во временное управление Российской Федерации». Не исключал он и возможности «преобразовать НКАО в автономную республику. Период же управления Российской Федерацией он считал временем «проведения разъяснительной и воспитательной работы с азербайджанцами, проживающими в Нагор-

[99] ГАРФ, д. 112, л. 4.
[100] Там же.
[101] Там же, л. 5.
[102] Там же, ф. Р-9654, оп. 6, д. 112, л. 104.
[103] РГАНИ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 2862, л. 1.
[104] Там же, ф. 89, пер. 4, д. 6, л. 2, 3.
[105] ГАРФ, д. 4178, л. 10.

ном Карабахе и Азербайджане, цель которой – подготовить их к передаче Карабаха Армении»[106].

Очевидным стал в 1988 г. «национальный ренессанс», когда миллионы людей почувствовали не только свою национальную принадлежность, но и острую необходимость участвовать в жизни своего и других народов.

Председателю Совета Национальностей А. Э. Воссу электромонтер из Ростова-на-Дону В. Н. Насобин писал, что его возмутило выступление пародиста Е. Петросяна на центральном телевидении, в одном из номеров которого «шла речь о чукчах», и он воспринял этот номер «как оскорбление национального достоинства». Непозволительно, писал автор, высмеивать «малую нацию», тем более живущую в тяжелых и сложных условиях[107].

Удэгейцы из Красноармейского района Приморского края сообщали А. Э. Воссу об угрозе затопления их родины – села Островное в связи со строительством Приморской АЭС. Если в 1950-е гг. в этом селе проживало более 250 удэгейцев, то в настоящее время во всем районе – 123 человека этой национальности. Удэгейский колхоз ликвидирован, школа-интернат закрыта. Если Приморская АЭС будет построена, полагали авторы письма, «народность перестанет существовать»[108]. Реакция Босса характерна для положения Совета Национальностей в 1988 г. – он отправляет письмо председателю Приморского крайисполкома В. Т. Луценко с просьбой разобраться – «проблема закрыта».

Эвенки из с. Эссо Быстринского района Камчатской области жаловались Воссу на то, что их детей в детском саду воспитатель подразделяет «на местных коренных (как негров) и русских (как белых)», характеризуя это как «расовую дискриминацию». Правда, в ответ на запрос Председателя Совета Национальностей из Камчатского облисполкома сообщили, что эти факты при проверке не обнаружены[109].

Рост национального самосознания выразился в обостренном восприятии проблемы национальных языков.

В июле 1988 г. проблема казахского языка и национальных школ стала предметом острой дискуссии на заседании Комиссии национальных и межнациональных отношений ЦК КП Казахстана[110]. В ноябре 1988 г. Комиссия по вопросам патриотического и интернационального воспитания (председатель Л. М. Кравчук) и комиссия по образованию и культуре (Б. И. Олейник) возбудили ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Украинской ССР о предоставлении украинскому языку статуса государственного «при обеспечении национально-русского двуязычия, функционирования и развития языков национальных меньшинств»[111].

Проекты Закона о придании статуса государственного языка языкам «титульных этносов» были подготовлены в Молдавии и прибалтийских республиках.

---

[106] ГАРФ, л. 10, 12.
[107] Там же, д. 1266, л. 2, 3.
[108] Там же, л.121.
[109] Там же, л. 154, 157.
[110] Там же, д. 2201, л. 65, 66.
[111] Там же, л. 47.

Осенью 1988 г. произошли существенные перестановки в верхних эшелонах власти СССР. 1 октября А. А. Громыко был отправлен на пенсию, и М. С. Горбачев, заняв пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, не только сосредоточил в своих руках высшую партийную и государственную власть, но и начал перемещение центра федеральной власти в сторону Верховного Совета. Одновременно сессия Верховного Совета узаконила будущую реформу политической системы, утвердив соответствующие поправки к Конституции СССР. В соответствии с решением XIX Всесоюзной партийной конференции в Верховном Совете развернулась работа по пересмотру работы его палат.

Предполагалось, что Совет Национальностей сосредоточит свое внимание «на национальных аспектах социально-экономического и духовно-культурного развития страны в целом и отдельных союзных республик, различных автономных образований»[112]. Правда, в декабре 1988 г. на будущие задачи Совета Национальностей еще смотрели достаточно узко. Предполагалось, что в ближайшее время он рассмотрит вопросы о национально-русском двуязычии в республиках Советской Прибалтики, о привлечении женщин-мусульманок Средней Азии к активной трудовой и общественной жизни, о разработке мер, «направленных на предотвращение ломки традиционного образа жизни народов Севера и Северо-Востока», о развитии национальных групп и национальных меньшинств[113].

На первый взгляд может показаться, что Совет Национальностей в очередной раз демонстрирует недостаточное знание принимающих все более кризисное состояние межнациональных отношений в СССР.

Однако в признании целесообразности создания Советом Национальностей постоянных и временных комиссий, состоящих из депутатов и специалистов в области национальных отношений, которые бы «могли снимать напряженность в союзных республиках и автономных образованиях», выезжая на места и изучая причины возникновения «болевых точек», привлекая к устранению конфликтов наиболее уважаемых и авторитетных людей в республиках[114], угадывается осознание сложности межнациональной ситуации в стране и стремление к усилению своей роли в решениях этих сложных задач.

Интересным представлялось и предложение о создании в Верховных Советах ряда союзных республик, «где имеются автономные образования, Совета Национальностей «в качестве их второй палаты». Особенно важно это было для РСФСР с ее уникальной и разнообразной национальной структурой. Предполагалось также создать общественные Советы малых народов (или групп таких народов) при Совете Национальностей Верховного Совета СССР либо при комиссиях по межнациональным отношениям Верховных Советов союзных республик[115].

Впрочем, еще до съезда национальное размежевание стало главной проблемой для реформаторов. Принятие законов о языке свидетельствовало о том, что национальные

---

[112] ГАРФ, л. 47.
[113] Там же, д. 4178, л. 102.
[114] Там же, л. 102, 103.
[115] Там же, л. 110, 111.

элиты перешли к внутриреспубликанскому переустройству на принципах «приоритета коренной нации».

В заключении Совета Национальностей по Указу Президиума Верховного совета Литовской ССР от 25 января 1989 г. «Об употреблении государственного языка Литовской ССР» в феврале 1989 г. отмечалось, что данным указом «по сути дела нарушается принцип национально-русского двуязычия»[116].

Там же указывалось, что статья 2 о переводе делопроизводства высших государственных органов власти, а также предприятий и учреждений только на литовский язык, статья 3 о принятии законов, государственных актов, документов на литовском языке и публикации их на русском языке «лишь в случае необходимости», статья 5 о выполнении всех надписей, печатей и прочих текстов «только» на литовском языке, статья 6 об обязательном овладении руководителями литовским языком, статья 7 о гарантированном получении образования «только на литовском языке» явно ущемляют положение проживающих в республике нелитовцев. Однако подобные законы были приняты и в Эстонии, Латвии, Молдавии, что сразу же осложнило ситуацию в этих республиках и разделило население на коренную «титульную нацию» и «русскоязычных»[117].

В «Обращении участников митинга к трудящимся СССР», принятом в марте 1989 г. в Таллинне на 70-тысячном митинге трудовых коллективов, председатель Президиума объединенного Совета трудовых коллективов Эстонской ССР В. И. Яровой отмечал, что эстонское руководство ориентируется на приоритетное развитие только коренной нации и ее языка, «игнорируя интересы и чаяния русскоязычного населения», а националистические силы подталкивают Эстонию к выходу из СССР[118].

К руководству страны апеллировали и трудовые коллективы Молдавской ССР. Отмечалось, что «проект Закона о статусе государственного молдавского языка... ставит в неравное положение граждан немолдавской национальности... направлен на ущемление народов республики по национальному признаку»[119]. В Молдавии уже предпринимались действия по ликвидации русских классов, организовывались митинги, где открыто провозглашались лозунги «Молдаване, объединяйтесь!», «Бей оккупантов!», «Нет русификации!». Требования не принимать закон о языке до Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу либо принять закон о двух государственных языках реальных действий у союзных властей не вызвали[120].

Апелляция к ЦК КПСС, где к тому времени был создан отдел межнациональных отношений, – характерная реакция высших государственных органов власти в 1989 г., в том числе Совета Национальностей. Так, в марте 1989 г. в Совет Национальностей обратились ногайцы из аула Каясула Нефтекумского района Ставропольского края с просьбой рассмотреть вопрос «создания нашему народу единого центра, т.е. создания автономии». Все беды ногайского народа, по мнению авторов, начались в 1957 г., когда территория Киз-

[116] ГАРФ, д. 4225, л. 2.
[117] Там же, л. 2, 3, 4.
[118] Там же, д. 2201, л. 202.
[119] Там же, л. 165.
[120] Там же, л. 165, 166.

лярского округа, на которой компактно проживали ногайцы, была поделена между Ставропольским краем, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. С тех пор создалась ситуация, при которой «не ведется изучение ногайского языка», а «ногайцы вымирают»[121].

Тяга к национальному самоопределению охватила, пожалуй, все народы и уровни национальной государственности. Национальный вопрос в советской федерации упорно замыкался в рамки обязательности наделения того или иного этноса собственной государственностью. А. Гришкевич в апреле 1989 г. с тревогой писал руководству, что подобные проблемы остро стоят на Северном Кавказе. К примеру, член СП СССР З.А.-М. Яндарбиев (будущий президент самопровозглашенной республики Ичкерия. – *А. М.*), выражая мнение «определенных слоев населения», считал, что «для решения национально-территориального вопроса чеченцев и ингушей необходимо обеспечить им право на образование отдельных Чеченской и Ингушской республик»[122].

В республиках Прибалтики, где раскол между «коренным и иноязычным населением» стал реальностью, национальные меньшинства видели в наделении их национально-государственным статусом не только средство сохранения своей этнической самобытности, но и способ защиты своих гражданских прав. 12 мая 1989 г. в Литве состоялся съезд представителей польского населения, на котором было принято обращение к Съезду народных депутатов «решить вопрос о создании автономной польской области» (от Литвы, польское население которой составляло 8%, народным депутатом СССР был избран один поляк)[123].

Из Молдавии поступали требования об образовании Гагаузской автономной республики[124], а Челябинский областной татаро-башкирский культурный центр обращался в Совет Национальностей о «необходимости возрождении статуса Аргаяшенского Башкирского национального округа, учрежденного постановлением Президиума ВЦИК от 17 января 1934 г.» на том основании, что башкирское население составляет 60% района[125].

Со стороны представителей титульных этносов требования автономии воспринимались как «покушение на суверенитет коренной нации» и вызывали «естественную защитную реакцию». Характерным в этом отношении явилось обращение в марте 1989 г. заведующего сектором управления делами Президиума Верховного Совета Казахстана Т. С. Джилтирова в Президиум Верховного Совета СССР. Протестуя против высказанного в печати[126] мнения о возможности создания палаты национальностей в Верховном Совете Казахстана (многонационального, «лаборатории дружбы народов». – *А. М.*), он аргументировал свою позицию тем, что для этого в республике «надо иметь национально-территориальные образования для тех национальностей, которые будут представлены в этой палате»[127].

---

[121] ГАРФ, д. 1266, л. 124, 125.
[122] Там же, ф. Р-9654, оп. 10, д. 103, л. 11.
[123] Там же, л. 23.
[124] Там же, л. 24.
[125] Там же, ф. Р-7523, оп. 145, д. 2201, л. 37.
[126] Правда. 1988. 2 ноября. С. 3.
[127] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 10, д. 103, л. 2.

Создавать их, полагал Джилтиров, «в срочном порядке» нецелесообразно, так как не созрели предпосылки. Коренное население, продолжал чиновник, не поймет, «когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, «туркские» автономные районы и области, тем более, что «все эти национальные меньшинства в основном обжили те исконно казахские регионы», где лучше климат, плодороднее почва, больше влаги. Создание национальных автономных районов и областей, считал он, может привести «к постепенному вытеснению коренных жителей в отдельные пустынные необжитые просторы Казахстана»[128].

Защиту национальных интересов «меньшинств», считал Джилтиров, могут осуществить постоянные комиссии Верховного Совета, да и «впору больше защищать не нацменьшинства, а аборигенов, поставленных в очень сложные житейские условия», поднимать «их жизненный и культурный уровень до уровня «обиженных» немцев, татар, курдов», ведь «создание палаты национальностей не приведет ни одного представителя национального меньшинства в юрту, на зимовку»[129].

При постановке вопроса о национальной автономии неизбежно вставал вопрос о «разделе земли, почв, влаги, солнца, дорог», причем приоритетом в разделе должна была пользоваться титульная нация.

Очень привлекательная идея культурно-национальной автономии в условиях реализации «приоритета коренной нации» приобретала форму «национальным меньшинствам – самостоятельность в области культуры, титульной нации – все остальное». В Эстонии, например, быстро осознали, что «культурная автономия – дело государственное», что необходимо «конституционное определение ее места», однако неразрывно связывали культурную автономию исключительно с национальными меньшинствами. К июню 1989 г., например, при Эстонском фонде культуры под руководством Народного фронта Эстонии действовало более 20 «самодеятельных объединений граждан по национальному признаку» – Общество культуры эстонских шведов, Общество еврейской культуры, Русский культурный центр, Общество армянской культуры, Украинское землячество, Эстонско-ирландское общество, Общество азербайджанской культуры, Общество татарской культуры, Эстонско-саамское культурное объединение, Тартуское общество ижорских финнов и др.[130] Свидетельствуя о возросшем национальном сознании, эти общества в то же время являлись показателем усиливающегося национального раскола в республике, доказательством стремительно нарастающего процесса внутриэтнической оборонительной консолидации.

Чаще всего руководство «старого» Совета Национальностей поступающую ему корреспонденцию с просьбами что-либо изменить в положении того или иного народа пересылало либо в ЦК КПСС, либо в адрес властных структур тех районов, откуда эти жалобы и просьбы исходили. Если учесть, что в основном жалобы исходили от представителей национальных меньшинств, а переправлялись в адрес властных структур национально-территориальных образований, которые представляли прежде всего интересы этих ти-

[128] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 10, д. 103, л. 2.
[129] Там же, л. 3, 4.
[130] Там же, л. 36.

тульных этносов, то следует предположить, что все усилия Совета Национальностей что-либо изменить были тщетны.

К примеру, в январе 1989 г. в адрес Совета Национальностей было прислано письмо от имени чеченцев-аккинцев из Хасавюртовского района Дагестанской АССР с просьбой направить комиссию в Дагестан для выяснения положения чеченцев и их полной реабилитации. Свое положение они считали ущемленным, характеризовали как «вторую ссылку», поскольку их «не пустили в свои родные дома, села». Дагестанские власти чеченцы обвиняли в стремлении «растоптать духовные ценности чеченского народа»: в доме Героя Советского Союза Х. Нурадилова в селе Гамиях (бывшее селение Миней-Тура) поместили музей лакского писателя Эфенди Капиева; в республике широко распространены настроения относительно чеченцев, что они «были и есть «враги народа», т. к. готовили Гитлеру золотого коня», что «чеченцев Сталин выслал правильно» и что этому мнению «содействовал Расул Гамзатов». Кроме требований предоставления культурно-национальной автономии, чеченцы просили восстановить бывшие чеченские школы бывшего Ауховского района[131].

Председатель Совета Национальностей А. Э. Восс запросил объяснений из Дагестанской АССР. Ответ из Президиума Верховного Совета республики содержал противоположную точку зрения: число лиц чеченской национальности в Новолакском и Казбековском районах растет, при удельном весе чеченцев среди населения республики в 3% удельный вес студентов-чеченцев ежегодно составляет 2,7%, а переименовывать районы, населенные пункты «вопреки мнению проживающих в них представителей других народностей республики – нереально». Знамением времени являлся лишь факт создания комиссии по изучению вопросов[132]. Действуя старыми методами, власть была уже не в силах консервировать возникающие во многих уголках страны межнациональные конфликты, опаздывая, не замечая, не реагируя.

Весной 1989 г. стало заметно стремление власти адресовать решение возникающих проблем в национальной сфере Совету Национальностей. 2 марта в Президиуме Верховного Совета председатель Совета Национальностей А. Э. Восс принял группу советских немцев, которые вновь поставили вопрос о восстановлении АССР немцев Поволжья. Восс сообщил А. И. Лукьянову, что немецкая проблема осложняется тем, что полностью отсутствует информация об отношении советского руководства по этой проблеме, что ряд руководящих работников Саратовской и Волгоградской областей пытаются «поставить под сомнение целесообразность даже обсуждения такого вопроса» и препятствуют переезду немцев в районы их прежнего местожительства[133].

Восс привел тревожные данные МВД СССР о том, что в 1988 г. в ФРГ выехали 51 983 человека, и по сравнению с 1987 г. число эмигрантов возросло в 3,3 раза. В январе 1989 г. их численность составила 6 607 человек, что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г. Председатель Совета Национальностей полагал, что в связи с остротой сложившейся обстановки было бы целесообразным рассмотреть предложения советских

[131] ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 1265, л. 97, 98, 99.
[132] Там же, л. 102, 103, 104.
[133] РГАНИ, ф. 89, пер. 30, д. 8, л. 2.

немцев и передал письмо Координационного центра содействия правительству в восстановлении АССР советских немцев на Волге, адресованное М.С. Горбачеву[134].

В этом письме представители Координационного центра К. К. Бах, Р. Р. Бендер, Г. Г. Вормсбехер, Ю. А. Гаар, Р. А. Корн, Я. И. Лехман заявляли, что единственно верным решением проблемы является «восстановление Немецкой автономной республики на Волге и образование немецких национальных районов и сельсоветов там, где это возможно, в местах сегодняшнего проживания советских немцев». Выдвигалось также требование создать правительственную комиссию по решению вопросов восстановления немецкой автономии на Волге и провести разъяснительную работу «в районах будущей НАССР [АССР немцев Поволжья. – *А. М.*] на Волге для того, чтобы местное население не испытывало волнений и тревоги и было убеждено в том, что восстановление АССР улучшит экономическое положение региона и их положение»[135].

13 апреля 1989 г. А. Э. Восс провел встречу с представителями ингушской национальности Чечено-Ингушской АССР. Документы об этой встрече А. И. Лукьянов позже отправит в ЦК КПСС. В начале беседы с Воссом члены ингушской делегации заявили, что уже были в ЦК КПСС и у них конкретная просьба: «помочь встретиться с М. С. Горбачевым». Суть их требований изложил один из членов делегации М. А. Яндиев: «Вопрос стоит... о создании Ингушской автономной республики с центром в г. Орджоникидзе». Восс поинтересовался «интересы каких народов затрагивает решение этого вопроса». Яндиев признал, что при положительном решении «в какой-то степени произойдет ущемление интересов осетинского народа», хотя, как уточнил М. А. Плиев, осетинский народ – «единственный народ, которым ингуши не брезговали»[136].

Из уст Председателя Совета Национальностей прозвучало признание того, что «вопрос межнациональных отношений очень трудный вопрос, у нас накопилось много проблем за годы застоя». Восс проинформировал ингушскую делегацию о готовящемся пленуме ЦК КПСС, который должен рассмотреть вопросы межнациональных отношений и выработать общие принципы решения проблемы, и заверил, что сообщит о требованиях ингушей в Президиум Верховного Совета СССР[137]. Совет Национальностей таким образом постепенно подключался к решению тех проблем, которые собственно и должны были входить в сферу его компетенции с момента образования.

Неготовность союзных властей адекватно реагировать на возникающие сложности в межнациональной сфере ярко продемонстрировали события весны 1989 г. Поначалу власть никак не отреагировала на санкционированные местными властями митинги в Кишиневе 19 марта 1989 г., в ходе которых выдвигались требования суверенитета и независимости Молдавии. 9 апреля 1989 г. власть все-таки санкционировала применение войск для восстановления мира и спокойствия в бурлящем с 4 апреля Тбилиси, где в течение недели проходил несанкционированный митинг под лозунгами «Независимость Грузии!» и «Долой Российскую империю!» За происшедшую в ходе прекращения демонстрации траге-

[134] РГАНИ, л. 2 об.
[135] Там же, 5.
[136] Там же, л. 8, 9, 10.
[137] Там же, л. 11.

дию (ни одна из комиссий, созданных позже, так и не сумела доказать, что эти люди погибли не в результате давки, а от саперных лопаток, которыми якобы войска разгоняли демонстрантов) центральная власть, испугавшись, возложила ответственность на ЦК Компартии Грузии и командование Закавказского военного округа[138].

Политические экстремисты, спровоцировавшие эти события, вообще остались вне зоны критики Кремля, что вдохновило их на дальнейшее использование образа «репрессивного центра», в конечном счете, на активизацию борьбы за выход Грузии из СССР.

Таким образом, на начальном этапе перестройки в условиях ускорения социально-экономического и политического кризиса происходит обострение межнациональных отношений, и национальные проблемы становятся самостоятельным политическим фактором. Руководство страны «обнаружило», что принцип социалистического интернационализма и идея советского народа как новой исторической общности, обеспечивавшие «унитаризм» советской федерации, и принцип «права наций на самоопределение вплоть до создания своего собственного государства», воплотившийся в иерархическом национально-государственном устройстве СССР, способствуют всего лишь воспроизводству межнациональных конфликтов, но отнюдь не их ослаблению.

В условиях экономического кризиса и сужения возможностей центра дотировать республики с целью «обеспечения лояльности национальных элит» местные правящие кланы, защищенные границами, «демократическим правом» на самоопределение, окрепшие в годы «брежневского» невмешательства в дела республик, легко переориентировались на «защиту национальных интересов своих народов». Ощущая нараставший процесс ослабления центра, национальные элиты легко отказывают ему в поддержке и переходят к политике «укрепления своего суверенитета», благо к этому располагала как ленинско-сталинская модель решения национального вопроса, так и реализованная большевиками идея построить государство с внутренними границами и образованиями на основе национально-территориального принципа.

Власть в короткий исторический отрезок столкнулась с многообразием проявлений национальных конфликтов. На западе страны к 1989 г. практически сформировалось движение за национальную независимость и выход из состава СССР. Государства, включенные в состав Союза в годы Второй мировой войны, быстрее других осознали возможность воспользоваться слабостями и противоречиями изменившейся политики федерального центра.

Боязнь местных партийных элит в республиках Средней Азии быть сметенными усиливающимся исламским фундаментализмом удерживала их пока не только в рамках Союза, но и делала их на данном этапе союзниками центра. Однако давление со стороны националистических сил внутри этих республик в ближайшей перспективе должно было поставить их перед необходимостью выбора в пользу центра либо легализующегося местного национализма.

Самостоятельной проблемой становилось движение автономных республик за повышение своего статуса и ранга в рамках иерархической советской федерации. Обладая более мощным экономическим потенциалом, даже превышающим потенциал многих союз-

[138] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 2, д. 19, 55-а, 62–68, 74, 79, 84, 96 и др.

ных республик, Якутия, Татарстан, Башкортостан не хотели мириться со своим местом в иерархии национально-государственных образований Союза. Вопросы выравнивания прав автономных и союзных республик в условиях перехода национальных элит титульных этносов к реализации в политике принципа приоритета прав этносов, «давших название республике», для Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО приобретали исключительное значение и грозили также стать основой для нарастания межэтнической напряженности. Для народов, не имеющих национально-государственного статуса, вставал вопрос о создании своих автономий как формы сохранения национальной идентичности. Образца сохранить таковую другим способом советская практика решения национального вопроса не давала.

Особое место заняли сложнейшие проблемы восстановления «исторической справедливости» по отношению к репрессированным народам – крымским татарам, советским немцам, туркам, грекам, народам Кавказа. И в данном случае на первый план в борьбе этих народов за свои права выходили вопросы либо получения национально-государственного статуса (крымские татары, советские немцы) либо его изменения («ингушский», «карачаевский» вопросы). В любом случае это было сопряжено с постановкой территориальных претензий, нарастанием конфликтности с местным населением в местах вероятного воссоздания автономий и, в конечном счете, угрожало появлением новых очагов межэтнической напряженности.

Усиление антирусских настроений в этот период закономерно с позиции отождествления слабеющего центра с русским этносом, в силу своей многочисленности, представленности во всех национальных республиках, и места и значимости в общем экономическом потенциале Союза, долженствующем играть роль государствообразующего этноса. Лживые заявления о том, что республики «кормят» Россию, утопические планы «в одиночку» добиться экономического процветания лишь прикрывали истинные намерения национальных элит получить право распоряжаться в «своем национальном уделе».

Союзные власти, захваченные поначалу врасплох стремительным нарастанием остроты во взаимоотношениях этносов и национальных республик, найти приемлемой и осознанной политической линии, способной остановить разрастание национального кризиса, не сумели. Был упущен шанс остановить сползание к национальному кризису радикальными, вплоть до силовых, методами. Партийно-советские способы «решения национального вопроса» оказались в данном случае малоэффективными. Партийный аппарат, собственно и представлявший национальные элиты, оказался сам зараженным национализмом, что отчетливо проявилось в разворачивающемся конфликте между Арменией и Азербайджаном.

В этих условиях закономерным стало обращение к советским органам власти, тем более что в советском парламенте одна из его палат и была призвана разрешать сугубо специфические национальные проблемы. Встречи А. Э. Восса с представителями немецкого и ингушского народов демонстрировали начало процесса переключения рычагов власти в сторону усиления роли Совета Национальностей в решении актуальных вопросов национальной жизни страны.

Партийное руководство, оказавшись перед угрозой раскола страны по национальному признаку, было вынуждено искать новые методы управления многонациональным государством, выдвигая при этом старый лозунг «Вся власть Советам!» и пытаясь наделением властных полномочий представительных органов как переломить ситуацию, так и переложить ответственность за нее на «новый» Верховный Совет и его палату Совет Национальностей, призванную, работая на постоянной основе, реформировать национальную политику и ослабить вышедшую на поверхность политической жизни напряженность в межнациональных отношениях.

ГЛАВА 6

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ» И РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1989–1991)

6.1. Обострение национальных проблем в СССР во второй половине 1989 г. и «новый» Совет Национальностей

Окончательно национальный вопрос выдвинулся на главное место в политической жизни СССР во второй половине 1989 года. Это было, безусловно, следствием накопившихся в предшествующие годы проблем, нежеланием руководства страны открыто обсуждать национальные проблемы и оперативно их решать, отсутствием доселе в стране государственного органа, способного эффективно реагировать на острые ситуации в межнациональной сфере, а также вырабатывать долгосрочную стратегию развития и взаимодействия советских народов.

Главную причину взрыва «национальной бомбы» в 1989 г. А. С. Барсенков видит в том, что «союзно-республиканские элиты по достоинству оценили мобилизующееся значение этнонационализма как мощного оружия против Центра за контроль над республиканскими ресурсами в ходе провозглашенной экономической реформы»[1]. Это привело к внутренней консолидации национальных элит в их стремлении к политическому обособлению от общесоюзного руководства. С. В. Чешко также полагает, что национализм «легализовался» в виде «движения за перестройку», но в «национальных формах». Республиканские проблемы постепенно стали приобретать этническую окраску и использоваться национальными элитами для нагнетания «национального вопроса»[2].

Перелом в отношении к явно выходящим на первый план проблемам национально-политического устройства СССР в 1989 г. З. А. Станкевич объясняет тремя важнейшими факторами: во-первых, непрерывным нарастанием внутриполитической напряженности в стране, вызванным общим обострением национальных отношений и усилением «суверенизаторской тенденции», в орбиту которой, вслед за прибалтийцами, стали вовлекаться и другие национальные республики. Во-вторых, началом функционирования нового института политической системы страны – Съезда народных депутатов СССР, который уже с первых дней работы показал свою чрезвычайную политизированность во всем, что касалось национальных проблем и вопросов «нового самоопределения» союзных республик.

---

[1] *Барсенков А. С.* Указ. соч. С. 123.

[2] *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. 2-е изд. М., 2000. С. 229.

В-третьих, подготовкой к предстоящему осенью Пленуму ЦК КПСС по национальной политике[3].

В период с 1985 по 1989 гг., полагает Р. Г. Пихоя, национальный фактор «превращался в фетиш, в самостоятельную ценность, в фактор, обеспечивающий быструю и шумную карьеру представителям местных элит». «Партийно-советские способы решения «национального вопроса» оказались неприменимыми» и исчерпали себя в данный период. Поражает, пишет исследователь, «как быстро были утеряны рычаги влияния на положение в республиках». Национальные проблемы становились самостоятельным политическим фактором, определяющим судьбы СССР[4].

В данный период, подчеркивает итальянский историк Дж. Боффа, возник «заколдованный круг, появилась взаимосвязь между продолжающимся ухудшением дел в экономике и напряженностью в межнациональных, межэтнических отношениях». Поскольку экономическая ситуация ухудшалась, местные элиты «были склонны переключать недовольство народа на переживавшее кризис центральное правительство» и «на другие народы, отыскивая в далекой истории поводы для споров, скрытые или исчезнувшие было разногласия»[5].

В 1989 г. стало очевидно, что свою лепту в процесс общей дестабилизации вносят и союзные власти, в большинстве случаев межнациональных конфликтов демонстрировавшие явную неготовность жестко и последовательно обеспечивать законность и правопорядок в стране, в том числе с применением силовых методов. Не случайным в связи с этим явилось стремление партийно-государственных структур переложить ответственность за решение национальных проблем на Совет Национальностей нового Верховного Совета. Так на заключительном этапе развития советского государства орган, призванный собственно отражать национальную специфику этого государства, получил возможность не только вырабатывать политическую линию в национальном вопросе, но и влиять на повседневную межнациональную ситуацию в стране. Не исключено, что перераспределение властных функций в сфере межнационального взаимодействия являлось вынужденным шагом со стороны реформаторов, убедившихся в непреодолимых сложностях в решении столь деликатных национальных проблем.

I Съезд народных депутатов СССР вообще прошел под знаком национальных проблем. Уже одно то, что Съезд создал специальные комиссии для расследования обстоятельств, связанных с событиями в Тбилиси 9 апреля 1989 года, и по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года, а на съезде развернулись горячие споры вокруг проблем восстановления прав немцев Поволжья, крымских татар, турков-месхетинцев и развития малочисленных народностей, показывало, что национальные проблемы вышли на одно из главных мест в общественно-политической жизни СССР.

Напряженность возникла и при обсуждении вопросов «нового самоопределения» союзных и отдельных автономных республик, и при формировании нового Верховного Со-

---

[3] *Станкевич З. А.* История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001. С. 32–34.

[4] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 472, 474.

[5] *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 220.

вета, и вопросов, связанных с представительством в его составе депутатов от НКАО и ряда российских автономий – Марийской, Бурятской, Тувинской и Калмыцкой АССР. Все эти проблемы перед съездом ставили народные депутаты СССР от национальных республик, тем более что от Прибалтики народными депутатами были избраны члены Народных фронтов, фактически оппозиционных КПСС и советской власти[6]. Этот факт наглядно продемонстрировал, что переход от «альтернативной лояльности» национальных элит к открытой оппозиции Москве совершился.

Съезд по времени совпал с широкомасштабными столкновениями на межнациональной почве в Фергане (Узбекистан) (23–24 мая и 3–4 июня) и в казахстанском Новом Узене (22 июня).

Трагические события в Узбекистане способствовали превращению Средней Азии в горячую точку на национальной карте СССР, а турок-месхетинцев в «дважды депортированный народ». Символично, что с этого момента инициатива и прерогатива в решении национальных вопросов стала переходить к вновь избранному Совету Национальностей, который возглавил узбек по национальности Р. Н. Нишанов.

23 июня 1989 г. Верховный Совет образовал комиссию по проблемам турко-месхетинского населения, которую возглавил заместитель председателя Совмина РСФСР Л. А. Горшков. В комиссию вошли заместители председателей правительств Узбекистана и Грузии А. А. Атаджанов и Мгеладзе, политобозреватель М. Н. Полтаранин, начальник политуправления пограничных войск КГБ СССР Н. В. Бритвин, лидер национального движения турок-месхетинцев с 1968 г. Ю. Сарваров и другие[7].

Уже 20 июня заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР И. О. Бишер и Г. С. Таразевич приняли делегацию турок-месхетинцев во главе с Ю. Сарваровым. Прежде всего члены делегации заявили о нежелании властей решить проблему турок. Ю. Сарваров заявил о том, что турки только в 1988 г. были на приеме у А. Э. Восса, у П. Н. Демичева, у А. И. Лукьянова, «чаяния нашего народа Верховный Совет СССР знает в течение 33 лет», но «бездушное отношение» привело к трагедии[8].

Грузинское руководство также было обвинено в нежелании решать вопрос, а Р. М. Саидов цель грузинского руководства характеризовал как стремление ассимилировать народ. В Месхетии и Джавахетии, по словам Сарварова, «в наших местах живут 190 тысяч грузин». На вопрос Таразевича об отношениях армян, живущих в «этих местах», к туркам Сарваров заявил, что эти земли не армянские. Турки перебрались в Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, в Краснодарский край. «Куда нам деваться?» Таразевич и Бишер заявили, что Совет Национальностей образует специальную комиссию для изучения и решения вопросов о турках[9].

Первое заседание комиссии по проблемам турок-месхетинцев состоялось 29 июля 1989 г. Р. Н. Нишанов сразу же заявил, что вопрос о месхетинцах – один из многих острых вопросов межнациональных отношений, которые обостряются с каждым днем: «Мы на

---

[6] См.: Первый Съезд народных депутатов СССР: Стеногр. отчет. Т. 1–5. М., 1989. Т. 2.
[7] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 6, д. 123, л. 14, 15.
[8] Там же, л. 10.
[9] Там же, л. 3–9.

вулкане сидим»[10]. Несмотря на это, Нишанов констатировал, что обстановка в Узбекистане контролируется, заведено 51 уголовное дело, свыше 120 человек находятся под следствием, и предложил турецкой делегации поехать в Грузию и решить вопрос о переселении с «грузинскими товарищами»[11]. Из Узбекистана, по данным А. А. Атаджанова, выехало «где-то 40 тысяч»: в РСФСР – 18 тысяч, уже вернулось 3,5 тысячи.[12] Нишанов подтвердил, что месхи были вывезены в Орловскую, Смоленскую, Белгородскую, Курскую, Воронежскую области. «Все остальное пошло стихийно». Часть уехала в Чимкентскую область, часть – в Джамбульскую[13].

В сложнейшем положении оказался Краснодарский край. По свидетельству руководства края, «район принял 32 тысячи пострадавших из Армении, в районе размещены 1000 курдов, а 3 июня «пошли спецрейсы из Узбекистана». Это уже вызвало межнациональную напряженность, «в кубанской станице Апшеронского района завязалась драка... ситуация осложнилась»[14]. Сарваров в очередной раз заявил, что турки в Узбекистан не вернутся, в РСФСР «климат не подходит» и настаивал на переселении в Грузию. Члены комиссии никак не отреагировали на признание Сарварова о том, что в феврале 1989 г. в Узбекистане к месхетинцам «приходили и сказали, что всех европейцев выставим, будем мощным государством, присоединяйтесь». По словам Сарварова, они отказались, заявив, что их цель – вернуться на родину[15].

Однако решить вопрос и на этот раз не удалось. Даже постановление № 503 Совмина СССР о выплате пособия (2 тыс. рублей главе семьи и 500 рублей на каждого члена семьи) касалось лишь тех, кто «организованно переселился» в села центральных областей России и заключил трудовой договор на 2 и более лет. Виновниками продолжающейся трагедии месхов председатель ВОК общества «Ватан» Ю. Сарваров называл союзные власти, проводившие I Съезд народных депутатов в то время, «когда в Фергане погибло более 300 человек и без крова оказались 20 тысяч человек», а также грузинские власти, которые способствовали в это же время «отчаянной агитации местного населения, чтобы воспрепятствовать возвращению на свою историческую родину, при этом надеясь на то, что от безысходности месхи закрепятся в пустующих районах РСФСР». Обида, правда, не касалась азербайджанского народа и народа Чечено-Ингушетии, которые «протянули руку помощи»[16].

Решение комиссии о целесообразности поездки делегации в Грузию для решения вопроса о переезде турок-месхетинцев на историческую родину свидетельствовало о том, что другого варианта, несмотря на набирающее ход движение Грузии «от Союза», члены комиссии не видели. Напутствие И. О. Бишера туркам-месхетинцам звучало достаточно красноречиво: «Не обостряйте отношений с грузинами. Вам там жить»[17].

[10] ГАРФ, л. 21.
[11] Там же, л. 25.
[12] Там же, л. 43.
[13] Там же, л. 28.
[14] Там же, л. 26, 28.
[15] Там же, л. 52, 60.
[16] Там же, д. 112, л. 121, 122.
[17] Там же, д. 123, л. 10.

Проблема депортированных народов явилась одной из самых острых для Совета Национальностей. 12 июля 1989 г. своим постановлением Совет Национальностей создал депутатскую комиссию по проблемам советских немцев во главе с членом Верховного Совета Г. Н. Кисилевым. В комиссию вошли известный писатель из Казани Т. А. Минуллин, юрист из Саратова Ю. Х. Калмыков, академик АН СССР Б. В. Раушенбах, председатель общества советских немцев «Возрождение» Г. Г. Гроут[18]. Публикация интервью членов комиссии народного депутата В. Я. Медикова, Г. Г. Гроута, председателя комиссии Г. Н. Кисилева сразу же придала общественное звучание проблеме советских немцев. С работой комиссии немцы связывали большие надежды, резко увеличился поток писем в Совет Национальностей. Работа комиссии, писали немцы из г. Коркино Челябинской области, «единственный шанс для нас выжить как народу»[19].

Работа комиссии началась с изучения общественного мнения по вопросу о восстановлении немецкой автономии. Появление в центральной печати сообщений о том, что подготовлен проект о восстановлении автономии немцев в Поволжье, вызвал резкое обострение межнациональных отношений на территории бывшей республики.

Противостояние по вопросу о восстановлении автономии немцев проявилось уже осенью 1989 г. В присланной в Совет Национальностей резолюции Марксовской районной конференции (Саратовская область) представителей трудовых коллективов по обсуждению решений комиссии Совета Национальностей по проблемам советских немцев 21 октября 1989 г. выдвигалось требование проведения референдума для выяснения мнения населения по вопросу создания автономии, снятия с повестки дня текущей сессии Верховного Совета решения вопроса о создании автономии в границах бывшей Немреспублики, а также создания новой комиссии с включением в нее представителей районов бывшей АССР НП[20]. В письме членов комиссии депутатов Г. Г. Штойка, К. У. Медеубекова, Т. А. Минуллина, народных депутатов СССР О. Паля, В. Видигера М. С. Горбачеву (председатель Верховного Совета незамедлительно переадресовал его Р. Н. Нишанову и А. Н. Гиренко) выражалась противоположная точка зрения: «по Саратовской области, и в особенности по г. Марксу, имеется целый ряд фактов о том, что здесь при попустительстве и молчаливом одобрении руководства сформировалось организованное противодействие восстановлению АССР НП, ...сила противодействия продолжает вырастать»[21].

Уже в августе 1989 г. такое отношение было продемонстрировано на встречах рабочей группы комиссии с активом Марксовского, Энгельсского и Красноармейского районов. В качестве примера приводилась позиция председателя Саратовского облисполкома Н. С. Александрова и секретаря обкома КПСС по идеологии Ю. Д. Баранова, которые солидаризировались с резолюцией собрания на заводе «Радон», осудившей предварительные выводы комиссии и призвавшей к предупредительной забастовке[22].

---

[18] ГАРФ, д. 116, л. 1, 2.
[19] Там же, д. 110, л. 41.
[20] Там же, д.116, л. 8.
[21] Там же, л. 11.
[22] Там же, л. 12.

1-й секретарь Волгоградского обкома В. И. Калашников на расширенном заседании комиссии 18 октября в Октябрьском зале дома Союзов поддержал идею восстановления автономии. Следует отметить, что Горбачев проигнорировал просьбу народных депутатов «лично вмешаться в ситуацию» и по линии ЦК КПСС убедить руководство Саратовской области в политической значимости готовящегося решения по проблемам советских немцев[23].

Трудно согласиться с утверждением авторов письма о том, что «неприятие идеи восстановления справедливости... разделяет ограниченный круг людей»[24]. Коллективы заводов «Радон», «Коммунист» из Маркса, треста № 10 объединения «Саратовский», Красноармейской швейной фабрики и другие протестовали против автономии. Протесты приходили и из села Медведицкое Волгоградской области, а мнение коллектива Ровенского райотдела соцобеспечения было категоричным: «автономия приведет к новому Карабаху. Мы – против»[25].

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа», которым поручало Совмину СССР образовать государственные комиссии для решения практических вопросов, связанных с восстановлением автономии, а комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям предлагало держать эту работу под постоянным контролем[26]. Данное решение было воспринято населением как факт окончательного и принципиального решения властей о восстановлении немецкой автономии на Волге. Это подтверждало и интервью в «Известиях» Г. С. Таразевича[27]. Ситуация накалилась до предела, и начался новый виток противостояния в Саратовской области.

Уже 29 ноября 1989 г. Советский райком партии заявил, что «выводы комиссии о том, что наиболее приемлемым районом для восстановления автономии советских немцев является Поволжье, преждевременны и необоснованны»[28]. Лидеры «Возрождения», указывалось в резолюции, с самого начала своей деятельности настаивают «на немецкой автономии именно в Поволжье, несмотря на малочисленность в этих местах лиц немецкой национальности»[29].

В самом районе, указывалось, проживает 28600 человек 40 национальностей, из них около 400 немцев, и восстановление немецкой автономии «в местах, где для этого на сегодня не сложились необходимые социально-экономические и политические условия», «преждевременно и противоестественно» и «явится еще одной несправедливостью»[30].

12 декабря в Москву из Саратовской области прибыла делегация из 82 человек, заявившая протест против образования немецкой автономии. Делегация была принята за-

[23] ГАРФ, л. 12.
[24] Там же.
[25] Там же, д. 110, л. 42, 43.
[26] Там же, д. 116, л. 14.
[27] Известия. 1989. 29 нояб.
[28] ГАРФ, оп. 10, д. 112, л. 88.
[29] Там же, л. 88.
[30] Там же, л. 89.

местителем заведующего отделом национальных отношений ЦК КПСС В. А. Михайловым. На этой встрече члены делегации заявили, что из 13 членов комиссии Г. Н. Кисилева в области дважды по три дня побывали только 6 человек, что члены комиссии не учли мнения значительной части жителей области, не согласных с восстановлением немецкой автономии, и что в области уже возникла организация русского населения «Справедливость», выступающая против автономии. В случае игнорирования их мнения, заявили делегаты, они не «исключают возможности серьезных беспорядков в области»[31].

Комиссию Совмин создал 21 декабря 1989 г., возглавил ее первый заместитель председателя Совмина СССР Л. А. Воронин, в нее вошли заместители председателей Советов Министров СССР, РСФСР, Украины В. Х. Догужиев, В. Г. Захаров, А. С. Статинов, министры СССР В. С. Павлов, В. В. Бакатин, В. Ф. Яковлев и др.[32]

В соответствии с постановлением Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымских татар» в Крымскую область предстояло возвратить более 300 тыс. крымских татар. Крымский облисполком 23 ноября 1989 г. принял решение о разработке комплексной государственной программы переселения в Крым граждан крымско-татарской национальности. Переселение должно было осуществляться согласно расчету, и приоритет отдавался компактному расселению, принималось во внимание и место их проживания до выселения из области в 1944 г. Правда, определялась 3-х километровая зона побережья Черного и Азовского морей, где «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц и зон их влияния не допускать ...расселения и строительства индивидуальных домов»[33].

В узбекские события лета 1989 г. оказались вовлеченными и курды. 17–20 июля 1989 г. 200 курдских семей не по своей воле покинули территорию Узбекистана[34]. «Мы живем, – отмечали курды на приеме у председателя комиссии по межнациональным отношениям Совета Национальностей Г. С. Таразевича 4 июля 1989 г., – в 10 областях, 9 республиках и двух краях»[35]. С ноября 1988 по май 1989 г. курды (18000 человек) покинули Армению. Советские органы Краснодарского края, куда также прибыли курды, предупреждали их «о высылке». В Чимкентской области Казахстана, а также в Киргизской ССР курдам дали месячный срок, чтобы они «покинули территорию»[36].

Еще в апреле 1989 г. письмо с 9000 подписей курдов во главе с М. С. Бабаевым, возглавлявшим национальное движение курдов с 1956 г., было направлено М. С. Горбачеву. Письмо содержало просьбу «создать автономную республику в пределах Азербайджанской республики» («мы их очень уважаем, веками наши народы жили по-братски, мы родственный народ») и возражения против автономии «в других жарких краях, республиках»[37].

---

[31] ГАРФ, оп. 6, д. 205, л. 2, 3, 4.
[32] Там же, д. 116, л. 15, 16.
[33] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 198, 199.
[34] ГАРФ, оп. 6, д. 114, л. 30.
[35] Там же, л. 26.
[36] Там же, л. 30.
[37] Там же, л.12.

Курды утверждали, что они могут взять землю в аренду, платить государству за 1 га земли от 200 до 1000 рублей, получать урожай в 3–5 раз больше, чем передовые колхозы, и предлагали создать комиссию по курдскому вопросу[38]. С просьбами рассмотреть вопрос об автономии для курдов обращались не только сами курды, но и народные депутаты М. М. Астахова, В. И. Рыбаков[39].

Делегация курдов во главе с М. С. Бабаевым была принята Таразевичем 4 июня 1989 г. Опять прозвучали просьбы создать комиссию для образования автономии в Азербайджане. А. П. Мамедов заявил: «если не соберете наш народ вместе, тогда откройте границы»[40].

Бабаев подтвердил, что в ЦК КП Азербайджана курды получили ответ: «Мы вас готовы принять, но автономию не дадим». Таразевич, видимо, курдскую проблему во всех тонкостях не понимал, начав встречу вопросом: «А в СССР всего курдов сколько?» (ответ Бабаева свелся к оценке численности в 500 тысяч, «но по паспортам – около 150–170 тысяч»)[41], да и груз национальных проблем летом 1989 г. давил настолько сильно, что председатель Комиссии по межнациональным отношениям заверил: «В августе никаких решений не будет, приступим к решению в сентябре»[42]. Однако и осенью к решению вопроса «не приступили».

В это время возникла еще одна проблема, касающаяся и курдов. 30 сентября 1989 г. в Ереване состоялся третий съезд полномочных представителей йезидов в Армении (Институт этнографии АН СССР на запрос Верховного Совет отвечал, что «йезиды» – особая конфессиональная община внутри курдского этноса, и проживают они преимущественно в Армении и Грузии). Религиозные верования йезидов синкретичны и включают в себя элементы ислама, иудаизма, христианства, зороастризма, язычества, к тому же эта секта – «замкнутая и законспирированная»[43].

Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР С. С. Аветисян уже сообщал в Верховный Совет СССР, что для йезидов, проживающих преимущественно в Масисском и Гелинском районах республики, организуются радиопередачи, издаются книги на языке йезидов, а в Ереванском пединституте готовятся преподаватели языка йезидов. На съезде йезиды учредили национальное, культурное общество. Они ходатайствовали о том, чтобы «восстановили наше национальное название «езиды» и считали нас отдельной от курдов самостоятельной нацией». Дело в том, что с 1931 г. йезидов записывали «курдами»[44]. Правда, как сообщал министр внутренних дел В. В. Бакатин, правительство считало, что целесообразно отнести решение вопроса об изменении записи о национальной принадлежности в паспорт к компетенции Совмина союзных республик[45].

Национальная карта СССР во второй половине 1989 г. стремительно покрылась «горячими точками». Прежде всего, «взорвался», как и прогнозировалось, Кавказ. С 22 августа

[38] ГАРФ, л. 14.
[39] Там же. л. 15, 19.
[40] Там же, л. 25.
[41] Там же, л. 23.
[42] Там же, л. 25.
[43] Там же, л. 40
[44] Там же.
[45] Там же.

по 2 сентября 1989 г. профессор К. Цаголов и профессор М. Исаев по заданию Совета Национальностей изучали обстановку в Северной и Южной Осетии. Выводы Цаголова и Исаева, доложенные Р. Н. Нишанову 7 сентября 1989 г., касались общей ситуации, складывающейся на Кавказе. По их мнению, в Северной Осетии «следует ожидать обострения межнациональных отношений», «здесь складывается сложный клубок противоречий». В центре противоречий – территориальные претензии ингушей. Цаголов и Исаев полагали, что осетины из Юго-Осетинской автономной области в свете грядущих событий будут искать спасения в Северной Осетии. Озабоченность вызывала и Дигория, где осетины-мусульмане выдвигали требования культурно-национальной автономии, к тому же к дигорцам обращались и «ингушские националисты за помощью в их территориальных претензиях»[46].

Обстановку в Южной Осетии они характеризовали как напряженную, «с самыми непредсказуемыми возможностями», причем проблему видели «не в позиции юго-осетинского народа», а в той «крайне националистической тенденции, которая набирает силу внутри грузинского народа». Грузинские националисты требуют выхода из состава СССР, причем под лозунгом «Грузия – для грузин»[47].

Действительно, телеграммы и письма из Южной Осетии, в том числе и от народного депутата Н. Джусойты, забастовочного комитета Цхинвали, руководства Народного фронта Юго-Осетии «Адамон Ныхас» и др., наглядно свидетельствовали о накалившейся обстановке в автономной области. Грузинское руководство всю ответственность возлагало на «юго-осетинских националистов». Так, Г. Г. Гумбаридзе, 1-й секретарь ЦК КП Грузии, сообщал Р. Н. Нишанову, что «Адамон Ныхас» «стремится нагнетать обстановку в Цхинвали и в некоторых районах области, выдвигает лозунги объединения с Северо-Осетинской АССР, объявления осетинского языка государственным..., организует митинги, забастовки, звучат угрозы в адрес грузин»[48].

Нишанов сообщал 12 октября 1989 г. в общий отдел ЦК КПСС, что имел беседу с Гумбаридзе о необходимости принятия срочных мер для снятия напряженности в Юго-Осетинской автономной области. Однако обстановка продолжала обостряться. Командировка в Цхинвали Б. С. Искакова лишь подтвердила озабоченность осетин обстановкой в Грузии: «Указ Черкезия... о грузинском языке направлен на дискриминацию осетинского языка», Грузия хочет отделиться от СССР под лозунгами: «Грузия – для грузин», «Русские – вон отсюда»[49].

Все это прозвучало и на встрече 30 октября 1989 г. в Совете Национальностей с Е. Н. Ауэльбековым, заместителем Таразевича[50]. Осетины требовали срочного создания комиссии по вопросу о «Юго-Осетии» и направлении ее в область. А. И. Лукьянов с этим

[46] ГАРФ, д. 117, л. 11, 12.
[47] Там же, л. 14, 15.
[48] Там же, л. 4.
[49] Там же, л. 24, 25.
[50] Там же, л. 27.

соглашался и обращался к Нишанову, Таразевичу, Шишову с просьбой ускорить рассмотрение вопроса с приглашением и грузин и осетин[51].

Обострению напряженности в области послужил и тот факт, что в различных частях Грузии были совершены нападения на 42 РОВД, в ходе которых были похищены и розданы тысячи стволов огнестрельного оружия[52].

Противоборствующие стороны пока делали воинственные заявления. З. Гамсахурдиа на митинге в одном из сел «Юго-Осетии» – Эредви заявил, что его боевики, так называемые «грузинские соколы», в количестве 35 тысяч человек «как мусор, готовы вымести осетин с территории Грузии, если они не желают жить по установленным грузинами законам»[53].

10 ноября 1989 г. чрезвычайная сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области приняла решение об осетинском языке как государственном языке области и обратилась к Верховному Совету Грузии с просьбой поддержать решение совета о «повышении статуса Южной Осетии».

На сессии было принято обращение к Верховному Совету СССР о создании комиссии по изучению обстановки в области. 18 ноября Президиум Верховного Совета Грузии принял решение об аннулировании решения чрезвычайной сессии Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области, ситуация перешла в стадию конфронтации[54]. Искусственно созданные советской властью национально-территориальные образования вступали в полосу распада, и это грозило превратиться в цепную реакцию.

Однако, как отмечал Таразевич, руководство Грузии считало в это время, что «самая сложная ситуация в Абхазии». На I Съезде народных депутатов депутат от Абхазии В. Г. Ардзинба детально обосновал необходимость повышения статуса своей республики до уровня союзной, в частности тем, что «абхазский народ считает нахождение в СССР единственно возможным способом сохранения своей национальной самобытности»[55]. В обращении народного депутата СССР А. Н. Гогуа, председателя Народного форума Абхазии «Айдгылара», полная ответственность за ситуацию в республике возлагалась на грузинскую сторону, которая «ведет борьбу за ликвидацию абхазской автономии вообще». Причем, «антиабхазская кампания подогревается откровенной фальсификацией истории нашего народа», отмечал Гогуа, «проповедью антинаучной теории двуаборигенности Абхазии и даже объявления абхазов «пришельцами», якобы обретшими вторую родину в «гостеприимной» Грузии»[56].

Одним из факторов национального раздора стало решение Совмина Грузии о разделении Абхазского государственного университета по национально-языковому принципу. Созданная в Совете Национальностей комиссия по абхазскому вопросу во главе с народ-

---

[51] ГАРФ , л. 33.
[52] Там же, оп. 10, д. 103, л. 77.
[53] Там же, л. 77.
[54] Там же, оп. 6, д. 117, л. 21, 22.
[55] Первый Съезд народных депутатов СССР. Т. 2. С. 317–324.
[56] ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 6, д. 118, л. 1.

ным депутатом из Красноярска М. И. Монго[57] работала в Абхазии с 3 по 10 июля 1989 г. и сделала вывод о том, что наблюдается «национальный раскол в республике в целом» и необходимо создавать постоянно действующую комиссию Верховного Совета, а университет воссоединить[58]. 17 июля 1989 г. Верховный Совет СССР принял постановление о событиях в Абхазской АССР, содержащее требования «немедленно восстановить движение на Закавказской железной дороге» и призыв «стабилизировать ситуацию»[59].

31 июля 1989 г. на встрече абхазской делегации в Совете Национальностей с Р. Н. Нишановым было продемонстрировано неприятие аргументов противоборствующих сторон, поскольку, как заявил абхаз Л. Х. Джинджолия, «грузинское руководство добивается только того, чтобы мы исчезли». В этих условиях Нишанов принял решение о том, что «комиссии сейчас ехать незачем, она вернется с пустыми руками». А пока Совет Национальностей должен был начать трудный разговор с руководством Грузии[60]. Ситуация продолжала осложняться.

8 октября 1989 г. в Карачаевске на съезде народов Карачая была принята резолюция с требованием «восстановить несправедливо отнятую у целого народа национальную государственность – статус Карачаевской автономной области с непосредственным подчинением органам государственной власти и управления РСФСР и СССР», а также рассмотреть вопрос о «предоставлении карачаевскому народу с совместно проживающими с ними другими народами статуса Карачаевской АССР» и считать впоследствии «возможным образование единой Карачаево-Черкесской АССР»[61]. Эти требования карачаевцы подтвердили 13 октября на встрече в Совете Национальностей, а А. Г. Урусов заявил: «Мы очень четко ставим вопрос – выход из Ставропольского края»[62]. Нишанов вновь заявил о главной функции Совета Национальностей: «Мы занимаемся гашением пожаров»; «У нас столько накопилось за 50 лет, что невозможно решить все за один миг». Он призвал карачаевцев «не давить, какая форма автономии будет – область или республика»[63].

12 июля 1989 г. Совет Национальностей своим постановлением образовал комиссию по НКАО, которую возглавил С. И. Манякин, а его заместителями стали заместитель председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. А. Мокану и заместитель председателя Совета Национальностей Б.И. Олейник. В нее вошли писатель В. П. Астафьев, профессора из Литвы, Эстонии, Москвы Б. К. Гендзялис, К. С. Халлик, А. М. Емельянов, народный артист СССР К. Ю. Лавров и др.[64]

24 июля Верховный Совет СССР принял постановление «Об организации работы по выполнению поручений, данных Верховному Совету СССР съездом народных депутатов СССР», в котором Совету Национальностей по национальной политике и межнациональ-

---

[57] ГАРФ, л. 23.
[58] Там же, л. 26, 27.
[59] Там же, л. 31.
[60] Там же, л. 39, 40.
[61] Там же, д. 119, л. 8.
[62] Там же, л. 14.
[63] Там же, л. 17.
[64] Там же, д. 115, л. 6.

ным вопросам поручалось рассмотреть положение дел в НКАО и до 1 октября 1989 г. внести свои предложения по данному вопросу[65].

30 сентября Комиссия по НКАО и Комиссия по национальной политике рассмотрели положение в НКАО и констатировали, что депутаты от Армении, Азербайджана и НКАО «высказали диаметрально противоположные и взаимоисключающие мнения», «армянское и азербайджанское население находится в состоянии постоянного противоборства, ...блокируются транспортные магистрали, ...экономика области дезорганизована»[66]. Обе комиссии оценивали ситуацию как «кризисную» и предлагали сохранить особую форму управления НКАО и создать Временную комиссию чрезвычайного управления НКАО[67].

В комиссиях полагали, что необходимо начать подготовку и провести выборы областного совета народных депутатов и обкома партии, расширить экономическую самостоятельность НКАО, безотлагательно решить вопрос по временному размещению беженцев, их трудоустройству и материальной помощи[68]. Однако по главному вопросу, докладывали Нишанов и Таразевич, комиссии пришли к выводу «о необходимости наделения НКАО реальными правами самоуправляющейся автономной территории в границах Азербайджанской ССР», а реализацию данного предложения видели во «временном выходе НКАО на Центр»[69].

Но это решение не устраивало ни ту, ни другую противоборствующие стороны. Несмотря на это, 20 октября 1989 г. М. С. Горбачев подписал постановление Президиума Верховного Совета «Об итогах работы Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР по НКАО», где указывалось, что «Азербайджанская ССР должна обеспечить прочные и надежные дополнительные гарантии автономного статуса Нагорного Карабаха», и признавалось необходимым восстановление нормального функционирования партийных и советских органов НКАО[70]. На основании этого Верховный Совет СССР принял постановление «О мерах по нормализации обстановки в НКАО», решив «для контроля и оказания помощи в осуществлении мер по стабилизации обстановки в НКАО создать Союзную контрольно-наблюдательную комиссию, подчинив ее Верховному Совету СССР»[71].

1989 г. стал решающим в процессе обретения независимости прибалтийскими республиками. Движение Литвы, Латвии и Эстонии «от Союза» достигло максимум возможного в своих претензиях. Разработанная усилиями прежде всего эстонских ученых концепция «республиканского хозрасчета» включала в себя переподчинение союзных предприятий республиканским властям, резкое сокращение отчислений в союзный бюджет, обретение права самостоятельно вести внешнеторговые операции. Концепция обрела широкое общественное звучание, ее пропагандировали многие московские ученые.

---

[65] ГАРФ, л. 10.
[66] Там же, л. 12.
[67] Там же, л. 13.
[68] Там же, л. 14, 15.
[69] Там же, л. 17.
[70] Там же, л. 32.
[71] Там же, л. 41.

Проект Закона СССР «О хозяйственном расчете и экономической самостоятельности Литовской ССР и Эстонской ССР» обсуждался в высших государственных органах, в том числе и в комиссии Совета Национальностей по вопросам социального и экономического развития союзных и автономных республик, автономных областей и округов.

Выводы этой комиссии, озвученные Р. Н. Нишановым, гласили о том, что «многие положения проекта Закона не соответствуют действующей Конституции СССР»: в частности, положение о том, что «исключительной собственностью народа соответствующей республики является земля, недра, леса, воды и прочие природные ресурсы, а предприятия и хозяйственные организации... должны быть безвозмездно переданы в ведение народа республик». Вряд ли оправдано, указывалось в замечаниях, и отнесение к ведению высших органов государственной власти и управления Литвы и Эстонии «вопроса руководства денежно-кредитной и финансовой системой республик». Одним словом, отмечал Нишанов, это «не увязывается с нормой Конституции СССР об экономике СССР как о едином народно-хозяйственном комплексе»[72].

Новый Верховный Совет СССР предоставил Латвии, Литве и Эстонии более широкие экономические[73] права, несмотря на эти предупреждения. Е. М. Примаков, бывший в то время Председателем Совета Союза СССР, вспоминал, что депутаты от Прибалтики убеждали его в том, что в случае предоставления независимости Литве, Латвии, Эстонии они сохранят стоянки ВМФ, аэродромы, систему ПВО на своих территориях для Советского Союза[74].

После придания осенью 1988 г. в Прибалтийских республиках местным языкам статуса государственных, в ноябре 1988 г. Эстония, в мае 1989 г. Литва, в июле 1989 г. Латвия приняли Декларации о суверенитете. На съезде народных депутатов под давлением депутатов из Прибалтики была создана парламентская комиссия по расследованию обстоятельств вхождения этих республик в состав СССР в 1939–1940 гг. Уже в декабре 1989 года на II Съезде эта комиссия приняла «нужную» резолюцию, давшую негативную оценку событиям пятидесятилетней давности. Это окончательно «развязало руки» тем, кто стремился к отделению от СССР.

Удивляет, с какой поспешностью действовали органы власти, идя навстречу всем пожеланиям националистов Прибалтики, не замечая даже очевидных несуразностей. В заявлении Верховного Совета Литовской ССР Съезду народных депутатов СССР и правительству СССР указывалось на «новый смысл», который приобретает подписанный 10 октября 1939 г. Договор о возвращении города Вильнюс и Вильнюсского края и взаимопомощи между Литвой и Советским Союзом: «если возвращение Литве Вильнюса и Вильнюсского края было законным..., то аспект взаимопомощи был навязан Литовской республике»[75].

В сентябре 1989 г. на сессии Верховного Совета Литовской ССР обсуждался Закон о выборах в Верховный Совет Литовской ССР. Народные депутаты СССР от Литвы З. Вайшвила, Э. Бичкаускас, Ю. Куиляускене, А. Антовичюс, В. Ландсбергис, Н. Медведев

---

[72] ГАРФ, д. 110, л. 12, 13.

[73] Союз можно было сохранить. С. 78.; ГАРФ, д. 125, л. 4.

[74] *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 250.

[75] ГАРФ, д. 125, л. 3.

высказались за введение ценза оседлости, лишение избирательских прав военнослужащих. Вайшвила и Ландсбергис предложили изменить содержание статьи 6 Конституции СССР и закрепить в ней многопартийную основу. Было принято решение опубликовать Закон «О гражданстве Литовской ССР»[76].

Стремительно нарастал процесс конфронтации в республике. 21 июля 1989 г. в Каунасе был снят «танк-освободитель» с пьедестала (памятник советским танкистам, освободившим город летом 1944 г.). В депутатских запросах маршала С. Ахрамеева, народного депутата Е. В. Когана, обращении социалистического движения за перестройку в Литве «Единство» содержались требования «провести расследование по фактам уничтожения советских памятников в Прибалтийских республиках»[77]. Однако на запрос Нишанова по поводу судьбы памятников в Литве председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР В. Астраускас отвечал, что «танк был переведен на реставрацию», а затем «будет передан в ведение Каунасского государственного исторического музея»[78].

Осенью 1989 г. прибалтийские радикалы уже разговаривали с союзным руководством на языке ультиматумов. Председатель Народного фронта Латвии Д. Иванс предупреждал М. С. Горбачева, что «если в СССР будет принят Закон СССР об общегосударственном языке..., данный Закон не будет ратифицирован Верховным Советом Латвийской ССР... и, следовательно, не будет действовать на территории Латвии»[79].

Каналы политического влияния Кремля на Прибалтику стремительно сужались. Тем более что в декабре 1989 г. XX съезд компартии Литвы объявил ее независимой от КПСС.

Власть, несмотря на призывы русскоязычного населения Прибалтики действовать, проявляла крайнюю нерешительность. «У нас население не латышской национальности представляет около пятидесяти процентов, ...последствия могут быть непредсказуемо трагическими в экономическом, социальном, политическом плане»[80], – предупреждали из Риги.

Совет Национальностей предпринимал определенные попытки переломить ситуацию. В частности, в августе группа во главе с Г. С. Таразевичем выезжала в Эстонию для ознакомления с ситуацией; Указ Верховного Совета от 16 августа 1989 г. № 399-1 признавал несоответствие Конституции СССР некоторых положений Закона ЭССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию ЭССР»,[81] однако на курс прибалтов – на отделение от СССР – это влияло мало.

Подобная ситуация в целом складывалась и в Молдавии. В сентябре Нишанов обращает внимание И. О. Бишера, Б. И. Олейника, Г. С. Таразевича, Л. Д. Шишова на то, что в 1989 г. более чем вдвое увеличилось число обращений в Верховный Совет СССР из Молдавской ССР, особенно по национальным вопросам. Серьезное осложнение обстановки связывалось «с деятельностью экстремистских элементов Народного фронта Молдавии,

---

[76] ГАРФ, д. 110, л. 36, 37.
[77] Там же, д. 125, л. 6, 7, 8.
[78] Там же, л. 9.
[79] Там же, л. 27.
[80] Там же, л. 14.
[81] Там же, л. 11, 12, 13.

неуверенной позицией руководства», особенно с принятием законов о языке[82]. Напряженность вызывали также призывы НФ Молдавии о выходе из СССР, изменении государственной символики. Республика постепенно раскалывалась по национальному признаку.

Нишанов обращал внимание на решение сессии Рыбницкого городского и районного Советов народных депутатов, которая «просит Верховный Совет СССР приостановить действие законов «О статусе государственного языка Молдавской ССР» и «о функционировании языков на территории Молдавской ССР», а также «поручает административно-территориальной комиссии исполкомов городского и районного Советов народных депутатов подготовить предложение по приданию статуса автономной Советской Социалистической Республики региону Приднестровья в составе Молдавской ССР». 25 августа 1989 г. на сходе граждан Тараклийского района Молдавской ССР было принято решение просить «учредить комиссию Верховного Совета СССР для решения вопроса о создании автономного образования юга Молдавии и Левобережья Днепра»[83].

Председатель забастовочного комитета Комратского района Молдавской ССР С. М. Топал предлагал «образовать Гагаузскую автономную республику»[84]. Об этом же в июле 1989 г. в Совет Национальностей сообщил член исполкома движения Гагауз халкы (гагаузский народ) И. Г. Бургуджи: «руководство ЦК КП Молдавии и Президиума Верховного Совета республики отказывается от встречи и диалога о национально-государственном самоопределении с делегатами 200-тысячного гагаузского народа, «избранными на первом съезде народного движения Гагауз халкы»[85].

Активная реализация концепции «приоритета титульной нации» в Молдавии разделила республику на коренных и русскоязычных. Русские и русскоязычные характеризовали политику молдавских властей как «политику национальной дискриминации»[86] и предупреждали, что их терпению «может и, наверное, должен прийти конец»[87]. Конечно, основная реакция – выехать из республики, правда, «при условии, если она (республика. – *А. М.*) возьмет на себя все расходы, связанные с переездом и обеспечением жильем на новом месте»[88]. Активная форма борьбы – забастовки, митинги, организуемые прежде всего интердвижением «Единство» во главе с народным депутатом Верховного Совета Ю. В. Блохиным, В. Н. Яковлевым, В. А. Солонарем и другими, ставила одной из главных целей – «ревизовать законы о языке» (их оппоненты характеризовали эту цель как попытку «парализовать перестройку» и предлагали принять меры против «зачинщиков забастовок»)[89].

Законы о языке стали в Молдавии главным препятствием к национальному миру. «Знать язык народа, среди которого живешь, нужно, это показатель интернационализма

---

[82] ГАРФ, д. 110, л. 30.
[83] Там же, л. 31.
[84] Там же.
[85] Там же, д. 112, л. 15.
[86] Там же, д. 110, л. 32.
[87] Там же, д. 112, л. 3.
[88] Там же, л. 4.
[89] Там же, д. 110, л. 33.

на деле, «мудрость» русскими «не движет»[90], – таково мнение многих представителей титульной нации, возможно, искренне не понимающих, что признание преимущественных прав одного из языков – базовая идея концепции национального неравенства.

Просьбы из Ташкента «признать целесообразным придание статуса государственного двум языкам – узбекскому и русскому..., приостановить рассмотрение на XI съезде Верховного Совета Узбекской ССР проекта закона о государственном языке Узбекской ССР»[91], призыв «русских людей из Донбасса» о том, что «спасти Союз может только одно – срочное принятие статуса государственного языка на территории СССР – русского языка!»[92] и других мест и регионов страны спасти положение уже не могли.

Межнациональная напряженность вызвала еще одно явление, которое имело место и ранее, но массовые формы приняло в 1988–1989 гг. 29 сентября 1989 г. решением Правительства СССР была образована комиссия по беженцам во главе с заместителем председателя Госкомтруда СССР В. М. Буйковским. В ноябре 1989 г., когда в стране насчитывалось «около 500 тысяч граждан, покинувших места постоянного проживания», Совмин СССР по предложению комиссии поручил подготовить и обсудить в Верховном Совете «проект Закона о регулировании вопросов, связанных с вынужденной миграцией граждан СССР на территории Союза ССР, а также подготовить предложение о создании в стране миграционной службы»[93].

Еще в августе 1989 г. в Совете Национальностей активно обсуждали вопрос о разработке принципов компенсации из своего бюджета союзными и автономными республиками материального и морального ущерба, «наносимого их гражданам лицами других национальностей в результате проявлений экстремизма, шовинизма, национализма»[94]. Несмотря на мнение министра финансов В. С. Павлова и министра юстиции В. Ф. Яковлева, полагающих, что «данный вопрос следовало бы обсудить в ходе работы над проектом основ гражданского законодательства СССР и союзных республик»[95], Совет Национальностей настаивал на быстрейшей разработке порядка компенсаций ущерба в ходе проявления национального экстремизма.

На первый план в этот период выдвинулась проблема национально-государственного устройства СССР. Очевидно, нежелание руководства страны затрагивать вопросы переустройства Советской Федерации в условиях фактически изменившегося положения ряда национальных образований демонстрировало отсутствие какой-либо позитивной программы реформ в этой области.

В ноября 1989 г. народные депутаты из Абхазии, Кабардино-Балкарии, Бурятии, Северной Осетии, Коми АССР В. Г. Ардзинба, В. К. Тиостанов, С. Г. Шапхаев, О. В. Вострухов и другие обратились к Горбачеву с тезисом о том, что «дальнейшее политическое неравенство в виде существующей четырехступенчатой иерархии нашей федерации...

---

[90] ГАРФ, л. 33.
[91] Там же, д. 112, л. 64.
[92] Там же, л. 59.
[93] Там же, л. 108.
[94] Там же, д. 111, л. 17, 18.
[95] Там же, л. 24.

будет служить постоянным источником конфликтов на национальной почве»[96]. Наиболее спорным в платформе КПСС на сентябрьском пленуме ЦК КПСС, считали они, «представляется тезис о незыблемости существующей структуры национально-государственного устройства СССР, противоречащий провозглашенному в Платформе утверждению о равноправии народов СССР»[97]. Несмотря на настойчивые просьбы, отмечалось в обращении, на пленум не были допущены члены комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета СССР, хоть они и имели пакет предложений[98].

Именно на сентябрьском пленуме российские коммунисты заявили о неравноправном положении России среди союзных республик, а секретарь Смоленского обкома КПСС А. А. Власенко подчеркнул, что Россия «находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации»[99].

В Совет Национальностей в 1989 г. увеличился поток писем с предложениями реформирования федерации. К. Н. Гермкес из Одессы предлагал «обсудить вопрос о созыве съезда всех национальностей СССР и постановки на нем вопроса о целесообразности федерации союзных республик», а также «установить административное деление по областям аналогичным делению США на штаты». По его мнению, это вообще «снимет вопросы о малых и больших нациях»[100].

Академик АН Армении М. Х. Котанян предлагал «на территориях с компактным коренным населением... создать новые национально-территориальные образования..., и большие и малые национально-территориальные образования объединить все на равных правах в единую государственную систему». Невозможно согласиться, полагал академик, «с лозунгом о том, что перестройка – это не перекройка границ... а если они установлены произвольно?»[101]

Из Абхазии предлагали принять закон об «уравнении в юридических и фактических правах всех форм государственных образований с признанием их статуса союзных советских социалистических республик»[102].

Выступая на круглом столе на тему «Социально-политические проблемы межнациональных отношений в СССР: теория и практика» в ИМЛ при ЦК КПСС в июле 1989 г., Р. Н. Нишанов охарактеризовал среди прочих ряд предложений, поступающих в Совет Национальностей: «поднять государственно-правовой статус автономных образований, создать новые автономные округа, а также национальные районы и национальные сельские Советы»[103]. Однако тут же заявил, что «идти на ломку сложившегося государственно-

---

[96] ГАРФ, л. 38.
[97] Там же.
[98] Там же, л. 39.
[99] Материалы Пленума ЦК КПСС. 19–20 сент. 1989 г. М., 1989. С. 166.
[100] ГАРФ, д. 112, л. 19.
[101] Там же, л. 32.
[102] Там же, л. 39.
[103] Там же, д. 113, л. 12.

го устройства, скажем, превращать нашу федерацию в конфедерацию, как это предлагают некоторые товарищи, мы не можем»[104].

К примеру, в конце 1989 г. в Верховный Совет обратился представитель советских дунган И. Хохаза, который «от имени 80-тысячного дунганского населения, проживающего на территории Киргизской, Казахской, Узбекской ССР» поставил вопрос об образовании на территории Киргизской ССР Дунганского автономного округа с центром в г. Токмак, а также создании дунганских национальных сельсоветов в Киргизской ССР и Джамбульской области Казахской ССР[105]. Народный депутат Л. М. Вейсер, правда, полагал, что «нет необходимости в создании Дунганского автономного округа (района)» и «целесообразно» поднять вопрос о создании Комитета по делам дунган при ВС Киргизской или Казахской ССР и только в будущем «может быть, есть смысл вернуться к вопросу о создании автономного округа»[106].

Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Т. Ахметова также высказалась против образования дунганской автономии в Киргизской ССР, ссылаясь на «рассредоточенность проживания дунган в Киргизии», и высказала пожелание обратить особое внимание на проблемы языка и культуры дунган[107]. 1 декабря 1989 г. в Токмаке на сходе дунган киргизское руководство как раз и обсудило вопросы «по улучшению национальной культуры»[108]. Р. Н. Нишанов согласился с такой постановкой вопроса.

6.2. Совет Национальностей в условиях попыток обновления федерации и создания нового союзного договора в 1990 году

Постепенно политическое руководство страны, понимая, что катастрофически теряет инициативу в вопросах преобразования Союза, решает все-таки обратиться к так называемой концепции возобновления договорной основы Союза. Впервые тезис о необходимости развития «договорного принципа строения Союза» прозвучал в проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному демократическому социализму», одобренном февральским (1990) Пленумом ЦК КПСС[109]. Вступая на пост Президента СССР 15 марта 1990 г., М. С. Горбачев заявил о необходимости срочно разработать и опубликовать для всеобщего обсуждения проект нового Союзного договора, но при одном условии – если будет сохранена «идея федерации»[110].

12 июня 1990 г. Совет Федерации при Президенте СССР обсудил вопрос «О проблемах национально-государственного устройства СССР». Выступавшие руководители практически всех союзных республик, включая уже «отделившиеся» республики Прибалтики и Та-

[104] ГАРФ, л. 10.
[105] Там же, д. 126, л. 3.
[106] Там же, л. 2.
[107] Там же, л. 5.
[108] Там же.
[109] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февр. 1990 г. М., 1990. С. 370–371.
[110] Правда. 1990. 16 марта.

тарской АССР, представлявшей автономные республики, отметили необходимость разработки и заключения нового Союзного договора, который «гарантировал бы реальный экономический и политический суверенитет республик»[111]. Была создана рабочая группа в составе полномочных представителей всех республик для разработки нового Договора, которую возглавили Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанов и член Президентского Совета СССР Г. И. Ревенко, который курировал эту сферу в президентских структурах.

По времени это решение совпало с принятием I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР, оказавшей роковое политико-психологическое воздействие на дальнейшую судьбу Союза, поскольку наличием этого документа оправдывались все последующие разрушительные действия российского руководства.

Переориентация на подготовку нового Союзного договора потребовала существенного изменения планов законотворческой деятельности Верховного Совета СССР. К примеру, пришлось отказаться от принятия новой редакции раздела «Национально-государственное устройство СССР» Основного закона СССР, проект которого обсуждался еще в январе 1990 г. Подготовка к принятию в первом чтении закона «Об обновлении Союзного договора и разграничении полномочий между Союзом ССР и союзными республиками» также претерпела существенные изменения.

В конце концов 26 апреля 1990 г. Верховный Совет издал постановление «О введении в действие закона СССР «О разграничении полномочий между Союзом СССР и субъектами федерации»[112], который, как справедливо замечает З. А. Станкевич, был предназначен «не столько для непосредственного регулирования комплекса сложнейших взаимоотношений между Союзом и субъектами федерации, сколько для законодательного обозначения пределов будущего переговорного процесса по проблеме нового Союзного договора»[113].

После подведения первых итогов работы над новым Союзным договором, о котором на совместном заседании Совета Федерации и Президентского совета СССР доложил Р. Н. Нишанов[114], было принято решение о проведении в августе консультативных встреч с рабочими группами союзных республик. В этих целях Президиум Верховного Совета СССР своим постановлением от 24 июля 1990 г. образовал четыре рабочих группы по обеспечению подготовки проекта Союзного договора: группу Верховного Совета СССР (руководитель – председатель Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям Г. С. Таразевич), группу Совета Министров СССР (руководитель – заместитель председателя Совмина СССР В. Х. Догужиев), группу научного обеспечения (руководитель – народный депутат СССР, академик В. Н. Кудрявцев) и группу организационного обеспечения (руководитель – заведующий отделом по вопросам межнациональных отношений Секретариата Верховного Совета СССР Л. Д. Шишов).

---

[111] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. С. 675.
[112] *Станкевич З. А.* Указ. соч. С. 119.
[113] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 330.
[114] Там же. № 30. С. 792.

Проекты нового Союзного договора разрабатывались различными людьми. Уже в первой половине июня в отделе национальных отношений ЦК КПСС было подготовлено несколько рабочих вариантов проекта[115], один из проектов подготовил директор Института государственного права АН СССР Б. Н. Топорнин. Г. Х. Шахназаров вспоминал, что уже 30 марта 1990 г. им, А. Н. Яковлевым, А. Н. Гиренко, Г. И. Ревенко была направлена служебная записка М. С. Горбачеву с идеей о вступлении страны «в трехлетний переходный период преобразования нашего Союза на новых началах» и созыва в Москве «круглого стола с участием официальных делегаций всех союзных республик для обсуждения этого вопроса»[116].

Консультативные встречи между представителями союзных властей и 12 союзных республик состоялись с 3 по 28 августа 1990 г. в Кремле. К этому времени ситуация в стране изменилась кардинальным образом. Эти встречи проходили в условиях, когда Литва, Латвия и Эстония совместно подтвердили невозможность своего участия в разработке нового Союзного договора, и с ними велись отдельные переговоры по вопросам их взаимоотношений с СССР. Летом 1990 г. 8 союзных республик объявили о государственном суверенитете: 12 июня – РСФСР, 20 июня – Узбекистан, 23 июня – Молдова, 16 июля – Украина, 27 июля – Белоруссия, 22 августа – Туркмения, 23 августа – Армения, 24 августа – Таджикистан. К ним присоединились 5 автономных республик (Северная Осетия – 20 июля, Карелия – 3 августа, Абхазия – 25 августа, Коми – 29 августа, Татарстан – 30 августа). Поэтому многие делегации рассматривали работу над новым Союзным договором теперь уже сквозь призму принятых деклараций о государственном суверенитете.

Так, в апреле 1990 г. председатель Верховного Совета Татарской АССР М. Шаймиев татарскую автономную республику называл «советским социалистическим суверенным государством, непосредственно подписывающим на равных отношениях с нынешними союзными республиками новый союзный договор как субъект обновленной федерации» и обещал, что «при этом республика признает нерушимость сложившихся границ». Шаймиев также полагал целесообразным установить особые договорные отношения между Татарской республикой и Россией, «определив разграничение полномочий по ряду позиций, представляющих взаимный интерес»[117].

29 августа 1990 г. председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР В. Кобахия потребовал, чтобы при подготовке и заключении Союзного договора были учтены позиции Абхазии как субъекта федерации Союза ССР, поскольку принятые на августовской сессии Верховного Совета Абхазской АССР постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» и Декларация «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» – официальные документы для решения вопроса о восстановлении государственного статуса ССР Абхазии, провозглашенного еще 1 марта 1921 г.[118]

---

[115] *Станкевич З. А.* Указ. соч. С. 126.
[116] *Шахназаров Г. Х.* Цена свободы. С. 463-464.
[117] ГАРФ, д. 182, л. 43.
[118] Там же, л. 53.

20 сентября 1990 г. сессия областного Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области приняла декларацию «О суверенитете Юго-Осетии» и преобразовала область в Юго-Осетинскую Демократическую Республику. 21 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР аннулировал эти акты, однако облсовет автономной области создал исполком республики и назначил выборы «теперь уже в Верховный Совет Юго-Осетинской Советской Республики»[119].

Верховный Совет Грузии отменил и эти решения, однако выборы 9 декабря 1990 г. состоялись, и было избрано 64 депутата. 11 декабря Верховным Советом Грузии был принят закон «Об упразднении Юго-Осетинской автономной области» и З. Гамсахурдиа обратился к союзному руководству с предложением «внести соответствующее изменение в Конституцию СССР». На следующий день грузинским руководством было объявлено чрезвычайное положение на территории г. Цхинвали и Джавского района. В этот же день в центре Цхинвали из ручного пулемета были убиты три сотрудника милиции, а трое были тяжело ранены[120].

Еще один конфликт из-за статуса национальной автономии между «титульной нацией» и «национальным меньшинством» перешел в стадию вооруженного межэтнического противостояния, и на национальной карте Союза «загорелась» еще одна «горячая точка».

К этому времени продолжилось углубление экономического кризиса, все параметры хозяйственного развития приобрели устойчивую отрицательную динамику, быстрыми темпами росла инфляция, катастрофически начал снижаться жизненный уровень населения.

Передача властных функций от партийных структур советским, недостаточно к этому подготовленным, явочное фактическое перераспределение власти в пользу республик, идеологический и политический плюрализм привели к резкому снижению уровня управляемости социальными процессами, в том числе и в национальной сфере. Учреждение поста Президента СССР, как и одновременная с этим событием отмена 6 статьи Конституции, закреплявшей руководящую роль КПСС, на III Съезде народных депутатов в марте 1990 г. ситуацию не изменило, если не усугубило. Посты президентов сразу же стали учреждаться и в «суверенных» республиках.

Угрожающий характер приобрели конфликты на межнациональной почве. Если в 1989 г. в них погиб 221 человек, то за 6 месяцев 1990 г. – уже 632. К этому времени было совершено 4648 погромов, более 600 тысяч человек стали беженцами в стране.

Наиболее кровопролитными явились межнациональные столкновения в июле 1990 г. в городах Ош, затем Узгене и других киргизских городах и районах. Длительное время здесь нарастали социальные и национальные противоречия, были сильны антирусские настроения. Существовавшие «кадровые перекосы» имели характер глубокого этносоциального неравенства: в милиции и сфере руководства – киргизы, в торговле, общепите, бытовом обслуживании – одни узбеки[121]. Большую роль играли национал-экстремистские

[119] РГАНИ, ф. 89, пер. 11, д. 69, л. 1.
[120] Там же, л. 1, 2.
[121] ГАРФ, д. 220, л. 42.

организации Народный фронт Киргизии, «Адолат» (координировал свои действия с узбекской националистической организацией «Бирлик»), «Ош-аймагы» и другие[122].

Непосредственным поводом к возникновению кровопролитного конфликта послужило решение Ошского облисполкома, узаконившего «самочинный захват земель для строительства жилья лицами киргизской национальности на территории колхоза, где проживали преимущественно узбеки». По утверждению одного из членов делегации узгенских узбеков И. Раимжанова, побывавшего на приеме у заместителя председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. А. Мокану, выступление киргизского населения было хорошо организовано: «одновременно начали выступление со всех концов области около 4 тысяч киргизов» с требованиями «русские – в Россию», «узбеки – в Узбекистан»[123].

В период беспорядков к 20 июля, по информации руководителя группы Совета Национальностей народного депутата Г. К. Крючкова, выезжавшей в Ошскую область, было зарегистрировано 212 погибших, около 100 пропавших без вести, 549 поджогов и погромов. 557 автомобилей было повреждено и 222 – угнано[124].

Введение в области чрезвычайного положения, комендантского часа, ввод войск в регион напряженности не устранили. Было изъято 1682 единицы огнестрельного оружия, хотя всего в районе конфликта зарегистрировано было 5,2 тысячи стволов. По мнению Крючкова, сохранялась «возможность перерастания данного конфликта в столкновение двух народов союзных республик – Киргизии и Узбекистана прежде всего в Ферганской долине, где проживают примерно 8 млн человек»[125].

Узбеки потребовали «выделить г. Узген в Узбекистан», тем более что проживавшие в Узгене киргизы (15 %) «оттуда уехали». Русскоязычное население (в Узгене проживало 17 % русских) после этих событий также стало покидать республику[126].

26 сентября Совет Национальностей принял постановление «О событиях в Ошской области Киргизской ССР», однако ознакомление с ходом выполнения постановления выезжавшей в ноябре 1990 г. в Ошскую область группы под руководством народных депутатов В. Я. Азарова и Г. К. Крючкова показало, что «напряженность сохраняется». Несмотря на восстановительные работы и возвращение беженцев в места прежнего проживания, расследование уголовных дел (к ноябрю были выявлены убийцы 37 погибших, а всего трупов к тому времени было обнаружено – 292), продолжался отток русских из республики. Положение усугубилось в связи с землетрясением и разрушением большого количества жилых домов. Депутаты не исключили возможность «новых вспышек» межнациональных столкновений[127].

По предложению министра внутренних дел В. В. Бакатина, в связи с периодическим обострением обстановки из-за спорных вопросов землепользования в приграничных районах Киргизии и Таджикистана и невозможностью разрешить эти споры силами рес-

---

[122] ГАРФ, л. 42.
[123] Там же, л. 15.
[124] Там же, л. 40.
[125] Там же, л. 41, 46.
[126] Там же, л. 14.
[127] Там же, д. 176, л. 12, 13, 14, 15, 17.

публиканских властей в октябре 1990 г. комиссией по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей была образована комиссия во главе с народным депутатом Е. Н. Ауельбековым[128].

Продолжался армяно-азербайджанский конфликт, периодически обострявшийся вспышками жестокого насилия. В январе 1990 г. была устроена резня армянского населения Баку, продолжались столкновения в Нахичевани и Нагорном Карабахе.

После того как на территории Нахичеванской АССР в районе советско-иранской границы в июне 1990 г. прошли массовые беспорядки и волнения на межнациональной почве, проблема армяно-азербайджанского конфликта была обсуждена не только в Совете Национальностей, но и во время заседания Президентского Совета и Совета Федерации 20 июня 1990 г.[129]

Нахичеванская АССР к этому времени была преобразована в Нахичеванскую республику, армянское и русское население стало покидать республику. Армянские боевики в ответ организовали блокаду республики, блокировали автомобильные дороги. Члены Совета ветеранов войны и труда Нахичеванской АССР на приеме в Совете Национальностей СССР констатировали прекращение всякой хозяйственной деятельности в регионе и возникновение опасности «братоубийственной армяно-азербайджанской войны»[130].

Собственно война уже шла: армянские боевики захватили село Кярки, подвергали обстрелу села Садаран, Хавуш, Кермачатаг, Шада[131]. Нишанов и Шишов в июле 1990 г. в докладной записке Лукьянову отмечали факт обострения конфликта в районе Нахичевани, что, по их мнению, могло привести «к тяжелым непредсказуемым последствиям». Однако их предложение разоружить боевые группы, изъять оружие и распустить экстремистские группы[132] реализовать не удавалось.

Межнациональные отношения стали главным фактором развития страны, определявшим политические, экономические и все другие сферы деятельности общества. С середины 1990 г. процесс распада единого Союза принял необратимые формы. Прежде всего это связано с началом проведения Россией независимой политики. Уже один из первых новых законов России – «Закон о собственности на территории РСФСР» от 4 июля 1990 г. – неизбежно приводил к конфронтации с союзными властями, а закон от 24 октября 1990 г., дававший право российским органам власти приостанавливать действие союзных актов в том случае, если они нарушают суверенитет РСФСР, эту конфронтацию усиливал.

Россия активно начала создавать параллельные союзным государственные и другие структуры: Конституционный суд РСФСР[133], Министерство печати и информации, российское телевидение и российские газеты[134]. События в Прибалтике в январе 1991 г. были использованы как повод для постановки вопроса о необходимости собственной армии

[128] ГАРФ, д. 136, л. 41.
[129] Там же, д. 217, л. 6.
[130] Там же, л. 3.
[131] Там же, л. 10.
[132] Там же, л. 6.
[133] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 621; № 30. Ст. 1017.
[134] Там же, № 17. Ст. 180.

для России. Тогда же, в январе 1991 г., был создан Совет Федерации РСФСР[135], началась подготовка Федеративного договора для России[136]. В первой половине 1991 г. были приняты решения о создании Комитета по обороне и безопасности, собственного КГБ.

Центр и Россия открыто вступили в борьбу за российские автономии. Апрельский закон 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» рассматривал автономные республики в качестве субъектов федерации (СССР) и давал им право передавать полномочия Союзу ССР, минуя «свою» союзную республику, отношения с которой предполагалось строить на основе договоров и соглашений. Российское руководство в запале этой борьбы встало на путь обещаний широкой самостоятельности автономий («Будет конфедеративный договор внутри России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить»[137] – так формулировал российскую позицию Б. Н. Ельцин в Татарстане летом 1990 г.).

Местные национальные элиты не замедлили с реализацией этих обещаний, и до зимы 1990 г. 14 из 16 российских автономных республик провозгласили свой суверенитет, а две оставшиеся и некоторые из автономных областей приняли декларации, которыми повышали свой политический статус. Вскоре уже все автономные области провозгласили себя автономными республиками[138]. Желание победить в борьбе с Центром перевешивало в российском руководстве страх перед возможной угрозой собственного распада России.

Российская сторона не отказывалась от идеи нового Союзного договора, однако резко критиковала все исходившие от союзных структур проекты договора. В то же время в октябре 1990 г. Россия заключила прямые двусторонние договоры с Украиной и Казахстаном, в которых предполагалось строить отношения на основе признания взаимного суверенитета[139]. После январских событий в Литве в 1991 г. Россия демонстративно подписала «антисоюзные» договоры с Латвией, Литвой, Эстонией.

По всей видимости, единства по поводу проводимой Россией политики не было и у ее руководства. На организованной комиссией Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям 5–6 декабря 1990 г. встрече с председателями комиссий по национальным отношениям (присутствовали представители 9 союзных республик, 14 автономных республик, 4 автономных областей, 4 округов, 4 краев – всего более 40 человек) Председатель палаты Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Г. Абдулатипов однозначно высказался в пользу федеративного устройства Союза, необходимости сохранения и укрепления вертикальных связей, против попыток заменить экономическим соглашением политический союз республик[140]. Договоры, продолжал Абдулатипов, «при всей их привлекательности» по сути автоматически превращают миллионы русских, проживающих в этих республиках, в «иностранцев». Если «идти на

---

[135] Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 6. Ст. 97.

[136] Там же, № 8. Ст. 112; № 16. Ст. 501.

[137] *Митрохин С. С.* Российский федерализм: история болезни // НГ-регионы. 1998. № 16.

[138] *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 116.

[139] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 27. Ст. 353.

[140] ГАРФ, оп. 10, д. 109, л. 169.

развал нынешнего Союза, то мы делаем, – полагал он, – иностранцами около 30 миллионов русского населения»[141].

Представляется, что советское руководство не осознавало всей сложности и остроты проблемы положения русскоязычного населения в национальных республиках. В беседе народных депутатов СССР С. Г. Васильева и В. С. Туренко с секретарем ЦК КПСС по национальным вопросам А. Н. Гиренко, последний высказался в пользу того, что борьба с национализмом «может положительно решаться за счет сплочения русскоязычного населения» и «за счет усиления роли русскоязычного населения в местных Советах республик»[142].

Народные депутаты от Казахстана Васильев и Туренко полагали, что необходимо пересмотреть позицию партии в сторону «осознания особой опасности национализма в среднеазиатских республиках» и наступления ислама. Рассчитывать на отпор этому движению со стороны «демократизированных» Советов в Средней Азии, считали они, нереально. Если Гиренко не допускал возможности пересмотра границ при составлении нового Союзного договора, то Васильев и Туренко считали такой вариант «просто необходимым»[143].

В качестве примера роста национализма и антирусских настроений в национальных республиках депутаты привели факты, свидетельствующие о том, что националистическое движение в Казахстане «принимает угрожающие размеры»: в Совете Национальностей отсутствуют «представители русской нации» от Казахстана, в руководстве республики преобладают представители коренной нации, из 45 высших руководителей Совмина республики – более 2/3 казахов[144].

Руководство Совета Национальностей, к которому апеллировали Васильев и Туренко, озабоченности в связи с этим не выразило. В докладной записке Нишанова, Таразевича, Шишова отмечалось, что казахов среди народных депутатов СССР от Казахстана – 49 %, русских – 32 % (это «в основном соответствует национальному составу населения республики»). Факты говорили об обратном: из 14 членов Совета Союза русских – 6 человек, в Совете Национальностей русских от Казахстана не было; в Верховном Совете депутаты казахской национальности составляли 53,2 % при доле в национальной структуре республики – 39,7 %[145].

Абдулатипов подчеркнул пагубность политики противостояния Союза и России: «Народ начинает раскалываться на 2 части: сторонников Союза и сторонников России, причем такое противостояние уже ощущается не только на уровне правительства, министерств, но и на уровне трудовых коллективов»[146]. Он высказался за немедленное

---

[141] ГАРФ, л. 170.
[142] Там же, д. 111, л. 102.
[143] Там же, л. 102.
[144] Там же.
[145] Там же, л. 109.
[146] Там же, д. 109, л. 170.

подписание Союзного договора, поскольку «ненормальное положение может взорвать страну»[147].

На этой же встрече представитель Украины А. Н. Шульга поделил все республики на те, «которые на уровне своих Верховных Советов определили свою политику на выход из Союза», и те, в которых «на уровне законодательных органов идет острое противоборство по этому вопросу». Ко второй категории он отнес и Украину, указав, что в республике проходят демонстрации и шествия, в которых звучат лозунги против подписания Союзного договора[148].

Попытки решить многие проблемы в национальной области уже в 1990 г. оказались неудачными. Прежде всего это касалось проблемы реабилитации народов. Власть и лидеры национальных движений упорно не хотели признавать возможность поиска позитивных решений в деле восстановления «исторической справедливости» вне сферы национально-государственного устройства Советского Союза. Иные альтернативные варианты решения «немецкого», «крымско-татарского» вопросов руководством страны и национальных движений во внимание не принимались.

16–18 января 1990 г. в Москве состоялась вторая конференция «Возрождения», на которой была дана положительная оценка ноябрьским решениям Верховного Совета и выводам комиссии Совета Национальностей по проблемам советских немцев, однако выражена неудовлетворенность ходом реализации этих решений. Из 182 делегатов конференции в ответ на просьбу одного из ораторов поднять руки тем, кто верит в восстановление автономии, отреагировали 20 человек. Несмотря на то, что ряд делегатов не исключали возможности образования автономии, к примеру, в Калининградской области, большинство высказались за немедленное принятие законодательного акта о восстановлении Немецкой АССР на Волге. Предполагалось, что уже в 1990–1993 гг. в район восстановления можно переселить 300 тысяч немцев, а к 1995 г. завершить процесс воссоздания автономии[149].

Указывая на продолжающийся рост эмиграции немецкого населения из СССР[150], ряд делегатов выдвигали и ультимативные требования: обратиться в Международный суд в Гааге, организовать массовый выезд немцев в ФРГ и ГДР. Встречей с заместителем председателя Совмина РСФСР В. Г. Захаровым немецкая делегация не была удовлетворена. На просьбу А. И. Лукьянова встретиться с делегацией «Возрождения» Нишанов ответил, что такая встреча была бы полезна после поездки Г. С. Таразевича в Саратовскую область[151].

Однако побывавший 27 января 1990 г. на митинге в саратовском районном центре поселке Степное член комиссии по национальной политике и межнациональным отно-

[147] ГАРФ, л. 170.
[148] Там же.
[149] Там же, оп. 6, д. 205, л. 16, 17.
[150] По данным «Возрождения», более 100 тысяч немцев покинуло СССР в 1989 г., а в 1990 г. было подано около 350 тысяч заявлений на выезд (ГАРФ, оп. 10, д. 111, л. 113).
[151] Там же, оп. 6, д. 205, л. 19, 15, 14.

шениям Совета Национальностей Е. Д. Айпин заявил, что в сложившихся условиях решать вопрос об автономии без учета мнения местного населения нельзя[152].

В марте 1990 г. Нишанов, Таразевич и Шишов констатировали дальнейшее обострение ситуации в вопросе восстановления немецкой автономии: немецкое население недовольно темпами решения вопроса, в Саратовской и Волгоградской областях возросло противодействие самой идее немецкой автономии, а деятельность комитетов против автономии «Россия» «приобретает все более организованный и воинствующий характер»[153]. Поэтому руководство Совета Национальностей предполагало продолжить поиски взаимоприемлемого решения силами комиссий Таразевича и Кисилева.

Немецкий вопрос был актуален для многих территорий, где проживали представители этого народа. В Оренбургской области с лета 1989 г. немецкой общественностью была поставлена проблема образования немецкого национального района. Созданная для решения этого вопроса областная комиссия под руководством секретаря обкома партии В. Голубничего в начале 1990 г. пришла к выводу о том, что создание района «имеет смысл лишь в том случае, если будет решен вопрос в целом о государственности советских немцев и определен статус таких образований, как «национальный район» или «национальный сельский совет»[154].

Требование Оренбургского обкома партии к Верховному Совету об ускорении решения вопроса «государственности советских немцев» разделял Алтайский краевой Совет народных депутатов. Из Алтайского края, где проживало 128 тысяч немцев, в 1989 г. выехало более 2 тысяч немцев, в 1990 г. резко возросло количество заявлений на выезд[155].

В то же время в соответствии с ноябрьским 1989 г. решением Верховного Совета для практической реализации вопросов восстановления немецкой автономии на Волге 29 января 1990 г. Совмин СССР образовал Государственную комиссию по проблемам советских немцев. Ее возглавил бывший первый секретарь Саратовского обкома партии, заместитель председателя Совмина СССР В. К. Гусев. В состав комиссии были включены заместитель председателя Совмина РСФСР В. Г. Захаров, министр юстиции РСФСР В. А. Аболенцев, председатели Волгоградского и Саратовского облисполкомов А. И. Орлов и Н. П. Гришин, лидеры «Возрождения» Г. Г. Вормсбехер, Ю. А. Гаар, Б. В. Раушенбах и другие (всего 28 человек)[156].

В апреле 1990 г. от имени «Возрождения» в Верховный Совет обратился Г. Г. Вормсбехер с предложениями конкретизировать ноябрьское постановление «принятием решения о принципиальной необходимости и о гарантиях восстановления государственности советских немцев», провести Всесоюзный съезд представителей советских немцев и образовать Центральный совет «с представительными и координирующими функциями». Нишанов и Шишов, согласившись в целом с предложениями Вормсбехера,

---

[152] ГАРФ, оп. 6, д. 205, л. 23.
[153] Там же, л. 30.
[154] Там же, оп. 10, д. 112, л. 98.
[155] Там же, л. 115, 116.
[156] Там же, оп. 6, д. 205, л. 5, 6.

отметили, что главная трудность заключается в практическом решении задачи воссоздания государственности, поскольку существует активное противодействие[157].

Обострило проблему открытое письмо[158] сотрудника управления КГБ СССР А. Н. Кичихина советскому руководству и руководству Совета Национальностей с обвинениями в коррупции и возбуждении национальной розни в адрес саратовского руководства (назывались имена секретарей райкомов В. Л. Зюзина и В. В. Рогалева, председателя облисполкома Н. С. Александрова, секретаря обкома Ю. Д. Баранова, члена бюро обкома И. П. Кузнецова). Комиссии Кисилева и Гусева, по мнению автора, бездействовали[159].

Обвинения в шовинизме и коррупции саратовские руководители отвергли, обратившись к руководству КГБ с просьбой провести служебное расследование по поводу «искажения фактов» Кичихиным. «Учитывая массовый характер протестов в связи со статьей «Анатомия шовинизма», руководство Совета Национальностей «дало поручение» Прокуратуре СССР и КГБ СССР рассмотреть «претензии» к ее автору[160].

Однако на третьей конференции «Возрождения» А. Н. Кичихин и заместитель заведующего отделом национальных отношений ЦК КПСС А. Цветков подтвердили негативную оценку деятельности комиссий Кисилева и Гусева. В записке отдела национальных отношений ЦК КПСС «О ситуации вокруг проблемы советских немцев» от 24 сентября 1990 г. в числе причин, не позволяющих решить «немецкую проблему», называлась и «недостаточная настойчивость» комиссий[161].

В ответ на критику В. К. Гусев в докладной записке в ЦК КПСС от 3 октября 1990 г. откровенно заявил, что дело не в медлительности или нерешительности комиссий, а в том, что в настоящее время отсутствуют условия для восстановления автономии. Это вынужденное решение, подчеркивал Гусев, вызвано «опасностью образования» в Поволжье «еще одного очага национальных конфликтов»[162].

Заведующий отделом национальных отношений ЦК КПСС В. А. Михайлов соглашался с мнением Гусева о «поспешности» вывода комиссии Кисилева о возможности восстановления немецкой автономии уже в 1990 г. Однако позицию бывшего секретаря Саратовского обкома о необходимости всю разъяснительную работу среди местного населения проводить усилиями партийных органов Михайлов не разделял и справедливо полагал, что без участия советских органов «эта работа в настоящее время малоэффективна»[163].

7 июля 1990 г. на состоявшемся в комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей совещании был обсужден вопрос о проведении съезда немцев и образовании внетерриториальной ассоциации, «которая бы взяла на себя заботу о представительстве и защите интересов населения этой национальности в настоящее время»[164]. 16 июля комиссия Совета Национальностей совме-

---

[157] ГАРФ, л. 44, 45.
[158] Нойес Лебен. 1990. 6 июня.
[159] ГАРФ, оп. 6, д. 205, л. 47, 49, 71.
[160] Там же, л. 84, 87.
[161] РГАНИ, ф. 89, пер. 8, д. 60, л. 3, 9.
[162] Там же, л. 4.
[163] Там же, л. 11.
[164] ГАРФ, оп. 10, д. 112, л. 117.

стно с комиссией Совмина СССР под руководством В. К. Гусева приняли решение о проведении съезда советских немцев в декабре 1990 г.[165]

После проведения осенью 1990 г. третьей конференции «Возрождения» и последовавшей вслед за этим волны протестов против автономии в Саратовской области[166] 19 декабря 1990 г. на заседании госкомиссии по проблемам советских немцев был обсужден проект постановления Верховного Совета СССР «О государственных гарантиях национального возрождения советских немцев». Данный законопроект предусматривал создание Национального Совета немцев СССР и наделения его полномочиями органа самоуправления и выразителя национального суверенитета немцев СССР. Вплоть до восстановления национально-территориальной государственности немцев СССР этот орган предполагалось наделить правом «избрания своих представителей в Совет Национальностей» в количестве 4 депутатов и правом законодательной инициативы[167].

Проект содержал рекомендации высшим органам государственной власти РСФСР, Казахстана, Киргизии и других республик «принять решения о государственных гарантиях национального возрождения немцев», а Совмину СССР – разработать и внести на утверждение Верховного Совета «программу мер по восстановлению национальной государственности немцев СССР»[168].

Протесты со стороны народных депутатов встревожили руководство Верховного Совета. 25 декабря 1990 г. А. И. Лукьянов рекомендовал Нишанову, Таразевичу и Шишову «тщательно разобраться в этом вопросе», поскольку «проект взбудоражил всех депутатов» и «без проработки с людьми такие решения принимать нельзя»[169].

Власть в то же время не обращала серьезного внимания на предлагавшиеся альтернативные варианты решения немецкой проблемы. Например, председатель Ленинградского немецкого общества Р. Шейде предлагал план по созданию компактных немецких поселений и на основе их образования агропромышленных комплексов. Шейде в личном разговоре с Р. Н. Нишановым в сентябре 1990 г. встретил понимание своих мыслей, однако эта интересная идея в дальнейшем даже не обсуждалась. Руководитель Ленинградского немецкого общества также считал, что «Возрождение» «слишком большое значение придает восстановлению автономии на Волге», не признает альтернативных вариантов, хотя «сейчас не тот исторический момент»[170].

Совет Национальностей не оставлял без внимания и крымско-татарскую проблему. Несмотря на то, что 11 июля 1990 г. Совмин СССР принял постановление «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область», а также передал Украинской ССР для финансирования этих мер 200 млн рублей, несмотря на то, что были уже заключены договоры на строительство домов для крымских

[165] РГАНИ, л. 5.
[166] ГАРФ, оп. 6, д. 205, л. 114, 115.
[167] Там же, л. 116, 117.
[168] Там же, л. 117, 118.
[169] Там же, л. 113.
[170] Там же, л. 108, 109.

татар[171], ситуация оставалась сложной. Прежде всего это было связано не с «наметившимся отставанием по срокам» по ряду заданий, а с резкой активизацией крымско-татарского движения, перемещающегося в Крым, и усилением требований восстановления крымско-татарской автономии.

В сентябре 1990 г. Шишов сообщал Нишанову, что Комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей и Отдел по вопросам межнациональных отношений Верховного Совета изучают вопрос о государственно-правовом статусе Крыма (в соответствии с поручением Президента СССР в связи с обращением народного депутата СССР Э. О. Тихоненкова). К обсуждению вопроса были привлечены руководство Крымского облисполкома, депутаты Верховного Совета Украинской ССР. С этой целью в августе 1990 г. в Крым выезжал старший консультант отдела Н. В. Полук[172].

В июне 1990 г. сессия Крымского облисполкома образовала оргкомитет во главе с Н. В. Багровым по выработке предложений о государственно-правовом статусе Крыма[173]. 12 ноября 1990 г. внеочередная сессия Крымского областного совета народных депутатов с участием председателя Верховного Совета Украинской ССР Л. М. Кравчука, членов оргкомитетов по выработке предложений о статусе Крыма, председателей национальных культурных обществ, представителей крымско-татарского народа приняла Декларацию о государственном и правовом статусе Крыма, в которой провозглашалось право народов Крыма на воссоздание государственности в форме Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Реализацию этого права предполагалось осуществить на основе народного референдума, намеченного на 20 января 1991 года[174].

Нишанов в докладной записке М. С. Горбачеву, правда, отмечал, что 11 ноября 1990 г. этот вопрос рассматривал Президиум Верховного Совета Украинской ССР, который решил, что «Крым имеет право на автономию или особый статус в составе УССР»[175].

К этому времени Крымский облсовет принял «Основные принципы расселения крымских татар на территории области», в основу которых были положены принципы расселения в местах прежнего проживания при предъявлении доказательств. «Исключение может быть для Южного берега Крыма (Алушта, Ялта, Судакский район), Севастополя, Бахчисарайского и Симферопольского районов, где сложилась такая плотность населения, социальная инфраструктура, экологическая ситуация, которые не позволяют принять большое количество населения»[176].

Для решения практических вопросов, связанных с возвращением крымских татар и других депортированных народов 11 сентября 1990 г. был создан Комитет по делам депортируемых народов во главе с Ю. Б. Асмановым (с 1 октября 1990 г.)[177].

---

[171] ГАРФ, д. 136, л. 31.
[172] Там же, д. 320, л. 4.
[173] Там же, л. 5.
[174] Там же.
[175] Там же.
[176] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 199–200.
[177] Там же. С. 201–205.

В порядке контроля Совет Национальностей 1 ноября 1990 г. рассмотрел вопрос «О ходе осуществления первоочередных мер, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область». Госкомиссии по проблемам крымско-татарского народа и Советам Министров Украины, РСФСР, Узбекистана, Таджикистана, Крымскому облисполкому было настоятельно рекомендовано завершить подготовку союзно-республиканской Государственной программы возвращения крымских татар в Крымскую область и осуществить «действенные меры по ее реализации»[178].

В декабре 1990 г. Крымский облсовет одобрил примерную схему расселения крымских татар до 1996 г. по городам и районам области[179]. Уже в 1991 г. планировалось расселить в Крыму 4950 семей крымских татар[180].

В апреле 1990 г. Комиссия Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям рекомендовала Верховному Совету и правительству Грузии рассмотреть вопрос о поэтапном возвращении в места прежнего проживания депортированных турок, учитывая при этом интересы проживающего там населения. Неоднократно с этим же обращалась к грузинскому руководству комиссия Совета Национальностей по проблемам турко-месхетинского населения, отдельные народные депутаты СССР. Все эти рекомендации были оставлены без внимания грузинскими властями[181].

В 1990 г. вновь активизировалось курдское национальное движение. В июле 1990 г. председатель Всекурдского комитета «Якбун» по восстановлению автономии М. С. Бабаев в обращении в Верховный Совет отмечал, что «после того, как 9 тысяч курдов в 1988–1989 гг. убежали к старшему брату в Краснодар», сложилась трагическая ситуация в положении курдов. Бабаев от имени комитета заявлял, что они приняли решение 23 июля провести в Москве новый митинг с участием 2 тысяч курдов, организовать 10 октября поход 300 курдов в столицы европейских и 300 человек – в столицы азиатских государств, постоянно организовывать на Красной площади 10-дневные голодовки с привлечением передовой курдской интеллигенции[182]. Целью всех этих акций было желание заставить власть обратить внимание на курдскую проблему.

М. С. Горбачеву неоднократно предлагали встретиться с представителями движения курдов. Б. И. Олейник, выступая с такой просьбой, полагал, что «в идеале решение вопроса» он видит в восстановлении автономии на «стыке Армении и Азербайджана». Даже «толерантно настроенные к курдам представители местных властей», отмечал он, рекомендуют им покинуть пределы г. Ош, возможны враждебные выпады по отношению к курдам в Казахстане. В целом, заключал Олейник, началась «цепная реакция выживания курдов»[183].

---

[178] ГАРФ, д. 136, л. 31.
[179] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 205–208.
[180] Там же. С. 207.
[181] ГАРФ, д. 322, л. 25.
[182] Там же, д. 203, л. 5, 6.
[183] Там же, л. 7, 8.

Проблема советских курдов имела и международные аспекты. На это обращал внимание советник президента СССР В. Загладин, в беседе с которым директор Курдского института в Париже К. Незан подчеркнул, что курдский вопрос «мог бы быть использован советской политикой» и это «дало бы как дополнительный рычаг воздействия» на азиатский регион, так и «подняло бы авторитет СССР»[184].

В октябре после встреч представителей курдского движения с Б. И. Олейником, А. Н. Яковлевым, Г. И. Ревенко руководство Совета Национальностей предложило создать комиссию для рассмотрения проблем курдов в СССР. Такая комиссия была образована 23 октября 1990 г. Ее возглавил заместитель председателя Госкомитета РСФСР по национальным вопросам В. П. Соболев, в комиссию вошли представители различных комитетов Совета Национальностей Э. Абакиров, О. В. Вострухов, В. В. Иванов, Г. С. Лисичкин, В. Г. Мамедов и другие. Очередная комиссия Совета Национальностей, образованная в связи с очередным национальным «взрывом», начала свою работу в конце 1990 г.[185]

Тогда же, 22 октября 1990 г., постановлением Президиума Верховного Совета СССР по предложению руководства Совета Национальностей была образована комиссия по проблемам советских греков во главе с членом Верховного Совета Т. Н. Ментешашвили, в которую вошли гендиректор «Азовмаша» А. Е. Антифеев, почетный председатель общества советских греков Ю. П. Платонов, председатель Московского горсовета Г. Х. Попов, народные депутаты А. И. Голяков, А. Я. Канглиев, А. Ф. Касьянов, Б. Д. Махарашвили, Т. М. Шамба и другие[186].

Еще в июне 1990 г. греки из различных регионов страны провели в Москве Всесоюзную конференцию «Греки в СССР: история и современность», на которой были сформулированы требования греческого национального движения. Главным стало требование восстановления «всех форм национально-территориальной автономии, начиная от национальных районов до автономного округа или области в местах компактного проживания греков (Крым, Донецкая область, Краснодарский, Ставропольский края, Одесса, Молдавия)»[187].

Среди предполагаемых мероприятий национально-культурного характера (восстановление греческих школ, техникумов, пединститута, преподавание греческого языка в школах, открытие «во всех вузах страны» внеконкурсного приема греков, содействие восстановлению греческой церкви) обращали на себя внимание требования включения во все органы власти «представителей греческих обществ, зарегистрированных в том или ином регионе», выдачи Обществу советских греков лицензии на вывоз отдельных товаров за рубеж[188]. Идее возрождения этноса не был чужд и коммерческий интерес.

Активизации национальных движений репрессированных в 1940-е гг. народов способствовал указ Президента СССР 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», который в числе прочих признавал «незаконны-

[184] ГАРФ, л. 23.
[185] Там же, л. 16, 17.
[186] Там же, д. 219, л. 17, 18.
[187] Там же, л. 8.
[188] Там же, л. 9, 11.

ми, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека» репрессии по национальным мотивам[189].

Прошедший 23–24 ноября 1990 г. в Москве учредительный съезд репрессированных народов, организованный карачаевским обществом «Джамагат», балкарским обществом «Тере», обществом советских немцев «Возрождение», демократической партией Ингушетии «Нийсхо» и Народным фронтом Калмыкии, обвинил центральные и российские власти в том, что они «ничего не делают» по реабилитации народов, а «партийные «бюрократии» Осетии, Саратова, Грузии осваивают в это время заброшенные исконные земли репрессированных народов с тем, чтобы заявить, что «свободных мест нет, а по живому резать нельзя»[190].

Съезд кроме организаторов собрал и делегации крымских татар, турок-месхетинцев, греков, представителей других репрессированных народов. На съезде присутствовали 10 народных депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР, в том числе Р. Г. Абдулатипов, О. Сулейменов, М. Дарсигов. Вину за репрессии против народов делегаты съезда возложили на КПСС, были выдвинуты предложения организовать суд над КПСС, а чеченец Магомедов «предложил провести второй съезд в Кремле и добиться извинений Горбачева за беды, причиненные КПСС»[191].

Чтобы заставить власть решительнее действовать в «направлении полной реабилитации народов», выдвигались «целые программы»: оказание давления на депутатов, обращения к мировой общественности, объявление суверенитета упраздненных автономий, создание «правительств в изгнании», организация международных комиссий по определению ущерба депортированным народам. На съезде доминировали представители карачаевцев: они больше всех выступали, председательствовал карачаевец Урусов, президентом Конфедерации репрессированных народов был избран карачаевец Алиев. Съезд прошел под знаком ислама: память о погибших от репрессий делегаты почтили молитвой из Корана[192].

Интересно, что именно тогда ЦК КПСС снял с контроля вопросы борьбы с исламской идеологией. В июле 1990 г. ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Р. Яновский обратился в высший партийный орган с критикой постановления ЦК «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Реализация постановления, отмечал он, «велась некорректно, под видом искоренения «реакционных исламских традиций», проводилась борьба с народными, национальными праздниками и обрядами». В настоящий период, рассуждал ректор, большинство мусульманского духовенства выступило не только в поддержку перестройки, но и против национальной розни. Все это, полагал он, требует по-новому взглянуть на проблему отношения к исламу. Заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто с этим мнением согласился[193].

---

[189] ГАРФ, д. 333, л. 2.
[190] Там же, л. 7.
[191] Там же.
[192] Там же, л. 8.
[193] РГАНИ, пер. 11, д. 5, л. 2, 4, 5.

Делегаты съезда репрессированных народов постановили, что «они будут совместными усилиями бороться» за восстановление государственности советских немцев, возвращение на историческую родину крымских татар, турок-месхетинцев, а также за «полный суверенитет государственных образований чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов в границах до репрессивных актов»[194].

12 мая 1990 г. завершила свою работу в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономиях комиссия Совета Национальностей по обращениям ингушского населения под председательством А. М. Белякова[195]. В ноябре комиссия подготовила заключение и внесла предложения рассмотреть в Верховном Совете РСФСР вопрос об автономии ингушского народа, а также о возвращении Пригородного района ингушам. Споры вызвал пятый пункт заключения, в котором было отображено мнение комиссии о невозможности реализации предложения об установлении столицы ингушской автономии в правобережной части Владикавказа. Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР Д. Г. Завгаев этот пункт предложил исключить, а народный депутат М. Ю. Дарсигов настаивал на следующей редакции пятого пункта: «Ингушский народ имеет право на установление столицы ингушской автономии в правобережной части г. Владикавказ»[196].

Это заключение не ослабило напряжение в ингушско-осетинских отношениях. Председатель координационного совета Народного фронта Северной Осетии В. Баскаев считал, что заключение не учитывает «реалии прошлого и настоящего» и не отражает «существа сложившихся в нашем регионе межнациональных отношений». Баскаев указывал на то, что комиссия проигнорировала обращения Владикавказского малого казачьего круга с требованием вернуть казакам принадлежавший им до 1920 г. Пригородный район, поскольку «лишь после геноцида против казаков в 1913 и 1920 гг. казачьи станицы и земли нынешнего Пригородного района стали местом жительства ингушей»[197].

27 ноября 1990 г. на внеочередной сессии Верховного совета Чечено-Ингушской Республики было заявлено, что союзный договор будет подписан республикой только «после решения вопроса возврата отторгнутых территорий Ингушетии». Народные депутаты СССР и РСФСР от Северной Осетии Х. Х. Галазов, С. В. Хетагуров, Л. С. Абаев и другие политики сразу же ответили письмом в Верховный Совет СССР с требованиями «пресечь территориальные притязания» и остановить «грубое вмешательство в дела суверенного государства Северная Осетия»[198]. Начался новый виток противостояния между ингушами и осетинами за «земли предков».

Проблема национально-государственного устройства СССР в целом стала одной из наиболее актуальных и дискуссионных в период работы над новым союзным договором. В большинстве своем, правда, проекты преобразования Союза касались вопросов изменения национально-государственного статуса отдельных этносов.

---

[194] ГАРФ, д. 333, л. 8.
[195] Там же, оп. 10, д. 111, л. 176.
[196] Там же, оп. 6, д. 211, л. 57, 59
[197] Там же, л. 74, 75.
[198] Там же, л. 89, 91.

В обращении представителей национальных общественно-культурных организаций Москвы к Верховному Совету СССР и ЦК КПСС предлагалось «всем народам, не имеющим своих национально-территориальных образований», гарантировать право на их создание «в местах исторического расселения», а также создать «республику русского народа». Выдвигалось предложение «народу каждого автономно-территориального образования» гарантировать право «на самоопределение, вплоть до создания союзной республики», а все ликвидированные прежде национально-территориальные образования репрессированных народов «полностью восстановить»[199]. По всей видимости, авторы проекта с трудом представляли себе степень единства предлагаемого ими государства из «национально-территориальных образований» всех советских этносов, а также сущность понятия «место исторического расселения».

Еще большим утопизмом отличались предложения об образовании «в границах СССР 26 Советских Федеративных Социалистических республик с населением не менее 5–10 млн человек и территорией свыше 100 000 кв. км.», для чего предлагалось «РСФСР, Украинскую и Казахскую ССР расчленить, а мелкие ССР объединить, укрупнив до нормы» и образовать Енисейскую, Байкальскую, Северо-Восточную и Дальневосточную СФСР[200]. По-прежнему решение национального вопроса ограничивалось рамками перекройки границ и статуса между существующими национально-территориальными образованиями и создания новых автономий.

Академик Д. С. Лихачев, к примеру, в письме в Совет Национальностей признавал, «как тяжело решаются территориальные проблемы», и несмотря на понимание того, что в трудном положении находятся все «малочисленные народы», все же полагал, что для сохранения вепсского народа необходимо образование национального Вепского района[201].

Следует отметить, что в своей законодательной деятельности Совет Национальностей эти обстоятельства учитывал. Совету Национальностей принадлежит заслуга принятия Закона о свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований или не имеющих их на территории СССР, Закона об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории СССР[202].

Бурная законодательная деятельность Совета Национальностей и его комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям в сфере межнациональных отношений (были подготовлены и приняты Закон об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик, Закон о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации, Закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, Закон о языках народов СССР) на практике была малозаметна. В июле 1990 г. Г. С. Таразевич признавал, что законодательные акты, «связанные с наполнением советской федерации новым содержанием, фактически еще не начали работать», в ряде республик «складывается законотворческая практика, противоре-

[199] ГАРФ, оп. 10, д. 111, л. 144.
[200] Там же, л. 154.
[201] Там же, л. 123.
[202] Там же, оп. 6, д. 197, л. 194, 196.

чащая Конституции СССР», а в республиках Прибалтики «в одностороннем порядке прекращено действие Конституции СССР»[203].

Мнение Таразевича легко подтверждалось складывающимся положением в Прибалтике, на Украине и в других регионах страны. Еще в феврале 1990 г. пропагандистская группа ЦК КПСС отмечала, что в Литве «преследуется цель еще до выработки механизма выхода из состава СССР создать свою правовую базу независимости, поставить таким образом центр как бы перед свершившимся фактом»[204]. В августе 1990 г. член политбюро ЦК КПСС О. Шенин после пребывания в Литовской ССР высказал озабоченность «по поводу затягивания начала переговоров между Литвой и СССР и в то же время форсированного и скрытого от населения проведения их между Литвой и РСФСР»[205].

В целом подобную политику проводило и украинское руководство. Решение Верховного Совета Украины, начиная с осеннего призыва 1990 г. обеспечить направление призывников для прохождения срочной воинской службы в воинские части, расположенные на территории республики, напрямую затрагивало проблему единства Советской Армии. В октябре 1990 г. Верховный Совет УССР сформировал делегацию для ведения переговоров с союзными органами по этим вопросам[206].

Положение в западных областях Украины свидетельствовало о том, что националистические силы, пришедшие к власти на выборах в Советах всех уровней, взяли курс на выход из состава СССР. Секретарь Львовского обкома КП Украины В. Секретарюк сообщал, что господствующей идеологией органов власти стала «идеология украинского национализма: произошла реабилитация «бандеровщины»; официально зарегистрированы партии, программными целями которых провозглашалась борьба за полный выход Украины из состава СССР; приняты решения райсоветов против КПСС и КПУ; Львовский совет принял решение о демонтаже памятников В. И. Ленину, об отмене советских праздников[207].

6.3. Деятельность Совета Национальностей в период распада многонационального Советского Союза в 1991 году

Подготовка нового Союзного договора на некоторое время отодвинула на второй план проблему обострения межнациональных отношений в стране. Процесс работы над союзным договором все больше координировался президентскими структурами, в конце концов превратившись в закрытые встречи Горбачева с лидерами республик. В итоге, политическая инициатива уже в конце 1990 г. целиком перешла к республиканским элитам, влияние же союзных властей все больше сокращалось, тем более что Президент СССР все больше игнорировал позицию высших органов власти СССР, ослабляя и без того небольшое влияние их на положение в стране.

---

[203] ГАРФ, л. 199.
[204] РГАНИ, пер. 8, д. 54, л. 6.
[205] Там же, пер. 5, д. 2, л. 2.
[206] ГАРФ, д. 218, л. 9, 11, 12.
[207] Там же, л. 21–30.

Попытка в условиях фактически нарастающего процесса распада страны апеллировать напрямую к народам СССР привела к решению о проведении в СССР референдума по вопросу сохранения союзного государства. Однако подготовка к референдуму и его проведение показали, насколько сильны в стране дезинтеграционные процессы. Собственно единого по форме и сути опроса населения не получилось.

На всенародное голосование вопрос с формулировкой, принятой Верховным Советом СССР, был вынесен в РСФСР и входящих в ее состав республиках, Белорусской, Таджикской, Киргизской и Туркменской ССР. Верховный Совет РСФСР принял решение о проведении одновременно с референдумом СССР республиканского референдума с вопросом: «Считаете ли Вы необходимым введение поста президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?»[208]

В Украинской ССР решено было совместить референдум СССР с проведением республиканского опроса с формулировкой, практически подменяющей союзную формулировку: «Согласны Вы с тем, что Украина должна быть в составе союза суверенных государств на принципах Декларации о государственном суверенитете Украины?» В Узбекской ССР также был утвержден дополнительный бюллетень: «Согласны ли Вы, чтобы Узбекистан остался в составе обновленного Союза (федерации) в качестве суверенной, равноправной республики?»[209]

В Казахской ССР вместо союзной была включена иная формулировка: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?» В Грузии было принято решение провести 31 марта республиканский референдум по вопросу о государственной независимости республики. В то же время Верховный Совет Абхазской АССР согласился с проведением общесоюзного референдума. Власти Армении, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии отказались от проведения референдума СССР[210].

В этих условиях Совет Национальностей Верховного Совета был вынужден решать большинство проблем, возникающих в отношениях между этносами, оказавшись практически «главным пожарным» в сфере межнациональных отношений. В условиях фактически начавшегося распада страны делать это было крайне трудно.

Несмотря на многочисленные усилия, так и не удалось разрешить вопросы с полной реабилитацией крымских татар, немцев Поволжья, турок-месхетинцев, курдов, греков и других депортированных народов.

Верховный Совет СССР принял 7 марта 1991 г. постановление «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР», а 6 июля 1991 г. – постановление «Об отмене постановлений бывшего Комитета Обороны СССР и решений правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению».

В 1991 г. инициативу в вопросе о реабилитации народов постепенно перехватывают российские законодатели. 11 декабря 1990 года II Съезд народных депутатов РСФСР при-

[208] ГАРФ, оп. 7, д. 1125, л. 15.
[209] Там же, л. 15.
[210] Там же, л. 16.

нял постановление «О жертвах политических репрессий в РСФСР», в котором осуждалась практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление. 16 апреля 1991 г. в РСФСР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов».

Этот Закон дал определение «репрессированным» народам, согласно которому – это народы (нации, народности и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика преследования, в результате которой насильственно переселялись, упразднялись национально-государственные образования, перекраивались национально-территориальные границы, устанавливался строгий режим на новых местах поселения (спецпоселениях)[211].

Правда, в законе не перечислены все народы, подвергшиеся депортации. Н. Ф. Бугай, ссылаясь на данные отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, называет цифру «более 60»[212], обращая внимание на то, что «в целом же в СССР не было нерепрессированных народов по тем или иным причинам». Следует согласиться с профессором Бугаем, который слабое место в законе видит в том, что он «несет в себе элемент поспешности», поскольку любой закон должен «работать на перспективу, прогнозировать возможность поворотов в национальной политике». По его мнению, в законе «не были учтены возможные последствия провозглашенных мер», в частности, положение о территориальной реабилитации[213].

Уже в мае 1991 г. руководство отдела национальной политики ЦК КПСС подчеркивало, что закон при его реализации «без достаточно глубоких прогнозных оценок может вызвать серьезные последствия не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами». Выражалась обеспокоенность дальнейшим развитием событий, связанных с возможным пересмотром границ, а также тем, «как быть с теми районами, в которых изменилась демографическая ситуация»[214].

Территориальные претензии с принятием российским руководством законов о реабилитации репрессированных народов стали стремительно нарастать, что в целом дает основание считать эти законы важным дестабилизирующим фактором в сфере межнациональных отношений в стране. Российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным, борясь с союзным центром в своем стремлении обеспечить поддержку самых разных социальных слоев и политических сил, объективно способствовало дезинтеграционным процессам в стране.

Провозглашение Карачаевской республики 17 ноября 1990 г. в условиях принятия закона 26 апреля 1991 г. вызвало требования казаков Зеленчукского и Урупского районов передать эти территории в состав Ставропольского или Краснодарского краев. В связи с реабилитацией казачества неизбежно возникала «казачья проблема». Уже в ноябре 1990 г. на съезде терского казачества и ногайского народа было высказано требование «восста-

---

[211] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 27.
[212] Там же.
[213] Там же.
[214] РГАНИ, пер. 5, д. 21, л. 2.

новить территориальную целостность Ногайской степи и создать республику в составе РСФСР»[215].

Трагические события в станице Троицкая Сунженского района Чечено-Ингушетии показали, что конфликты между казаками и народами Северного Кавказа могут нарастать. В ночь на 28 апреля станица была обстреляна большим отрядом вооруженных боевиков-ингушей. Станица, телеграфировал 29 апреля президенту СССР атаман большого круга терского казачества Коняхин, «окружена ингушами около 700 человек, которые держат под обстрелом жителей станицы», есть убитые, раненые[216].

Эти события привели к массовому оттоку русского населения из Чечено-Ингушетии. По данным секретариата ЦК КПСС, с 1989 г. по июнь 1991 г. за пределы республики выехало около 60 тысяч русских, в том числе из одного Сунженского района, где произошли столкновения между русскими и ингушами, – свыше 5 тысяч человек[217].

Стремление жителей станицы Троицкой к «организованному массовому переселению в русскоязычные районы РСФСР» начальник УПС МВД СССР генерал-майор Б. В. Воронов назвал «крайне дестабилизирующим ситуацию на Северном Кавказе фактором». Эта ситуация, заключал он, чревата усилением давления на русское население и может вызвать ответную реакцию в РСФСР, «стать отправной точкой распространения межнациональной напряженности далеко за пределами региона»[218].

В Уральской и Гурьевской областях Казахстана активизировалось движение за возрождение уральского казачества и включение его территории в состав России. С ноября 1990 г., когда в Ростове состоялся учредительный круг (съезд) казаков Дона, усилились требования образовать из «казацких» земель Донскую область[219].

В Дагестане активизировалось движение аккинцев за восстановление Ауховского района, а в Элисте была создана комиссия по вопросу присоединения Нариманов ского и Лиманского районов Астраханской области (калмыки в этих районах составляли от 2 до 11 % населения) к Калмыкии[220].

В январе 1991 г. к высшим государственным органам СССР и РСФСР обратился Верховный Совет Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч – с требованием полной реабилитации калмыцкого народа. В качестве первоочередных мер он выдвинул требование отмены Указа Президиума Верховного Совета «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г., отмены всех репрессивных решений советских властей в отношении калмыцкого народа, в том числе и по вопросам землепользования, решения вопросов о возмещении морального и материального ущерба семьям насильственно депортированных, восстановления трудовых, пенсионных, жилищных и иных гражданских прав депортированных[221].

---

[215] РГАНИ, л. 4.
[216] ГАРФ, оп. 6, д. 318. л. 15.
[217] РГАНИ, пер. 20, д. 69, л. 3.
[218] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 92.
[219] РГАНИ, пер. 5, д. 21, л. 4, 5.
[220] Там же, л. 3.
[221] ГАРФ, оп. 6, д. 333, л. 11.

Партийное руководство справедливо полагало, что «особенно тяжелая ситуация» сложилась в отношениях между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией, внутри последней – между чеченцами и ингушами.

Состоявшийся в июне 1991 г. съезд народов Чечено-Ингушетии, в котором приняли участие свыше 700 делегатов из республики и делегации из автономий Северного Кавказа, ряда краев и областей РСФСР, республик Закавказья, обсудил положение на Северном Кавказе, прежде всего в связи с принятием Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»[222].

8 июня 1991 г. Учредительный съезд чеченского народа провозгласил образование Чеченской республики, избрал исполнительный комитет, задачей которого было определено формирование «правительственного кабинета», блокирование выполнения решений центральных и местных органов власти, организация гражданского неповиновения и забастовок. В конечном счете, отмечалось в постановлении секретариата ЦК КПСС 21 июня 1991 г., преследуется цель «самороспуска нынешнего состава Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, проведения новых выборов и создания суверенного национального государства»[223].

Особую остроту приобрели вопросы, связанные с требованиями восстановления ингушской автономии в границах 1934 г. и образования ее столицы в городе Владикавказ. Пленум Назрановского райкома КПСС в июне 1991 г. принял резолюцию, в которой первоочередными задачами для ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР предлагал считать «ускорение решения вопроса о восстановлении автономии ингушского народа в ее исконных исторических границах со столицей в правобережной части города Орджоникидзе»[224].

В ЦК КПСС полагали, что избрание президента РСФСР «вновь поставит в центр политической жизни республики проблему принадлежности Пригородного района», причем «ставка будет делаться на проживающих без прописки в Пригородном районе ингушей, которых насчитывается свыше 10 тысяч человек». Обстановку в этом регионе нагнетали националистические силы: движение «Нийсхо», оргкомитет ингушского съезда, партия «Исламский путь». Более того, конфликт между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией грозил «вовлечь в орбиту взаимных территориальных притязаний и другие регионы Северного Кавказа»[225].

В связи с этим секретариат ЦК КПСС обращал внимание Советов Национальностей Верховных Советов СССР и РСФСР на осложнение ситуации в Пригородном районе и необходимость «скорейшего начала переговоров»[226].

Руководство Совета Национальностей в феврале 1991 г. фактически признало, что в рамках созданной в марте комиссии для рассмотрения обращений ингушского населения «найти приемлемый путь выхода из сложной ситуации... не удалось»[227].

---

[222] ГАРФ, д. 325, л. 116.
[223] РГАНИ, пер. 20, д. 69, л. 3.
[224] Там же, л. 4.
[225] Там же, л. 4, 5.
[226] Там же, л. 5.

Об острой реакции различных групп населения на принятие закона РСФСР от 26 апреля 1991 г., повлекшей за собой резкое осложнение обстановки в ряде регионов страны, особенно в республиках Северного Кавказа, информировал руководство страны председатель КГБ СССР В. А. Крючков[228].

Резкой критике подвергло этот закон и руководство Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В докладной записке А. И. Лукьянову 20 июня 1991 г. Р. Н. Нишанов, Г. С. Таразевич, Л. Д. Шишов обращали внимание на «явно нереальную» задачу организовать до конца 1991 г. практическое «восстановление территориальной целостности национально-государственных образований, существовавших до их насильственного изменения». Нельзя не учитывать, справедливо отмечали они, и то обстоятельство, что территория проживания «репрессированных народов заселялась другими народами также нередко насильственно»[229].

Руководство Верховного Совета РСФСР, столкнувшись с негативными последствиями поспешно принятого апрельского закона о реабилитации народов, попыталось исправить острую ситуацию. Было опубликовано обращение Б. Н. Ельцина к народам Северного Кавказа, на места направлены представители с разъяснениями положений закона. Было издано распоряжение Б. Н. Ельцина «О мерах по укреплению правопорядка в районах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии». Совет Национальностей РСФСР начал формирование комиссии по проблемам казачества в России. Совет Министров РСФСР для подготовки предложений по реализации положений закона создал комиссии по республикам Северного Кавказа, Калмыцкой АССР, по немцам Поволжья[230].

В этих условиях руководство Совета Национальностей Верховного Совета СССР вместе с комиссией Верховного Совета РСФСР по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям выступило с предложением проработать проблемы, возникшие на первоначальном этапе реализации закона «с тем, чтобы принять по ним скорректированные решения»[231].

Безусловно, проблема разграничения компетенций союзных и российских властей серьезно осложняла саму возможность ослабления напряженности в «горячих точках». Заведующий отделом по вопросам межнациональных отношений Верховного Совета СССР Л. Д. Шишов, докладывая Р. Н. Нишанову о съезде чеченского народа, указывал, что «урегулирование положения на Северном Кавказе входит прежде всего в компетенцию руководства Российской Федерации», однако признавал, что «для реализации мер по снижению напряженности требуются координированные усилия Верховных Советов СССР и РСФСР, высших органов республик Северного Кавказа», а не только «правоохранительных ведомств Союза и России»[232].

---

[227] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 51.
[228] Там же, оп. 6, д. 318, л. 23.
[229] Там же, л. 24.
[230] Там же, л. 25.
[231] Там же, л. 26.
[232] Там же, д. 325, л. 116, 117.

Шишов предлагал провести рабочее совещание по социально-политическим и национальным проблемам Северного Кавказа, организовать встречу Президентов СССР и РСФСР с руководителями автономий Северного Кавказа в целях выработки принципиальных позиций по таким дестабилизирующим обстановку проблемам, как реабилитация репрессированных народов, территориальные споры. Целесообразными могли бы быть, по его мнению, встречи депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР с руководителями национальных обществ, религиозными деятелями Северного Кавказа и даже теми, «кто пытается решать национальные вопросы методом силового давления»[233].

Л. Д. Шишов обращал внимание на объективное освещение вопросов Северного Кавказа в СМИ, для этой цели предлагал провести совместные пресс-конференции представителей органов власти СССР и РСФСР по проблемам стабилизации обстановки на Северном Кавказе. И все же он настойчиво проводил мысль о том, что «с завершением формирования новых органов управления в России», образованием Совмином РСФСР комиссий и рабочих групп, «которые должны рассматривать все конкретные проблемы, возникающие в ходе осуществления Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», эти вопросы должны перейти в компетенцию российских властей»[234].

Неодинаковая реакция союзных и российских властей на ситуацию на Северном Кавказе, по мнению начальника УПС МВД СССР генерала Б.В. Воронова, способствовала разочарованию части населения «в возможностях центральной и региональной властей стабилизировать обстановку». Кроме территориальных притязаний репрессированных народов, автономистских устремлений ряда местных народов (кумыков, лезгинов, ногайцев и т. д.) среди дестабилизирующих факторов на Северном Кавказе генерал называл «сложность и неразработанность геополитических, правовых межнациональных и ряда других проблем», наличие в регионе значительного числа незарегистрированного оружия, «заинтересованность в развитии ситуации со стороны Грузии и... русскоязычного (казацкого) населения России»[235].

Северный Кавказ в 1991 г. превратился в регион, способный в одночасье взорвать всю ситуацию в СССР и России. Несогласованность действий союзного и российского руководства по отношению к складывающейся ситуации способствовала лишь усилению напряженности в этом полиэтническом регионе.

Основную ответственность за решение крымско-татарской проблемы Совет Национальностей возлагал на украинские и крымские власти. В конце концов весной 1991 г. Законом УССР «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» крымская государственность была восстановлена. Было решено избрать дополнительно 11 народных депутатов Крымской АССР в Верховный Совет республики из числа представителей депортированных народов Крыма, в том числе от армянского, болгарского, греческого, немецкого – по одному, а от крымско-татарского – семь народных

[233] ГАРФ , л. 117.
[234] Там же, л. 118.
[235] Там же, оп. 10, д. 114, л. 93.

депутатов[236]. Началась новая фаза борьбы крымских татар за свой статус внутри воссозданной Крымской АССР.

В июне 1991 г. Нишанов и Шишов сообщали А. И. Лукьянову, что в Крыму активизировалась подготовка к Всесоюзному съезду (курултаю) крымских татар, которая началась более года назад, и крымские власти предпринимают меры к тому, чтобы он не осложнил межнациональную ситуацию. Особо «беспокоят намерения экстремистского крыла крымско-татарского национального движения образовать параллельные структуры власти в виде меджлиса». Они предлагали, ссылаясь на мнение Председателя Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багрова, провести встречу в Совете Национальностей с представителями оргкомитета курултая и руководства национального движения крымских татар ОКНД, предварительно поручив Всесоюзному НИИ советского государственного строительства и законодательства подготовить экспертную оценку устава меджлиса[237]. Однако заметным было стремление Совета Национальностей Верховного Совета СССР превратить вопрос о крымских татарах во «внутреннюю украинскую проблему».

Восстановить немецкую автономию на Волге в 1991 г. не удалось. Основной причиной чаще всего принято называть отрицательное отношение местного населения и местных властей к идее возрождения автономии. Представляется, что возможность бесконфликтного воссоздания автономии была утрачена в момент переселения на земли бывшей республики немцев Поволжья населения из центральных областей России в 1940-е гг. и создания в этих районах новой национальной структуры. Упорное нежелание немецких активистов учитывать этот фактор, равно как и страх местной бюрократии перед вероятностью потери контроля над частью «своей» территории при возможном образовании автономии, обостряли данный конфликт все больше и больше.

Несмотря на это, немцы возвращались на территорию бывшей республики. В частности, в 1989 г. в Саратовскую область прибыло 1270 человек, в 1990 г. – уже 2739 человек. Однако следует учесть, что за это время выбыло (в основном в ФРГ) 3013 человек (в 1989 г. – 882, в 1990 г. – 2131 человек)[238]. Саратовская область превращалась в транзитный пункт на пути в Германию.

25–26 февраля 1991 г. А. И. Лукьянов, Г. И. Янаев, Р. Н. Нишанов встретились с представителями Оргкомитета по подготовке съезда немцев СССР. Члены оргкомитета изложили основные вопросы-требования немецкого народа: восстановление государственности, отмена всех репрессивных актов, принятых по отношению к немцам, признание статуса бывших трудармейцев, предоставление права вернуться в места, откуда были высланы[239].

Неподготовленность решений по всем этим вопросам вызывала неоднократные переносы времени созыва съезда советских немцев. Однако, вопреки решениям союзных властей, «Возрождение» провело в марте 1991 г. чрезвычайный съезд, на котором были

---

[236] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 45.
[237] ГАРФ, оп. 6, д. 320, л. 131.
[238] Там же, д. 315, л. 93.
[239] Там же, л. 75.

выдвинуты ультимативные требования власти. Это привело к новому обострению ситуации.

Члены оргкомитета съезда во главе с Б. В. Раушенбахом продолжали настойчиво добиваться принятия руководством страны конкретных мер по решению проблем советских немцев, на Волге ширилось движение против немецкой автономии. Продолжался выезд немцев в ФРГ, за три месяца 1991 г., по данным УВД Саратовского облисполкома, поступило 90 ходатайств от немцев о выезде их за границу[240]. Во время встречи 7 мая 1991 г. Президента СССР М. С. Горбачева с представителями советских немцев было подчеркнуто, что «восстановление немецкой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания интересов всех народов, проживающих в этом регионе»[241].

В этот же день Таразевич и Шишов, отчаявшись, по всей видимости, решить «немецкий» вопрос силами Совета Национальностей, предложили рассмотреть вопрос о «создании государственного органа по проблемам советских немцев и других ранее репрессированных органов». Можно было бы, полагали они, организовать такой орган в рамках Госкомитета СССР по национальным вопросам, «что следует предусмотреть при разработке его структуры» и ускорить формирование Госкомнаца СССР[242].

Деятельность Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР под руководством Прокофьева также к серьезным сдвигам не привела. Новый виток напряженности в Саратовской области пришелся на вторую половину 1991 г. Прошедшие 28 августа 1991 г. митинги, посвященные 50-летию издания Указа об упразднении автономии и последовавшей за этим депортации немцев Поволжья, привели к очередной вспышке антиавтономистских настроений.

В октябре 1991 г. новое областное руководство констатировало наличие угрозы возникновения нового очага межнациональной напряженности и обострения обстановки в регионе (речь шла даже об актах гражданского неповиновения). На 7-й сессии областного совета было заявлено о невозможности воссоздания немецкой автономии в любой форме. В условиях раскола общества представители «Демократической России» выступили в поддержку требований немцев[243]. Конфликт на Волге продолжался.

Совет Национальностей так и не сумел добиться возвращения месхетинцев в Грузию. В письмах и обращениях турок-месхетинцев, покинувших в результате межнациональных конфликтов Узбекистан и другие республики Средней Азии, содержались факты, свидетельствующие о тяжелом положении «дважды депортированного народа».

31 июля 1991 г. Р. Н. Нишанов, Г. С. Таразевич и Л. Д. Шишов направили записку А. И. Лукьянову с характеристикой острой обстановки, возникшей в результате скопления большого числа вынужденных мигрантов в южных регионах РСФСР, особенно в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, некоторых республиках Северного Кавказа. Они «полагали бы целесообразным рекомендовать Кабинету Минист-

---

[240] ГАРФ, л. 91.

[241] РГАНИ, пер. 5, д. 21, л. 5.

[242] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 39.

[243] См. подр.: *Мякшев А. П.* Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 300.

ров СССР совместно с руководством РФ рассмотреть вопрос о размещении турок-месхетинцев на территории РСФСР и вывода части беженцев из южных краев и областей»[244].

Руководство Совета Национальностей признавало, что «в ближайшие годы большинство турок-месхетинцев будут вынуждены остаться на территории тех республик, где они живут сегодня», поэтому следует создавать здесь нормальные условия для жизни и добиваться, чтобы «не нарушались элементарные гражданские права этого населения»[245].

18 июля 1991 г. вновь избранному Президенту Грузии З. К. Гамсахурдиа и Верховному Совету Грузии было направлено официальное обращение по проблемам месхетинских турок от председателя Совета Национальностей[246]. 19 июля представители Всесоюзного общества месхетинских турок «Ватан» в Тбилиси встретились с Председателем Верховного Совета Грузии А. Т. Асатиани, который ответил, что руководство республики не собирается подписывать союзный договор и не считает Грузию составной частью Союза, поэтому не обязано выполнять какие-либо решения органов Союза ССР. К тому же, подчеркнул А. Т. Асатиани, нельзя считать Месхетию исторической родиной турок, «их родина – Турция», поэтому «это проблема не Грузии, а Советского Союза и Турции»[247].

Итог этой встречи, как рассудили в Совете Национальностей, показывает, что «ответ и на это обращение будет скорее всего отрицательным»[248]. Вряд ли у кого из руководителей Совета Национальностей после этой встречи сохранились иллюзии по поводу возможности возвращения турок в Грузию. Не случайно, когда турки решили организовать «мирный поход» в Грузию из Москвы, для чего начали съезжаться в столицу, Г. С. Таразевич «настоятельно рекомендовал им не делать этого»[249].

Р. Н. Нишанов, Г. С. Таразевич и Л. Д. Шишов полагали также, что «нет необходимости» в принятии предлагаемого председателем общества «Ватан» Ю. С. Сарваровым союзного закона о реабилитации турок-месхетинцев, включающего обязательства государства по возмещению репрессированным материального ущерба, поскольку уже в Постановлении Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. даны соответствующие поручения Кабинету Министров СССР об определении порядка возмещения материального ущерба, а решение территориального вопроса зависит от позиции органов власти Республики Грузия[250].

Турки настойчиво продолжали требовать встреч с советскими руководителями, на которых доказывали необходимость решения об их возвращении. 30 июля и 7 августа 1991 г. делегацию турок-месхетинцев принимал заместитель председателя комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям, председатель комиссии по

---

[244] ГАРФ, оп. 6, д. 322, л. 26.
[245] Там же, л. 27.
[246] Там же, л. 26.
[247] Там же, л. 32.
[248] Там же, л. 26.
[249] Там же, л. 34.
[250] Там же, л. 25.

проблемам реабилитации турок-месхетинцев Л. А. Горшков. 9 августа – вице-президент Г. И. Янаев[251].

На встрече 30 июля Ю. С. Сарваров предложил Л. А. Горшкову ликвидировать «вашу комиссию», поскольку она «подготовила всего один документ и Таразевич – один». Когда Горшков отметил, что закона о реабилитации турок-месхетинцев не будет, Сарваров заявил, что в этом случае «народ будет здесь ночевать»[252].

После августовского путча 16 сентября 1991 г. И. Лаптев, Р. Нишанов, Г. Шахназаров обратились с предложением принять группу месхетинских турок у Президента СССР, что, по их мнению, способствовало бы снижению напряженности среди турко-месхетинского населения[253].

Схожая судьба была и у курдов. В июне 1991 г. генеральный директор Центра курдской культуры Т. М. Броев сообщал в Совет Национальностей, что в Эчмиадзинском и Октемберянском районах Армянской республики, несмотря на встречу представителей курдской общественности с Председателем Совета Министров Армении М. Манукяном, «начинается насильственная депортация и унижение курдов под прикрытием необходимости размещения беженцев-армян из Нагорного Карабаха». Броев требовал «немедленного, самого тщательного и заинтересованного рассмотрения» курдской проблемы «вплоть до восстановления курдской автономии и паритетного представительства курдов в парламентах всех уровней»[254].

10 июня 1991 г. решением «схода граждан» жители Садового сельского совета Красногвардейского района Адыгейской автономной области потребовали до 17 июня выселить всех курдов, а в случае невыполнения «применить силу без ответственности за последствия»[255]. 18 июня 1991 г. Л. Д. Шишов доложил Нишанову, что, по сообщению Председателя Совета народных депутатов Адыгейской автономной области А. А. Джаримова, конфликт между местными жителями и беженцами-курдами ликвидирован при «помощи общественных организаций, религиозных авторитетов». Вместе с тем Джаримов признал, что ситуация в области напряженная в связи с присутствием большого числа беженцев различных национальностей[256]. Однако в других местах ситуация была не менее напряженная.

Председатель комиссии по проблемам курдского народа В. Соболев полагал, что наиболее неблагоприятная для курдов ситуация летом 1991 г. сложилась в Краснодарском крае, где среди мигрантов других национальностей в это время находилось 3 тысячи курдов. После кровопролития в Ошской области заметно ухудшилось положение курдов в Киргизии, по этой причине «произошел массовый их выезд в края и области РСФСР». Большинство курдов-мусульман покинуло Армению вместе с азербайджанским населением. Несмотря на то, что руководство Азербайджана не видело «возможности создания национально-территориальной единицы» для курдов, комиссия Соболева продолжала вести

---

[251] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 150.
[252] Там же, оп. 6, д. 322, л. 36, 37.
[253] Там же, л. 55.
[254] Там же, оп. 6, д. 114, л. 22.
[255] Там же, л. 20.
[256] Там же, л. 21.

консультации о возможном перемещении курдов прежде всего из Краснодарского края на территорию Азербайджанской республики[257].

В письме к Президенту СССР 26 июля 1991 г. М. С. Бабаев заявил о том, что, «если Азербайджан не даст согласия» на создание курдской автономии, то «курды готовы пойти на создание своего национально-территориального образования в любом уголке Советского Союза»[258].

Курдская проблема была поднята и в Совете Республик Верховного Совета СССР. 20 ноября председатель комитета по межреспубликанским отношениям Совета Республик С. Нирмухамедов в докладной записке А. Т. Алимжанову характеризовал положение курдов «во многих регионах страны» как «бедственное»: многие курды находятся на положении беженцев, обостряются отношения с местным населением, среди курдской общественности, разделенной по конфессиональному признаку, нет согласия. Если наиболее влиятельное объединение курдов «Якбун» требовало восстановления национально-территориальной автономии в составе Азербайджана, то часть курдов предлагала ограничиться культурной автономией[259].

С. Нирмухамедов, соглашаясь с тем, что в настоящее время «отсутствуют объективные условия для воссоздания курдской автономии», предлагал сформировать очередную комиссию по курдским проблемам и рекомендовать Верховным Советам Казахстана, Кыргызстана и РСФСР принять дополнительные меры для удовлетворения национальных интересов курдского народа «в рамках культурной автономии»[260].

Не смогли «обрести отобранную у него национально-культурную автономию в местах компактного проживания подобно той, которая существовала в 1920–30-х гг. в Краснодарском крае», греки, разбросанные в ходе репрессий малыми группами по всей территории СССР.

29–31 марта 1991 г. представители Комиссии по проблемам советских греков Совета Национальностей приняли участие в работе учредительного съезда советских греков в Геленджике. На съезде были создан Национальный совет Всесоюзного объединения советских греков во главе с Г. Х. Поповым и Палатой объединения (исполнительным аппаратом национального Совета), приняты Программа и Устав объединения[261].

Как сообщал председатель комиссии по проблемам советских греков, одной из первоочередных задач ставилось создание национально-культурных образований – центров, обществ, ассоциаций, консолидирующих греческое население «на основе общих национальных ценностей». Развитие национально-культурных форм общественной жизни большинство делегатов, по свидетельству Т. Н. Ментешашвили, рассматривали как необходимый этап, «предшествующий постановке вопроса о национально-территориальной автономии», поскольку в данный момент отсутствует «подходящий политический, социальный и правовой климат». Вместе с тем по требованию представителей греческого на-

[257] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 24, 25.
[258] Там же, л. 26.
[259] Там же, оп. 6, д. 313, л. 42.
[260] Там же, л. 43, 44.
[261] Там же, д. 327, л. 1, 2, 3.

селения Абхазии, Средней Азии и Казахстана «проработка вопроса о национально-территориальной автономии для советских греков была поручена избранному на съезде Национальному совету[262].

Итак, процесс национального возрождения греческого народа проходил в «мирных» условиях.

Исходя из принятой политической линии на необходимость сохранения незыблемости национально-государственной структуры государства (Р. Н. Нишанов неоднократно повторял, что пойти на реформирование сложившегося национально-государственного устройства страны советское руководство не может), Совет Национальностей довольно прохладно относился к предложениям с мест о повышении статуса или вообще создании государственности отдельных народов.

В комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета национальностей длительное время изучалось предложение председателя правления общества карпатских русинов М. М. Томчания, обратившегося в начале января 1991 г. в Совет Национальностей от имени «коренного народа сегодняшнего Закарпатья» с предложением «вернуть своему краю незаконно отнятый Сталиным статус автономной республики и возвратить коренному населению название русин»[263], а это новообразование именовать Закарпатской автономной республикой.

В то же время в Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях Украины активизировалось движение за выход Украины из Союза ССР. Выдвигалась идея воссоздания «суверенной Галицийской республики» с включением в нее Закарпатья, «иначе у Галиции не будет выхода в Западную Европу» и она окажется «внутри Украины». «Галичские эмиссары» попытались склонить русинов «поддержать их в этих планах», в противном случае угрожали кровопролитием. Русины же хотели «жить вместе с русским, белорусским, украинским народами в СССР»[264].

Г. С. Таразевич в марте 1991 г. отметил, что идея автономии русинов имеет неоднозначный характер, поскольку в области проживают 76 национальностей, в том числе 970 тысяч украинцев, 155 тысяч венгров, 49 тысяч русских, свыше 30 тысяч русинов. Верховный Совет Украинской ССР своего мнения по данному вопросу высказывать не торопился. Таразевич в связи с этим также иных инициатив не проявил[265].

В июле 1991 г. «от имени 200 тысяч беженцев-азербайджанцев» председатель Азербайджанского общества беженцев Н. Годжаев потребовал воссоздать на территории бывшего Гейгалинского округа (в настоящее время – 4 района Армении) Азербайджанскую автономную область в составе Армении. Годжаев отмечал, что в 1947–1948 гг. решением Совмина СССР 150 тысяч азербайджанцев были выселены с территории Армянской ССР, а на их место были расселены армяне, прибывшие из-за границы. Годжаев утверждал, что «Микоян, действуя тогда с большой изворотливостью, сумел подтолкнуть Сталина на такое решение» и колхозники-азербайджанцы «в одночасье были выселены в низ-

---

[262] ГАРФ, л. 6.
[263] Там же, оп. 10, д. 114, л. 59.
[264] Там же, л. 58.
[265] Там же, л. 64, 65.

менные районы Азербайджана»[266]. В условиях армяно-азербайджанского конфликта такое предложение, правда, могло быть и банальной провокацией.

В 1991 г. на съезде бурятского народа был поставлен вопрос об объединении трех бурятских автономий – Бурятской АССР, Ачинского Бурятского автономного округа Читинской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области[267].

В среде советских корейцев, отмечал в марте 1991 г. заместитель заведующего отделом национальной политики ЦК КПСС С. Слободяник, в последнее время заметно активизировался рост национального самосознания, часть корейцев «все настойчивее требует создания автономии». В качестве решения проблемы Слободяник предложил провести Всесоюзную научно-практическую конференцию «Советские корейцы: история и современность»[268].

Многочисленность обращений такого рода заставила Совет Национальностей обратиться к ученым. Поводом послужило письмо Нагайбакского районного Совета народных депутатов Челябинской области. На запрос Нишанова в марте 1991 г. ответил директор Института этнологии и антропологии АН СССР В. А. Тишков, который прежде всего отметил закономерность такой постановки вопросов «в связи с проблемным ростом этнического самосознания и обострением этнополитических проблем». Далее он рассуждал, что все больше групп, которые принято называть этнографическими, выдвигают требования о том, чтобы их признали самостоятельными народами. Однако эти требования наталкиваются на сопротивление крупных этносов, а также вступают в противоречие с действующими в СССР нормами учета национальностей, при которых «национальная принадлежность фиксируется не столько по их реальному самоопределению, сколько в соответствии с перечнем национальностей, который регулярно составляется для сугубо практических целей»[269].

Официальные же власти, по мнению Тишкова, нередко «воспринимают этот перечень как список «официально признанных народов», а то и сильно его корректируют, поэтому зачастую субэтнические группы его игнорируют».

Тишков полагал, что «определение своей национальной принадлежности должно быть делом самих людей, а не каких-либо государственных органов»; «фиксация национальной принадлежности в личных документах граждан не имеет под собой никакой научной основы, является анахронизмом, порождает недоразумения и конфликтные ситуации»[270].

Нагайбаки, подчеркивал Тишков, рассматриваются «как одна из групп казанских татар», и они, «безусловно, имеют право именоваться так, как считают нужным, независимо от особенностей происхождения этой группы и ее положения в системе тюркских народов СССР». Право народов, этнических меньшинств на самоопределение, заключал веду-

[266] ГАРФ, оп. 6, д. 329, л. 4, 5, 6.
[267] РГАНИ, пер. 5, д. 21, л. 5.
[268] Там же, пер. 21, д. 65, л. 1.
[269] ГАРФ, д. 331, л. 5.
[270] Там же, л. 6.

щий ученый-этнолог, будущий Председатель Госкомнаца России, это «прежде всего их право на существование и самоидентификацию в качестве особых общностей»[271].

Безусловно, такого рода вопросы ставили перед Советом Национальностей задачи выработки концепции национальной политики в стране, долговременной программы действий по развитию межнациональных отношений, однако высочайшая степень кипения этнического котла, готового вот-вот взорваться, отодвигала под грузом повседневных задач ее все дальше. На первом плане постоянно находилась задача тушения пожаров в «горячих точках» страны.

Главным показателем межэтнической напряженности в 1991 г. стала проблема беженцев. Вынужденная миграция из национальных республик в это время шла полным ходом. По официальным данным к июлю 1991 г. в Союзе насчитывалось более 800 тысяч беженцев из регионов межнациональной напряженности[272]. Во много раз большее количество людей находилось в состоянии готовности выехать из республик в любой подходящий момент. В январе 1991 г. В. Догужиев, Р. Нишанов, И. Белоусов, Г. Ревенко сообщали Президенту СССР о том, что за пределами «своих национальных территорий проживает 73,1 млн человек», в том числе «более 37 млн русских, 5 млн украинцев, 5,5 млн татар»[273]. Подавляющее большинство этих людей, испытывая нарастающий дискомфорт и прямое давление со стороны титульного этноса, стремились к переселению на «свою историческую родину». Стремительно усиливающаяся напряженность в отношениях между «коренными» и «национальными меньшинствами» в созданных советской властью национальных анклавах грозила перерасти в войну за приоритет на «исконных территориях» казахов, узбеков, азербайджанцев...

В условиях принявшего необратимый характер распада государства со всей очевидностью главной и наиболее острой становилась проблема русского народа, который оказывался перед угрозой превратиться в «расчлененный этнос». Массовые обращения к союзной власти с требованиями защитить русское население в национальных республиках, остановить процесс «превращения» русских в «мигрантов», «оккупантов», «некоренных», в конечном счете, во «второсортных», не способствовали решению проблемы. В случае с русским народом, писал драматург А. Н. Мишарин, проблема беженцев превращается в «проблему общегосударственную». Сложилась глубокая уверенность, продолжал он, что «ни российский парламент, ни правительство России не собираются принимать каких-либо серьезных мер по этой проблеме, боясь еще более мощного прилива беженцев из республик»[274].

Мишарин предлагал в связи с этим создать «Гражданский комитет помощи российским беженцам» и указом Президента СССР передать организационное и финансовое обеспечение «социального обустройства и трудоиспользования российских беженцев из

---

[271] ГАРФ.
[272] Там же, д. 329, л. 16.
[273] Там же, д. 221, л. 9.
[274] Там же, л. 3.

других республик на территории Российской Федерации» коммерческим организациям «Край», «Восходящая звезда» и другим[275].

В январе 1991 г. В. Догужиев, Р. Нишанов, И. Белоусов, Г. Ревенко в записке Президенту СССР в целом согласились с выводами Мишарина, однако полагали, что формировать общественные организации «по названной проблеме» необходимо «крайне осторожно», поскольку «при первом же упоминании о создании любого формирования» может произойти «вспышка переселенческих настроений». По сути они признали, что существующая система помощи, в основе которой заложен принцип реагирования Совмином СССР на каждый конкретный случай миграции, на практике превращается в «неразрешимую социально-финансовую проблему»[276].

Указывая на опыт готовящейся программы помощи беженцам в Совмине РСФСР, они предлагали и в дальнейшем разрабатывать законодательные меры «по определению и регулированию взаимной ответственности субъектов федерации за вызванную ими миграцию населения», после чего принять Закон «О защите прав граждан СССР, вынужденно покинувших места постоянного проживания»[277].

В феврале 1991 г., после того как секретариат ЦК КПСС принял постановление о внесении в Верховный Совет в порядке законодательной инициативы предложений о правовых, организационных и экономических основах регулирования вынужденной миграции, руководство Совета Национальностей предложило Закон СССР, подготовленный Госкомтруда под новым названием «О статусе вынужденных мигрантов (беженцев)» включить в повестку дня предстоящей сессии Верховного Совета СССР[278].

15 июля 1991 г. Р. Нишанов и Л. Шишов признали, что так и не удалось принять закон СССР «О статусе вынужденных эмигрантов (беженцев)» и предложили поручить Министерству по труду и социальным вопросам и Кабинету министров СССР разработать Временное положение о вынужденных эмигрантах (беженцах) в СССР. Нишанов и Шишов писали, что это одна из острейших социальных проблем: «люди разных национальностей не могут получить по новому месту жительства жилье, прописку, работу, компенсацию за утраченные дома и личное имущество». Все это вызывает конфликты между беженцами и местным населением. Особенно тяжелое положение с беженцами руководство Совета Национальностей связывало с Краснодарским краем, Азербайджаном[279]. После августовского путча проблема вынужденных мигрантов, так и не получившая разрешения на союзном уровне, всецело стала предметом заботы независимых государств, прежде всего России.

Параллельно с проблемой расчлененности русского этноса, усиления процесса выдавливания его из национальных республик, превращения русских в «главных виновников имперской политики центра», ущемления экономических, социальных, культурно-

[275] ГАРФ.
[276] Там же, л. 10.
[277] Там же, л. 11.
[278] Там же, л. 14.
[279] Там же, оп.10, д. 114, л. 128.

национальных прав русских не только в союзных республиках, но и российских автономиях, участились обвинения в распространении «великодержавного русского шовинизма».

Еще в 1989 г. Р. С. Белкин обратился к народным депутатам, избранным на I Съезд народных депутатов от Еврейской автономной области, с просьбой передать его письмо «вновь избранному председателю Совета Национальностей» или поставить содержащиеся в письме вопросы на съезде. Не о «масонских заговорах» надо говорить, писал он, а о «белом пятне, заслуживающем установления всей истины», т. е. о восстановлении «правды о замышлявшейся в начале 50-х годов депортации всех евреев в концентрационные лагеря на Дальнем Востоке»[280].

Р. С. Белкин писал о «продолжающейся государственной политике антисемитизма», «не изменившейся практике дискриминации евреев при приеме на работу, в вузы, партию». Евреев, утверждал он, нет «в аппарате Союзного ЦК, Президиуме Верховного Совета СССР, в руководстве КГБ, Прокуратуры, МВД СССР». Он обвинил власти в «молчаливом покровительстве черносотенной «Памяти». В ее деятельности и «литературных изысканиях Пикуля, Бондарева, Белова», в «исторических писаниях авторов, группирующихся вокруг журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия» не в «тяге к земле предков» видел автор причину эмиграции евреев[281].

Автор письма предлагал переселить на земли Еврейской автономной области корейцев, «исконных жителей Дальнего Востока», «восстановить дипломатические отношения с Израилем», осудить политику антисемитизма[282]. С небольшими вариациями подобные предложения содержались и в других письмах евреев в высшие государственные органы власти.

Чаще всего раздавались требования привлечь к уголовной ответственности представителей «Памяти» и других организаций, «ведущих националистическую пропаганду». Народные депутаты СССР Ю. Ю. Болдырев, А. А. Денисов, А. А. Собчак, А. Н. Щелканов в 1990 г. в обращении к руководству Ленинградского горсовета, УВД, УКГБ даже составили список тех, кого потребовали привлечь к ответственности: Ленинградский совет Народно-патриотического фронта «Память», объединение «Совесть», авторов обращений к русскому народу, подписавшихся «ЦК Всесоюзного антисионистского фронта», «Ленинградский объединенный фронт трудящихся», «Национально-демократическую партию «Свободная Россия», А. З. Романенко – автора листовки «Резко активизировалось антисионистское движение сопротивления»[283].

Впрочем, в 1989 г. районным судом Ленинграда был осужден за национализм некий Норинский, рассылавший письма антисемитского содержания от имени НПФ «Память». Как оказалось, никакого отношения к данной организации Норинский не имел[284].

Народные депутаты от Ленинграда заявляли о том, что в городе открыто звучат речи об «антирусских силах» и участились слухи о подготовке еврейских погромов. Правда, как

---

[280] ГАРФ, д. 107, л. 84.
[281] Там же, л. 83.
[282] Там же, л. 84, 85.
[283] Там же, д. 111, л. 217, 218, 219.
[284] Там же, л. 211, 212.

сообщил председатель КГБ В. А. Крючков в марте 1990 г., каких-либо данных, подтверждающих реальность подобных слухов, распространяемых в Москве, Ленинграде и других городах, «не имеется»[285].

Профессор-востоковед А. С. Кауфман из Москвы в июне 1991 г. обратился к советскому руководству с требованием на очередном Съезде народных депутатов СССР осудить кампанию борьбы с космополитизмом в конце 1940-х – начале 1950-х гг., а также вторую волну антисемитизма, «свидетелями которой мы являемся». В основе этой «волны антисемитизма», по мнению профессора, лежат несколько причин: общий упадок порядка и дисциплины, рост национальной нетерпимости великодержавного русского шовинизма»[286].

Однако именно в период перестройки произошло официальное оформление еврейских национальных организаций. В 1990 г. еврейские организации и объединения Советского Союза объединились в конфедерацию «Ваад» («Совет»), имевшую цель «обеспечить выживание советского еврейства, как составной части еврейского народа». На II съезде «Ваада» присутствовал заместитель председателя Совета Национальностей Б. И. Олейник[287]. В марте 1991 г. Всесоюзный совет еврейских религиозных общин провел II Всесоюзный съезд еврейских религиозных общин и еврейских организаций СССР[288]. Несмотря на ряд приглашений посетить этот и другие форумы еврейских организаций, в том числе поступавшие и лично в адрес председателя Совета Национальностей, высшее руководство воздерживалось от участия в них. Власть демонстрировала, что среди национальных проблем вопросы антисемитизма отнюдь не стояли на первом месте.

Несмотря на предпринимаемые усилия, Совету Национальностей не удалось погасить межнациональные конфликты на территории СССР. Работа по их минимизации и ликвидации последствий, попытки создать законодательную базу по предотвращению межнациональной напряженности в стране, стремление к активному участию в процессе сохранения и реформирования единого государства не привели к радикальным положительным изменениям.

20 февраля 1991 г. на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР было поручено Совету Национальностей и его комиссиям разработать и представить в Верховный Совет «концепцию создания механизма для преодоления межнациональных конфликтов». В июле 1991 г. Комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей успела провести заседание с участием ученых и специалистов, где предметно обсуждались проблемы разработки общей концепции механизма преодоления и предупреждения межнациональных конфликтов[289]. Слишком запоздалым было это решение Совета Национальностей.

Тем временем руководство Совета Национальностей вынуждено было признать, что все принимаемые меры по стабилизации ситуации в НКАО оказались неэффективными и

---

[285] ГАРФ, л. 215.
[286] Там же, оп 6, д. 330, л. 11.
[287] Там же, л. 5.
[288] Там же, л. 8.
[289] Там же, оп. 10, д. 114, л. 99, 100.

ситуация зашла в тупик. Конфронтация между Арменией и Азербайджаном, отмечали в январе 1991 г. Нишанов, Таразевич и Шишов, «ужесточается»: начавшиеся в ноябре 1990 г. переговоры между представителями республик сорваны, участились случаи обстрелов сел НКАО и приграничных районов Азербайджана и Армении, гибнут люди, захватываются заложники. В качестве чрезвычайных мер они предлагали рассмотреть вопросы на заседании Совета Федерации, заставить руководство республик возобновить переговоры[290].

Однако ситуацию стабилизировать не удалось. 14 августа 1991 г. Г. С. Таразевич и Л. Д. Шишов в докладной записке Р. Н. Нишанову вынуждены были признать, что «эскалация вооруженных столкновений продолжается». 21 июля, отмечали они, армянские боевики, вторгшись в Лачинский район Азербайджана, убили 10 и ранили двух пастухов, угнали скот, поселок из 24 домов был сожжен. Руководители Совета Национальностей предлагали срочно обсудить этот вопрос в Совете безопасности страны, руководство практической работой в районе армяно-азербайджанского конфликта возложить на одного из членов Совета безопасности[291]. Времени на дальнейшие действия у Совета Национальностей практически уже не оставалось.

Союзные власти накануне своего роспуска попытаются еще раз переломить ситуацию вокруг НКАО с участием представителей РСФСР и Казахстана, в том числе и руководителей республик Б. Н. Ельцина и Н. А. Назарбаева. 27 ноября 1991 г. Государственный Совет СССР принял постановление «О мерах по стабилизации обстановки в НКАО и приграничных районах Азербайджанской Республики и Республики Армения». В этом постановлении руководству противоборствующих сторон предлагалось отменить «все акты, изменяющие правовой статус НКАО, зафиксированный в Конституции СССР», безотлагательно продолжить переговоры с участием представителей Казахстана и России и считать необходимыми «прямые переговоры» между президентами Армении и Азербайджана. Рекомендовалось прекратить боевые действия и вывести все незаконные формирования из зоны конфликта, урегулировать воздушное сообщение между республиками, «исключив несанкционированные полеты», возобновить работу железной дороги, газопровода и других коммуникаций, связанных с жизнеобеспечением Армении и Нахичевани[292]. Все усилия оказались тщетны, после распада СССР этноконфессиональная война между Арменией и Азербайджаном стала неизбежной.

Собственно такая война полным ходом шла в соседнем регионе Союза ССР – в Южной Осетии. В мае 1991 г. Советами Национальностей Верховных Советов СССР и РСФСР была создана комиссия по урегулированию конфликта в Южной Осетии во главе с народным депутатом СССР В. Гусевым и народным депутатом РСФСР В. Шуйковым. Члены комиссии практически постоянно с мая 1991 г. находились в зоне конфликта. 15 сентября 1991 г. в обращении к М. С. Горбачеву и Б. Н. Ельцину члены комиссии признали, что «ситуация достигла крайней степени напряженности»[293].

---

[290] ГАРФ, д. 114, л. 1, 3.
[291] Там же. 18, 19.
[292] Там же, оп. 6, д. 314, л. 130, 131.
[293] Там же, д. 318, л. 28.

По сведениям руководства Южной Осетии, к этому времени погибло 233 человека, 143 – пропали без вести, около 90 сел подверглись нападению, многие дома сожжены и разграблены. По состоянию на 15 сентября в Северную Осетию прибыло 53 тысячи человек, в том числе из Южной Осетии – 16,1 тысячи человек, из других районов Грузии – 37 тысяч. По данным МВД Северной Осетии, всего беженцев в республике более 70 тысяч, многие осетины приезжают к своим родственникам в Пригородный район, что «вызывает протесты ингушской стороны»[294].

Комиссия считала, что «непринятие срочных мер может привести к непредсказуемым и неконтролируемым последствиям», тем более что по имеющимся данным только в Цхинвали действовало «около 30 различных вооруженных формирований». Члены комиссии предлагали создать в этом городе полк муниципальной милиции, в случае продолжения блокады Южной Осетии со стороны Грузии «ввести жесткие экономические санкции по отношению к Республике Грузия», образовать межправительственную комиссию СССР, РСФСР и Республики Грузия по урегулированию конфликта, а в Цхинвали и Владикавказе – представительства по оказанию помощи органам управления[295]. И в данной ситуации степень влияния союзных органов власти на обстановку в регионе была крайне ограничена. Однако когда СССР фактически и юридически перестал существовать, исчезли последние сдерживающие факторы, и конфликт, как и в предыдущем случае, перерос в крупномасштабную этническую войну в Грузии.

После прихода к власти в Грузии политического блока «Круглый стол – свободная Грузия», начавшего последовательное осуществление провозглашенных политических и экономических задач по изменению государственного строя Грузинской ССР и ее выхода из состава СССР, гражданская война в Грузии между грузинами и абхазами, грузинами и осетинами стала неизбежной. Об этом неоднократно Совет Национальностей информировал советское руководство.

Политика З. К. Гамсахурдиа не только не способствовала ослаблению межнациональной напряженности, но и еще больше осложняла и обостряла отношения по линии «коренные – национальные меньшинства». К примеру, в феврале 1991 г. председатель Верховного Совета Дагестанской АССР М. Магомедов просил оказать воздействие на грузинское руководство в связи с тяжелым положением более 4 тысяч дагестанцев, «свыше ста лет компактно живущих в трех населенных пунктах Кварельского района Республики Грузия». Причем, как указывал дагестанский руководитель, Гамсахурдиа однозначно заявил, что не гарантирует безопасность проживающих в Грузии дагестанцев и настаивает на их немедленном переселении в Дагестан[296]. Межэтнические противоречия в Грузии, существовавшие в достаточно острой форме и в предшествующие исторические периоды, стремительно перерастали в открытую насильственную фазу межэтнического конфликта.

Схожая ситуация складывалась и в Молдавии. К моменту августовского путча произошел фактический распад республики на почве национального размежевания. Предсе-

---

[294] ГАРФ, л. 28, 29.
[295] Там же, л. 29, 30.
[296] Там же, оп. 10, д. 114, л. 49, 50.

датель самопровозглашенной Приднестровской Молдавской ССР И. Смирнов 8 августа 1991 г. заявил, что «в свете неоднократных публичных высказываний президентом Молдовы М. Снегуром и другими руководителями намерений ни при каких условиях не подписывать Союзный договор» «странной выглядит позиция СССР» перед угрозой «аннексии части СССР – Левобережья Днестра»[297].

С лидером Приднестровья был солидарен председатель Верховного Совета Гагаузской Республики С. М. Топал. 6 августа 1991 г. в своем обращении к Совету Национальностей он заявил, что несмотря на то, что на территории Гагаузской Республики не зафиксировано ни террористических групп, ни вооруженных формирований, а гагаузский народ «занят мирным созидательным трудом», правительство Молдовы, заявляя о «мнимой угрозе» от «террористов из Приднестровья и Гагаузии», «стремится легализовать антиконституционные вооруженные формирования» и «оправдать в глазах общественности их использование против народа Гагаузской Республики»[298].

Руководство Совета Национальностей неоднократно предпринимало попытки завязать диалог с руководителями Молдовы, однако последние пытались уклониться от самой возможности обсуждения ситуации в республике. К примеру, Р. Н. Нишанов в июне 1991 г. в беседе по телефону с председателем Верховного Совета Молдовы А. К. Мошану так и не услышал четкого ответа на вопрос о намерениях молдавского руководства. Мошану заявил, что «никакого стремления у руководства республики к присоединению Молдовы к Румынии нет», однако «вопрос о присоединении к обновленному Союзу... не воспринимается большинством населения, и вероятно потребуется время, чтобы окончательно определиться»[299].

Шансы избежать кровопролития на территории Молдавии были сведены к нулю, после того как союзные власти осенью 1991 г. фактически отказались от попыток урегулировать разрастающийся этнический конфликт. Председатель комитета по межреспубликанским отношениям Совета Республик С. Нирмухамедов 12 декабря 1991 г. в своем обращении к А. Т. Алимжанову заявил, что любые действия союзных властей в отношении Молдавии «будут оценены как вмешательство во внутренние дела Молдовы» и «поощрение к территориальному расчленению Молдовы, усилению националистического движения за присоединение Бессарабии к Румынии, подогреванию территориальных претензий к Украине (Северная Буковина и район Херца)»[300]. Устранение центра развязало руки молдавским националистам и не оставило выбора противоборствующим сторонам.

Руководство Совета Национальностей вынуждено было признать неспособность центральной власти решить спорные проблемы землепользования в Средней Азии. Комиссия Е. Н. Ауэльбекова неоднократно выезжала в Кыргызстан и Таджикистан, проводила встречи и переговоры, однако положительных результатов достигнуто не было. Фактическое землепользование границу изменило, что продолжало вызывать кровопролитные столкновения между населением различных национальностей. Таразевич и

---

[297] ГАРФ, оп. 6, д. 321, л. 142.
[298] Там же, л. 144.
[299] Там же, л. 129.
[300] Там же, л. 151.

Шишов, констатируя бесплодность попыток решить данный вопрос, в апреле 1991 г. сделали вывод о возможности решения его путем «переговоров между республиками»[301].

Главной причиной такого положения, представляется, было стремление консолидированных и окрепших в предшествующие периоды национальных элит союзных республик к самостоятельному контролю над «своими» территориями, ресурсами, в конечном счете, над «своими» народами и государствами. Сепаратизм мощных и сильных национальных элит в условиях экономического кризиса, резкого падения жизненного уровня населения, ослабления контроля центральной власти над всеми без исключения процессами в советском обществе был поддержан со стороны большинства титульных этносов в национальных республиках.

Совет Национальностей, в условиях начавшейся реформы политической системы советской власти сформированный по старому правилу пропорционального представительства от национально-государственных образований, свою деятельность осуществлял в рамках безусловного признания невозможности реформирования национально-государственной иерархии советских народов. Это убеждение служило руководством к действию в повседневной практике Совета Национальностей и не позволяло концептуально признать хотя бы вариативность «социалистического способа решения национального вопроса».

Возраставшее стремление национальных элит к независимости исключало поддержку ими усилий центральных органов власти по ослаблению межнациональной напряженности в стране. «Национальный взрыв» в СССР, сужавший возможности центральной власти в общем процессе реформирования страны, был в интересах национал-сепаратистских сил и объективно вел к распаду страны на пятнадцать национальных анклавов по числу наиболее могущественных национальных элит, законченность и завершенность образования которых укрепляло национально-территориальное членение «единого» Советского Союза на пятнадцать «суверенных национальных образований».

Совет Национальностей Верховного Совета СССР, «копировавший и демонстрировавший» эту особенность иерархической федерации, разделил судьбу великой страны. После августовского путча, в условиях фактического распада страны началась подготовка Внеочередного съезда народных депутатов СССР. Выступая 31 августа 1991 г. на заседании комиссии по подготовке этого съезда, председатель Совета Национальностей Р. Н. Нишанов отмечал, что «подготовка Съезда идет очень плохо, непросто, противоречиво... Очень много неясностей, неразберихи». Есть делегации, продолжал он, «которые заинтересованы в проведении этого съезда и принятии чрезвычайных мер, включая и вопросы обновления Верховного Совета. А есть силы, которые вообще хотели бы игнорировать Съезд и представить в обособленном свете свою республику... Есть отдельные депутаты, которые просто в этой обстановке не хотят нести обязанности депутатов. И в совокупности создается крайне тяжелая обстановка»[302].

Состоявшийся съезд создал две новые палаты: Совет Союза и Совет Республик. Совет Национальностей был преобразован в Совет Республик, что в целом более верно отражало специфику и внутреннюю структуру этого органа. Этот орган был сформирован из

[301] ГАРФ, оп. 10, д. 114, л. 77, 78.
[302] Там же, оп. 6, д. 312, л. 1.

депутатских групп семи республик. Председателем был избран казахский писатель А. Т. Алимжанов, его заместителями стали представители этих республик В. Е. Головнев, У. Б. Баймуратов, Ж. С. Сааданбеков, В. П. Лукин, Р. З. Мирзоев, Я. П. Гундогдыев и А. Р. Атаджанов. Были сформированы 12 комитетов, среди которых уже не было комитета по национальной политике и межнациональным отношениям, зато были комитеты по межреспубликанскому экономическому сотрудничеству, по межреспубликанским отношениям, по вопросам организации и деятельности межреспубликанских органов, а Г. С. Таразевич, являясь координатором депутатской группы от Белоруссии, возглавил комитет по бюджету и финансам[303].

1 ноября 1991 г. на совещании у А. Т. Алимжанова депутат А. Я. Слива констатировал, что «сегодня кончается вторая неделя, как собрался Верховный Совет», а «на сегодняшний день Верховный Совет ни одного значимого действия не совершил ни для людей, ни для республик»[304]. Растерянность членов Совета Республик подтверждала непонимание сути происходящего в стране («первый вопрос – переходный период. Что это означает? Переходный период от бывшего Союза к отсутствию Союза? Или переходный период к другому Союзу?... Куда мы идем?»[305]), а также своего статуса («Совет Республик должен быть органом интеграции республик»[306], «Совет Республик должен поддерживать идею сближения»[307], «Совет Союза должен отмереть, а Совет Республик должен обязательно сохраниться... Это единственная сегодня структура, свободная структура общения народов, свободная трибуна»[308]).

А. Т. Алимжанов иллюзий не питал: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает интересы. Мы хотим выйти за рамки этих интересов и защищаем или обосновываем интересы будущего содружества. Это будет или конфедерация, или сообщество государств»[309]. 3 декабря Верховный Совет начал обсуждать проект договора о Союзе суверенных государств.

После Беловежского соглашения А. Т. Алимжанов успеет дать оценку этим документам, подчеркивая, что в них есть вещи, «которые нельзя принять, ибо они антиконституционны и незаконны»[310].

Незамеченным осталось предложение А. А. Собчака: «Будущему сообществу потребуется представительный орган по типу Европарламента, и здесь Верховному Совету СССР следует обеспечить преемственность на переходный период до выборов в такой «Европарламент»[311]. 26 декабря 1991 г. Совет Республик провел свое последнее заседание в здании Кремля, над которым уже не развевалось государственного флага Советского Союза, и принял декларацию о прекращении существования СССР[312].

---

[303] ГАРФ, л. 70, 71.
[304] Там же, л. 54.
[305] Там же, л. 64.
[306] Там же, л. 63.
[307] Там же, л. 56,
[308] Там же, л. 66.
[309] Там же, л. 68.
[310] Известия. 1991. 13 дек. С. 1.
[311] Там же. 14 дек. С. 1.
[312] Там же. 27 дек. С. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировая история не знает примеров, когда удавалось полностью устранить противоречия между этносами в многонациональном государстве. Все усилия власти создать такой механизм взаимосотрудничества наций, который бы исключал противоречия между ними в самых разных сферах общественной деятельности, приводили в лучшем случае к устранению конфронтации между народами, ослаблению межнациональной напряженности, даже созданию системы мониторинга межэтнических конфликтов. Национальные интересы столь разнородны, что практически исключается возможность их полного совпадения.

Советская власть, поставившая во главу угла примат классового над национальным, с первых дней своего существования была вынуждена заниматься этим «проклятым национальным вопросом». Разрешить его сразу в рамках победы мировой революции и создания мирового союза советских республик, в котором собственно и предполагалось слить все нации в единое человечество и тем самым устранить национальные различия, не удалось.

Провозгласив еще до 1917 г. право наций на самоопределение, отделение и создание своего собственного государства, большевики, не дождавшись победы мировой революции, приступили к строительству социализма в одной стране. Строить новое государство они вынуждены были с обязательным учетом того, что эта страна включила в себя более полутораста радикально различающихся по своему социально-экономическому, политическому и культурному уровню развития этносов.

Декларируя единство прав и братство всех советских народов, большевики в самом начале строительства социализма поставили своей целью достижение фактического равенства наций при социализме. Главным средством достижения этого стало использование ресурсов государствообразующего русского этноса, «вынужденного», по мнению коммунистических идеологов, «отдавать свой долг за многовековое угнетение нерусских народов». Нейтрализовав вероятность сопротивления коммунистическому эксперименту со стороны самого многочисленного народа страны «обязательностью помощи ранее угнетенным народам», советская власть получала возможность беспрепятственно строить социализм «в одной отдельно взятой стране».

Для практического решения национального вопроса в рамках созданного Советского Союза большевики начали строительство иерархической федерации, наделив этносы разными правами на различные формы национально-государственного определения – от национального района до союзной республики. Провозглашенное в партийных документах и Конституциях СССР «равноправие наций» на деле перестало существовать. В условиях привилегированного положения «титульных наций» соответствующих республик по

сравнению с инонациональными группами и при иерархическом статусе самих национально-территориальных образований достижение равноправия наций и устранение межнациональных противоречий стало крайне проблематичной перспективой.

Материальные и духовные интересы каждого советского народа удовлетворялись отнюдь не в равной мере. Границы между республиками, несмотря на усиление подвижности населения в СССР, не теряли своего значения, тем более что власть постоянно декларировала тезис об укреплении суверенитета и расцвете наций. В целом это было трудно соотносимо, если не противоречило, с декларацией о том, что в стране происходит «дальнейшее сближение наций и достижение их полного единства».

В конце 1930-х годов идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы и стали одной из причин, обусловивших жестокость репрессий против тех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «капиталистического враждебного окружения».

Несмотря на значительное продвижение советского общества по пути преодоления фактического неравенства национальностей, перед Великой Отечественной войной достичь равенства не удалось. Более того, годы советской власти породили новое неравенство, к примеру, диспропорции в представленности национальностей в советском руководстве, что не отвечало тенденции укрепления единства и консолидации народов Советского Союза.

Изначально ошибочные установки национальной политики, обусловившие пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории, к роли русского народа в межнациональных отношениях, в незавершенности процесса консолидации народов СССР в единый советский народ стали одной из причин тяжелых поражений Красной Армии в начале Великой Отечественной войны, что заставило советское руководство перейти на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов. В идеологической области в годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства всех народов страны, при объективно и во все большей мере возраставшей роли русского народа.

Трагическим наследием войны стала депортация ряда советских народов в Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. Осуществленная главным образом по соображениям военно-стратегического характера, депортация народов осложнила межнациональную ситуацию в стране в целом, обеспечив на весь оставшийся советский период истории конфликтность в местах депортации и ссылки.

Победа в Великой войне, ликвидировав угрозу геноцида народов СССР, пробудила в них чувство национальной гордости. Власть, объяснив победу «морально-политическим единством советского народа», вынуждена была признать одним из факторов победы патриотизм русского народа, его стойкий характер и терпение, готовность идти на жертвы. Это способствовало в то же время тому, что в послевоенный период сталинская внешняя и внутренняя политика стала приобретать среди прочего и элементы русского национализма и великодержавия.

Начавшаяся «холодная война» заставила власть вернуть «классовый поход» в идеологическом воспитании масс в духе советского патриотизма, борьбы с низкопоклонством перед Западом, космополитизмом, сионизмом, буржуазным национализмом. Заметно выраженный антисемитский характер проводимой государством в конце 1940-х гг. идеологической линии, серьезно осложнявший и без того непростые отношения между советскими этносами, имел скорее всего объективный характер, поскольку евреи были представлены значительно большим, нежели другие национальности, удельным весом в составе подвергшейся государственному давлению советской интеллигенции и активно участвовали в этой кампании в качестве как ее «жертв», так и «судей».

В последние годы жизни И. В. Сталина, как и в первый период после его смерти, национальный фактор зачастую выступал как средство в политической борьбе за власть в Советском Союзе. Инициативы Л. П. Берия в национальной области, направленные на достижение единоличной власти в послесталинском СССР, способствовали резкому всплеску межнациональных трений и росту антирусских настроений в западной и других частях страны. Первые меры в национальной области, в частности передача Крыма из состава РСФСР в состав Украины, предпринятые новым лидером страны Н. С. Хрущевым по большему счету по той же причине, также оказали негативное воздействие на развитие межнациональных отношений.

Половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав выселенным народам привел к значительному обострению межнациональных отношений в тех местах, где в результате депортации народов и перемещения на освободившиеся места преимущественно русского населения существенно была изменена национальная структура, прежде всего на Северном Кавказе, и породил национальные движения тех народов, автономии которых не были восстановлены и им не было разрешено вернуться на прежнее местожительство. Вновь власть была вынуждена отвечать на требования этносов об изменении национально-государственного статуса народов, а также «этнических» границ и дележа «земель предков».

Власть же вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и соответствующего реформирования национально-государственного устройства СССР в очередной раз обратилась к утопическим проектам «полного и окончательного решения национального вопроса», усматривая в форсированной ломке национальных перегородок, стирании национальных противоречий, ассимиляции наций в «советском народе» путь к безнациональному обществу и избавлению от «проклятого национального вопроса».

Новая историческая общность людей, упрочение которой рассматривалось в период «развитого социализма» главной целью государственной национальной политики, была не только результатом советского мифотворчества, но и обладала реально существующими признаками. Единое хозяйство, единая школа, единая армия, язык межнационального общения, рост числа этнически смешанных браков многократно усиливали «советскость» населения СССР. Однако советский народ в соответствии с Конституцией 1977 г. представал «разрезанным» на различные, отличающиеся по степени «советскости», «суверенные» части, а «титульные» и «нетитульные» народы, коренное и инонациональное население, национальные большинства и меньшинства имели и разные возможности для реализации

своих жизненных интересов. Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных образований» и вызывал среди разных народов естественное стремление к выравниванию или повышению своего «государственного» статуса, а то и к обретению такового.

Межнациональные трения усиливались и в связи с сохранением и даже в некоторых случаях ростом фактического неравенства между советскими этносами, неразрешенностью депортационно-реабилитационных противоречий, территориальных споров и исторических конфликтов на территории СССР. Вопреки устоявшемуся мнению, противоречия в национальной сфере в период «развитого социализма» довольно часто выходили из латентного состояния и переходили в активную фазу межэтнических конфликтов.

Власть и оппозиционные ей движения (как национальные движения крымских татар и советских немцев, так и диссиденты) не сумели выдвинуть позитивной программы решения национального вопроса в Советском Союзе, замыкая все возможные варианты его решения в рамки пресловутой схемы «наделения-ненаделения этносов своей государственностью» (выходя из этого порочного тупика, некоторые этносы могли лишь склониться в сторону массовой эмиграции из страны).

Власть отвергала идеи экстерриториальной автономии, национальные движения игнорировали реальные изменения в национальной жизни страны и упорно стремились к восстановлению приоритета своих прав на бывших территориях упраздненных автономий. Закономерно, что когда власть и этнос все же были близки к достижению компромисса в национально-государственной сфере, как это было в случае с созданием немецкой автономии в Казахстане, это оборачивалось резким возрастанием межнациональной напряженности и образованием нового этноконфликта на карте Советского Союза.

В усилении дезинтеграционных процессов в стране были заинтересованы многочисленные национальные кланы в различных советских национально-государственных образованиях, национализм и сепаратизм которых объективно и невольно подкреплялся центральной властью, стремившейся предоставлением различных льгот и привилегий укрепившимся у власти на местах национальным элитам сохранить свое господствующее положение в центре.

Национальным элитам в условиях стремительно развивавшегося системного кризиса в СССР в период так называемой перестройки не составило труда недовольство этносов своим экономическим, социальным, политическим положением облечь в национальную форму и направить по пути превращения своих «суверенных» союзных республик в независимые государства и окончательно на их территориях установить приоритет «титульных этносов».

Россия, наследовавшая «советскую» форму национально-государственного устройства и в силу исторических причин оказавшаяся единственным государством на постсоветских просторах, где не был установлен приоритет государствообразующего русского этноса, столкнулась с подобными явлениями на территориях своих автономий, логика «установления своего суверенитета» титульными этносами которых неизбежно привела к нараста-

нию межнациональных противоречий теперь уже в рамках независимой Российской Федерации.

Совет Национальностей Верховного Совета СССР, единственный конституционный государственный орган власти, призванный отображать полиэтничную структуру Советского Союза и проводить в жизнь политику с учетом национального разнообразия страны, имел крайне ограниченные возможности влиять на межнациональную ситуацию в государстве. Прежде всего это связано со спецификой представительной власти в стране, призванной самим фактом своего существования декларировать тезис об общенародном характере советского государства и наличии системы разделения ветвей власти при социализме. В лучшем случае господствующая партийная элита допускала соучастие представительной власти в выработке управленческих решений (решения, к примеру, о снятии с режима спецпоселений готовили бригады, составленные из представителей ЦК КПСС, Верховного Совета, органов КГБ и МВД), либо, учитывая сессионный характер деятельности Совета Союза и Совета Национальностей, предоставляла им право формально утвердить эти решения, в том числе госбюджет, на проходящих два раза в год сессиях Верховного Совета.

В деятельности создаваемых в Совете Национальностей постоянных комиссий, призванных вырабатывать законопроекты, наблюдалось дублирование деятельности аналогичных комиссий Совета Союза. Несмотря на призывы депутатов учитывать национальные особенности населяющих страну народов, национальный аспект возникал чаще всего при обсуждении вопросов развития национальных языков, борьбы с пережитками родового быта. Хотя продуктивность деятельности этого органа власти была невысокой, в глазах советских людей различных национальностей он представал как та государственная структура, в компетенции которой находятся вопросы регулирования межнационального взаимодействия. Об этом свидетельствуют апелляции к Совету Национальностей со стороны представителей депортированных народов с просьбами о реабилитации, жалобы из национальных республик по самым различным аспектам межнациональных отношений, предложения об изменении языкового режима и т.д.

Порядок выборов и структура Совета Национальностей подтверждала и демонстрировала иерархичность советской федерации. Все, хотя и немногочисленные, попытки реформировать этот орган заканчивались предложениями увеличить представительство от определенных национально-государственных образований, также не были реализованы. Эти попытки не выходили за рамки представлений о совершенности самой системы представительства интересов этносов в Совете Национальностей, при которой народы, лишенные национально-государственного статуса, не имели возможности быть избранными в его состав, а также иерархического принципа строения самой федерации. Не случайно проблема законодательного оформления прав такого рода национально-государственных образований, как автономная область или национальный округ, находящаяся в поле внимания Совета Национальностей с 1946 г., так и не была разрешена, поскольку при пристальном ее рассмотрении вставали вопросы о логичности и оправданности всей существующей иерархической системы советских национально-государственных образований.

Возможность оправдать свое предназначение Совету Национальностей была представлена в 1989–1991 гг., когда центр власти в СССР сместился от партийных структур к советским и была предпринята попытка наполнить реальным содержанием лозунг о народовластии Советов всех уровней. В этот период Совет Национальностей и его комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям превратились в центр по координации национальной политики в рамках многонационального государства. В условиях нарастающего всеобъемлющего кризиса Советского Союза, входящего к тому же в полосу своего распада и демонтажа, деятельность Совета Национальностей объективно была сведена к «тушению пожаров на национальной почве». Неизбежность неудач на этом пути обусловлена была не только стремительностью дезинтеграционных процессов, но и решительным отказом Совета Национальностей обсуждать альтернативные существующему иерархическому национально-государственному устройству варианты.

Решимость «восстановить историческую справедливость в национальном вопросе» в форме воссоздания, к примеру, немецкой автономии на Волге, с неизбежностью приводила к возрастанию национальной напряженности и отнюдь не способствовала возникновению национального мира в государстве. Советская форма решения национального вопроса в виде сложной иерархической системы национально-государственного и административного устройства, несмотря на все попытки ее усовершенствовать и спасти, неуклонно вела к разрезанию советской федерации по линиям и границам, очерченным советской властью в значительной степени произвольно. Прекращение деятельности Совета Национальностей и распад советского пространства на пятнадцать частей, в рамках которых продолжилось строительство новых постсоветских государств, выглядело нежеланным, но объективно неизбежным процессом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Безбородов А. Б., Мейер М. М., Пивовар Е. И. Материалы по истории правозащитного движения в СССР 50 – 80-х годов. М., 1994.

Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М., 1997.

Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.

Борщаговский А. Записки баловня судьбы. М., 1991.

Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. М., 2002.

Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992.

Бугай Н. Ф. Прибалтика: депортация народов: (документы, факты, комментарии). М., 2002.

Бугай Н. Ф. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1993.

Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М., 2002.

Викулов С. В. На русском направлении: Записки главного редактора «Нашего современника» (1970–1980 годы). М., 2002.

В. И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике [1894–1923]. М., 1989.

В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. 3-е изд. М., 1985.

В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999.

Вовси-Михоэлс Н. Мой отец Соломон Михоэлс: Воспоминания о жизни и гибели. М., 1997.

Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40-50-е гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 166–177.

Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2 кн. М., 1995.

Горбачев – Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М., 1992.

Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В. И. Ивкин. М., 1999.

Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина: Мемуары. М., 1993.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960: Сборник документов / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000.

XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3, 4, 5.

Декреты Советской власти. М., 1957–1986. Т. 1–14.

Депортации карачаевцев: Документы рассказывают. Черкесск, 1997.

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы): Док. источники ЦГАОР СССР. М., 1992.

Документы и материалы о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР // Исторический архив. 1992. № 1.

Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948: Документированная история. М., 1996.

Из истории создания программ КПСС (информационная справка) // Известия ЦК КПСС. № 3.

Исаков В. Б. Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз: хроника, документы. М., 1998.

История российских немцев в документах. М., 1999.

История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957.

К союзу суверенных народов: Сб. документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. М. 1991.

Кара-Мурза С. Г. «Совок» вспоминает. М., 2002.

Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943–1957. Документы и материалы. Черкесск, 1993.

Комарова Г. А. Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год. М., 1994.

Комарова Г. А. Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год. М., 1997.

Комарова Г. А. Хроника межнациональных конфликтов в России 1991 года. М., 1994.

Кравчук Л. М. Последние дни империи. Первые годы надежды. Киев, 1994.

Красное или белое? (Драма августа-91: факты, гипотезы, столкновение мнений). М., 1992.

Крымско-татарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.

Кунаев Д. О моем времени. Алма-Ата, 1992.

Кунаев Д. От Сталина к Горбачеву. Алматы, 1994.

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия: Книга воспоминаний и размышлений: В 2 кн. М., 2001.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

«Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990.

Лукьянов А. И. В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999.

Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

Материалы пленума ЦК КПСС. 19–20 сентября 1989 г. М., 1989.

Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.

Милова О. Л. Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 1. Документальные источники ЦГАОР СССР. М., 1992; Часть 2. Депортация немцев (сент. 1941–февр. 1942 гг.). М., 1995.

Мухитдинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995.

Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник. СПб., 1999.

Национальные отношения. Отечественные и международные правовые документы. М., 1998.

Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001.

Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стеногр. судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994.

Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985 – 2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004.

Под маской ненависти: Документы о вооруженном националистическом подполье в Латвии 40–50-е гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 112–123.

Рапопорт Я. М. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 г. М., 1988.

Реабилитация народов и граждан. 1954–1994: Документы. М., 1994.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1.

Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2000.

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1991.

Россия и Чечня (1990–1997 гг.): Документы свидетельствуют. М., 1997.

Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992.

Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.

Солоухин В. А. Последняя ступень (Исповедь вашего современника). М., 1995.

Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995.

Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Элиста, 1993.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1951.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М., 1997.

Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Репрессированные народы сегодня: Художественно-документальный сборник: В 3 т. М., 1993.

Усубалиев Т. У. Эпоха. Созидание. Судьбы. Бишкек, 1995.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (Воспоминания): В 4 кн. М., 1999.

Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997.

Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993.

Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001.

Шеварднадзе Э. А. Мой выбор: В защиту демократии и свободы. М., 1991.

Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994.

Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001.

Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. Ярославль, 1994.

Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2002.

Литература

Абдулатипов Р. Г. Этнополитология. СПб., 2004.

Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное обустройство России. М., 2000.

Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. В 3 кн. М., 1992.

Авторханов А. Империя Кремля: Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 2001.

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Аманжолова Д. А. Изучение национальной политики // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

Амелин В. В. Вызовы мобилизованной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.

Аяцков Д. Ф. Российский федерализм: исторический опыт и современные проблемы. Саратов, 1999.

Багдасарян А. М. Экономическое выравнивание союзных республик в процессе социалистического строительства. Ростов н/Д, 1973.

Барсамов В. А. Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты (десять лет в поисках антикризисной модели). М., 1997.

Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002.

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002. М., 2003.

Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М., 1993.

Басалай А. А. Развитие наций и их взаимоотношений в СССР. Ч. 1. М., 1998; Ч. 2. М., 1999.

Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. М., 1990.

Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996.

Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. 1917–1971. М., 1973.

Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. М., 1971.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002.

Бугай Н. Ф. Депортация народов – репрессивная мера государственной политики в сфере национальных отношений // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

Бугай Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996.

Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М., 1995.

Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002.

Бугай Н. Ф., Броев Т. М., Броев Р. М. Советские курды: время перемен. М., 1993.

Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.

Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (О депортации греков в 1930–1950 годы). М., 1998.

Бурмистрова Т. Ю. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917–1984. СПб., 1993.

Валентей С. Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998.

Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994.

Вдовин А. И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995 (2-е изд. М., 1996).

Вдовин А. И. Российский федерализм и русский вопрос. М., 2001.

Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3.

Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

Велиев Т. С. Выравнивание уровней экономического развития советских республик. М., 1973.

Волков В. К. Этноменклатура и распад государства. СССР и Югославия // Свободная мысль–XXI. 2000. № 9.

Волобуев О. В., Кулешов С. В. Русский вопрос в имперском и постимперском контурах // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России: Сб. статей. К 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 39–62.

Гейзер М. М. Михоэлс: Жизнь и смерть. М., 1998.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти [1917 – 1985]. М., 2000.

Герман А. А., Плеве И. Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов, 2002.

Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М., 1998.

Грошев И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967.

Грошев И. И. Сущность национальной политики КПСС. М., 1982.

Губогло М. И. Языки этнической мобилизации. М., 1998.

Губогло М. И. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы. М., 2002.

Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М., 2001.

Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998.

Долгов В. М. Национальная политика // Политология для юристов. М., 1999. С. 715–730.

Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: Актуальные проблемы теории, истории и современной практики. СПб, 1995.

Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.

Есаков В. Д., Левина Е. С. Дело «КР»: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.

Здравомыслов А. Г. Релятивистская теория нации // Свободная мысль. 1999. № 1. С. 64–78.

Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса. Статьи и доклады 90-х годов. М., 1999.

Здравомыслов А. Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.

Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социс. 1991. № 1.

Златопольский Д. Л. Разрушение СССР (Размышления о проблеме). М., 1998.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945 – 1953 гг. М., 2000.

Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменности народов СССР). М., 1979.

История национально-государственного строительства в СССР: 1917–1978: В 2 т. 3-е изд. М., 1979.

Исупов А. А. Национальный состав населения СССР: По итогам переписи 1959 г. М., 1964.

К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 86–98.

Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983.

Каммари М. Д. В.И. Ленин об основных закономерностях развития наций // Вопросы философии. 1960. № 4.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997.

Кара-Мурза С. Г. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М., 2002.

Кириков В. М. Стратегия развития северных этносов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 1999.

Кожинов В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

Козлов В. И. История трагедии великого народа. Русский вопрос. М., 1996.

Козлов В. И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1975.

Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм: Сущность и проблематика. М., 1999.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994.

Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты. М., 1999.

Кортунов А. В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993.

Костырченко Г. В. «Дело врачей»: мифы и реальность // Тр. Института российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2. С. 354–385.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в послевоенное сталинское десятилетие. М., 1994.

Костырченко Г. В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, финал: В 2 т. М., 1997. Т. 2.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М., 2003.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980.

Кулешов С. В. Советская национальная политика: Интернационализм в тоталитаристском обществе (1945–1991) // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. М., 2002. Т. 2.

Кулешов С. В., Свириденко Ю. Р. Национальная политика КПСС в освещении современной советской историографии и буржуазной советологии. М., 1987.

Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.

Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс. М., 1983.

Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981.

Лежава Г. П. Абхазия: анатомия межнациональной напряженности. М., 1999.

Лепешкин А. И. Советский федерализм: Теория и практика. М., 1977.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М., 2002.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М., 2001.

Малиновский А. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.

Мининберг Л. Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период второй мировой войны (1941–1945 гг.): Очерки. М., 1995.

Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953 – 1985 годы. М., 2003.

Мнацаканян М. О. Этносоциология: нация, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998.

Молчанов А. И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до Беловежской пущи. Белгород, Харьков, 1997.

Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Сб. статей. Майкоп, 1997.

Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003.

Нарочницкая Н. А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (Политические теории и опыт Запада). М., 2000.

Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. М., 2000; Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001.

Национальная политика России: История и современность. М., 1997.

Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999.

Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977.

Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик. М., 1986.

Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 30–33.

Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

Никитин Н. П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР. Л., 1979.

Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976.

Осипов А. Г. Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. М., 1999.

Основные направления в изучении национальных отношений в СССР. М., 1979.

Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001.

Петрова Н. К. Кремль и «дело ЕАК» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 329–358.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. Новосибирск, 2000.

Платонов О. А. Терновый венец России: История русского народа в XX веке. В 2 т. М., 1997.

Плохотнюк Т. Н. Советские немцы на Северном Кавказе. М., 2001.

Подберезкин А. И. Русский путь. 4-е изд. М., 1999.

Полян П. М. Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 265–276.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Помогаев В. В. Украинский национализм после второй мировой войны. Маски и лицо. Тамбов, 2000.

Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.

Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы. Томск, 2002.

Развитие советского народа – новой исторической общности людей. М., 1980.

Разделит ли Россия участь Союза ССР? (Кризис межнациональных отношений и федеральная национальная политика). М., 1993.

Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999.

Репрессированные народы: история и современность. Нальчик, 1994.

Ресурсы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.

Римаренко Ю. И. Перестройка межнациональных отношений в СССР: Уроки прошлого, противоречия, обновление, перестройка. Киев, 1991.

Романенко С. А. История и историки в межнациональных конфликтах в конце XX в. Почему и как возрождается сознание «закрытого» общества. М., 1997.

Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992.

Руткевич М. Н. О двух концепциях нации // Свободная мысль–XXI. 1999. № 11. С. 90–100.

Руткевич М. Н. Теория нации: философские проблемы // Вопросы философии. 1999. № 5.

Рыбаков С. Е. Нация и национализм. М., 2001.

Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. М., 2000.

Семанов С. Н. Брежнев – правитель «золотого века». М., 2002.

Семанов С. Н. Юрий Андропов. М., 2003.

Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Смирнов А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001.

Смолянский В. Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985–1992 гг.). Улан-Удэ, 1996.

Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие. М., 1975.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2001.

Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995.

Станкевич З. А. История крушения СССР. М., 2001.

Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы к изучению случаев. СПб., 1999.

Тавадов Г. Т. Этнология. Словарь-справочник. М., 1998.

Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тишков В. А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Тишков В. А. Феномен сепаратизма // Федерализм. 1999. № 3. С. 5–32.

Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002.

Торукало В. П. Нация: история и современность. М., 1996.

Убушаев Р. В. Калмыки: Выселение и возвращение. Элиста, 1991.

Уваров А. Т. Русское национальное самосознание (Современный взгляд). М., 1998.

Уварова Т. Б. Этнонациональные проблемы народов СССР и России в освещении этнографической периодики (конец 1980-х – начало 1990-х годов) // Россия и современный мир. 1994. № 1.

Уралов А. (Авторханов А.). Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М., 1991.

Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. 2-е изд. М., 1982.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

Хоскинг Дж. Россия и русские. М., 2003. Кн. 2.

Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...»: Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999.

Царевская Т. В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2.

Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992 –...): его предыстория и факторы развития: Историко-социологический очерк. М., 1998.

Черняк Э. В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993.

Чешко С. В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 1996. 2-е изд. М., 2000.

Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993.

Что нужно знать о народах России: Справочник для государственных служащих. М., 1999.

Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999.

Шаститко П. М. Обреченные догмы: Большевизм и национальный вопрос. М., 2002.

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003.

Шафаревич И. Р. Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью. М., 2000.

Шейнис З. Провокация века: Расстрелянный Наркоминдел. Холодный погром на Путинках. Новое о "деле врачей". М., 1992.

Шубин А. В. От застоя к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001.

Шурыгин Е. И. Осуществление КПСС ленинской национальной политики в послевоенный период (1945–1958). Ростов н/Д, 1971.

Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994.

Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Этнос и политика: Хрестоматия / Автор-составитель А. Празаускас. М., 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ГЛАВА 1

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР:
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС И РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (1945-1991) 26

1.1. Совет Национальностей Верховного Совета СССР в системе государственных органов по управлению межнациональными отношениями в стране 26

1.2. Представительная власть в СССР: выборы или назначение? 31

1.3. Порядок формирования Совета Национальностей Верховного Совета СССР как отражение иерархической советской федерации 37

1.4. Организационная структура Совета Национальностей Верховного Совета СССР 43

1.5. Роль постоянных комиссий Совета Национальностей в решении вопросов в сфере межнациональных отношений 46

ГЛАВА 2

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1945–1953) 57

2.1. Депортация народов – метод решения национального вопроса и превентивная военно-стратегическая мера 61

2.2. Переселение в СССР как фактор усложнения национальной структуры и обострения межнациональных отношений в стране 74

2.3. Преодоление буржуазного национализма: его особенности и влияние на общественную жизнь в стране 79

2.4. Борьба с космополитизмом, антипатриотизмом, еврейским национализмом и сионизмом 88

2.5. Религиозные и бытовые пережитки в СССР и их влияние на межнациональные отношения 105

2.6. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период 110

2.7. Проблемы малых народов и их национально-территориальных образований 115

ГЛАВА 3

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
В «ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ» (1953 – 1964) 121

3.1. Инициативы Л.П. Берия в национальной области весной –летом 1953 года 125

3.2. Реформирование спецпоселенческой системы и его влияние на межнациональную ситуацию в Советском Союзе 136

3.3. Реабилитация депортированных народов: непоследовательность

и противоречивость процесса (конец 1956 – 1957) 144
3.4. Обострение межнациональных отношений в ходе реабилитации ряда «наказанных народов» 150
3.5. Рождение национальных движений советских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и их борьба за полную реабилитацию 156
3.6. Проблемы национально-государственного статуса народов в советской федерации 165
3.7. Национальные движения в Прибалтике (конец 1950 – начало 1960-х годов) 171
3.8. «Интернационализация» в сфере национально-языкового строительства в СССР 177

ГЛАВА 4

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» (1965 – 1985) 186
4.1. Борьба крымских татар, турок-месхетинцев, советских немцев, курдов за свои национальные права 195
4.2. Еврейское национальное движение и его эволюция в рамках «новой исторической общности» 209
4.3. Межэтнические конфликты на Кавказе и их воздействие на процесс развития «советского народа как новой исторической общности» 216
4.4. Складывание национальных кланов в республиках и их влияние на межнациональные отношения в стране 225
4.5. Рост межобщинных противоречий в национальных республиках – характерная черта «развитого социализма» 230
4.6. Национально-языковые проблемы «развитого социализма» 237
4.7. Проблемы статуса и места национально-территориальных автономий в советской иерархической федерации 245
4.8. Вопросы неравенства в отношениях между республиками в период «роста единства советского народа как новой исторической общности людей» 248

ГЛАВА 5

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1985–1989) 257
5.1. Курс на ускорение социально-экономического развития страны и нарастание межнациональных противоречий (1985–1987) 259
5.2. Превращение национального фактора в одну из главных проблем политической жизни СССР (1988 – первая половина 1989) 268

ГЛАВА 6

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ» И РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1989 – 1991) 287

6.1. Обострение национальных проблем в СССР во второй половине 1989 г. и «новый» Совет Национальностей 287

6.2. Совет Национальностей в условиях попыток обновления федерации и создания нового союзного договора в 1990 году 304

6.3. Деятельность Совета Национальностей в период распада многонационального Советского Союза в 1991 году 322

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 345

Библиографический список 351

Научное издание

Мякшев Анатолий Павлович

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1945–1991)

Под редакцией профессора *В. Н. Данилова*

Редактор *И. В. Дараева*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректоры *И. В. Книгина, Г. А. Рогова*
Компьютерная верстка *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 18.05.2004. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Классик Рашн.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,16 (22,75). Уч.-изд. л. 28,76. Тираж 500.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.